

СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2075-2067
eISSN 2409-9163

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)**

16 • 6 • 2023

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2023 год Том 16 Выпуск 6

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
ЮРГПУ(НПИ)
г. Новочеркасск, Россия
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Тематика номера:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067
eISSN № 2409-9163

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.12.2023 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2023 год Том 16 Выпуск 6

Содержание

Contents

**Теоретическая
и прикладная социология**

**Theoretical
and Applied Sociology**

Бедрик А. В., Чикарова Г. И.
Диаспоры в субъектном пространстве
русской национальной политики
(на примере Ростовской области).....7

Bedrik A. V., Chikarova G. I.
Diasporas in the Subject Space
of Russian National Policy (on the Example
of the Rostov Region).....7

Васильев Я. Ю.
Провокативное действие
и самоосуществляющийся прогноз.....15

Vasiliev Y. Yu.
Provocative Action and
Self-Fulfilling Prediction.....15

Гринченко Е. А.
Социальные оценки в политическом
управлении.....25

Grinchenko E. A.
Social Assessments in Political
Management.....25

Гусейнова К. Э.
Социальное пространство регионов как
фактор регулирования социальных
неравенств: качественный
и количественный подход.....34

Guseynova K. E.
The Social Space of the Regions
as a Factor in Regulating Social
Inequalities: Qualitative and
Quantitative Approach.....34

Демьяненко В. И.
Региональное развитие как процесс
и результат в социологии управления.....51

Demyanenko V. I.
Regional Development as a Process and
Result in the Sociology of Management.....51

Зеленый А. Н.
Местное самоуправление, муниципальное
управление и управление

Zeleny A. N.
Local Self-Government, Municipal
Administration and Municipal

муниципальным образованием: концептуализация понятий.....	63	Education Management: Conceptualization of Concepts.....	63
Рудковская А. Л. Ключевые показатели как фактор имитации эффективности муниципального управления.....	71	Rudkovskaya A. L. Key Indicators as a Factor in Imitating the Efficiency of Municipal Governance.....	71
Чистяков А. В., Самыгин С. И., Бохан К. А. Влияние интернет-зависимости на специфику девиантного поведения молодежи.....	81	Chistyakov A. V., Samygin S. I., Bokhan K. A. Internet Addiction as a Variant of Deviant Behavior of Young People in the Era of Digitalization.....	81
Аниканова Н. А., Хурина К. Р. Формирование условий обучения для детей с нарушениями речи.....	94	Anikanova N. A., Khurina K. R. Creation of Special Conditions for Children with Severe Speech Impairments in a Modern School.....	94

Экономика и управление

Economics and Management

Глазунова В. В. Оценка социально-экономической эффективности проектов государственно- частного партнерства (на примере проекта по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр»).....	102	Glazunova V. V. Assessment of the Socio-Economic Efficiency of Public-Private Partnership Projects (on the Example of the Project for the Construction of «The Western High-Speed Diameter Highway»).....	102
Долматова Л. Г. Вопросы совершенствования схем территориального размещения крестьянских (фермерских) хозяйств с учётом экономики региона.....	117	Dolmatova L. G. Issues of Improving Territorial Schemes Location of Peasant (Farm) Farms Considering the Regional Economy.....	117
Колотовкина П. Д., Вегнер-Козлова Е. О. Систематизация причин изменения климата с точки зрения климатической повестки.....	124	Kolotovkina P. D., Wegner-Kozlova E. O. Systematization of the Causes of Climate Change from the Point of View of the Climate Agenda.....	124
Литвинова Т. Н., Земскова О. М., Тихомиров К. Ю. Цифровизация сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России.....	140	Litvinova T. N., Zemskova O. M., Tikhomirov K. Yu. Digitalization of Agriculture in Support of Russia's Food Security.....	140
Казанин А. Г., Череповицын А. Е. Роль стратегического анализа при оценке перспектив развития проектов в газовой отрасли.....	153	Kazanin A. G., Cherepovitsyn A. E. The Role of Strategic Analysis in Assessing Project Development Prospects in the Gas Industry.....	153

Шумская Е. Н. Роль и место стратегического менеджмента в устойчивом развитии предприятия.....168	Shumskaya E. N. Strategic Management as an Important Direction of Enterprise Development.....168
Философская инноватика	Philosophical Innovation
Волохова Е. В., Любченко В. С., Маслова Ю. В., Потенциал традиционных ценностей для консолидации современного российского общества.....179	Volokhova E. V., Lyubchenko V. S., Maslova Yu. V., The Potential of Traditional Values for the Consolidation of Modern Russian Society.....179
Керимов О. Ю. Социально-политический конструктивизм: методологические особенности исследования процессов модернизации.....189	Kerimov O. Yu. Socio-Political Constructivism: Methodological Features of the Study of Modernization Processes.....189
Любченко В. С., Молоканов А. А. Социокультурная природа здоровья: проблема баланса компонентов.....199	Lyubchenko V. S., Molokanov A. A. Sociocultural Nature of Health: The Problem of Balance of Components.....199
Малахаткин Е. О. Между пацифизмом и милитаризмом: русские философы о нравственном трагизме войны.....211	Malakhatkin E. O. Between Pacifism and Militarism: Russian Philosophers About the Moral Tragedy of War.....211
Петрулевич И. А. Динамика ценностных смыслов в социокультурном пространстве современной России: трансформация понятия успеха.....223	Petrulevich I. A. Dynamics of Value Meanings in the Socio-Cultural Space of Modern Russia: Transformation of the Concept of Success.....223
Пичко Н. С., Лясковская Е. М. Социально-философский анализ изменений института власти: традиционный подход.....231	Pichko N. S., Lyaskovskaya E. M. Socio-Philosophical Analysis of Changes in the Institution of Power: the Traditional Approach.....231
Рыковская Л. А. Гендерная культура как биполярная система.....239	Rykovskova L. A. Gender Culture as a Bipolar System.....239
Снежко Г. Е. Многовариантность модусов времени в процессах формирования темпоральных стратегий личности.....246	Snezhko G. E. The Multivariance of Time Modes in the Processes of Formation of Temporal Strategies of Personality.....246

Трунов А. А., Дагаев Р. Р. Традиции и новации в философском осмыслении идеологии.....255	Trunov A. A., Dagaev R. R. Traditions and Innovations in the Philosophical Understanding of Ideology.....255
Шаровара К. А. Методология цивилизационного анализа в социально-философском исследовании.....266	Sharovara K. A. Methodology of Civilizational Analysis in Socio-Philosophical Research.....266
Актуальные проблемы высшей школы	Actual Problems of Higher Education
Бельчик Т. А., Попкова Е. Г. Конкурентоспособность университетов и престижность высшего образования с позиций теории потребительского поведения.....275	Belchik T. A., Popkova E. G. Competitiveness of Universities and the Prestige of Higher Education from the Point of the Theory of Consumer Behavior.....275
Богданова О. В. Институциональные ограничения интенсификации распространения менеджеристских практик в форме дополнительного образования в российских университетах.....293	Bogdanova O. V. Institutional Limitations of the Intensification of the Dissemination of Managerial Practices in the Form of Additional Education in Russian Universities.....293
Павлов П. В. Цифровые технологии и бюрократические практики в системе высшего образования.....302	Pavlov P. V. Digital Technologies and Bureaucratic Practices in the Higher Education System.....302
Ракитина И. С. Количественные показатели эффективности управления университетами в фокусе социологического дискурса.....309	Rakitina I. S. Quantitative Indicators of University Management Efficiency in the Focus of Sociological Discourse.....309
Черных С. С. Академическое лидерство в контексте интеллектуального развития молодежи....321	Chernykh S. S. Academic Leadership in the Context of Intellectual Development of Youth.....321

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 323.113

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-7-14

ДИАСПОРЫ В СУБЪЕКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Андрей Владимирович Бедрик¹, Галина Игоревна Чикарова²✉

^{1, 2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

¹avbedrik@sfsu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID РИНЦ: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²chikarova@sfsu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7499-5472, AuthorID РИНЦ: 947628

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении субъектного профиля гражданской вектора государственной национальной политики на региональном уровне, а также в определении индикаторов и уровня социальной субъектности диаспорных гражданских институций Ростовской области.

Методы исследования. Исследование основано на неинституциональной методологии, а также теоретических положениях теории социального капитала и теории социальных симулякров. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса, а также результаты глубинных интервью.

Результаты исследования. Выявлен существенный институциональный потенциал диаспорных сообществ и целый ряд рисков, препятствующих полноценной реализации приоритетов государственной национальной политики в РФ. Исследованы диаспоры в контексте российской национальной политики в Ростовской области. Осуществлена типология диаспорных гражданских институтов.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть использованы при планировании мероприятий государственной национальной политики на предстоящий исторический период в условиях подготовки к 2025 году новой редакции Стратегии государственной национальной политики России.

Ключевые слова: диаспоры, диаспорные сообщества, государственная национальная политика, гражданские институты, Ростовская область

Для цитирования: Бедрик А. В., Чикарова Г. И. Диаспоры в субъектном пространстве российской национальной политики (на примере Ростовской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 7–14. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-7-14>.

Благодарности: статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Дiasпорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

Original article

**DIASPORAS IN THE SUBJECT SPACE
OF RUSSIAN NATIONAL POLICY
(ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)**

Andrey V. Bedrik¹, Galina I. Chikarova²✉

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,*

AuthorID RSCI: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²*chikarova@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0002-7499-5472, AuthorID RSCI: 947628*

Abstract. *The purpose of the study is to identify the subject profile of the civil vector of the state national policy at the regional level, as well as to determine the indicators and level of social subjectivity of diasporic civil institutions of the Rostov region.*

Research methods. *The research is based on the neo-institutional methodology, as well as the theoretical provisions of the theory of social capital and the theory of social simulacra. The empirical basis of the study was the results of a sociological survey, as well as the results of in-depth interviews.*

The results of the study. *The significant institutional potential of diasporic communities and a number of risks preventing the full implementation of the priorities of the state national policy in the Russian Federation have been identified. Diasporas are studied in the context of Russian national policy in the Rostov region. A typology of diasporic civic institutions has been implemented.*

Research prospects. *The results of the study can be used in planning activities of the state national policy for the upcoming historical period in the context of preparing a new edition of the Strategy of the State National Policy of Russia by 2025.*

Keywords: *diasporas, diaspora communities, state national policy, civil institutions, Rostov region*

For citation: *Bedrik A. V., Chikarova G. I. Diasporas in the subject space of Russian National Policy (on the example of the Rostov Region) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 7–14. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-7-14>.*

Acknowledgements: *the article was carried out within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation №23-28-01721 «Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multiethnic community of the South of Russia».*

Введение. Реализация государственной национальной политики в России опирается на конституционный принцип свободного выбора гражданами своей национальной принадлежности, недопустимость права использования своего родного языка и выбора модели этнокультурной социализации в частной и семейной жизни¹. Гарантированный Конституцией РФ принцип заложен в основу базового нормативно-правового документа всей сферы национальных отношений в Российской Федерации — Стратегию реализации государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее — СГНП РФ), утвержденную указом Президента РФ в декабре 2012 года². В ближайший двухлетний период предстоит не только дать оценку эффективности мероприятий, реализованных в рамках действующей Стратегии, но и с учетом полученного опыта сформировать новый нормативный фундамент развития сферы межнациональных отношений в России в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В этой связи актуализируется вопрос, насколько субъекты государственной национальной политики смогли реализовать свой функционал и обеспечить полноценную реализацию ключевых целей стратегии: укрепление общегражданской (российской) идентичности, сохранение этнокультурного многообразия населения России, обеспечение интеграции мигрантов и содействие привлечению соотечественников в Россию, противодействие экстремизму и недопущение распространения ксенофобии и, как следствие, гармонизации межнациональных отношений в российском обществе [9; 10].

Особенностью СГНП РФ, реализуемой в настоящем периоде, является тот факт, что её субъектами наряду с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, а также учреждениями образования, науки, культуры и молодежной политики выделяются институты гражданского общества. СГНП РФ

не только постулирует задачу полноценного использования потенциала институтов гражданского общества, в том числе национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, для преодоления межэтнической разобщенности и вражды, но и расширяет их участие на сферу регулирования миграционных процессов, противодействия экстремизму и терроризму, на молодежную, образовательную и культурную политику России [1]. В то же время, несмотря на оформление институциональных условий, участие гражданских субъектов в реализации стратегических целей и задач национальной политики России, общественные объединения до сих пор не обладают необходимым уровнем гражданской субъектности, которая гарантировала бы их самостоятельность и обеспечивала их необходимым ресурсным потенциалом для достижения декларируемых приоритетов — общегражданской консолидации при сохранении поликультурного многообразия российского общества.

Материалы и методы. Исследование основано на неинституциональной методологии Д. Норта [5], а также теоретических положениях теории социального капитала П. Бурдьё [3] и теории социальных симулякров Ж. Бодрийяра [2]. Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса, проводимого в июле-сентябре 2023 года в Ростовской области среди представителей этнических диаспор (N = 1350), а также результаты глубинных интервью с лидерами и активистами национально-культурных объединений, сотрудниками органов государственной власти и местного самоуправления в регионе (N = 45).

Специфика диаспорных сообществ в России. Под гражданскими институтами как субъектами национальной политики нами рассматриваются структуры гражданского общества в виде формальных и неформальных негосударственных добровольных объединений

1 Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 16.11.2023).

2 Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. №1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 16.11.2023).

граждан, осуществляющих на основе совместных интересов и целей свою деятельность, стремящихся через нее реализовать комплекс своих потребностей, достичь общего результата [8]. В общем комплексе гражданских институций национальной политики можно выделить две группы организаций. Первую группу составляют национально-культурные автономии и общественные организации, в том числе национально-культурные центры, фонды, этноконфессиональные объединения и т.д. Вторую группу составляют организации интернационального профиля, в том числе правозащитные организации, организации общественной (публичной) дипломатии, объединения патриотической направленности, проектные группы и т.д.

Особое место в организационном профиле гражданских субъектов национальной политики занимают объединения, представляющие диаспорные сообщества, т.е. этнические группы, имеющие за пределами Российской Федерации своё национальное государство, историческую родину, этническое ядро [7]. Исключительность их положения связана с тем, что, выполняя функцию внутриэтнической интеграции, данные объединения неизбежно опираются на представления о собственном «национальном гнезде» за пределами Российского государства. Соответственно, в отличие от национально-культурных объединений автохтонных народов России диаспорные объединения не только опираются на программные цели российской национальной политики, но и обеспечивают выполнение функций агента публичной дипломатии, непосредственно вовлечены в сетевой миграционный обмен, ориентируются на постоянную актуализацию связей с государствами своей титульной принадлежности [6]. Данное направление работы гражданских диаспорных объединений существенно актуализировано в современных условиях. В условиях роста международного давления и напряженности Российское государство испытывает серьезную заинтересованность в развитии сотрудничества с той частью зарубежных неправительственных структур, интересы и цели деятельности которых соответствуют интересам и целям политики России: популяризации ценностей интернационализма и патриотизма, пропаганде идей добрососедства и сотрудни-

чества, недопущению реабилитации фашизма и оправдания национализма.

Наряду с функционалом агента публичной дипломатии деятельность гражданских диаспорных институтов обеспечивает реализацию еще нескольких базовых функций [4]: во-первых, функцию представительства этнических и религиозных интересов диаспоры во всех внешних взаимодействиях, в том числе с органами государственной власти, муниципалитетами, дипломатическими структурами и др.; во-вторых, функцию сохранения национальной культуры и языка, где диаспорные объединения зачастую вынуждены опираться на ресурсный потенциал международных организаций и зарубежных правительств, представляющих данную этническую группу; в-третьих, медиаторскую функцию, которая состоит в участии гражданских институций диаспор в решении межэтнических и межрелигиозных конфликтов, их профилактике в рамках региональных и локальных сообществ.

Диаспоры в контексте российской национальной политики в Ростовской области. В соответствии с данными Территориального органа Министерства юстиции РФ по Ростовской области на территории региона на начало ноября 2023 года действующими гражданскими организациями национально-культурного профиля являются 116 объединений различного юридического статуса: национально-культурные автономии, общественные организации, автономные некоммерческие организации, фонды и иные объединения. Из них абсолютное большинство представляют интересы диаспорных народов (107 организации, т.е. 92%). Территориальный статус данных объединений различен: есть общероссийское объединение, региональные и местные организации, представляющие интересы следующих диаспорных этносов: армян (32), азербайджанцев (15), украинцев (10), белорусов (7), поляков (6), турок-месхетинцев (6), греков (5), грузин (5), евреев (5), корейцев (4), узбеков (4), ассирийцев (2), таджиков (2), абхазов (1), афганцев (1), молдаван (1), сирийцев (1). Кроме того, на уровне неформальных объединений функционируют объединения езидов, кыргызов, немцев, удин. Особняком стоит осетинское

объединение, которое одновременно позиционирует себя и как организации автохтонного этноса России, и как субъект общественной дипломатии в отношениях России и Республики Южная Осетия.

Однако представленное многообразие национально-культурных диаспорных объединений имеет определенное статистическое искажение, так как одна и та же инициативная группа диаспорных лидеров может выступать учредителем региональной и нескольких местных общественных организаций, регистрировать для различных целей дополнительные общественные институты более узкого профиля деятельности либо, несмотря на наличие юридически зарегистрированной общественной структуры, фактически не осуществлять какой-либо гражданской активности, не участвовать в мероприятиях государственной национальной политики в регионе в течение продолжительного времени.

При анализе потенциала гражданского диаспорного института, который обеспечивал бы его способность выступать в качестве субъекта государственной национальной политики, нами используется следующий набор индикаторов: 1) добровольность создания организации; 2) мотивированность деятельности организации интересами и потребностями диаспорной группы; 3) ресурсное обеспечение деятельности за счет материальных, организационных, нормативных, социальных, символических, информационных и иных ресурсов; 4) самостоятельность в определении приоритетов, целей и форм деятельности организаций и своих лидеров, а также в выборе партнеров; 5) регулярность деятельности в противовес ее фрагментарности и/или эпизодичности; 6) легитимность гражданской организации и ее лидеров в оценках конкретной целевой группы; 7) результативность деятельности, проявляющаяся в обеспечении достижения постулируемых целей объединения.

В ходе проведенных исследовательских процедур было установлено, что подавляющее большинство гражданских институтов диаспорного профиля в Ростовской области декларируют «альтруистические» мотивы своей деятельности, в основе которых лежит забота о представителях своей национальной культуры, ориентация на защиту их прав, сохранение традиций и языка, на привлечение

ресурсов к решению широкого комплекса жизненных проблем членов диаспоры. Такую позицию в той или иной степени выражают практически все респонденты из числа лидеров и активистов национально-культурных объединений Ростовской области. Они же постулируются в уставных документах и на информационных ресурсах групп.

Однако по результатам глубинных интервью с представителями органов власти и опросов представителей диаспор в деятельности гражданских институтов заметно проявляются мотивы прагматично-инструменталистского порядка. Данные мотивы связаны со стремлением лидеров национальных диаспорных объединений обеспечить себя символическим капиталом, необходимым для получения различного рода социальных преференций (в том числе материального и политического порядка) при осуществлении частной предпринимательской деятельности, карьерной самореализации. Среди молодежных лидеров национально-культурных диаспорных сообществ преобладающими же выявлены мотивы гражданской самореализации, когда сообщество выступает своего рода лифтом социальной мобильности молодого активиста, а также формой досуга, источником формирования социального капитала, необходимого для будущего карьерного продвижения в иных, не связанных с гражданской инициативой, сферах деятельности.

Анализ практики реализации гражданскими субъектами мероприятий национальной политики в регионе позволяет дифференцировать их на две условные группы, которые, хотя и являются тесно взаимосвязанными между собой, но тем не менее имеют различную мотивационную компоненту с альтернативными по своему содержанию целевыми установками. Первую группу практик составляют автономные практики диаспорных организаций, которые реализуются за счет их собственного потенциала и привлечения негосударственных источников средств (личные средства, спонсорство, гранты). Вторую группу практик составляют реактивно-патерналистские практики, реализуемые объединениями на основе выполнения прямых распоряжений органов власти либо через участие в инициативах иных общественных объединений, институтов образования, культуры,

молодежной политики. Такого рода участие в полном смысле не является реализацией гражданской субъектности, так как опирается исключительно на исполнительский потенциал сообщества. С точки зрения представителей диаспорного сообщества данного рода деятельность представляет ценность как инструмент позиционирования группы, развития её узнаваемости, как необходимый опыт для реализации самостоятельных проектов объединения в будущем. В то же время опыт проведенного исследования свидетельствует, что часть национально-культурных диаспорных объединений ориентируются на исключительное участие в такого рода пассивных практиках, так как они не требуют мобилизации значительного материального, темпорального и человеческого ресурса.

Диаспорные гражданские институты: проблемы типологии. Первичный анализ деятельности национально-культурных диаспорных объединений Ростовской области позволил классифицировать их на четыре базовых типа гражданских институций по состоянию их социальной субъектности (высокий/низкий) и ресурсному обеспечению (высокое/низкое) их деятельности (табл. 1).

Первый тип диаспорных гражданских институтов — центры этнической силы — характеризуется высоким уровнем интеграции в элитарные социальные слои, наличием класса этнической интеллигенции и класса этнического предпринимательства, многослойными структурами диаспоры, как правило, включающей несколько исторических компонентов, значительным демографическим потенциалом и актуальной этнической идентичностью среди молодежи, использованием в своей деятельности самостоятельных ресурсов и привлечением внешних средств.

Второй тип диаспорных гражданских институтов — центры этнического предпринимательства — отличается большим объемом демографического потенциала группы, но его концентрацией преимущественно в низкопрестижных и малоквалифицированных сферах занятости. Лидер объединения монополично обеспечивает каналы большинства внешних связей группы. В данных группах практически отсутствует слой этнической интеллигенции. Фактически данные объединения выполняют функционал сетевого миграционного центра. В этих группах имеет место неравномерное представительство мужчин и женщин и возрастных когорт: большинство представителей диаспоры относятся к категории трудоспособного населения мужского пола.

Третий тип диаспорных гражданских институтов — центры этнического просвещения — это новые группы с растущим демографическим потенциалом, которые за счет небольшого, но активного слоя этнической интеллигенции (как правило, выпускников российских вузов) проявляют высокую степень гражданской активности и в значительной степени ориентированы на символическую интеграцию в новое сообщество.

Четвертый тип диаспорных гражданских институтов — центры этнической ностальгии — представляют преимущественно классические диаспоры, демографический потенциал которых ограничен возрастной структурой (люди старшего возраста и пожилые) и интенсивными ассимиляционными процессами среди молодежи и представителей среднего поколения. Однако в настоящий момент в данных группах наблюдается тенденция расширения социальной базы своей деятельности, что обусловлено ростом интереса со стороны молодежи к предоставляемым сообществами возможностям репатриационного характера.

Таблица 1
Table 1

Типология диаспорных гражданских институтов
Typology of Diaspora civic institutions

Ресурсный потенциал	Высокий уровень социальной субъектности	Низкий уровень социальной субъектности
Высокий	Центры этнической силы	Центры этнического предпринимательства
Низкий	Центры этнического просвещения	Центры этнической ностальгии

Заключение. Анализ субъектного профиля государственной национальной политики на региональном уровне с одной стороны позволил выявить существенный институциональный потенциал диаспорных сообществ, но с другой продемонстрировал наличие целого ряда рисков, препятствующих полноценной реализации приоритетов СГНП РФ. Такими рисками являются демотивация реальной гражданской инициативы и распространение симулятивного вектора гражданского участия диаспорных гражданских институтов в мероприятиях национальной политики и, как следствие, потенциальная делегитимация этих организаций в оценках их целевых групп. Свидетельством подобной тенденции является тот факт, что одно и то же диаспорное сообщество представляют несколько альтернативных друг другу общественных объединений, лидеры которых зачастую выступают конкурентами, а среди части рядовых членов диаспор ни одно из объединений не рассматривается как представитель их интересов. Преодоление данных негативных тенденций является первоочередной задачей планирования мероприятий государственной национальной политики на предстоящий исторический период в условиях подготовки к 2025 году новой редакции Стратегии государственной национальной политики России.

Список источников

1. Аствацатурова М. А. Этнополитика как искусство возможного: теоретические идеи и практические проекции. М.: Academia, 2020. 342 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2018. 240 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетея, 2017. 288 с.
4. Национально-культурные автономии Российской Федерации / Отв. ред. О. В. Солопова. СПб.: Алетея, 2019. 374 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
6. Полоскова Т. В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга, 2002. 284 с.

7. Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.

8. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 940 с.

9. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

10. Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. National security: paradigmatic fundamentals of research practices // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. №5S4. Pp. 266–271.

References

1. Astvacaturova M. A. Jetnopolitika kak iskusstvo vozmozhnogo: teoreticheskie idei i prakticheskie proekcii [Ethnopolitics as the art of the possible: theoretical ideas and practical projections]. Moscow: Academia, 2020. 342 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacji [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum, 2018. 240 p. (In Russ.).
3. Burd'jo P. Sociologija social'nogo prostanstva [Sociology of social space]. Saint Petersburg: Aletejja, 2017. 288 p. (In Russ.).
4. Nacional'no-kul'turnye avtonomii Rossijskoj Federacii [National and cultural autonomies of the Russian Federation]. Otв. red. O. V. Solopova [In O. V. Solopova (eds.)]. Saint Petersburg: Aletejja, 2019. 374 p. (In Russ.).
5. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutes, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (In Russ.).
6. Poloskova T. V. Sovremennye diaspor. Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty [Modern diasporas. Domestic political and international aspects]. Moscow: Nauchnaja kniga, 2002. 284 p. (In Russ.).
7. Popkov V. D. Fenomen jetnicheskikh diaspor [The phenomenon of ethnic diasporas]. Moscow: IS RAN, 2003. 340 p. (In Russ.).
8. Jenciklopedicheskij sociologicheskij slovar' [Encyclopedic sociological dictionary]. Obshh. red. akademika RAN G. V. Osipova [In Academician of the Russian Academy of Sciences G. V. Osipov (eds.)]. Moscow: ISPI RAN, 1995. 940 p. (In Russ.).

9. Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia]. Pod red. V.A. Tishkova i V.V. Stepanova [In V.A. Tishkov and V.V. Stepanov (eds.)]. Moscow: IJeA RAN, 2018. 561 p. (In Russ.).

10. Dyatlov A. V., Kumykov A. M., Lubsky A. V., Serikov A. V., Posukhova O. Yu. National security: paradigmatic fundamentals of research practices. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6(5S4): 266–271.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 06.11.2023; approved after reviewing on 24.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бедрик Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Andrey V. Bedrik — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Чикарова Галина Игоревна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры «Конфликтология и национальная безопасность» Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет; ученый секретарь Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Galina I. Chikarova — Candidate of Sociological Sciences, Assistant of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; Academic Secretary, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 101.1:82.29.03
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-15-24

ПРОВОКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ И САМООСУЩЕСТВЛЯЮЩИЙСЯ ПРОГНОЗ

Яков Юрьевич Васильев

*Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Россия
vas.74@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8539-682X, AuthorID РИНЦ: 656234*

Аннотация. *Цель статьи* — описание ситуации провокативного действия в контексте самоосуществления прогноза. Условия возникновения самоосуществления или саморазрушения прогнозов изучены слабо и требуют особого внимания, так как связаны с улучшением методологии прогнозирования и пониманием процессов, происходящих в социальной реальности. Провокация как форма социального действия может выступать таким условием.

Методологической основой работы выступают сравнительный и предметно-содержательный анализ, системный подход, метод описания и сопоставления отдельных факторов с элементами теоретических положений.

Результаты исследования. На примере истории взаимодействия России и НАТО сделано обоснованное предположение, что провокация как целерациональное действие, или как следствие последовательных решений одностороннего порядка, может породить ситуацию самоосуществления прогноза. Это возможно в следствие особой детерминации провокативного процесса, вызванного прежде всего аксиологическими основаниями этих действий.

Перспектива исследования связана с дальнейшим углублением наших познаний о механизмах и процессах взаимодействия прогнозов и прогнозируемой реальности.

Ключевые слова: провокация как социально-психологический и политический феномен, свобода и детерминация, аксиологические установки, положительная обратная связь, прогностический парадокс, самоосуществление прогноза, эффект Эдипа

Для цитирования: Васильев Я. Ю. Провокативное действие и самоосуществляющийся прогноз // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 15–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-15-24>.

Original article

PROVOCATIVE ACTION AND SELF-FULFILLING PREDICTION

Yakov Yu. Vasiliev

*Ukhta State Technical University, Ukhta, Russia
vas.74@mail.ru ORCID: 0000-0002-8539-682X*

Abstract. *The purpose of the article is to describe the situation of provocative action in the context of the self-fulfillment of the forecast. The conditions for the emergence of self-fulfillment or self-destruction of forecasts are poorly studied, and require special attention, as they are associated with improving the methodology of forecasting and understanding the processes taking place in social reality. Provocation as a form of social action can act as such a condition.*

The methodological basis of the work is a comparative and substantive content analysis, a systematic approach, a method of describing and comparing individual facts with elements of theoretical provisions.

Research results. *Using the example of the history of interaction between Russia and NATO, a reasonable assumption was made that provocation as a purposeful rational action or as a result of consistent unilateral decisions can give rise to a situation of self-fulfillment of the forecast. This is possible due to the special determination of the provocative process caused primarily by the axiological foundations of these actions.*

The prospects of the research are connected with the further deepening of our knowledge about the mechanisms and processes of interaction between forecasts and predicted reality.

Keywords: *provocation as a socio-psychological and political phenomenon, freedom and determination, axiological attitudes, positive feedback, prognostic paradox, self-fulfillment of the forecast, the Oedipus effect*

For citation: *Vasiliev Y. Yu. Provocative action and self-fulfilling prediction // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 15–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-15-24>.*

Введение. Предвидение будущего вкупе с надежными методами прогнозирования и анализом возможных угроз остается актуальной исследовательской задачей. В числе проблем, с которыми сталкивается прогнозирование, можно назвать парадокс самоосуществления или саморазрушения прогноза.

Проблема самоосуществления или саморазрушения прогнозов изучается в разных областях гуманитарной науки. В социологии это проблема «самоосуществляющегося пророчества» (Р. Мертон) [8], в психологии — эффект Розенталя (эффект Пигмалиона) [17], в философии — эффект Эдипа (К. Поппер, А. Гендин) [9; 10; 11; 4]. Этот прогностический парадокс — Эффект Эдипа (здесь и далее ЭЭ) — порождает ком-

плекс гносеологических проблем, касающихся постижения социальной реальности, осуществления воли субъектов и даже ценностно-этических вопросов.

Анализ ЭЭ выявил несколько интересных моментов: во-первых, широкое понимание субъекта прогноза, влияющего на ситуацию, подразумевающую включение всех акторов, причастных к прогнозу [2]; во-вторых, объект прогнозирования, по сути, это любая сущность, развертывающаяся во времени, но «представляющая собой не детерминированную устойчивость, а весьма хрупкую, подверженную воздействиям взаимосвязь, способную развертываться по совершенно разным сценариям» [3, с. 9]; в-третьих, прогностическая информация, побуждающая субъекта

к действию и имеющая ценностную (аксиологическую) составляющую [2].

Но каков же сам механизм самоосуществления или саморазрушения прогноза? Одним из условий его возникновения является способность субъектов влиять на прогнозируемый процесс. Поговорим о конкретных формах этого влияния. В принципе, любые действия людей так или иначе воздействуют на ситуацию, но вмешательство в спрогнозированное будущее ставит вопрос: увидели мы это будущее или мы его сами создали? Прогнозирование и планирование — это разные виды деятельности, и ЭЭ демонстрирует ситуацию, в которой может произойти их смешение. И если подмена понятия ничем не грозит планированию как разновидности субъектной активности, то подмена прогноза планом ставит под сомнение само прогнозирование как вид познавательной деятельности.

Итак, прогнозная информация о будущем побуждает субъекта действовать, и его шаги приводят не к некоему постороннему результату, а собственно к саморазрушению или самоосуществлению прогноза. Что же это за шаги и какие конкретные формы они могут принять?

Россия — НАТО. Провокация. Наблюдение за актуальными политическими и международными событиями побудило автора обратить пристальное внимание на феномен провокации.

Независимо от оценок украинского кризиса, можно смело констатировать, что для всех участников событий ситуация вышла за рамки запланированного сценария. Столь же очевидно, что мы наблюдаем самоосуществление довольно мрачных прогнозов, которые давались многими аналитиками и экспертами [1; 12]. Таким образом, с одной стороны мы располагаем пулом обоснованных прогнозов, предупреждающих, что определенное политическое поведение (в частности расширение НАТО и многолетнее вооруженное противостояние между Донецком и Киевом) приведет к кризису, а с другой стороны — наблюдаем череду политических действий, непосредственно приведших к ожидаемому кризису. В некотором отношении нынешний военно-политический конфликт можно назвать самоосуществившимся прогнозом.

Можно сделать поправку на то, что экспертиза и аналитика такого рода не особо востребована лицами, принимающими государственные решения, и таким образом перед нами не самоосуществившийся прогноз, а просто пример успешного предвидения будущего со стороны экспертного сообщества. Но прогнозы не были закрытыми, а наоборот, весьма широко освещались. Все были информированы, что вероятность конфронтации при сохранении тенденции возрастает. Все заинтересованные структуры знали сценарий, по которому развиваются события. Россия неоднократно предупреждала, что политика односторонних действий приведет к обострению ситуации. Таким образом, речь идет именно о самоосуществлении прогноза.

В чем же проявляется провокативность действий, приведшая к кризису? Прежде всего, это расширение блока НАТО на Восток, проводимое странами Запада в одностороннем порядке. В теориях политики и в конфликтологии давно известна «дилемма безопасности», описанная Дж. Херцем [16], свидетельствующая о том, что односторонние меры по усилению собственной безопасности ведут к таким же мерам и с другой стороны, что в свою очередь приводит не к повышению, а наоборот, к снижению уровня безопасности, что и произошло на практике.

Расширение НАТО проводилось и обосновывалось как расширение зоны мира и безопасности. Подразумевалось (как минимум, в Восточной Европе), что это гарантирует защиту от агрессии России. В то же время самой России, если она не намерена проявлять агрессию, беспокоиться не о чем. В Российской Федерации на это смотрели совершенно иначе. Экспансионистский военный блок последовательно приближался к границам страны, размещая по их периметру военную инфраструктуру, направленную на усиление ударных возможностей, и единственной гарантией безопасности являлись миролюбивые декларации Запада. И это при том, что заключать какие-либо обязывающие договоры на Западе не собирались.

Теперь же действия России используются на Западе как доказательство ее агрессивности и, как следствие, дальновидности решения о расширении НАТО. В свою очередь, Россия убедилась, что опасения относи-

тельно враждебных намерений НАТО были верны, несмотря на все заверения в мирных намерениях. В ходе возникшего конфликта каждая сторона увидела подтверждение своих опасений.

Со стороны «коллективного Запада» это была беспроектная стратегия. Если Россия не противодействует расширению НАТО, Запад увеличивает возможности военного контроля и расширяет сферу политического влияния. Если Россия противодействует Западу, это лишь подтверждает правильность политики расширения НАТО, направленной на ее сдерживание. На что это похоже? На самую примитивную провокацию. Вызвать своими действиями ответную реакцию и представить ее как агрессию, подтверждающую обоснованность превентивных мер.

Поведение Запада в области расширения НАТО проанализировано достаточно подробно, и причины этого поведения известны. В американской военно-политической доктрине безопасность является высшей целью политики, а единственным путем гарантировать безопасность является проекция силы, то есть наличие военного превосходства [13]. Тот факт, что опасения российской стороны либо показательно игнорировались, либо отменялись, полностью исключает непреднамеренность Запада в вопросе реакции России. На Западе ждали именно такой реакции и провоцировали ее, будучи полностью уверенными в собственном превосходстве.

Таким образом, современные международные политические события стали яркой иллюстрацией самоосуществляющихся прогнозов. При этом не может не вызывать беспокойства детерминистичность происходящего: «Никто не хотел войны, война была неизбежна» (Б. Такман, «Августовские пушки»). Стороны последовательно действовали в рамках собственной логики, и противоречивость этих устремлений постепенно доводила уровень противостояния до критического.

Это заставляет нас более внимательно присмотреться к феномену провокации. Возможно, это одна из конкретных форм той самой обратной связи, которая и приводит к саморазрушению или самоосуществлению прогноза.

Что же такое провокация? Термином «провокация» описывается достаточно большой пласт явлений. В бытовом смысле провокацией называют негативно оцениваемое действие одной стороны, направленное на побуждение к действию другой стороны. Оно может выражаться в подстрекательстве, когда человека побуждают сделать нечто влекущее за собой необоснованный риск, очевидное наказание или негативные последствия. Так подростки подначивают своих приятелей на шалости, беря их «на слабо», или манипуляторы намеренно вызывают агрессивную реакцию на свои поступки, чтобы выставить себя в качестве невинной жертвы.

Справедливости ради отметим, что есть и другие области жизни, где провокация не носит столь явного негативного оттенка, то есть она рассматривается как допустимый прием, вызывающий нужную реакцию. В научных кругах термин «провокация» иногда употребляют как синоним побуждения к чему-либо. Провокация в ряде случаев используется как журналистский, художественный или даже педагогический прием, помогающий провоцируемому лучше понять некую мысль или идею. В медицинской практике провокация — это побуждение организма к иммунной реакции. Применяется понятие провокации и для довольно широких культурных и социальных обобщений. Ю. Лотман рассматривал провокацию как один из «механизмов выработки неопределенности», обеспечивающих жизнестойкость и возможность саморазвития культуры как сверхсложной системы [7, с. 90–91]. То есть провокация выступает как механизм, с помощью которого устоявшаяся и «замшелая» культура получает новый импульс от какой-либо инновации или контркультуры и тем самым вновь обретает динамику. Иронично, что в современной культуре провокация превратилась в постмодернистскую «провокативность», в типовой эпатажный прием, который всё меньше раздражает при всё больших усилиях и надежно встроена в господствующую культуру. Даже поведение некоторых юродивых и пророков в древности можно характеризовать как намеренное, оскорбительное и шокирующее, и объяснялось оно тем, что донести до равнодушной публики некие истины можно было только

эпатажем, обычное морализаторство никого не трогало [14]. Иными словами, юродивый пророк инициировал агрессию, чтобы вызвать ответную агрессию, привлечь внимание и тем самым донести свою мысль. В философии метод провокации также имеет солидную традицию и восходит к Сократу с его иронически показательным неведением, побуждающим собеседника рассуждать в нужном Сократу направлении.

Однако в данном случае мы рассмотрим провокацию в традиционно зауженном негативном аспекте. Определение провокации в таком ракурсе носит оценочный характер. Л. Ю. Зайцева указывает, что понятие «провокация» включает как агрессивные действия против кого-либо, так и подстрекательство к чему-либо. Кроме того, провокация может означать создание нестабильной ситуации выбора, но при этом всегда подталкивает к определённом выбору [6]. В трактовке А. В. Глуховой, провокация — это действия, имеющие целью оказать влияние на другого человека, чтобы склонить его к совершению всеми осуждаемого поступка, а затем подвергнуть санкциям за этот поступок [5]. Двойная цель: провокатор сначала стремится совершить провокативные действия, задачей которых в свою очередь является склонение провоцируемого к ожидаемой реакции.

Но наиболее точное определение провокации применительно к ситуации самоосуществления военно-политических прогнозов, на наш взгляд, дал А. Тарасов: «Провокация как таковая — это действие, рассчитанное не на прямой успех, а на то, чтобы побудить противника совершить ответное действие, в данный момент для него невыгодное или же делающее ясной неясную до того ситуацию» [15]. «Провокации делятся на такие, которые НЕИЗБЕЖНО влекут за собой желательную для провокатора реакцию, и на такие, успех или неуспех которых зависит в значительной степени и от провоцируемого» [15].

В целом это заслуженно негативно оцениваемое поведение является, увы, укоренённым и широко практикуемым во всех сферах жизни для достижения самых разнообразных целей. Как отмечает А. В. Глухова [5], провокацию используют и для дискредитации или компрометации, и для обоснования репрессий, и для получения выгод и преимуществ,

и даже для имитации (подмены реальных действий фикциями).

Почему же провокация столь популярна? Потому что это управляемый процесс. Его природа такова, что позволяет провокатору контролировать поведение провоцируемого. Но и сам провокатор отнюдь не обладает большой свободой, хотя уверен в обратном.

Дело в том, что провокация — это детерминированный процесс. Его участники, может быть, и рады что-то изменить и как-то расширить степени свободы, но логика провокативного действия ограничивает инициаторов провокации в той же мере, что и их жертв. Войти в такую ситуацию легко, выйти — очень сложно.

Попробуем проанализировать составляющие этой детерминации. Прежде всего, она двойственна. Она представляет собой не просто навязанный выбор, но и строго неизбежные последствия каждого из выбранных вариантов. Это и развилка на два пути, с каждого из которых уже не свернуть, и очевидные тупики, в которые эти пути ведут. Это иллюзия выбора, «выбор без выбора» между плохим и очень плохим.

Резюмируем суть провокации. Итак: 1. Односторонними действиями создается ситуация, затрагивающая интересы другой стороны. 2. Другая сторона не может находиться в такой ситуации, ибо обоснованно видит в ней покушение или посягательство на свои интересы. 3. Если не отреагировать на это посягательство, то в следующий раз это повторится, и степеней свободы будет еще меньше. Поддаться на давление — значит признать его действительность и спровоцировать провоцирующую сторону на повторение успешного сценария. Уступки в ответ на односторонние действия повлекут их повторение и потребуют дальнейших уступок. 4. Если провоцируемая сторона резко реагирует и не уступает, в дело вступает вторая часть. Негативная реакция провоцируемого объявляется не реакцией, а инициативой. Провоцируемый объявляется зачинщиком конфликта, а следовательно, виновной стороной. И чтобы искупить вину, он должен пойти на уступки и прекратить конфликт. Итак, в обоих случаях от провоцируемого требуется уступить. Выбор без выбора.

Характер провокативной детерминации. Можно поднять вопрос о природе такой детерминанты, ведь, выявив причину, по которой ситуация становится детерминированной, можно искать решения по ее предотвращению или разрешению.

Первое, что приходит на ум, — это морально-ценностное описание провокативной ситуации. Так, одной из важнейших характеристик субъекта является свобода воли. Люди, группы людей, сообщества и целые народы крайне болезненно воспринимают внешние меры, направленные на ограничение их свободы. В этом аспекте свобода выступает как аксиологическое понятие, как ценность. В свою очередь ценность свободы имеет и моральное измерение. Принуждать, лишать свободы выбора — это зло. Именно поэтому в моральном отношении провокация — это подлость. Любая провокация подразумевает конфликт. Следовательно, возникает еще одна ценность: безопасность. Детерминизм провокативной ситуации проявляется еще и в том, что свобода и безопасность сливаются для провоцируемого воедино. Покушение на безопасность (односторонние шаги, потенциально угрожающие безопасности) воспринимается как покушение на свободу выбора. И наоборот, заведение ситуации в тупик (утрата свободы выбора) расценивается как покушение на безопасность. Аксиологически обусловленная социальная детерминация — это форма социального действия. Страх потерять свободу как ценность — вот что детерминирует поведение людей в ситуации провокации, делает их поступки однозначными и легко предсказуемыми. Что же заставляет провоцируемую сторону действовать детерминировано, однозначно и с ущербом для себя? Создание условий, при которых контроль над ситуацией переходит в руки провокатора. Для провоцируемого переход от свободного состояния в состояние зависимое не приемлем. Реакция на такое положение вещей будет однозначно агрессивной. Покушение на свободу со стороны провокатора и создание условий выбора между плохим и очень плохим побуждает провоцируемого разорвать «гордиев узел» немедленно даже ценой собственных потерь.

Сюда же относится страх. Страх «спровоцировать», то есть дать повод для «обосно-

ванной» агрессии. Он не побуждает к действиям, а наоборот, парализует волю. В целом и провокация, и страх спровоцировать — это проекция силы. Сильный не боится ни спровоцировать, ни поддаться на провокацию; он не боится агрессии, и более того — готов к ней и строит на ней свой расчет. Заведомо не готовый к конфликту боится и спровоцировать, и самому стать жертвой провокации. Есть ситуации, когда провоцируемый своими же действиями загоняет себя в заведомо невыгодное положение. Так, например, расценивается историками знаменитое сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года. Страх — негативное чувство в любой системе ценностей, следовательно, то, что вызывает страх, оценивается тоже негативно.

Но у аксиологического описания провокации есть недостаток: явно выраженный психологизм. Ситуации провокативного характера подразумевают субъект-субъектный уровень. Именно у людей созревает намерение, люди совершают поступки, люди дают оценку, люди руководствуются интересами, принципами, ценностями, эмоциями и страхом в том числе.

Но может ли провокативная ситуация возникнуть независимо от личной воли? Видимо, да. На социально-политическом уровне психологические мотивы отдельных субъектов естественным образом отходят на задний план. Общественное благо, лежащее в основе политики, должно быть рационально и публично обосновано, то есть должны быть учтены различные интересы разных социальных, политических и экономических групп. Может ли в основе рациональной и обоснованной политики лежать ошибочная идея, неверная интерпретация, неправильно понятые принципы? Да, безусловно. Но в любом случае зарождение провокативной ситуации на социальном уровне не обусловлено намерениями отдельных интриганов и манипуляторов. Оно обусловлено внутренней логикой принимаемых решений, направленных на достижение публично заявленных целей. Публичная цель НАТО — военная безопасность. Наиболее очевидный путь достижения этой цели — расширение зоны безопасности. Так, сменяемые и выборные политики Запада на протяжении десятилетий последовательно проводили

политику расширения НАТО. Персоналии сменяли друг друга, но политический вектор оставался неизменным. Заданная инерция настолько масштабна, что отдельный человек не может в одночасье свернуть с выбранного десятилетия назад курса. Процесс набрал инерцию в виде принятых решений, выделенных средств, долгосрочных планов; пропорционально возросла и его детерминация. И остановить этот процесс просто так, волевым решением, стало практически невозможно. Иными словами, здравомыслящие политики Запада сами оказались в заложниках ситуации и не имеют уже тех степеней свободы, которые были в руках Запада на начальном этапе. Ситуация детерминирует и подчиняет своей логике не только жертв провокации, но и самих провокаторов.

Таким образом, возникает интерес описать провокативный процесс, дистанцируясь от личностных эмоциональных или ценностных установок. Например, детерминированность провокативных связей, процессов и отношений можно описать в терминах системного анализа, как пример работы положительных и отрицательных обратных связей в социальной среде. Тут тоже проявляются интересные проблемы.

На первый взгляд, провокация — это пример положительной обратной связи, усиления сигнала. Заложенный в основе провокации конфликт усиливается при ее развитии. Так, провоцирующая сторона хочет получить преимущество и уступки и получает их, а если не получает, то проявляет агрессию.

Есть и содержательный контекст. Зачастую он не важен. Так, провокатору не важно, по какой теме, проблеме или вопросу «зацепить» провоцируемого. Важно втянуть его в ситуацию уступок и конфликта. Но контекст от этого не исчезает. Сама заявленная тема, ее содержание, сам вопрос, на котором строится провокация, тоже влияет на ситуацию. А если провокатор не только строит интригу, но и заинтересован в определенном исходе ситуации, на базе которой он затеял провокацию, возникает отрицательная обратная связь. Например, персонаж пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» постоянно затевал дуэли, используя как повод характерные особенности собственной внешности (большой нос) и зачастую про-

воцируя соперников на насмешки, а потом вызывая их на бой. Но сама проблема некрасивой внешности, по сути, перед Сирано всё равно стояла. Так и с конфликтом Россия — НАТО. Рассматривая политику НАТО в данном конфликте, мы наблюдаем абсурдную ситуацию, ведь основная декларируемая и содержательная цель политики — это военная безопасность, постоянное повышение ее уровня. Фактически мы видим, что НАТО не желала конфликта, но делала всё, чтобы он созрел и возник. Или, напротив, желала конфликта и сознательно лгала. А при каких условиях провоцирующая сторона не боится конфликта? Когда верит, что всё контролирует и является заведомо более сильной. Очевидно, в таком случае не надо бояться обострений и конфронтации. Но если НАТО не боится обострений конфронтации, эскалации конфликта и повышения уровня непредсказуемости, то как в таком случае достичь официальных заявленных целей — укрепления безопасности? Потому что де-факто расширение НАТО привело к резкому снижению безопасности и повышению напряженности. Абсурд.

Таким образом, не зависящий от воли субъектов инерционный процесс в своем развёртывании и по внутренней логике разрушает не только позицию провоцируемой стороны, но и позицию провоцирующей стороны.

Выводы. Как же это затрагивает проблематику социального прогнозирования и парадокс Эдипа в частности? Как мы уже сказали, долгая история противостояния Россия — НАТО — это яркий пример самоосуществившегося прогноза. Политика укрепления безопасности — это объективный процесс. Прогноз о том, что именно эта конкретная политика приведет к кризису, — это тоже классический прогноз. Самоосуществившимся пророчеством ситуация становится, когда опасения России показательно игнорируются, несмотря на опасность конфронтации. Решение поддерживать политический курс на безопасность, несмотря на предупреждения, это и есть самоосуществление пророчества: предупреждения о том, что данный курс способен обострить международную ситуацию, получены, учтены, признаны верными и курс на конфронтацию

показательно продолжен. В дело вступает логика провокации.

И последнее, что хотелось бы отметить. Наш мир устроен так, что в нем гораздо легче разрушать, чем созидать. Игнорировать чужие интересы при достижении собственных проще, чем стремиться достичь компромисса. Инициировать процессы, которые приводят к кризису, не оставляя выбора участникам, легче, чем последовательно выстраивать полноценное и равноправное сотрудничество. Провокация проста в своем появлении и устойчива в своей динамике, ибо в силу ряда причин это самоподдерживающийся процесс. Но ведет она к разрушению. Она разрушает доверие, порядок, влечет репутационные и организационные потери для всех сторон. Это столь же легко прогнозируемый итог любого спровоцированного конфликта.

Список источников

1. Баранов Н.А., Попов П.В. Стратегии гибридных войн стран НАТО как вызов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. №2. С. 79–86.

2. Васильев Я.Ю. Проблема субъекта в социальном прогнозировании (постнеклассический подход) // SocioTime / Социальное время. 2019. №1(17). С. 9–20.

3. Васильев Я.Ю. Эффект Эдипа и его структура // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: материалы Пятнадцатой Международной научной конференции. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. 388 с.

4. Гендин А.М. Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования // Вопросы философии. 1970. №4. С. 80–89.

5. Глухова А.В. К вопросу о роли провокации в политике // Власть. 2016. №03. С. 92–96.

6. Зайцева Л.Ю. Провокация как архетипический феномен истории // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. №18. С. 20–25.

7. Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLUPress, 2010. 232 с.

8. Мертон Р. Глава XIII. Самоосуществление пророчества // Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. 873 с.

9. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. №8. С. 49–79.

10. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. №9. С. 22–48.

11. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. №10. С. 29–58.

12. Рябков С.А. Условие для перехода России к политике сдерживания США [Электронный ресурс] // РИА Новости. 17 февраля. URL: <https://ria.ru/20210217/sderzhivanie-1597795282.html> (дата обращения: 19.08.2023).

13. Сугак О.А. Отражение американских теоретических подходов к безопасности в американо-российском диалоге // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №10. Ч. 1. С. 180–184.

14. Сычев А.А. К истокам этики юродства // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №1. С. 114.

15. Тарасов А. Провокация. Версия событий 3–4 октября 1993 года в Москве [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_2571.html (дата обращения: 19.08.2023).

16. Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2. №2. Pp. 157–180.

17. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom // The urban review. September 1968. Vol. 3(1). Pp. 16–20.

References

1. Baranov N.A., Popov P.V. Strategii gibridnyh vojn stran NATO kak vyzov Rossijskoj Federacii [Strategies of hybrid wars of NATO countries as a challenge to the Russian Federation]. *EvrAzijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. 2019; (2): 79–86. (In Russ.).

2. Vasil'ev Ja. Ju. Problema sub'ekta v social'nom prognozirovanii (postneklassicheskij podhod) [The problem of the subject in social forecasting (postnonclassical approach)]. *SocioTime / Social'noe vremja*. 2019; 1(17): 9–20. (In Russ.).

3. Vasil'ev Ja. Ju. Jeffekt Jedipa i ego struktura [The Oedipus effect and its structure]. Social'no-gumanitarnye nauki i praktiki v XXI veke: chelovek i obshchestvo v menjajushhem-sja mire: materialy Pjatnadcatoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Socio-humanitarian sciences and practices in the XXI century: man and society in a changing world: proceedings of the Fifteenth International Scientific Conference]. Joshkar-Ola: Povolzhskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, 2019. 388 p. (In Russ.).
4. Gendin A. M. Jeffekt Jedipa i metodologicheskie problemy social'nogo prognozirovaniya [The Oedipus effect and methodological problems of social forecasting]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1970; (4): 80–89. (In Russ.).
5. Gluhova A. V. K voprosu o roli provokacii v politike [On the role of provocation in politics]. *Vlast'* [Power]. 2016; (03): 92–96. (In Russ.).
6. Zajceva L. Ju. Provokacija kak arhetipicheskij fenomen istorii [Provocation as an archetypal phenomenon of history]. *Prioritetnye nauchnye napravlenija: ot teorii k praktike* [Priority scientific directions: from theory to practice]. 2015; (18): 20–25. (In Russ.).
7. Lotman Ju. M. Nepredskazuemye mehanizmy kul'tury [Unpredictable mechanisms of culture]. Tallin: TLUPress, 2010. 232 p. (In Russ.).
8. Merton R. Glava XIII. Samoosushhestvlenie prorochestva [Chapter XIII. Self-fulfillment of the prophecy]. Social'naja teorija i social'naja struktura [Social theory and social structure]. Moscow: Hranitel', 2006. 873 p. (In Russ.).
9. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1992; (8): 49–79. (In Russ.).
10. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1992; (9): 22–48. (In Russ.).
11. Popper K. Nishheta istoricizma [Poverty of historicism]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1992; (10): 29–58. (In Russ.).
12. Rjabkov S. A. Uslovie dlja perehoda Rossii k politike sderzhivaniya SShA [The condition for Russia's transition to a policy of containment of the United States] [Elektronnyj resurs]. RIA Novosti. 17 fevralja. URL: <https://ria.ru/20210217/sderzhivanie-1597795282.html> (data obrashhenija: 19.08.2023). (In Russ.).
13. Sugak O. A. Otrazhenie amerikanskikh teoreticheskikh podhodov k bezopasnosti v amerikano-rossijskom dialoge [Reflection of American theoretical approaches to security in the American-Russian dialogue]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2012; 10(1): 180–184. (In Russ.).
14. Sychev A. A. K istokam jetiki jurodstva [Towards the origins of the ethics of foolishness]. *Jeticheskaja mysl'* [An ethical thought]. 2017; 17(1): 114. (In Russ.).
15. Tarasov A. Provokacija. Versija sobytij 3–4 oktjabrja 1993 goda v Moskve [The version of events on October 3–4, 1993 in Moscow] [Elektronnyj resurs]. URL: https://scepsis.net/library/id_2571.html (data obrashhenija: 19.08.2023). (In Russ.).
16. Herz J. H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. 1950; 2(2): 157–180.
17. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom // *The urban review*. September 1968; 3(1): 16–20.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted on 25.10.2023; approved after reviewing on 15.11.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Яков Юрьевич — старший преподаватель кафедры документоведения истории и философии, Ухтинский государственный технический университет (УГТУ).

Россия, г. Ухта, ул. Первомайская, 13

Yakov Yu. Vasiliev — Senior Lecturer of the Department «Documentation of History and Philosophy», Ukhta State Technical University (USTU).

13 Pervomayskaya str., Ukhta, Russia

Научная статья

УДК: 316.4.06

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-25-33

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Елизавета Александровна Гринченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

grinchenko.elizaveta08@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0175-0498, AuthorID РИНЦ: 1160931

Аннотация. Цель научно-исследовательской работы — провести социологический анализ социальной оценки как специфического феномена общественного сознания в контексте оптимизации технологии комплексной оценки в политическом управлении и определения основных направлений ее совершенствования.

Методология. Для характеристики комплекса мероприятий, который позволяет оценить общественно-политические события, происходящие на современном этапе общественного развития России, в исследовании использовались социологический, нормативный и деятельностный методологические подходы. Рассмотрена типология социальных оценок в политическом управлении, которая опирается на комплекс шести фундаментальных способов исследования: метод комплексной технологии анализа политических процессов, метод анализа поведения, метод комплексной технологии оценки политических решений, метод анализа социально-политических процессов, метод анализа социально-политических решений и метод анализа воздействий.

Результаты исследования. Проведен практический анализ применения методов социальной оценки политического управления на региональном уровне. Предложены современные методики социальной комплексной оценки в сфере политического управления, где представлены наиболее эффективные технологии комплексной социальной оценки общественно-политических событий России и обосновано существование взаимосвязи и взаимозависимости между социальными оценками и эффективностью политического управления.

Перспективы исследования. В исследовании предложены направления совершенствования механизма оценки политического управления, результатом апробации которых станет наиболее грамотная, объективная и четкая социальная оценка политических процессов и явлений, учитывающая значительные различия в условиях их работы.

Ключевые слова: социальные оценки, политическое управление, социологический анализ, общественно-политические события, общественное сознание, технологии комплексной оценки

Для цитирования: Гринченко Е. А. Социальные оценки в политическом управлении // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 25–33. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-25-33>.

Original article

SOCIAL ASSESSMENTS IN POLITICAL MANAGEMENT

Elizaveta A. Grinchenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

grinchenko.elizaveta08@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0175-0498, AuthorID RSCI: 1160931

Abstract. *The purpose of the research work is to conduct a sociological analysis of social assessment as a specific phenomenon of public consciousness in the context of optimizing the technology of integrated assessment in political management and determining the main directions for its improvement.*

Methodology. *To characterize the set of measures that allows us to assess the socio-political events taking place at the present stage of social development in Russia, the study used sociological, normative and activity-based methodological approaches. The typology of social assessments in political management is considered, which is based on a set of six fundamental research methods: the method of complex technology for analyzing political processes, the method of behavior analysis, the method of complex technology for evaluating political decisions, the method of analyzing socio-political processes, the method of analyzing socio-political decisions and the method of analyzing impacts.*

Research results. *A practical analysis of the application of methods of social assessment of political management at the regional level has been carried out. Modern methods of social integrated assessment in the field of political management are proposed, which presents the most effective technologies for integrated social assessment of socio-political events in Russia and substantiates the existence of a relationship and interdependence between social assessments and the effectiveness of political management.*

Prospects of the study. *The study suggests ways to improve the mechanism for evaluating political governance, the result of which will be the most competent, objective and clear social assessment of political processes and phenomena, taking into account significant differences in their working conditions.*

Keywords: *social assessments, political management, socio-logical analysis, socio-political events, public consciousness, integrated assessment technologies*

For citation: *Grinchenko E. A. Social Assessments in Political Management // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 25–33. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-25-33>.*

Концептуализация понятия «социальные оценки» в социологическом дискурсе. Современный этап общественного развития индуцирует новую веху социально-политического научного направления. Изучая специфику и особенности развития социальных наук на территории России, стоит отметить, что они прошли эволюционный путь развития, который был вызван различными государственными и общественными преобразованиями. К концу XX века социальные науки полу-

чили возможность «нового дыхания», так как на первый план анализа и характеристики социальных проблем были выдвинуты вопросы, которые ранее оставались неизученными или рассматривались в общей форме выражения социальной действительности. В частности, это коррелирует с тематикой, связанной с сущностью и особенностями социального познания, анализа и характеристики социальных ценностей общества, а также необходимости и эффективности социальных оценок. Анализ

общественного сознания и сущности бытия, характеристика социальной действительности стали опираться на факторы ценностно-оценочных феноменов, которые обусловили новый шаг в понимании сущности социальной действительности.

На современном этапе общественного развития перманентно проводится всесторонняя оценка различных явлений и процессов, происходящих в окружающем мире. Проводится оценка мнений, суждений и высказываний людей, поступков и идей. Таким образом, социальные оценки охватывают все стороны жизнедеятельности общества, отражают особенности и специфику взаимодействия человека и окружающей его действительности. Подобное проявление ценностных суждений характеризуется субъективным началом, так как любая социальная оценка детерминирована представлениями индивида или группой лиц. На основе социальных оценок происходит выборка того, какие положения социальной действительности выступают необходимым фактором развития и направлены на удовлетворение потребностей общества [3].

В начале прошлого века основатель направления философии- феноменологии Э. Гуссерль писал о том, насколько его поражают несоизмеримость факта и сущности происходящего события. В своих исследованиях автор подчеркивал тот факт, что изучение и анализ исключительно фактических положений отражения действительности никогда не будет истинным отражением существующей реальности. В случае, когда исследователи опираются на совокупность научно-философских методов познания и игнорируют социальные оценки происходящих явлений и процессов, им никогда не удастся репрезентовать истинную картину происходящих явлений. Обратной стороной данного суждения выступает факт о том, что, изучая происходящие события и явления, не стоит намеренно отказываться от фактических данных, которые позволяют сделать характеристику более содержательной и весомой.

Социальная оценка, выступая феноменом философской мысли, позволяет раскрыть взаимосвязь смысла и значения процессов и явлений, отражающих индивидуальные и общественные установки. Оценка выступает отражением ценностных положений, кото-

рые характеризуют современный этап развития общества [3]. Именно благодаря оценочным суждениям раскрывается взаимосвязь различных явлений общественной жизни, которые выступают показателями развития различных сфер жизнедеятельности. На основе оценочных суждений происходит актуализация действительности.

Одной из наиболее важных черт, которые обуславливают социальную оценку, выступает её неотделимость от субъекта. Так, именно на основе мнения субъекта происходит процесс определенной ценностной предметности, а также характеристика специфики и особенностей человеческого развития. Распространение оценочных суждений детерминировано фактором необходимости решения вопроса о предпочтениях индивидов. На основе оценочных суждений происходит выражение ценностной предметности, а также отражение объективных человеческих потребностей. Так, если в данный временной период общность в большей мере дает оценку политическим решениям органов власти, то это означает, что данная сфера жизни интересует её больше всего или же данная сфера подвержена проявлению неоднозначных факторов развития.

Проводя анализ ценностных суждений и ценностной предметности, необходимо отметить, что данные характеристики не являются тождественными. Так, ценность входит в структуру характеристики ценностной предметности и отражает функциональное состояние объекта. Кроме этого, состояние предмета или явления всегда охарактеризовано как объективное явление, в то время как рефлексия или оценка субъективны [7]. Стоит обозначить, что предметом социальной оценки могут являться не все процессы и явления, происходящие в жизни, а лишь определенная ценностная предметность, которая предопределяет конкретный период исторического развития.

Социальную оценку можно рассматривать в контексте сравнения объекта оценивания с эквивалентом как мерой оцениваемого. Наличие равноценного элемента, на основе которого происходит анализ факторов, выступает важнейшим элементом, который отличает процесс социальной оценки. Подобным эквивалентом может выступать оп-

ределенная общественная ценность, модель поведения, принятое решение [10]. В случае измерения одним эквивалентом субъект может получить определенную ценность, но в случае сравнения процесса или явления с иным эквивалентом он может получить абсолютно иной исход. Таким образом, процесс социальной оценки характеризуется комплексом мероприятий, при котором субъект (индивид) оценивает объект (политическое решение) на основе внутренних и внешних оснований и по результатам которого будет выявлен характер оценки.

Методология и методика комплексной оценки общественно-политических событий в современной России. Стоит отметить, что для эффективного анализа необходимо использовать несколько подходов к социальной оценке политической действительности. Ряд радикальных сторонников подхода, который описывает наличие в политической реальности собственной сущности, полагает, что политика характеризуется как наиболее объективная и независимая сфера, которая лишена воздействия влияния человеческих представлений и факторов. Подобным образом исследователи приравнивают природную среду и политическую реальность. Сторонники второго подхода полагают, что внутренние политические отношения и внешняя политика государства функционируют лишь на основе концепций, правил и норм, которые обусловлены сознанием людей.

Однако необходимо отметить, что существует ряд исследователей, полностью отвергающих необходимость объяснения и понимания политической сферы и политического мира. Последователи данного подхода основной задачей представляют не изучение политического мира, а характеристику вопросов, выступающих основными объектами политической реальности. Представители данного подхода полагают, что духовные, исторические, правовые, моральные и иные проблемы, обуславливающие политическое развитие, невозможно перевести в положения и научные термины без того, чтобы не исказить сущность и основные характеристики их содержания.

Целесообразно отметить, что в процессе анализа и характеристики общественно-по-

литической реальности необходимо использовать различные подходы, которые будут рассмотрены далее в рамках данного научного исследования.

Социологический подход. Специфику и особенности данного подхода изучали такие авторы, как А.П. Альгина, У. Бек, Э. Гидденс, И.Б. Новик, В.П. Буянова, А.В. Мозговая. Сущность данного подхода заключается в выявлении зависимости политической и общественной сфер жизни, а также социальной обусловленности многих политических решений и явлений, в том числе в анализе влияния политической реальности на экономическую сферу, на факторы формирования идеологии и культуры, а также на социальную структуру общества.

Традиционно одним из фундаментальных подходов, на которые опирается политическая мысль, выступает *нормативный подход*. Данный подход изучали такие авторы, как Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Л.Н. Гумилев, Ф.М. Достоевский, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин и многие другие. Сущность данного подхода заключается в анализе политических событий и явлений, которые обуславливают политическую сферу на основе принципов и понятий правомерности, норм свободы и справедливости, чести и достоинства человека и т.д. С помощью данного подхода формируются правила образования особой идеальной системы политического устройства, а также ее практического применения. Комплекс мероприятий и методов подхода ориентирован на положении о том, что необходимо опираться на основы моральных норм и ценностей и в соответствии с этим формировать политические институты и совершенствовать политическую сферу общественного развития.

Картину политической реальности в динамике призван показать *деятельностный подход*. Деятельностный подход является заслугой С.Л. Рубинштейна, а затем его стали исследовать такие авторы, как И.М. Сеченов, П.П. Блонский, Б.М. Теплов, П.И. Зинченко, А.А. Смирнов, Е.А. Будилова. Основные положения и сущностные характеристики данного подхода отражены в изучении политики государства как определенного вида овеществлённой деятельности. В рамках данного подхода политика и политические явления будут

рассматриваться как совокупность последовательных этапов, а именно: 1) формирование и характеристика осуществления политических целей; 2) принятие и специфика политических решений; 3) организация и сбор необходимых ресурсов для осуществления политической деятельности; 4) координирование и регулирование поставленных политических целей и задач; 5) анализ и мониторинг результатов политической деятельности [5].

Размышляя о технологиях комплексной социальной оценки общественно-политических событий, важно предметно рассмотреть типологию социальных оценок в политическом управлении, которая в основе социального анализа политических процессов и явлений опирается на комплекс шести фундаментальных способов исследования посредством диагностирования их концептуальных особенностей.

1. Метод комплексной технологии анализа политических процессов характеризуется как анализ взаимосвязей. Сущность данного метода социологического анализа заключается в характеристике основных факторов, которые детерминируют развитие общественной политики. Так, на основе использования данного метода можно провести анализ регионального развития и объяснить, почему некоторые регионы России развиваются более эффективно, а некоторые отстают, а также почему ряд регионов затрачивает большее количество издержек на культурную и социальную сферу, а ряд регионов делает упор на промышленность или сельское хозяйство. На основе метода анализа взаимосвязей можно определить, как и какие процессы оказывают влияние на эффективность политических решений, что впоследствии позволяет сформировать эффективную политику для каждой конкретной территории [1].

2. Метод анализа поведения. Проводя социологический анализ политических процессов и явлений, стоит отметить, что одним из основополагающих элементов, который влияет на данный процесс, выступает человеческий фактор. Для комплексного анализа человеческого фактора необходимо изучать характер и особенности человеческого восприятия, выявить ретроспективные исторические ценности и установки, определить мотивационные факторы. Применение данного

метода может быть использовано с целью характеристики типов социальных процессов в обществе и формирования различных форм влияния. На основе анализа поведения можно выявить наиболее приемлемые ценности и установки с целью оказания политического воздействия [1].

3. Метод комплексной технологии оценки политических решений характеризуется как анализ политических институтов. Политические институты выступают как определенный набор методов и правил осуществления событий и явлений. Проведение анализа институтов, которые оказывают влияние на развитие общества, позволяет выявить роль отдельных элементов политики. Практическое применение данного метода опирается на проведение экспериментальных мероприятий и позволяет выявить преимущества определенных институтов власти.

4. Метод анализа социально-политических процессов. Помимо политических институтов, целесообразно осуществлять структурно-функциональный анализ процессов, которые фонтанируют??? в данных институтах. Основной целью данного метода выступает характеристика процессов, которые обуславливают необходимость принятия корректных дальновидных политических решений. Анализ процессов содержит необходимость исследования специфики формирования общественных потребностей, которые, несомненно, оказывают влияние на политический курс. Применение данного анализа может включать в себя оценку влияния какой-то конкретной личности на процесс принятия политического решения и на результаты данного решения.

5. Метод анализа социально-политических решений. Специфика применения метода анализа политических решений заключается в формировании проблемных аспектов, которые требуют политического вмешательства. Кроме этого, необходимо проанализировать, какое влияние на социум окажет данное политическое решение и какие издержки потерпит государство в случае его непринятия. Данный метод применяется в целях оптимизации выбора конкретного политического решения на стадии его формирования, так как основная часть метода анализа решений сфокусирована на выявлении пот-

ребностей, которые детерминируют необходимость принятия политического решения.

6. Метод анализа воздействий. Анализ воздействия политического решения предназначен для выявления взаимосвязей и специфики того, какое влияние окажет данное политическое решение. Основными стадиями, которые анализирует исследователь в процессе применения данного метода, выступает стадия формирования потребностей общества и стадии формулирования целей принятия политического решения. Применение данного метода происходит на основе двух переменных: зависимой переменной будет являться конкретная общественная ситуация, а независимой будет выступать политика либо её конкретный аспект.

Практическая реализация технологии социальной комплексной оценки в сфере политического управления. Одной из основополагающих проблем социальной оценки политического управления выступает отсутствие скоординированной и общей системы оценки деятельности сотрудников органов власти. В современных реалиях оценка эффективности характеризуется как изолированный процесс и во многих случаях не соответствует ожиданиям населения и муниципальных служащих, которые заинтересованы в достижении результатов деятельности органа, в котором работают.

В настоящее время система оценки выступает, скорее, механизмом сбора информации, характеризующимся совокупностью данных о результатах деятельности определенных систем муниципального образования, в то время как система оценки политических решений должна выступать взаимосвязанным звеном в процессе управленческой деятельности в органах власти.

При проведении исследования была выявлена такая проблема, как отсутствие комплексной, своевременной и достоверной статистической информации. Информационные ресурсы муниципальных образований на территории регионов не предоставляют качественных и исчерпывающих данных относительно социально-экономического развития муниципального образования, ряд муниципалитетов не предоставляет информацию для формирования отчетности вовремя,

что затрудняет работу по аккумулированию статистической информации [9].

К основным негативным факторам, которые характеризуют сферу анализа эффективности политических решений, можно отнести следующие: 1) отсутствует единая, комплексная технология сбора и хранения информационных ресурсов муниципальными органами статистики; 2) отсутствуют единые методики и механизмы расчета; 3) наблюдается нехватка квалифицированной рабочей силы; 4) недостаточное материально-техническое оснащение деятельности муниципальных органов власти в целях проведения экспериментальных и наблюдательных методов анализа политических решений [9].

К вышеперечисленным проблемам развития социальной оценки общественно-политических событий и явлений следует отнести тот факт, что проведение статистического анализа и исследований не входит в перечень вопросов местного значения, что не позволяет муниципальным образованиям включать проведение мероприятий социального анализа в перечень расходных обязательств.

Анализируя деятельность муниципальных образований в сфере проведения статистических данных, можно отметить, что органы местного самоуправления осуществляют в основном аккумулирование информации, но при этом не проводят сравнительный анализ или прогнозирование полученных данных [2].

Заключение. На основе проведенных результатов исследования механизма оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления были выявлены тенденции и проблемы развития данной оценки, что позволило сделать вывод о том, что процесс политического управления развитием области в целом и механизм управления эффективностью органов местного самоуправления муниципалитетов в частности требуют значительной корректировки и доработки.

К приоритетным направлениям развития системы оценки эффективности муниципальных образований должны быть отнесены формулировка научного подхода, внедрение инновационных технологий, разработка и модернизация образовательных программ обучения персонала, разработка механизма

управления муниципальными образованиями области.

Следует полагать, что механизм управления эффективностью деятельности органов местного самоуправления должен характеризоваться как система взаимосвязанных элементов, которые позволили бы органам власти местного самоуправления определять стратегические и тактические цели, а затем оценивать и управлять данной деятельностью по достижению целей на основе имеющихся ресурсов.

В рамках представленной системы целесообразно предложить оценивать деятельность органов власти на основе двух типов оценки: объективной и субъективной. Данная оценка должна также подразделяться на уровни, на которых будет непосредственно проводиться. Полагается, что целесообразно проводить систему оценки деятельности органов власти местного самоуправления на микроуровне, в границах отдельного муниципалитета, и на макроуровне в специфике влияния каждого конкретного муниципального образования на развитие региона и государства [6].

Список источников

1. Василенко Л. А. Гражданские коммуникации и распределение социальных ролей в управлении социально-эпидемическими процессами / Л. А. Василенко, М. В. Губернова // Коммуникология. 2013. Т. 1. №1. С. 73–82.

2. Дичит С. К. Проблемы оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, оказывающих услуги населению, на примере опыта Республики Тыва // Научный форум: Инновационная наука: сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. М.: МЦНО, 2017. №3(4). С. 104–110.

3. Евелькин Г. М. Социально-политическая ситуация как проблема познания: к концептуализации понятий и исследовательских подходов // Социология. 2014. №2. С. 47–57.

4. Зуб А. А. Современные инструментальные средства и подходы в прогнозировании международных политических процессов // Вестник Московского университета.

Серия 18. Социология и политология. 2005. №2. С. 96–107.

5. Касимова Л. Н. Перспективы междисциплинарного подхода в социологии // Социальные и экономические системы. 2020. №1(13). С. 51–63.

6. Преснякова Т. С. Влияние эффективной деятельности органов местного самоуправления на развитие территории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. №4(30). С. 196–200.

7. Станевич А. Ю. Социальное настроение: методология и методы социологического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. №26(737). С. 207–219.

8. Фомина Е. Е. Методы анализа категориальных переменных в социологических исследованиях // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. №2. С. 39–51.

9. Шабанова М. А. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. — М.: Дело, 2002. — 568 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. №3(32). С. 259–265.

10. Шаланкова Е. Г. Социология дискурса, или язык и речь общества / Е. Г. Шаланкова, Н. В. Максимова // Наука и социум: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 03 февраля 2020 г.) / Отв. ред. Е. Л. Сорокина. Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы, 2020. С. 165–169.

References

1. Vasilenko L. A. Grazhdanskie kommunikacii i raspredelenie social'nyh rolej v upravlenii social'no-jepidemicheskimi processami [Civil communications and the distribution of social roles in the management of socio-epidemic processes]. L. A. Vasilenko, M. V. Gubernova. *Kommunikologija* [Communicologiya]. 2013; 1(1): 73–82. (In Russ.).

2. Dichit S. K. Problemy ocenki naseleniem jeffektivnosti dejatel'nosti rukovoditelej organov mestnogo samoupravlenija, unitarnyh predpriyatij i uchrezhdenij, okazyvajushhih uslugi nase-

leniju, na primere opyta Respubliki Tyva [Problems of public assessment of the effectiveness of the activities of heads of local governments, unitary enterprises and institutions providing services to the population, on the example of the experience of the Republic of Tyva]. Nauchnyj forum: Innovacionnaja nauka: sbornik statej po materialam IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Scientific Forum: Innovative science: collection of articles based on the materials of the IV international scientific and practical conference]. Moscow: MCNO, 2017. №3(4). Pp. 104–110. (In Russ.).

3. Evel'kin G.M. Social'no-politicheskaja situacija kak problema poznaniya: k konceptualizacii ponjatij i issledovatel'skih podhodov [Socio-political situation as a problem of cognition: towards the conceptualization of concepts and research approaches]. *Sociologija* [Sociology]. 2014; (2): 47–57. (In Russ.).

4. Zub A.A. Sovremennye instrumental'nye sredstva i podhody v prognozirovanii mezhdunarodnyh politicheskikh processov [Modern tools and approaches in forecasting international political processes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2005; (2): 96–107. (In Russ.).

5. Kasymova L.N. Perspektivy mezhdisciplinarnogo podhoda v sociologii [Prospects of an interdisciplinary approach in sociology]. *Social'nye i jekonomicheskie sistemy* [Social and economic systems]. 2020; 1(13): 51–63. (In Russ.).

6. Presnjakova T.S. Vlijanie jeffektivnoj dejatel'nosti organov mestnogo samoupravlenija na razvitie territorii [The influence of effective activities of local governments on the development of the territory]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Vector of Science of Tolyatti State University]. 2014; 4(30): 196–200. (In Russ.).

7. Stanevich A. Ju. Social'noe nastroyenie: metodologija i metody sociologicheskogo issledovaniya [Social mood: methodology and methods of sociological research]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2015; 26(737): 207–219. (In Russ.).

8. Fomina E.E. Metody analiza kategorial'nyh peremennyh v sociologicheskikh issledovaniyah [Methods of analysis of categorical variables in sociological research]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika* [Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics]. 2019; (2): 39–51. (In Russ.).

9. Shabanova M.A. Zaslavskaja T.I. Societal'naja transformacija rossijskogo obshhestva: Dejatel'nostno-strukturnaja koncepcija. — M.: Delo, 2002. — 568 s. [Zaslavskaya T.I. Societal transformation of Russian society: Activity-structural concept. — M.: Delo, 2002. — 568 p.]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 2003; 3(32): 259–265. (In Russ.).

10. Shalankova E.G. Sociologija diskursa, ili jazyk i rech' obshhestva [Sociology of discourse, or the language and speech of society]. E.G. Shalankova, N.V. Maksimova. Nauka i socium: Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Novosibirsk, 03 fevralja 2020 g.) [Science and society: Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation (Novosibirsk, February 03, 2020)]. Otv. red. E.L. Sorokina [In E.L. Sorokina (eds.)]. Novosibirsk: Sibirskij institut prakticheskoj psihologii, pedagogiki i social'noj raboty, 2020. Pp. 165–169. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 04.11.2023; approved after reviewing on 30.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гринченко Елизавета Александровна — магистрант 2 курса Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Elizaveta A. Grinchenko — 2nd year undergraduate student at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-34-50

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ: КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД

Ксения Эльдаровна Гусейнова

*Институт социологии — обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия
likseidar@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7957-7317, AuthorID РИНЦ: 897865*

Аннотация. *Целью исследования* является оценка состояния социального пространства регионов в контексте регулирования социальных неравенств.

Методология и методы. В статье представлены результаты поискового исследования с использованием качественного и количественного видов анализа. В качестве эмпирической базы были использованы данные рейтингов Фонда «Петербургская политика» за 2019 и 2021–22 года, а также результаты массового опроса (грант РНФ (№19-18-00345)), проведенного в 12 регионах России. В качестве единого анализа выступили основные события социально-политической жизни регионов, несущих в себе как положительную, так и отрицательную коннотацию. Анализ состояния социального пространства регионов осуществлялся по двум направлениям: посредством оценки состояния дел в 32 жизненно важных сферах общественной жизни и отбора основных социально-политических событий в регионах.

Результаты исследования. Данные, полученные в ходе исследования, частично подтвердили гипотезу о наличии связи между теми сферами жизни, которые оцениваются населением наиболее позитивно или, наоборот, негативно и их частичным либо полным совпадением с основными социально-политическими событиями в этих регионах. В условиях имеющихся социально-экономических и социокультурных неравенств события социально-политической жизни регионов являются отражением, а порой и следствием нерешенных проблем. Деятельность органов власти и управления, направленная на их решение, не всегда оказывается эффективной. В результате вместо регулирования социального неравенства происходит его усиление, что в свою очередь может привести к росту социальной дистанции между властью и обществом, потере обратной связи и росту недовольства со стороны населения. Подобные процессы могут оказывать определенное воздействие на организацию социального пространства, его границы и возможности.

Ключевые слова: социальное пространство, социальные неравенства, регионы, события политической жизни регионов, массовый опрос.

Для цитирования: Гусейнова К. Э. Социальное пространство регионов как фактор регулирования социальных неравенств: качественный и количественный подход // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 34–50. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации государственного задания на тему «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений».

Original article

THE SOCIAL SPACE OF THE REGIONS AS A FACTOR IN REGULATING SOCIAL INEQUALITIES: QUALITATIVE AND QUANTITATIVE APPROACH

Ksenia E. Guseynova

*Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
likseidar@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7957-7317, AuthorID РИНЦ: 897865*

Abstract. *The purpose of the research is to assess the state of the social space of regions in the context of regulating social inequalities.*

Methodology and methods. *The article presents the results of a search study using qualitative and quantitative types of analysis. As an empirical base, there were used the rating data of the Petersburg Politics Foundation for 2019 and 2021–22, as well as the results of a mass survey (grant of the Russian National Research Fund (№19-18-00345)) conducted in 12 regions of Russia. The main events of the socio-political life of the regions, bearing both positive and negative connotations, acted as a single analysis. The analysis of the state of the social space of the regions was carried out in two directions: through the analysis of the state of affairs in 32 vital areas of public life and the selection of the main socio-political events in regions.*

Research result. *Data from the study partially supported the hypothesis of connection between those spheres of life that are assessed by the population most positively or, conversely, negatively, and their partial or complete coincidence with the main socio-political events in these regions. In the conditions of existing socio-economic and socio-cultural inequalities, the events of the socio-political life of the regions are a reflection, and sometimes a consequence, of unresolved problems. The activities of government aimed at solving them are not always effective. As a result, instead of regulating social inequality, it is strengthened, which, in turn, can lead to an increase in social distance between government and society, loss of feedback and an increase in discontent on the part of the population. Such processes can have a certain impact on the organization of social space, its boundaries and opportunities.*

Keywords: *social space, social inequalities, regions, regional political events, mass survey*

For citation: *Guseynova K. E. The Social Space of the Regions as a Factor in Regulating Social Inequalities: Qualitative and Quantitative Approach // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 34–50. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-34-50>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the state task «Social modeling of regional inequalities and ways to overcome them in the context of interregional and federal relations».*

Введение. События социально-политической жизни являются зеркальным отражением организации «социального пространства» (Г. Зиммель, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас) в регионах. Последнее рассматривается в качестве физической категории (П. Сорокин) и может зависеть от множества факторов, в том числе от региональной повестки [4; 2; 3; 8; 9; 10].

Анализ событий может многое рассказать о характере и стиле управления в регионах, а также выявить возможные причины неравенства территорий. Наряду с уровнем модернизации, историко-культурным наследием, геополитическим расположением и прочими особенностями, события, происходящие в регионах, лежат в основе проблемы регулируемости социально-экономических и социокультурных неравенств. К росту последних, помимо прочего, могут привести малоэффективные управленческие решения со стороны органов власти и управления, направленные на нивелирование наиболее острых социальных проблем. Подобные действия приводят к усугублению социальных неравенств, росту дистанции между участниками и, как следствие, непониманию общих целей, рассогласованию действий органов власти и адекватной реакции населения на управленческие решения.

В качестве участников (акторов) социального пространства в данном случае будут рассматриваться органы власти и население, взаимодействие которых в том числе зависит от способов коммуникации и попыток построить диалог между всеми участниками [6; 7].

Методология исследования. Для определения количественных и качественных показателей социального неравенства можно использовать различные подходы. Помимо объективных показателей (данные официальные статистики), характеризующих наличие либо отсутствие региональных неравенств, не менее значимыми являются так называемые субъективные или социокультурные показатели. С их помощью удастся определить степень чувствительности населения регионов к той или иной проблеме [5]. С этой целью был проведен контент-анализ основных социально-политических событий в 12 регионах

РФ с различным уровнем социокультурной модернизации (методика Н. И. Лапина) [1].

Социально-политические события были отобраны Фондом «Петербургская политика» и перекодированы автором в соответствии с группой жизненно важных сфер (проблем), оценка которых проводилась в рамках массового опроса по гранту РНФ (№19–18–00345).

Основное предположение состоит в том, что те сферы жизни, которые оцениваются населением наиболее позитивно или негативно, будут совпадать с основными социально-политическими событиями в этих регионах. При этом система управления может рассматриваться как фактор, формирующий социальные неравенства, если работа органов власти низко оценивается населением — в какой мере это повлияет на степень социального неравенства в регионах. С помощью существующих в социальном пространстве проблем, обладающих для жителей наибольшей чувствительностью, можно определить степень регулируемости неравенств властными структурами.

Методика исследования. На основе данных рейтинга фонда «Петербургская политика» были отобраны основные социально-политические события (положительные и отрицательные), происходившие в регионах на момент проведения массового опроса.

Сбор данных был осуществлен в два этапа. Поскольку пилотный запуск опроса проводился в четырех регионах в период с июня по август 2019 года, в первую очередь для анализа были отобраны положительные и отрицательные события в Московской области, Республике Башкортостан, Белгородской области и Республике Калмыкия за три месяца. Всего было собрано 112 сообщений (65 положительных и 47 отрицательных).

На втором этапе были отобраны события, происходившие в декабре 2021 — феврале 2022 гг. в восьми оставшихся регионах, а именно: в Свердловской, Нижегородской, Смоленской, Вологодской, Омской, Брянской, Амурской областях и Республике Саха (Якутия). Всего в выборку попало 161 сообщение (95 положительных и 66 отрицательных).

Полученный массив (273 события) был перекодирован в соответствии с перечнем жизненно важных сфер, оценку состояния

которых удалось узнать в ходе проведения массового опроса. На основе количества упоминаний той или иной проблемы в социальном пространстве регионов были посчитаны средние оценки (среднее арифметическое) по каждому типу проблем.

Таким образом, удалось получить оценки положения дел в двенадцати регионах на основании анализа основных социально-политических событий. Следует отметить, что к полученной типологии было добавлено новое значение — спортивная деятельность. Данная сфера отсутствовала в списке, который оценивали респонденты массового опроса, однако в значительной степени присутствовала в социальном пространстве регионов.

Часть сообщений имела множественную форму кодировки, когда вместо одного значения присуждалось два и более. Так, например, событие, связанное с разгоном органами правопорядка акции жителей Московской области, выступающих против строительства мусороперерабатывающего завода, связано одновременно с экологией, работой органов правопорядка и противодействием разжиганию конфликтов среди населения. События, связанные с банкротством предприятий, развитием сельского хозяйства, помощью производителям агропромышленной сферы — все это было отнесено к проблеме поддержки малого и среднего бизнеса. В вопросе анкеты также был пункт, касающийся коррупции в органах власти. В ходе проведения анализа региональных событий обнаружилось значительное число сообщений, касающихся возбуждения уголовных дел по факту осуществления взяток и хищения крупных сумм в сфере бизнеса. Такие сообщения были отнесены к работе органов правопорядка на основании зафиксированных экономических преступлений.

Основные результаты за 2019 год. В результате кодировки выяснилось, что события, происходившие в 2019 году в четырёх отобранных регионах, соответствуют двадцати трем жизненно важным сферам общественной жизни, о чём свидетельствуют данные таблицы 1. Для укрупнения показателей необходимо было прописать формальные критерии типологизации полученных данных. В итоге были выделены четыре группы сооб-

щений (проблем) по степени их упоминания (популярности) в социальном поле регионов:

1) наиболее популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 3,3 и выше);

2) популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 2,5 до 1,5);

3) менее популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 1,0 до 0,8);

4) непопулярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 0,5 и ниже).

Таким образом, к числу наиболее популярных тем можно отнести вопросы, связанные с экологией и поддержкой малого и среднего бизнеса. На втором месте по числу упоминаний находятся сообщения, повествующие о повышении инвестиционной привлекательности отечественного бизнеса, трудовых возможностях, развитии систем спорта и здравоохранения, загруженности региональных предприятий, взяток со стороны органов власти, противодействии разжиганию конфликтов между гражданами, в том числе разделяющими различные оппозиционные взгляды.

Менее популярными оказались события, касающиеся работы сферы ЖКХ, улучшения жилищных условий населения, развития технологий, качества и состояния дорог, работы правоохранительных органов.

Как видно из рисунка 1, самыми позитивными оказались события, связанные с поддержкой малого и среднего бизнеса, отечественного бизнеса в целом (в том числе повышение инвестиционной привлекательности региональных предприятий). Другим частым событием стало объявление о начале строительства различных объектов инфраструктуры и, как следствие, появление новых рабочих мест, что в свою очередь увеличивает шанс найти работу в регионе проживания.

Последними по частоте упоминания стали события, связанные со спортом. Фонд «Петербургская политика» совместно с газетой «Спорт-экспресс» ежегодно составляет рейтинг командных видов спорта. К примеру, в социальном пространстве регионов 2019 года часто встречались сообщения о том, что Московская область занимает лидирующие позиции в разнообразных видах спорта, в то время как Республика Калмыкия, наоборот, занимает последние места в коман-

дных соревнованиях. В процессе кодировки к данной категории также были отнесены сообщения о строительстве новых спортивных объектов.

Самыми негативными стали события, связанные с экологией. Во всех регионах, за исключением Белгородской области, были отмечены события соответствующего харак-

тера. Экологические проблемы Московской области чаще всего были связаны с митингами жителей отдельных районов, выступающих против вырубке лесов, строительства мусорных полигонов и мусороперерабатывающих заводов. Данный регион стал единственным, в котором протесты жителей встретили сопротивление со стороны органов пра-

Таблица 1
 Table 1

Кодировка основных социально-политических событий (положительных и отрицательных), происходящих в четырех регионах в 2019 году (по версии фонда «Петербургская политика»), в соответствии с типологией проблем массового опроса¹
Coding of the main socio-political events (positive and negative) taking place in four regions in 2019 (according to the Petersburg Politics Foundation), in accordance with the typology of the problems of the mass survey

Номер проблемы	Московская область	Республика Башкортостан	Белгородская область	Республика Калмыкия	Средние значения
19	4	5	4	2	3,8
14	4	7	1	1	3,3
32	5	4	1	0	2,5
1	4	1	2	3	2,5
33	1	4	2	2	2,3
9	2	4	0	1	1,8
24	3	2	1	1	1,8
18	3	1	1	1	1,5
29	2	3	0	1	1,5
2	1	1	0	2	1
31	2	1	0	1	1
11	1	2	1	0	1
5	1	1	0	1	0,8
3	0	0	0	3	0,8
8	1	1	1	0	0,8
17	1	0	1	0	0,5
28	0	0	0	2	0,5
30	0	1	1	0	0,5
6	1	0	0	1	0,5
25	1	1	0	0	0,5
4	1	0	0	0	0,3
7	1	0	0	0	0,3
12	0	0	1	0	0,3

¹ Примечания к таблице: номер проблемы совпадает с перечнем жизненно важных сфер массового опроса.

вопорядка. Проблемы подобного рода также наблюдались в Калмыкии и Башкирии. К их числу можно отнести массовую гибель пчёл в нескольких районах Башкортостана, загрязнённый воздух и загруженность местных полигонов ТКО.

Следствием вышеперечисленных негативных событий являются проблемы отношения к людям различных оппозиционных взглядов и противодействие разжиганию конфликтов между гражданами. Наряду с этим в региональных сообщениях содержалась информация об аресте ряда чиновников, причина — получение взятки и превышение полномочий (Московская область, Республика Калмыкия).

В результате мы пришли к выводу, что в 2019 году в социальном пространстве четырёх регионов наблюдалось больше положительных событий нежели отрицательных.

Об этом свидетельствуют данные рисунка 1, на котором видно, что положительные события происходили в 18 общественных сферах, а негативные — в 12. При этом проблемы, связанные с деятельностью органов региональной и местной власти, правоохранительных органов, носили исключительно негативный характер.

Теперь сравним средние оценки по тем же проблемам, полученные в ходе массового опроса (рисунок 2), согласно данным которого в удовлетворительном состоянии находятся 22 жизненно важных сферы, в хорошем — 1.

Охрана природной среды — проблема, оказавшаяся самой негативной по версии рейтинга, по данным массового опроса, находится в удовлетворительном состоянии. Оценки респондентов Республик Калмыкия и Башкортостан подтверждают данные рейтинга фонда «Петербургская политика».

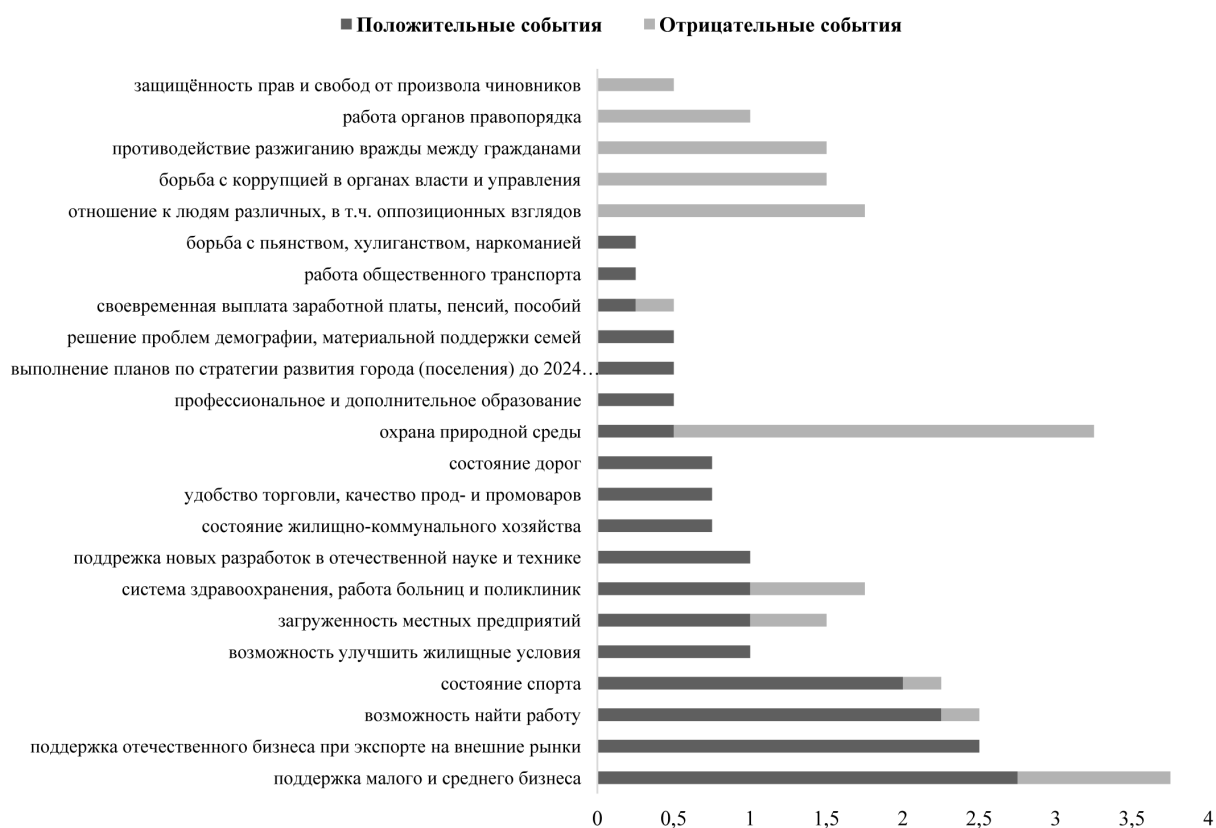

Рис. 1. Средние оценки положительных и отрицательных событий, происходивших в четырех регионах в 2019 году по версии фонда «Петербургская политика» и перекодированных на основе данных массового опроса

Fig. 1. Average estimates of the positive and negative events which were taking place in four regions in 2019 according to St. Petersburg Policy fund and recoded on the basis of data of mass survey

То же самое можно сказать про Белгородскую область, это единственный регион, в котором тема экологии была затронута в позитивном ключе. Данный факт подтверждают и результаты массового опроса.

Второе по частоте негативное событие социального пространства регионов — отношение к людям различных (в том числе оппозиционных) взглядов — хуже всех его оценили респонденты Белгородской области. Однако, данная проблема, по мнению населения, находится в удовлетворительном состоянии, как и большинство других.

Борьба с коррупцией в органах власти — популярная тема среди региональных событий для всех четырех регионов. Согласно оценкам населения, она же является самой негативной, особенно для жителей Республики Калмыкия и Башкортостан.

Возможность найти работу — показатель, который хуже других оценили респонденты Республики Калмыкия. Данный факт подтверждается низовыми местами в РИА Рейтингах (2019 г.) по уровню доходов населения (83-е место), по уровню долговой нагрузки (71-е место), социально-экономического положения (79-е место). Для других трёх регионов проблема поиска работы также является значимой, при этом строительство новых объектов инфраструктуры во многом улучшает ситуацию с поиском работы. Как мы можем заметить, региональные события подтверждают полученные данные.

Для всех четырех регионов в списке популярных негативных оказались события, связанные с противодействием разжиганию конфликтов между гражданами. Острее всего это наблюдалось в Московской области,

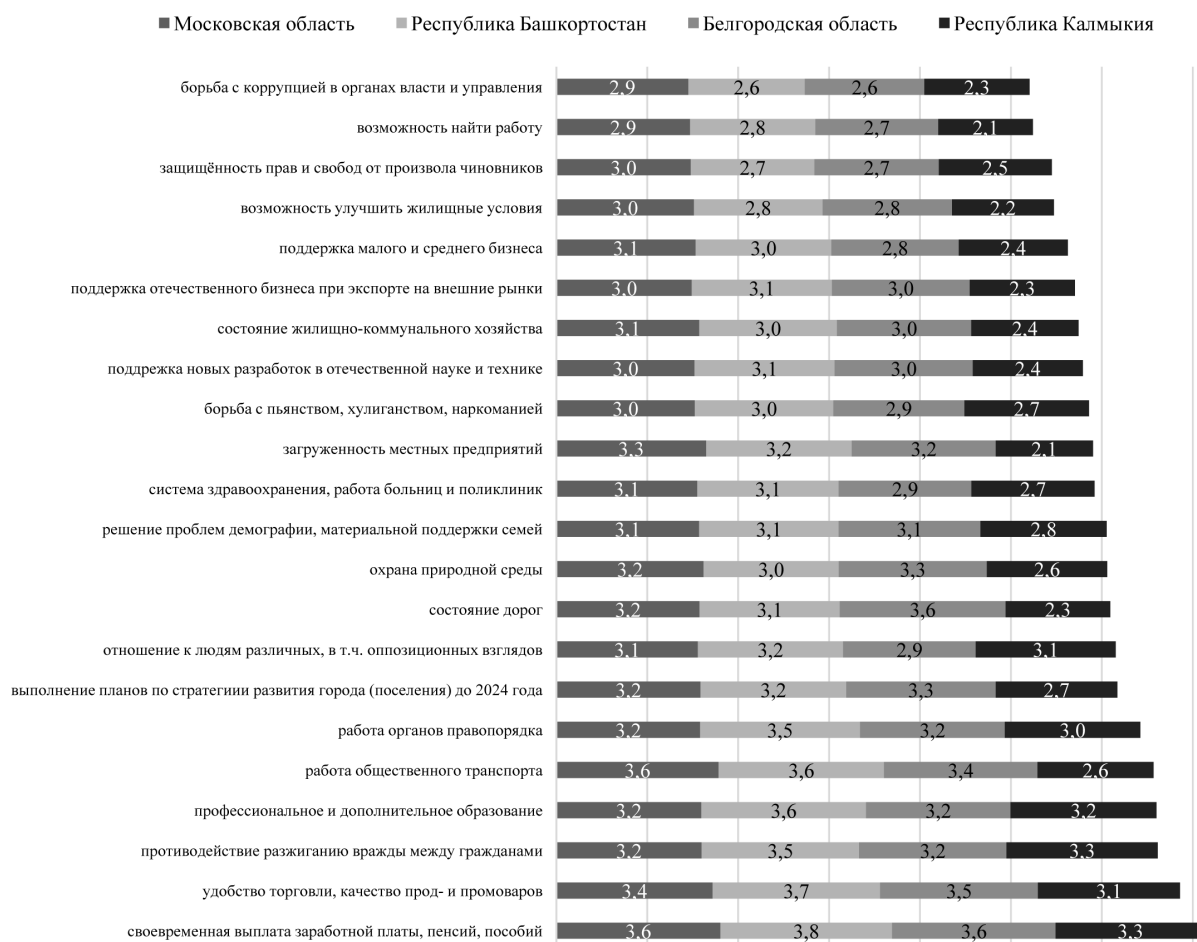

Рис. 2. Средние значения положения дел в четырех регионах в 2019 году по данным массового опроса, региональный разрез, пятибалльная шкала

Fig. 2. Average values of the state of affairs in four regions in 2019 according to a mass survey, regional section, five-point scale

где многочисленные митинги жителей часто встречали сопротивление со стороны правоохранительных органов. Респонденты Подмосковья, участвующие в массовом опросе, дали самую низкую оценку по данной теме.

Примечательно, что такой показатель, как поддержка малого и среднего бизнеса, был низко оценен в массовом опросе, особенно жителями Калмыкии. Респонденты Московской области и Республики Башкортостан на порядок выше оценили данный показатель. В этих же регионах было отмечено больше всего положительных событий по обозначенной теме.

Основные результаты за 2021–22 гг.

В результате кодировки выяснилось, что события, происходившие в 2021–22 гг. в восьми отобранных регионах, соответствуют 27 жизненно важным сферам общественной жизни, о чём свидетельствуют данные таблицы 2. Так же, как и в случае с 2019 годом, были выделены четыре группы сообщений (проблем) по степени их упоминания (популярности) в социальном пространстве регионов:

- 1) наиболее популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 2,9 и выше);
- 2) популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 2,4 до 1,8);
- 3) менее популярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 1,1 до 0,6);
- 4) непопулярные темы (среднее значение находится в диапазоне от 0,5 и ниже).

Поддержка малого и среднего бизнеса сохранила свои позиции и снова попала в категорию наиболее популярных тем социального пространства регионов в 2021–22 гг. Вместе с ней в группу попали события, касающиеся работы органов правопорядка, которые также стали более значимыми по сравнению с первым замером 2019 года.

Поиск работы и борьба с коррупционными схемами в органах власти — темы, которые аналогичным образом сохранили за собой второе место по числу упоминаний. Более популярными стали события, связанные с состоянием ЖКХ.

В третью группу менее популярных попали темы, касающиеся нивелирования конфликтов между гражданами, работы системы здравоохранения, экологии, спорта,

поддержки отечественного бизнеса. Теперь к ним прибавились события, повествующие о работе общественного транспорта в регионах, демографии, произволе чиновников. В 2019 году перечисленные темы были гораздо менее востребованными. Так же, как и в предыдущем замере, в основную кодировку попали события спортивной сферы.

Группа непопулярных тем пополнилась пятью сферами: охрана памятников культуры, организация общего образования, работа учреждений культуры, уважение к людям другой веры и национальности.

Некогда популярная тема конфликтов на почве разных взглядов теперь оказалась в последней группе. События, связанные с продовольствием, своевременными выплатами, хулиганством и профессиональным образованием, по-прежнему остаются наименее популярными в социальном пространстве регионов.

В результате мы пришли к выводу, что в 2021–2022 гг. в социальном пространстве восьми регионов наблюдалось больше положительных событий нежели отрицательных. Об этом свидетельствуют данные рисунка 3, на котором видно, что положительные события происходили в 19 общественных сферах, а негативные — в 16.

Из рисунка 3 становится ясно, что самыми популярными и позитивными снова оказались события, связанные с поддержкой малого и среднего бизнеса. Работа правоохранительных органов заняла второе место по популярности и первое среди наиболее негативных.

В одинаково позитивном ключе на рисунке продемонстрированы темы поиска работы и состояния ЖКХ. Последняя была также представлена значительным количеством негативных региональных событий.

Проблема защиты окружающей среды, которая достаточно остро проявлялась в событиях четырёх регионов в 2019 году, оказалась менее важной для других восьми регионов. Наряду с своевременной выплатой зарплат и пенсий тема экологии представлена равным количеством положительных и негативных событий.

С другой стороны, проблемы коррупции среди чиновников и нивелирование конфликтов между гражданами для данной груп-

Таблица 2
 Table 2

Кодировка основных социально-политических событий (положительных и отрицательных), происходящих в восьми регионах в 2021–22 гг. (по версии фонда «Петербургская политика») в соответствии с типологией проблем массового опроса²
Coding of the main socio-political events (positive and negative) taking place in eight regions in 2021–22 (according to the Petersburg Politics Foundation), in accordance with the typology of the problems of the mass survey

Номер проблемы	Нижний Новгород	Свердловская область	Республика Саха (Якутия)	Омская область	Амурская область	Вологодская область	Брянская область	Смоленская область	Средние значения
19	3	6	3	1	1	6	4	1	3,1
11	3	2	4	1	0	5	3	5	2,9
3	3	3	3	3	3	4	0	0	2,4
1	3	0	2	1	1	4	1	2	1,8
18	0	1	3	2	7	1	0	0	1,8
29	0	3	2	0	0	0	1	3	1,1
9	2	1	0	1	1	0	3	0	1
7	0	1	0	2	0	0	3	0	0,8
14	1	3	1	1	0	0	0	0	0,8
30	2	0	1	0	0	1	0	2	0,8
33	3	0	1	0	1	0	1	0	0,8
25	2	1	0	0	0	0	1	1	0,6
32	0	3	0	0	1	1	0	0	0,6
23	1	0	0	0	0	1	1	1	0,5
31	0	3	0	0	0	0	0	1	0,5
2	0	1	0	0	1	1	0	0	0,4
5	1	0	2	0	0	0	0	0	0,4
6	0	0	2	0	0	1	0	0	0,4
8	0	0	3	0	0	0	0	0	0,4
4	0	0	1	0	0	1	0	0	0,3
12	1	0	0	0	0	1	0	0	0,3
16	0	0	0	2	0	0	0	0	0,3
24	1	1	0	0	0	0	0	0	0,3
10	0	1	0	0	0	0	0	0	0,1
17	0	1	0	0	0	0	0	0	0,1
21	0	0	0	0	0	0	0	1	0,1
22	0	1	0	0	0	0	0	0	0,1

² Примечания к таблице: номер проблемы совпадает с перечнем жизненно важных сфер массового опроса.

пы регионов оказались не менее значимыми и также представлены в негативном ключе.

Произвол со стороны чиновников, организация работы по борьбе с девиантным поведением, конфликты граждан, возникающие на почве межэтнической, конфессиональной и политической принадлежности — все перечисленные темы были представлены исключительно негативными событиями.

Скорее негативными оказались события культурной сферы, связанные с сохранением объектов культурного значения и работой соответствующих учреждений.

Несмотря на низкую частоту упоминаний, среди основных социально-политических событий 2021–2022 гг. проблемы научно-

технологического, образовательного, спортивного, экономического и инфраструктурного характера были отражены в позитивном ключе.

Теперь рассмотрим средние оценки по тем же проблемам 2021–22 гг., полученные в ходе массового опроса (рисунок 4). Согласно результатам, в удовлетворительном состоянии находится 21 жизненно важных сфера, в хорошем — 5. К числу последних можно отнести своевременную выплату зарплат, пособий — показатель, который также набрал самый высокий балл в массовом анализе первых четырёх регионов в 2019 году.

Тема продовольствия была положительно отмечена в социальном пространстве регио-

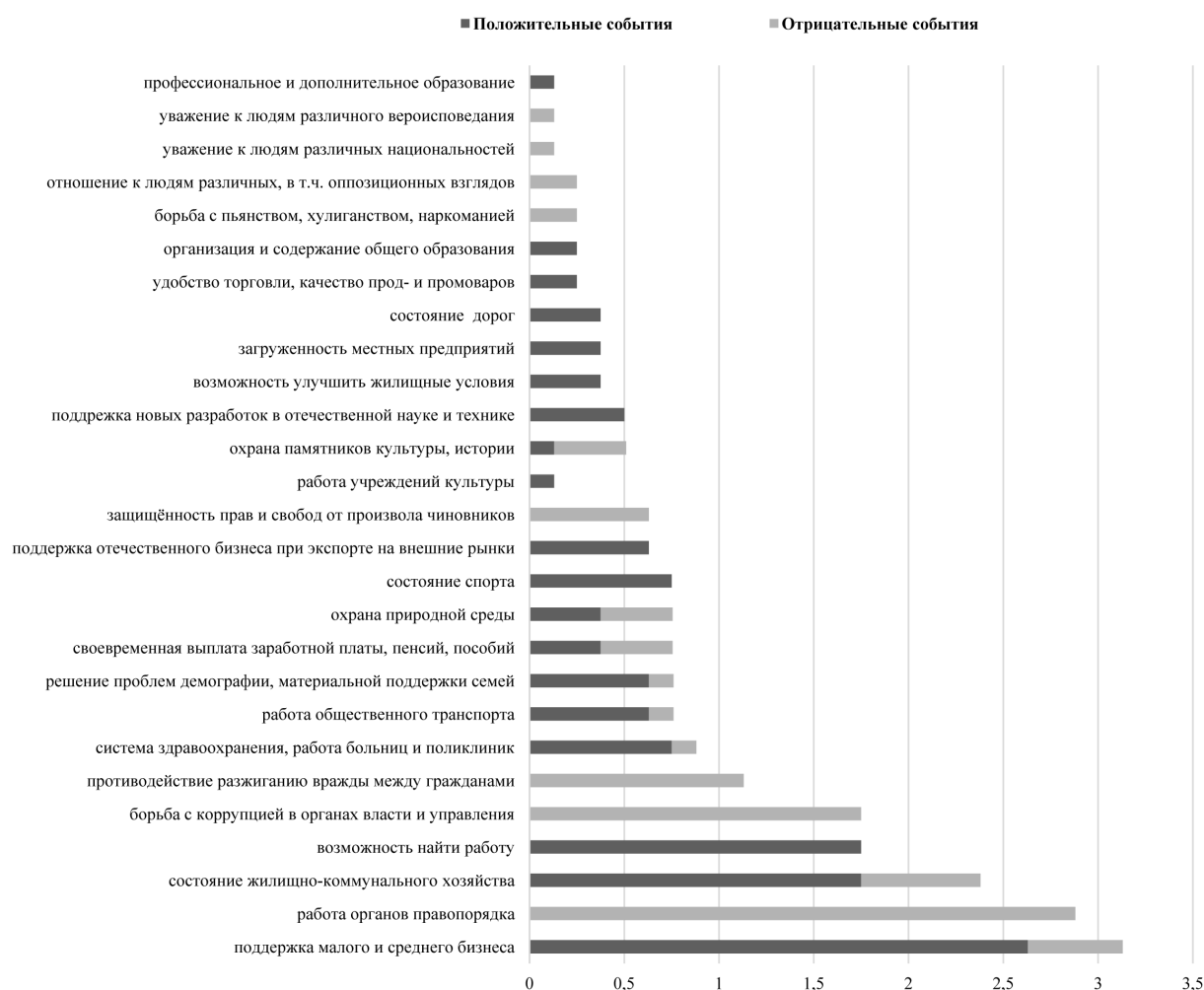

Рис. 3. Средние оценки положительных и отрицательных событий, происходивших в восьми регионах в 2021–22 гг. по версии фонда «Петербургская политика» и перекодированных на основе данных массового опроса

Fig. 3. Average estimates of the positive and negative events which were taking place in eight regions in 2021–22 according to St. Petersburg Policy fund and recoded on the basis of data of mass poll

нов, следствием чего является относительно высокая оценка данной сферы респондентами массового опроса.

Охрана памятников культуры — показатель, который оценивается «хорошо» респондентами пяти из восьми регионов. При этом низкая оценка по Вологодской области может являться результатом пожаров в нескольких деревянных строениях федерального значения. В одном из них, построенном предположительно в конце XIX века, располагается Вологодский научный центр Российской Академии наук.

События, связанные с организацией общеобразовательных процессов, также подтверждают оценку, полученную в результате массового опроса. Так, например, события в Омской

области указывают на заинтересованность региональных органов власти в повышении качества и доступности общего образования.

Религия — заключительная тема, с которой в целом неплохо обстоят дела в регионах. При этом самый низкий показатель оказался в Свердловской, Нижегородской и Вологодской областях, что отчасти подтверждают событийные данные.

Самые популярные события, касающиеся поддержки регионального бизнеса, были низко оценены населением регионов, причем положительные события были отмечены во всех регионах, за исключением Брянской области.

Как мы видели ранее, в группу чуть менее популярных и одновременно позитив-

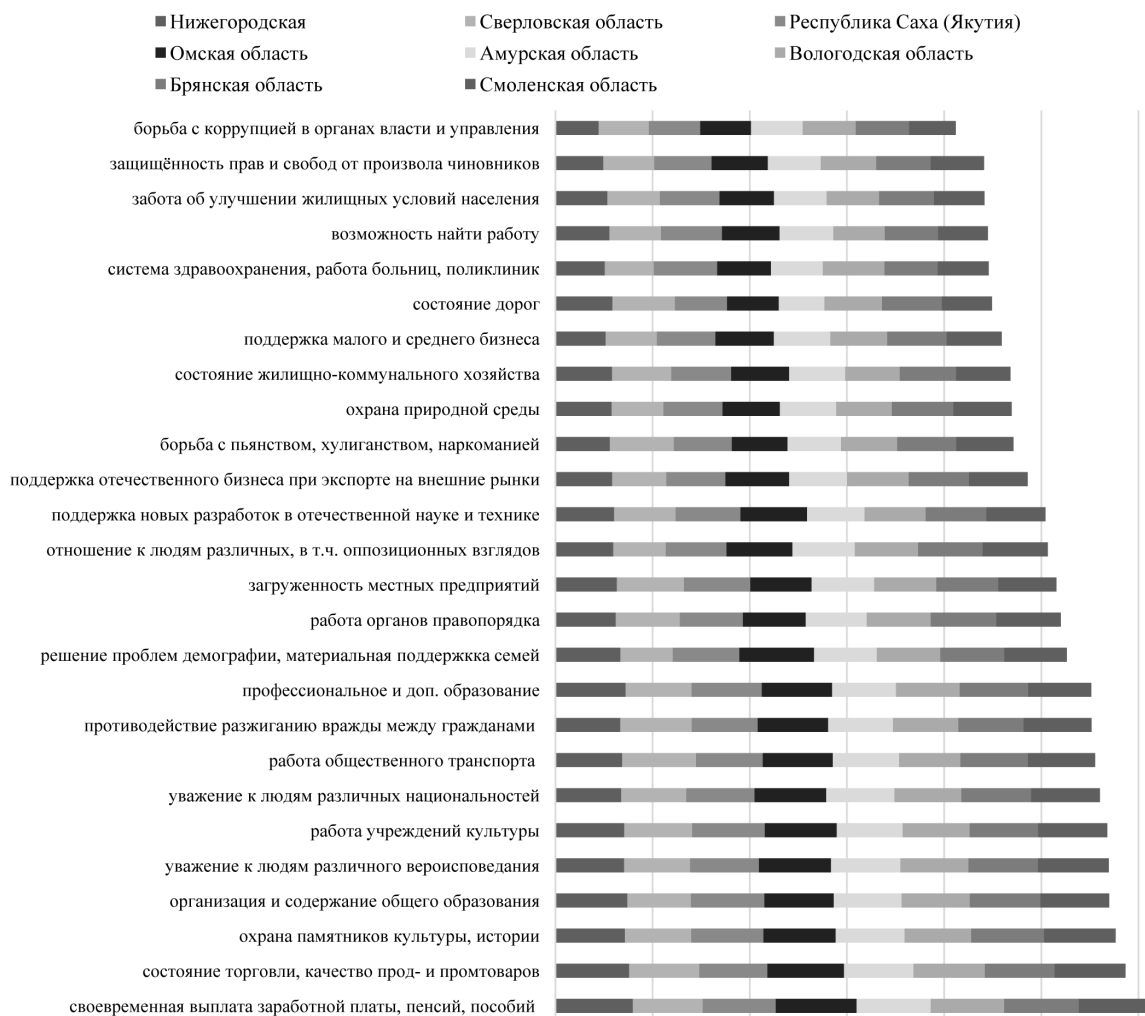

Рис. 4. Средние значения положения дел в восьми регионах в 2021–22 гг. по данным массового опроса, региональный разрез, пятибалльная шкала

Fig. 4. Average values of the state of affairs in eight regions in 2021–22 according to a mass survey, regional section, five-point scale

Таблица 3
Table 3

Группировка жизненно важных сфер, выявленных в результате проведения массового опроса в 12 регионах в 2019–22 гг., положение дел в которых (не) подтвердили основные события социально-политической жизни

Grouping of vital areas identified as a result of a mass survey in 12 regions in 2019–22, the state of affairs in which the main events of socio-political life were confirmed or not confirmed

2019 г.	2021–2022 гг.
группа 1 — положение дел, которое полностью подтверждают события социального пространства регионов	
своевременная выплата з/п и проч.,	общее образование,
противодействие разжиганию конфликтов,	общественный транспорт,
общественный транспорт,	загруженность предприятий,
отношение к людям различных (в т.ч. оппозиционных) взглядов,	отношение к людям различных (в т.ч. оппозиционных) взглядов
дороги,	
здравоохранение,	
экология,	
поддержка отечественного бизнеса,	
поддержка малого и среднего бизнеса,	
возможность найти работу,	
борьба с коррупцией в органах власти	
группа 2 — положение дел, которое частично подтверждают события социального пространства регионов	
продовольствие,	продовольствие,
работа правоохранительных служб,	охрана культурных объектов,
материальная поддержка семей,	работа учреждений культуры,
загруженность местных предприятий,	уважение к представителям различных религиозных и этнических групп,
поддержка и развитие новых технологий,	поддержка отечественного бизнеса,
улучшение жилищных условий,	профессиональное образование,
произвол чиновников	работа правоохранительных служб,
	борьба с девиантным поведением,
	состояние ЖКХ,
	дороги,
	борьба с коррупцией в органах власти,
	произвол чиновников
группа 3 — положение дел, которое не подтверждают события социального пространства регионов	
выполнение плана по стратегии развития,	своевременная выплата з/п проч.,
борьба с девиантным поведением,	противодействие разжиганию конфликтов,
профессиональное образование,	материальная поддержка семей,

Окончание Таблицы 3
 End of Table 3

состояние ЖКХ	поддержка и развитие технологий,
	экология,
	поддержка малого и среднего бизнеса,
	здравоохранение,
	возможность найти работу,
	улучшение жилищных условий

ных тем попали вопросы, связанные с поиском работы и состоянием жилищного хозяйства. Несмотря на множественные меры по привлечению инвестиций и строительству модернизированных инфраструктурных объектов (Нижегородская, Смоленская области и др.), за счет которых регионы могут получить новые трудовые места, респонденты массового опроса оценили данную сферу ниже, чем «удовлетворительно».

В то же время такие события в сфере ЖКХ, как газификация населения, ремонт электросетей, отопление домов, а также формирование комфортной городской среды в целом подтверждают результаты массового опроса в Свердловской и Омской областях, а также Республике Саха (Якутия).

Хуже других работу органов правопорядка оценили респонденты Якутии, Нижегородской, Омской и Амурской областей. События, происходящие в перечисленных регионах в 2021–22 гг. не только подтверждают данные массового опроса, но указывают на возможное ухудшение ситуации в Вологодской, Смоленской и Свердловской областях.

Самая проблемная сфера, по мнению жителей регионов, она же вторая согласно рейтингу социально-политических событий — это коррупция в органах власти. Особенно остро данная проблема наблюдается в Нижегородской и Смоленской областях.

На основании данных массового опроса 2019–2022 гг., было принято решение типологизировать жизненно важные сферы, отмеченные в социальном пространстве регионов, на три группы (см. таблицу 3).

Наша гипотеза о том, что те сферы жизни, которые оцениваются населением наиболее позитивно или негативно, будут совпадать с основными социально-политическими

событиями в этих регионах, частично подтвердилась. Поскольку основным критерием для отбора жизненно важных сфер были основные социально-политические события, происходившие в регионах, все проблемы, попавшие в выборку для анализа данных массового опроса, имеют средние оценки от 2,6 до 3,6 (для четырёх регионов) и от 2,6 до 3,8 (для восьми регионов) по пятибалльной шкале.

Таким образом, события 2019 года подтверждают наличие проблем с коррупцией, поиском работы, недостаточной поддержкой малого и среднего бизнеса со стороны государства, в т.ч. при выходе на внешние рынки сбыта, неудовлетворительным состоянием ЖКХ, экологическими проблемами, связанными со строительством мусороперерабатывающих заводов и полигонов ТБО.

Возможность найти работу и поддержка бизнес-структур — сферы, при оценке которых подтвердилось наличие обратной связи между уровнем социокультурной модернизации региона и оценкой положения дел в четырёх регионах. Низко развитые регионы более критично оценивают данные показатели, равно как состояние ЖКХ и загруженность местных предприятий.

Социально-политические события 2021–2022 гг. также подтверждают наличие следующих проблем: организация общего образования, загруженность местных предприятий, работа общественного транспорта, отношение к людям оппозиционных взглядов. Столь малое количество проблем (по сравнению с 2019 г.) может объясняться количеством регионов, взятых для анализа, а также их социокультурными и экономическими различиями.

Также обнаружилась обратная зависимость между уровнем модернизационного

развития региона и оценкой положения дел в сфере загруженности предприятий. Очевидно, что чем ниже уровень социокультурной модернизации, тем острее население ощущает данную проблему.

Для определения степени социального неравенства в регионах необходимо выяснить, существует ли связь между выявленными (подтверждёнными) проблемами (см. таблицу 3, группа 1) и степенью их решаемости местной властью. Поскольку мы имеем дело с непараметрическими данными, для определения наличия либо отсутствия связи был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Для первых четырёх регионов, попавших в выборку 2019 года, на уровне значимости 0,01 (двухсторонняя) была обнаружена высокая статистически значимая связь между деятельностью местных органов власти, направленной на решение проблем 7 из 10 представленных сфер (своевременная выплата зарплат и пенсий — 0,589**, общественный транспорт — 0,600**, дороги — 0,644**, здравоохранение — 0,565**, коррупция — 0,531**, поддержка малого и среднего бизнеса — 0,503**, поиск работы — 0,581**), и оценкой населения. Что касается других трёх сфер, была обнаружена средняя статистически значимая связь (экология — 0,496**, разжигание конфликтов — 0,470**, поддержка отечественно-

го бизнеса при выходе на новые рынки — 0,495**).

Для второй группы регионов, попавших в выборку 2021–22 гг., на уровне значимости 0,01 (двухсторонняя) была обнаружена высокая статистически значимая связь между деятельностью местных органов власти, направленной на решение проблем четырёх сфер, представленных в таблице 3 (загруженность предприятий — 0,522**, общественный транспорт — 0,668**, общее образование — 0,623**, отношение к оппозиционно настроенным гражданам — 0,530**), и оценкой населения.

Полученные данные дают нам возможность сравнить средние оценки между состоянием дел в перечисленных выше сферах и возникающих в них проблемами, которые должны решать органы власти. Признаки социального неравенства можно наблюдать на рисунке 5.

Деятельность местных властей, направленная на борьбу с коррупцией, работу системы здравоохранения, охрану природной среды, улучшение качества дорог, не приводит к улучшению положения дел в перечисленных сферах. Этот факт подтверждается многочисленными социально-политическими событиями, указывающими на степень остроты данных проблем.

Население достаточно высоко оценило работу властей по предотвращению враж-

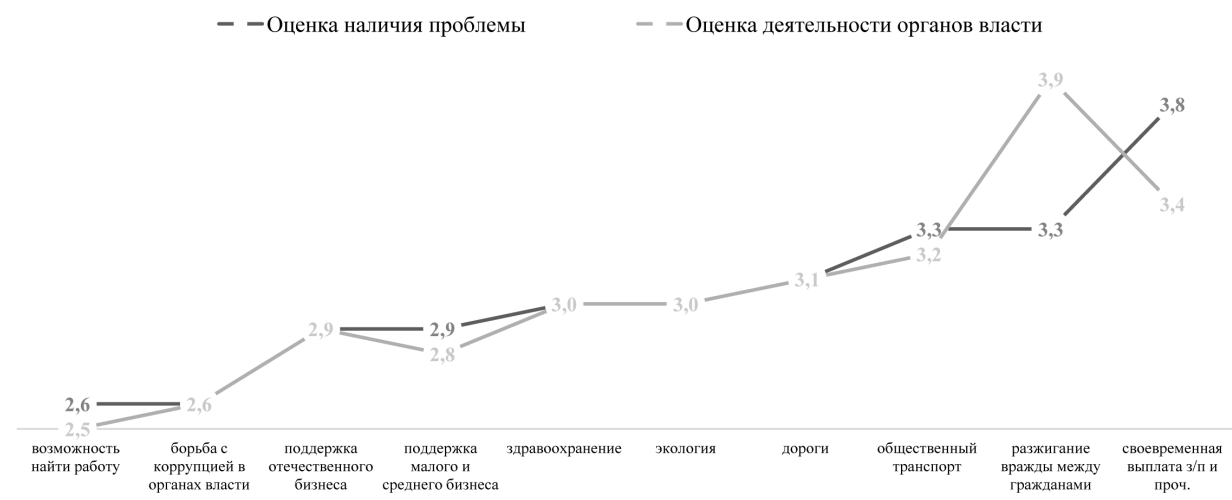

Рис. 5. Средние оценки положения дел, которые полностью подтверждают события социального пространства регионов, четыре региона, 2019 г., пятибалльная шкала

Fig. 5. Average estimates of the state of affairs, which fully confirm the events of the social space of the regions, four regions, 2019, five-point scale

ды между гражданами. Большинство событий, произошедших в регионах, было связано с организацией митингов в поддержку местных выборов или защиты окружающей среды. Несмотря на трудности, связанные с предотвращением загрязнений почвы и водоёмов, местной властью были предприняты эффективные меры нивелирования подобных конфликтов силами правоохранительных органов.

Состояние остальных проблем оценивается на порядок выше, чем меры по их устранению.

Деятельность местных органов власти показала низкую эффективность в вопросах решения проблем, связанных с работой общественного транспорта. Транспортная доступность является одним из показателей социального неравенства, ухудшение которого может привести к ряду негативных последствий, например, оторванности жителей от магазинов и товаров первой необходимости, оказания медицинских услуг и проч.

Несмотря на удовлетворительную оценку работы местных органов власти, действующую систему общего образования жители регионов считают скорее «хорошей».

Социальное пространство восьми регионов было отмечено рядом событий, сообщающих о конфликтах между оппозиционно настроенными гражданами. Судя по данным рисунку 6, государственных мер поддержки,

направленных на их устранение, по-прежнему оказывается недостаточным.

Заключение. В результате анализа данных удалось выделить перечень проблем (сфер жизни), оказывающих наибольшее влияние на положение дел в том или ином регионе. Социальное неравенство в данном случае оказалось зависимым от степени остроты проблем в оценках населения.

Было обнаружено, что наиболее проблемные сферы жизни чаще других находят своё отражение в региональном социальном пространстве. Чаще всего события социально-политической жизни регионов отражают те проблемные сферы, оценка населением которых зависит от уровня социокультурной модернизации регионов. В случае с отобранными данными наблюдается обратная зависимость, когда низко развитые регионы оказываются более чувствительными к ряду проблем. Таким образом, мы пришли к выводу о том, что с увеличением уровня социокультурной модернизации растёт оценка положения дел в сферах, касающихся бытового обслуживания граждан, загруженности предприятий (характерно для всех двенадцати регионов), поиска работы, борьбы с коррупционными схемами в органах власти.

Сопоставление экспертных качественных данных и результатов массового опроса дает возможность оценить организацию социального пространства регионов, понять

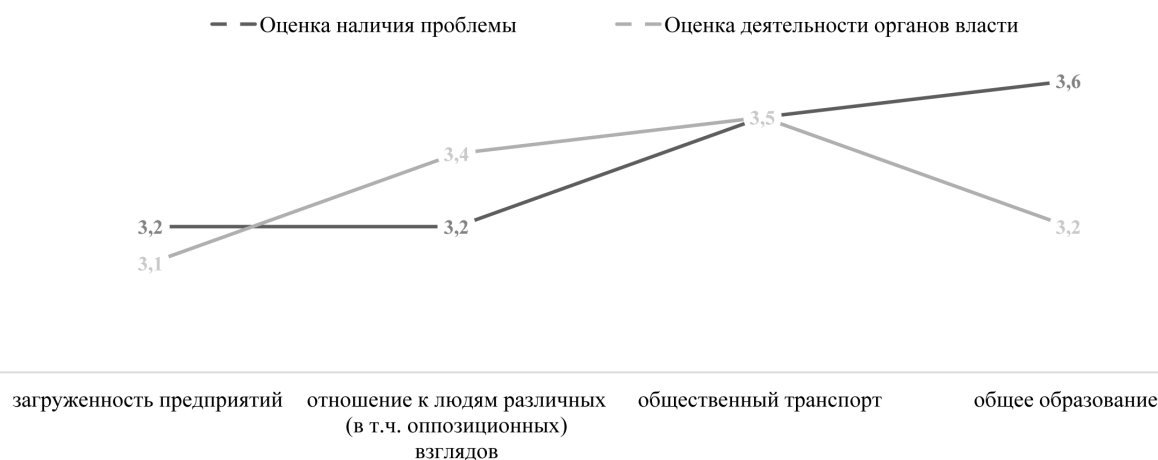

Рис. 6. Средние оценки положения дел, которые полностью подтверждают события социального пространства регионов, восемь регионов, 2021–22 гг., пятибалльная шкала

Fig. 6. Average estimates of the state of affairs, which fully confirm the events of the social space of the regions, eight regions, 2021–22, five-point scale

интенции, которыми руководствуются органы власти и управления, оценить отношение населения к качеству жизни в регионе.

Отобранные социокультурные (субъективные) и социально-экономические (объективные) показатели подтвердили свою эффективность в вопросах регулируемости межрегиональных отношений и преодоления социально-экономических и социокультурных неравенств территорий. В свою очередь, качественный анализ событий социально-политической жизни регионов показал, что к числу выбранных сфер деятельности (рынок труда, жилье, дорожно-транспортная инфраструктура, торговля, здравоохранение, культура и отдых, образование, правопорядок) можно добавить вопросы, связанные с экологией и коррупцией, т.к. процесс их решения неизменно сопровождается ростом социальной напряженности в регионах.

Список источников

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: монография. М.: Весь Мир, 2016. 356 с.
2. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Шматко Н.А. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 258 с.
4. Гусев А. Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. 2009. №4. С. 123–130.
5. Гусейнова К.Э. Социальное пространство территорий как фактор регионального неравенства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №6. С. 121–133.
6. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 1. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. 156 с.
7. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 145–152.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 377 с.
9. Lechner F.J. Simmel on social space// GeorgSimmel. Critical Assessments / Ed. By D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1994. Vol. 3. Pp.96–101.
10. Werlen B. Society, action and space. An alternative human geography. L.; N. Y.: Rutledge, 1993. Pp. 168–171.

References

1. Atlas modernizacii Rossii i ee regionov: sociojekonomicheskie i sociokul'turnye tendencii i problemy: monografija [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems: monograph]. Moscow: Ves' Mir, 2016. 356 p. (In Russ.).
2. Burd'e P. Sociologija politiki [Sociology of Politics]. Per. s fr. / Sost., obshh. red. i predisl. Shmatko N.A. Moscow: Socio-Logos, 1993. 333 p. (In Russ.).
3. Giddens Je. Ustroenie obshhestva: Oчерк teorii strukturacii [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2003. 258 p. (In Russ.).
4. Gusev A.N. Kategorija social'noj distancii v tvorchestve G. Zimmelja [The category of social distance in the work of G. Simmel]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2009; (4): 123–130. (In Russ.).
5. Gusejnova K. Je. Social'noe prostranstvo territorij kak faktor regional'nogo neravenstva [Social space of territories as a factor of regional inequality]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(6): 121–133. (In Russ.).
6. Dridze T.M. Dve novye paradigmy dlja social'nogo poznanija i social'noj praktiki [Two new paradigms for social cognition and social practice]. *Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoi i semiosociopsihologičeskoi paradigmat* [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychologi-

cal paradigms]. Book 1. Moscow: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 2000. 156 p. (In Russ.).

7. Dridze T.M. Social'naja kommunikacija kak tekstovaja dejatel'nost' v semiosociopsihologii [Social communication as textual activity in semiosociopsychology]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 1996; (3): 145–152. (In Russ.).

8. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i komunikativnoe dejstvie [Moral consciousness and

communicative action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 377 p. (In Russ.).

9. Lechner F.J. Simmel on social space. Georg Simmel. Critical Assessments. Ed. By D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1994. Vol. 3. Pp. 96–101.

10. Werlen B. Society, action and space. An alternative human geography. L.; N. Y.: Rutledge, 1993. Pp. 168–171.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнова Ксения Эльдаровна — научный сотрудник, Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, 5/1

Ksenia E. Guseynova — Researcher, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

5/1 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, Russia

Научная статья
УДК 316.33 316.4.06 316.77
ББК 60.5
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-51-62

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Василий Иванович Демьяненко

*Институт социологии — обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия
imhocorg@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1838-2081,
AuthorID РИНЦ: 1123230, WoS Research ID: GQR-0620-2022*

Аннотация. *Целью статьи является анализ научно-практической литературы, изучающей организацию совместной деятельности, направленной на региональное развитие.*

Методологическую базу составили актуальные научные и практические работы, исследующие и раскрывающие процессы управления развитием территориальных образований, сообществ. Были использованы методы концептуального (описывающего ключевые идеи и термины в предметной области) и сравнительного (выявляющего общие черты и тенденции в исследовательской литературе) анализа.

Результаты исследования. Установлено, что в современном дискурсе территориальные общности рассматриваются в рамках регионального подхода как социокультурные пространства в соотношении частного с общим. Ключевые научно-практические дискуссии относительно управления регионами сосредоточены в рамках двух дихотомий — универсально-уникальной и естественно-искусственной. Термин «региональное развитие» имеет устоявшееся описание процесса и результата. Рассмотрены подходы к мониторингу регионального развития как инструмента практического управления и методологического инструментария ученого.

Перспективы исследования заключаются в разработке методологического инструментария для проведения эмпирических исследований, научно-обосновывающих подходы к организации совместной деятельности (программы, проекты, механизмы взаимодействия, практики вовлечения и т. п.), направленной на развитие регионов.

Ключевые слова: региональное развитие, субъектность, региональное неравенство, региональное управление, социология управления

Для цитирования: Демьяненко В. И. Региональное развитие как процесс и результат в социологии управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 51–62. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-51-62>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания государственного задания ФНИСЦ РАН на 2021–2023 гг. по теме «Социальное моделирование региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений» (0137-2021-0006).

Original article

REGIONAL DEVELOPMENT AS A PROCESS AND RESULT IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Vasily I. Demyanenko

*Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
imhocorg@gmail.com, ORCID: 0000-0002-1838-2081,
AuthorID RSCI: 1123230, WoS Research ID: GQR-0620-2022*

Abstract. *The purpose of the article is to analyze scientific and practical literature studying the organization of joint activities aimed at regional development.*

The methodological base consists of current scientific and practical works that explore and reveal the processes of managing the development of territorial entities and communities. The methods used were conceptual (describing key ideas and terms in the subject area) and comparative (identifying common features and trends in the research literature) analysis.

Research results. *It has been revealed that in modern discourse, territorial communities are considered within the framework of a regional approach, as sociocultural spaces in the relationship between the particular and the general. Key scientific and practical discussions regarding regional management are concentrated within the framework of two dichotomies — universal-unique and natural-artificial. The term «regional development» has an established description of the process and result. Approaches to monitoring regional development as a tool of practical management and methodological tools of a scientist are considered.*

The prospects for the research *lie in the development of methodological tools for conducting empirical research that scientifically substantiates approaches to organizing joint activities (programs, projects, interaction mechanisms, engagement practices, etc.) aimed at the development of regions.*

Keywords: *regional development, subjectivity, regional inequality, regional management, sociology of management*

For citation: *Demyanenko V.I. Regional development as a process and result in the sociology of management // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 51–62. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-51-62>.*

Acknowledgements: *the article was prepared as part of the state assignment of the State task of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences for 2021-2023 on the topic «Social modeling of regional inequalities and ways to overcome them in the context of interregional and federal relations» (0137-2021-0006).*

Введение. Вопросы регионального развития являются важной задачей как для отдельных территорий, так и страны в целом. Особую актуальность они приобретают для России с учетом значительных природных, культурных и экономических отличий, неравенств между регионами и внутри.

Управление регионом выступает предметом обширных исследований в социологии

управления. Само понятие «регион» как территория, населенная людьми, имеет разные трактовки и претерпевало значительные изменения с возрастающим интересом к роли человека и совместной деятельности вовлеченных сторон. Изучение этой области имеет сложившиеся традиции: в российской практике внимание направлено больше на территориальные единицы верхнего уровня [13],

в западной научной литературе — на муниципальный уровень [10]. Развитие таких территориальных сообществ выступает целью, обобщающей многие усилия, как заинтересованных участников, активно действующих в регионах, так и исследователей данных процессов. В повышении продуктивности организации совместных действий и научном обосновании принимаемых решений относительно механизмов регионального развития ключевую роль играет функция мониторинга. Внедрение в Российской Федерации доказательных подходов к государственному регулированию делает исследование процессов направленного регионального развития востребованным.

Цель данной работы — провести анализ научно-практической литературы, изучающей организацию совместной деятельности, направленной на региональное развитие. Задачи: опираясь на существующие трактовки понятия «регион», описать пространство регионального взаимодействия, систематизировать подходы к управлению регионами, рассмотреть региональное развитие как процесс и цель управления территориями, описать ключевые подходы к оценке регионального развития.

Понятие «регион» и пространство регионального взаимодействия. Для современного осмысления социокультурного пространства характерен диалектический взгляд на взаимообусловленные процессы глобальности и региональности. Понятие региона отображает разноуровневое взаимодействие частного и общего, локального и глобального, периферийного и центрального. В цивилизационных исследованиях выделяются надгосударственные регионы, при анализе явлений в странах речь идет о внутренних. В обоих случаях регион рассматривается, как единица внутри социокультурного пространства, организующего механизмы выживания и развития [9]. Объектом нашего исследования выступают регионы внутри государства.

Описание понятия «регион» накладывает определенные рамки для рассмотрения способов регулирования процесса его развития и является задачей нетривиальной. В.В. Маркин отмечает необходимость дальнейшей

категоризации определения «регион» как ключевого понятия в социологии территориальных обществ [13], а Т.Н. Кучинская поднимает вопрос «о наборе структурообразующих элементов регионального социокультурного пространства и критериев социокультурного районирования» [9, с. 88]. Анализ литературных источников позволил выделить несколько осей рассмотрения данного понятия [20].

Традиционный взгляд показывает регион в контексте географического определения территорий. Основным критерием описания в этом случае выступает в первую очередь экономический признак. Речь идет об эксплуатации природных и других ресурсов, находящихся на определенной территории и увязанных между собой в единую хозяйственную структуру деятельности. Со временем все большую важность стали приобретать вопросы экологии. При этом регион предстает с одной стороны обладателем некой системной самостоятельности, циклом воспроизводства, а с другой является частью экономического единства страны.

Регион также рассматривают как административно-территориальное образование, которое представляет собой структуру управления природными, социальными, экономическими частями некоторого пространства. Таковыми могут быть субъекты федерации, автономные округа, города, муниципальные общности и т.п. Административные и хозяйственные границы не всегда совпадают, что создает трудности, разрешить которые стараются путем объединения. Такое укрупнение регионов проводится в РФ с 2004 года.

При описании регионов выделяют социокультурные особенности. Связано это с тем, что территории со временем превращаются в социальные организмы, а с учетом особенностей РФ они еще имеют и национально-культурные отличия.

На рисунке 1 изображены три оси, образующие единое пространство региона. С учетом географической специфики административная структура стремится регулировать организацию материального производства и разрешать социальную напряженность, которая в свою очередь оказывает влияние на экономические и политические процессы [8; 13; 20]. Регион представляет собой территорию, на которой происходит жизнедеятель-

ность людей, приобретающая политическую, экономическую и культурную целость.

Не привязываясь к особенностям выделения регионов в разных странах, для их исследования распространено использование системного подхода [8; 20]. Под регионом понимают некое социально-экономическое образование, выступающее соразмерной подсистемой в рамках административно-государственной структуры. Такое образование с одной стороны стремится к поддержанию устойчивости, восстановлению имеющихся связей между элементами своего устройства, с другой адаптируется к меняющимся условиям, поддерживая коммуникации с внешней средой.

РФ обладает обширными территориями с большими различиями во всех плоскостях (экономический потенциал, демографическая обстановка, национальные отличия, природные особенности, исторический опыт управления). Согласно Указу Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской

Федерации на период до 2025 года» под регионом понимается «часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации».

Специфика управления регионами.

Управление столь комплексными системами представляется нетривиальной задачей, а ее решение во многом скрывается в проблемном поле социологии управления. К актуальным прикладным проблемам можно отнести: организацию совместной деятельности субъектов регионального развития в условиях неопределенности, вызванной динамикой глобальных и локальных изменений, широтой и комплексностью охватываемых процессов, недостатком научного знания; формирование социальных тел по решению региональных проблем; продуктивную имплементацию методов, технологий и инструментов социального управления в условиях государственного капитализма.

В научной литературе существует широкая дискуссия по проблемам регионального управления, наряду с традиционными про-

Рис. 1. Пространство регионального взаимодействия
Fig. 1. The space of regional interaction

блемами социального управления они имеют явно выраженную специфику, которую условно можно изобразить в плоскостях двух дихотомий (см. табл. 1).

А. В. Тихонов управление социокультурной системой представляет в виде сочетания процессов самоорганизации с организацией властных механизмов воздействия, что при описании теоретико-методологических оснований социологии управления назвал естественно-искусственной дихотомией [18]. О. В. Юрьева и Л. А. Бурганова в региональном управлении выделяют два подхода: оптимальные способы воздействия субъектов управления на объект с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей; обеспечение открытости, прозрачности власти, а также коммуникационное взаимодействие власти и населения [22]. Возможен разный баланс «власть — самоорганизация». На одном краю этого континуума речь идет о субъект-объектных отношениях, что традиционно в странах с федеративной формой общественно-политического устройства выражается в перераспределении ресурсов [21]. Но в более широком смысле можно говорить о сознательном вмешательстве в региональные процессы взаимодействия социальных субъектов [18]. Иной построен на субъект-субъектном взаимодействии, в котором ответственность за будущее регионов распределена между властью и населением, а политические механизмы позволяют ставить социально-значимые цели совместно всеми заинтересованными сторонами [17].

Описанная дихотомия касается отношений между вертикалью власти и самоорганизацией на разных этапах управления социально-экономическим развитием регионов. Другая находится в континууме локальных-глобальных механизмов регуляции

совместной деятельности. Влияние западной цивилизации подтолкнуло развитие общностей рассматривать с помощью понятия «модернизация». В этом случае имеются в виду универсальные подходы к управлению, апробированные в Западной Европе и Северной Америке, которым стремятся следовать остальные страны. Модернизация представляется как постоянный эволюционный процесс внедрения инноваций, который проходят все общества по пути к индустриальному и постиндустриальному устройству общества [2]. В современном научном дискурсе все больше возникает сомнений относительно того, что теории и методы управления, созданные в одной культурной среде с присущими ей институтами, окажутся столь же продуктивными в других социокультурных условиях [16]. В. А. Ядов обратил внимание на следующее обстоятельство: прозападные изменения в нашей стране имеют ощутимые отличия, «что нередко просто противоречит сложившейся модели модернизации (созданию западного типа институтов и отношений, ценностей и норм, мобилизующих общество и особенно средний класс)» [18, с. 27]. С. И. Яковлева прямо пишет, что «выбор основной модели регионального стратегического планирования определяется традициями национальной “школы” или “школой” разработчика, когда региональные стратегии выполняют приглашённые зарубежные специалисты» [23, с. 114]. О. В. Аксенова обращает внимание на парадоксальность современного мира, который одновременно является целостным и разделённым [1].

Сочетание указанных дихотомий позволяет составить матрицу влияния локальных социокультурных особенностей на механизмы регуляции совместной деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Специфика управления регионами The specifics of regional management

	Вертикальные отношения	Горизонтальные отношения
Локальные особенности	Византийство, институты силовиков, самураев и пр.	Традиционные способы самоорганизации
Глобальные приоритеты	Бюрократия	Гражданское общество

Региональное развитие как процесс и результат. При управлении государством на сегодняшний день понятие «регион» является общепринятым. Выделение такой составной части страны направлено как на удовлетворение потребностей населения, так и для ответа на вызовы в международном глобальном пространстве, раскрывая экономический, социальный, инфраструктурный, культурный, природный потенциалы государства [9; 20]. Одновременное решение этих задач достигается через развитие регионов как направленное изменение показателей в сторону улучшения.

В практическом дискурсе под развитием регионов принято говорить о социально-экономическом развитии. При этом региональное развитие понимается одновременно и как процесс, и как результат. Долгое время ключевую роль в государственном управлении играли экономисты, что подталкивало к поиску способов максимизировать результаты хозяйственной деятельности и приводило к экологическим, социальным, технологическим и пр. проблемам. Вопросы долгосрочного устойчивого развития оставались на втором плане, а социальный и культурный аспекты учитывались как факторы, влияющие на улучшение региональных экономических показателей. В семидесятые годы прошлого века в западных странах не без влияния процессов, происходящих в социалистическом лагере, экономический рост начали рассматривать через призму уменьшения безработицы, устранения неравенства. В девяностые годы наметилось стремление уравновесить понятия «социальное» и «экономическое развитие». Е. Малексис предложил разные уровни государственного развития рассматривать, комбинируя качественные и количественные показатели. К последним он отнес социальные долгосрочные характеристики, создающие условия для экономической деятельности [25]. Е. Блэки процесс регионального развития описал как деятельность властей по организации деловой активности и создание возможностей для использования человеческого, институционального, природного капитала [24]. В это же время Всемирный банк в качестве цели развития указал качество жизни населения путем

увеличения доходов, повышения образования, медицинского обслуживания, равных возможностей и т.п. [26]. О.В. Аксенова обращает внимание на то, что в отличие от концепции роста, направленной на трансформацию для достижения жестких стандартов модерна и постмодерна, концепция развития «допускает разнообразие целей перемен и их содержания» [1, с. 9]). При этом важной характеристикой понятия развития выступает устойчивость процесса.

Развитие регионов является процессом направленным, учитывающим интересы разных уровней государства и в современном мире осуществляется в рамках стратегического управления. Стратегия управления регионами — это инструмент реализации региональной политики. Обычно она опирается на два основных документа: государственную стратегию развития регионов и региональную политику, разработанную конкретным субъектом [14]. Региональная политика ориентирована на управление политическим, экономическим, социальным развитием и охватывает самые разные сферы относительно внешних и внутренних взаимодействий. В РФ согласно закону №172-ФЗ РФ стратегическое планирование является деятельностью «по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития»¹. Закон указывает, что стратегия пространственного развития Российской Федерации является документом, определяющим направления регионального развития, связанное с поддержанием устойчивости системы территориального расселения. Согласно статье 20 того же закона стратегия «разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению».

Для региональной политики характерна сложная структура и рациональный подход,

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 г. №172-ФЗ (ред. от 17.02.2023 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации. Статья 3».

которой можно описать с помощью четырех этапов: определение возможностей, постановка целей, выработка программ и реализация намеченного. На каждом из этапов происходит взаимодействие различных заинтересованных сторон (государственных органов, бизнеса, СМИ, населения, общественных организаций, научных институтов и др.). Благодаря такой деятельности для регионов намечаются общие количественные и качественные параметры социально-экономического развития, определяющие место региона в общегосударственных процессах [14].

О.В. Аксенова отмечает, что в последние годы в научном и практическом обсуждении актуальность модернизации как конкретных изменений, направленных на достижение современного состояния модерна или постмодерна, заменила дискуссия о развитии. Последнее допускает разнообразие содержания перемен и целей. В.В. Огнева отмечает, что концепт «развитие» направлен на определение примерных параметров социально-экономического состояния, положение в межрегиональной хозяйственной системе [14].

Обобщая цели региональной политики в разных странах, исследователь выделила четыре основных: а) упрочение единого социально-экономического пространства; б) обеспечение высокого качества жизни населения; приоритетное развитие регионов, являющихся опорными для соседних территорий; в) укрепление единства и территориальной целостности государства; г) развитие местного самоуправления» [14, с. 167]. По мнению В.В. Огневой, в отличие от Запада, где «РП актуализируется в связи с социально-экономическими переменами, вызванными интеграцией территорий, в России она во многом обусловлена потребностью преодоления центробежных тенденций; необходимостью укрепления устойчивого развития территорий; формированием новых энергетических и транспортных рынков; появлением проектов нового освоения, выходящих за границы одного региона» [14, с. 167].

Мониторинг регионального развития.

Оценка регионального развития — вопрос, которым занимаются зарубежные и отечественные теоретики и практики. Он является функцией управления в практике развития регионов и частью методологического инструментария ученых, позволяющего анализировать процессы направленного развития. Общепринятых решений, оказавшихся востребованными и признанными, пока не существует. Остается открытым вопрос, какие параметры, группы переменных наиболее информативные. Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления провел значительную аналитическую работу по исследованию подходов к оценке регионального развития². В Советском союзе эффективность оценивалась по объемам выполненных пятилетних планов. В капиталистическом мире оценку территориальных образований в концепции развития начали проводить с семидесятых годов прошлого века. Особое внимание уделялось городским территориям. Так в 1978 году впервые Организацией европейского сотрудничества и развития были разработаны социально-экономические параметры для оценки качества управления. С 1988 года разработкой индикаторов занялся Мировой банк. В одном из признанных удачным проекте по созданию целостной системы контроля за развитием городов учитывались жилищная, социальная, экономическая и экологическая сферы. В это же время начался создаваться Атлас европейских агломераций, в котором оценка осуществляется по сотне индикаторов в рамках пяти категорий: социально-экономическая, образование, политическая активность населения, отдых и культура, развитие среды. Наряду с универсальными оценками с конца прошлого века начали появляться национальные системы мониторинга. Например, в Канаде измерение эффективности развития включало доступность жилья, безопасность, здоровье граждан, безработицу, гражданское общество, социальную инфраструктуру, а в Англии не толь-

² О рекомендациях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления по итогам «круглого стола» на тему: «Система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления: совершенствование нормативно-правового регулирования и механизмов практической реализации». Москва. 18.03.2019.

ко проводили оценку состояния общественных услуг, но и исследовали удовлетворение населения. Особое внимание привлек проект университета Government Performance Project в США, предложивший мониторить наряду с финансами и капитальными ресурсами в том числе человеческие и информационные технологии, а также качество самой организации контроля результатов собственной деятельности. Со временем начали оценивать эффективность деятельности руководителей. Например, в Великобритании успехам должностных лиц уделяют внимание региональные агентства, отвечающие за стратегическое планирование.

Подводя итог анализа систем мониторинга регионального развития, можно выделить две классификации. С учетом показателей оценки существуют подходы, основанные на унифицированных и оригинальных индикаторах. Первые представляют собой набор индексов, установленный для всех исследуемых регионов, такие применяются в Германии и Великобритании. Вторые системы оценки, например в США, учитывают особенности функционирования и стратегии каждого региона.

Цикл Деминга, направленный на улучшение качества деятельности, включает необходимость проверки выполняемой работы и коррекцию будущих планов с учетом выявленных проблем. В этом случае акцент с результатов деятельности переносится на механизмы взаимодействия [5]. Следующая классификация связана с отличием в назначении оценки. В Германии оценка проводится для сравнения регионов и выявления лучших методов управления, что позволяет их потом тиражировать. А в Великобритании мониторинг проводится для оценки качества услуг и совершенствования их. Это позволило значительно сократить разрыв между отстающими и лидирующими регионами. В Российской Федерации последние несколько лет Счетная палата изучает управленческие решения, основываясь на доказательных подходах (в каких условиях какие проекты и программы, механизмы коммуникации вовлеченных сторон являются результативными).

При сравнении результатов развития регионов возникает ряд трудностей [16]. Региональное развитие опирается на показатели

стратегий, которые отличаются в каждой территории, поэтому удобно использовать оригинальные индикаторы для каждой территориальной общности, но их сравнение не представляется возможным. Комплексность региональных изменений требует учета большого количества параметров, и даже при унифицированных подходах получается разнонаправленная динамика между индикаторами. Встает вопрос о создании сводного индекса. Успешным в этом направлении признан опыт штата Флорида, позволяющий каскадировать показатели для деятельности разных подразделений.

Постановление Правительства РФ №472 от 19.04.2018 г. утвердило две методики мониторинга, направленные на разные цели: формирование рейтинга регионов о повышении уровня социально-экономического развития и распределение грантов в форме межбюджетных трансфертов для достижения высоких темпов наращивания экономического потенциала территорий. В Указе Президента РФ от 25.04.2019 г. №193 речь идет не только об оценке деятельности региональных органов исполнительной власти, но и деятельности высших должностных лиц, руководящих ими.

Региональное развитие является сложной проблемой, и целеполагание носит вероятностный характер. Меняющаяся ситуация, прояснение обстоятельств приводят к тому, что будущее рассматривается, как желаемый образ. В этом случае надеяться на то, что зарекомендовавшие себя сегодня практики будут актуальны завтра, не приходится. В этом случае предметом мониторинга выступают уже не способы организации совместной деятельности, а субъекты управления (насколько их характеристики способствуют должному будущему). Речь идет о том, насколько они способны обучаться, занимать проактивную позицию, действовать вопреки прогнозам. В российской науке для определения такой способности субъекта управлять региональным развитием используется понятие «субъектность» [3; 4; 17]. В противном случае, когда взаимодействующие стороны не умеют выстраивать конструктивные коммуникации, оценивать сложившуюся ситуацию, находить неординарные решения и действовать, говорят об их бессубъектности [11]. В социологии концепт «субъектность» не имеет дли-

тельной истории исследований, но является перспективным в контексте изучения управления региональным развитием.

Заключение. Подводя итог проделанному анализу научно-практических источников относительно вопросов регионального развития, резюмируем следующее.

1. Региональный подход является осмыслением социокультурного пространства в соотношении частного с общим. В современном дискурсе под регионом можно понимать подсистему государства, организующую механизмы выживания и развития в рамках социально-экономического, социокультурного и административно пространства. В Российской Федерации регионом называется территория в границах субъекта федерации.

2. Ключевые научно-практические дискуссии относительно управления регионами сосредоточены в рамках двух дихотомий: универсально уникальной и естественно-искусственной.

3. Деятельность властей по организации деловой активности и созданию возможностей для использования человеческого, институционального, природного капитала путем позитивной динамики параметров социально-экономического состояния региона для повышения уровня и качества жизни населения, обеспечения сбалансированного воспроизводства ресурсного потенциала региона называют региональным развитием. Выделяют следующие его основные особенности: процесс и результат, устойчивость позитивной динамики, разнообразие целей и их содержания, участие всех заинтересованных сторон. Ключевыми целями регионального развития являются обеспечение высокого качества жизни населения, создание условий для воспроизводства потенциала развития, развитие местного самоуправления, укрепление единого социально-экономического пространства и территориальной целостности государства.

4. Организация регионального развития является направленным процессом. Его основным инструментом выступает стратегическое планирование. В принятии решений участвуют различные заинтересованные стороны, опираясь на государственную стратегию развития регионов и региональную политику, разработанную конкретным субъектом.

5. Мониторинг регионального развития одновременно выступает как важная функция в практике управления, так и часть методологического инструментария ученых для проверки теорий, гипотез. В этой области устоявшихся общепринятых решений в практике отечественного и мирового регионоведения не существует. Основное внимание уделяется оценке ЧТО (результатов деятельности) и КАК (анализ практик). На основании выводов центральными органами принимаются в том числе решения о поддержке региона.

6. Ответ на вопрос КТО (характеристики субъекта) управляет призван помочь в мониторинге и составлении прогнозов относительно регионального развития как сложной проблемы, не имеющей однозначного решения и находящейся за рамками классических подходов к постановке и достижению целей. Субъектность является важной характеристикой, раскрывающей возможность субъекта регионального развития в существующих обстоятельствах преодолевать трудности.

Список источников

1. Аксенова О.В. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. 2019. Т. 27. №1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192>.
2. Гавров С.Н. Модернизация: основные определения и характеристики // Гуманитарное пространство. 2012. №3. С. 573–592.
3. Демьяненко В.И. Сравнительный анализ понятия субъектность в контексте трех парадигм сложности социального управления // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. №2(114). С. 132–142.
4. Демьяненко В.И. Управление социально-экономическими и социокультурными параметрами региональных неравенств в антропосоциетальной концепции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №6. С. 142–160.
5. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр социального управления, коммуникации и со-

циально-проектных технологий; Отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2000. Кн. 1. С. 5–42.

6. Дятлов А.В. Социальные ресурсы: условия самодостаточного развития // Теория и практика общественного развития. 2008. №2. С. 24–40.

7. Дятлов А.В., Сажин П.В. Гражданское общество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3-1. С. 64–68.

8. Козин В.В. Константы регионального развития // Вестник Мордовского университета. 2014. №3. С. 159–164.

9. Кучинская Т.Н. Регион как организационная форма социокультурного пространства // Социосфера. 2012. №36. С. 86–89.

10. Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

11. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

12. Лубский А.В., Альперович В.Д., Андреева Л.Ю., Анпилогов В.Н. и др. Регионоведение // Юг России: краткий тематический словарь. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004. 688 с.

13. Маркин В.В. Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №5(35). С. 135–142.

14. Огнева В.В. Региональная политика // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь. М.: Красанд, 2014. 480 с.

15. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов: монография / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

16. Сухарев О.С. Оценка институтов регионального развития и эффективности исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Федерализм. 2021. Т. 26. №2(102). С. 43–64. DOI: 10.21686/2073–1051-2021-2-43-64.

17. Тихонов А.В. Реформирование работы органов власти и управления как неотложная национальная проблема // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т.3. №4. С. 70–106.

18. Тихонов А.В., Шилова В.А., Акимкин Е.М. Социология управления: стратегии,

процедуры и результаты исследований / Редакция: А.В. Тихонов (отв. ред.) и др. М.: Канон+, Реабилитация, 2010. 607 с.

19. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2000. 390 с.

20. Шевелева Р.Н. К вопросу совершенствования методов оценки региональной устойчивости и регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2009. №41. С. 42–51.

21. Шокарова Л.Х. Зарубежный опыт государственного регулирования развития регионов [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2005. №4. URL: <https://eee-region.ru/article/401/> (дата обращения: 18.07.2023).

22. Юрьева О.В., Бурганова Л.А. Социальные технологии стратегического управления в муниципальных образованиях // Вестник экономики, права и социологии. 2018. №1. С. 226–229.

23. Яковлева С.И. Интегральная модель регионального стратегического планирования // Псковский регионологический журнал. 2016. №2(26). С. 114–128.

24. Blakely E.J., Leigh N.G. Planning local economic development: theory and practice. SAGE Publications, 2016. 536 p.

25. Malecki E. Technology and Economic Development: The Dynamics of Local, Regional and National Change. Longman Scientific and Technical, Harlow, 1991. 495 p.

26. World Development Report: The Challenge of Development New York: Oxford University Press, 1991. 290 p.

References

1. Aksenova O.V. Strategija razvitija rossijskich regionov: oficial'naja versija [Strategy for the development of Russian regions: the official version]. *Vlast'* [Power]. 2019; 27(1): 9–17. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192>. (In Russ.).

2. Gavrov S.N. Modernizacija: osnovnye opredelenija i harakteristiki [Modernization: basic definitions and characteristics]. *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanitarian space]. 2012; (3): 573–592. (In Russ.).

3. Dem'janenko V.I. Sravnitel'nyj analiz ponjatija sub'ektnost' v kontekste treh paradigm

slozhnosti social'nogo upravlenija [Comparative analysis of the concept of subjectivity in the context of three paradigms of complexity of social management]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo* [Personality. Culture. Society]. 2022; 2(114): 132–142. (In Russ.).

4. Dem'janenko V.I. Upravlenie social'no-jekonomicheskimi i sociokul'turnymi parametrami regional'nyh neravenstv v antroposocietal'noj koncepcii [Management of socio-economic and socio-cultural parameters of regional inequalities in the anthroposocietal concept]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2022; 15(6): 142–160. (In Russ.).

5. Dridze T.M. Dve novye paradigmy dlja social'nogo poznanija i social'noj praktiki [Two new paradigms for social cognition and social practice]. Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semiosociopsihologicheskoj paradigmah: V 2 kn. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: In 2 books]. RAN. In-t sociologii. Centr social'nogo upravlenija, kommunikacii i social'no-proektnyh tehnologij; Otv. red. T.M. Dridze. Moscow: Izd-vo Instituta sociologii RAN. 2000. Book 1. Pp. 5–42. (In Russ.).

6. Djatlov A.V. Social'nye resursy: uslovija samodostatochnogo razvitija [Social resources: conditions for self-sufficient development]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2008; (2): 24–40. (In Russ.).

7. Djatlov A.V., Sazhin P.V. Grazhdanskoe obshhestvo [Civil society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015; (3-1): 64–68. (In Russ.).

8. Kozin V.V. Konstanty regional'nogo razvitija [Constants of regional development]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University]. 2014; (3): 159–164. (In Russ.).

9. Kuchinskaja T.N. Region kak organizacionnaja forma sociokul'turnogo prostranstva [Region as an organizational form of sociocultural space]. *Sociosfera* [Sociosphere]. 2012; (36): 86–89. (In Russ.).

10. Ledjaev V.G. Sociologija vlasti. Teorija i opyt jempiricheskogo issledovanija vlasti v

gorodskih soobshhestvakh [Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: NIU VShJe, 2012. 472 p. (In Russ.).

11. Lepskij V.E. Metodologičeskij i filosofskij analiz razvitija problematiki upravlenija [Methodological and philosophical analysis of the development of management issues]. Moscow: Kogito-Centr, 2019. 340 p. (In Russ.).

12. Lubskij A.V., Al'perovich V.D., Andreeva L. Ju., Anpilogov V.N. et al. Regionovedenie [Regional Studies]. Jug Rossii: kratkij tematicheskij slovar' [South of Russia: a short thematic dictionary]. Rostov-on-Don: SKNC VSh, 2004. 688 p. (In Russ.).

13. Markin V.V. Regional'naja sociologija i upravlenie: «dorozhnaja karta» vzaimodejstvija [Regional sociology and management: a roadmap for interaction]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 5(35): 135–142. (In Russ.).

14. Ogneva V.V. Regional'naja Politika [Regional Policy]. Sociologija upravlenija: Teoretiko-prikladnoj tolkovyj slovar' [Sociology of management: Theoretical and applied explanatory dictionary]. Moscow: Krasand, 2014. 480 p. (In Russ.).

15. Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizacii regionov: monografija [Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of regions: monograph]. Otv. red. A.V. Tihonov [In A.V. Tikhonov (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2017. 432 p. (In Russ.).

16. Suharev O.S. Ocenka institutov regional'nogo razvitija i jeffektivnosti ispolnitel'noj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii [Assessment of regional development institutions and the effectiveness of the executive power of the subjects of the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism]. 2021; 2(102): 43–64. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-2-43-64. (In Russ.).

17. Tihonov A.V. Reformirovanie raboty organov vlasti i upravlenija kak neotlozhnaja nacional'naja problema [Reforming the work of authorities and management as an urgent national problem]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management]. 2017; 3(4): 70–106. (In Russ.).

18. Tihonov A. V., Shilova V. A., Akimkin E. M. Sociologija upravljenja: strategii, procedury i rezul'taty issledovaniy [Sociology of management: strategies, procedures and research results]. Redkollegija: A. V. Tihonov (otv. red.) et al. Moscow: Kanon+, Reabilitacija, 2010. 607 p. (In Russ.).

19. Tihonov A. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy sociologii upravljenja kak otraslevoj nauchnoj discipliny: dis. ... d-ra sociol. nauk [Theoretical and methodological foundations of the sociology of management as a branch of scientific discipline. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saint Petersburg, 2000. 390 p. (In Russ.).

20. Sheveleva R. N. K voprosu sovershenstvovaniya metodov ocenki regional'noj ustojchivosti i regional'nogo razvitija [On the issue of improving methods for assessing regional sustainability and regional development]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional economics: theory and practice]. 2009; (41): 42–51. (In Russ.).

21. Shokarova L. H. Zarubezhnyj opyt gosudarstvennogo regulirovaniya razvitija regionov [Foreign experience of state regulation of regional development] [Elektronnyj resurs]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj*

zhurnal [Regional economics and Management: an electronic scientific journal]. 2005; (4). URL: <https://eee-region.ru/article/401/> (data obrashhenija: 18.07.2023). (In Russ.).

22. Jur'eva O. V., Burganova L. A. Social'nye tehnologii strategicheskogo upravljenja v municipal'nyh obrazovanijah [Social technologies of strategic management in municipalities]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. 2018; (1): 226–229. (In Russ.).

23. Jakovleva S. I. Integral'naja model' regional'nogo strategicheskogo planirovaniya [Integral model of regional strategic planning]. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. 2016; 2(26): 114–128. (In Russ.).

24. Blakely E. J., Leigh N. G. Planning local economic development: theory and practice. SAGE Publications, 2016. 536 p.

25. Malecki E. Technology and Economic Development: The Dynamics of Local, Regional and National Change. Longman Scientific and Technical, Harlow, 1991. 495 p.

26. World Development Report: The Challenge of Development New York: Oxford University Press, 1991. 290 p.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 27.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Демьяненко Василий Иванович — младший научный сотрудник, Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, стр. 1

Vasily I. Demyanenko — Junior Researcher, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

5 Bolshaya Andronevskaya str., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья

УДК 352

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-63-70

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Андрей Николаевич Зеленый

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
green1969@mail.ru, ORCID: 0009-0002-8868-7873**

Аннотация. *Цель исследования* заключается в концептуализации таких понятий, как местное самоуправление, муниципальное управление и управление муниципальным образованием.

Методология. *Концепция исследования* выстраивается на методологической платформе неoinституциональной теории Д. Норта, выбор которой объясняется тем, что она позволяет интегрировать все междисциплинарные аспекты, значимые для социологии управления: юридический, управленческий и собственно социологический.

Результаты исследования. *Под местным самоуправлением* следует понимать публичную деятельность по реализации интересов местного значения, которая осуществляется на началах самоорганизации или через делегирование полномочий по управлению территориями избранным органам муниципальной власти. *Муниципальное управление* представляет собой публичную деятельность муниципальных органов власти, которая направлена на достижение целей, актуальных для решения вопросов местного значения и осуществляется с учетом ресурсных возможностей конкретного муниципального образования. *Управление муниципальными образованиями* определяется как публичная деятельность уполномоченных для реализации вопросов местного значения органов муниципальной власти, проводимая ими на определенной территории.

Перспективы исследования. *Концептуализация данных понятий* является основой разработки методологического конструкта изучения административной состоятельности института сити-менеджмента в системе муниципального управления.

Ключевые слова: социология управления, местное самоуправление, муниципальное управление, управление муниципальным образованием, российское общество

Для цитирования: Зеленый А. Н. Местное самоуправление, муниципальное управление и управление муниципальным образованием: концептуализация понятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 63–70. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-63-70>.

Original article

LOCAL SELF-GOVERNMENT, MUNICIPAL ADMINISTRATION AND MUNICIPAL EDUCATION MANAGEMENT: CONCEPTUALIZATION OF CONCEPTS

Andrey N. Zeleny

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
green1969@mail.ru, ORCID: 0009-0002-8868-7873*

Abstract. *The purpose of the study is to conceptualize concepts such as local government, municipal government and municipal education management.*

Methodology. *The research concept is based on the methodological platform of D. North's neo-institutional theory, the choice of which is explained by the fact that it allows integrating all the interdisciplinary aspects important for the sociology of management: legal, managerial and actually sociological.*

The results of the study. *Local self-government should be understood as public activity to realize the interests of local importance, which is carried out on the basis of self-organization or through the delegation of authority to manage territories to elected municipal authorities. Municipal management is a public activity of municipal authorities, which is aimed at achieving goals relevant to solving issues of local importance and is carried out taking into account the resource capabilities of a particular municipality. The management of municipalities is defined as the public activity of the municipal authorities authorized to implement issues of local importance, carried out by them in a certain territory.*

Research prospects. *The conceptualization of these concepts is the basis for the development of a methodological construct for studying the administrative viability of the Institute of city management in the municipal management system.*

Keywords: *sociology of management, local self-government, municipal management, municipal education management, Russian society*

For citation: *Zeleny A.N. Local self-government, municipal administration and municipal education management: conceptualization of concepts // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 63–70. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-63-70>.*

Введение. Методологический конструкт изучения административной состоятельности института сити-менеджмента в системе муниципального управления представляет собой последовательное осуществление операций с понятиями, конечная цель которых состоит в определении эмпирических индикаторов, необходимых для оценки соответствия заявленных целей реформы местного самоуправления полученным в реальной практике результатам [7]. В качестве базовых нами используются следующие термины: местное самоуправление, муниципальное

управление, управление муниципальными образованиями. В данной небольшой статье проанализируем данные дефиниции. Концепция исследования выстраивается на методологической платформе неoinституциональной теории Д. Норта [13]. Её выбор объясняется тем, что она позволяет интегрировать все межпредметные аспекты, значимые для социологии управления: юридический, управленческий и собственно социологический. Они чрезвычайно важны для социологической экспертизы данных понятий.

Местное самоуправление. Итак, начнем с наиболее общего понятия — местное самоуправление. Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дает ему нормативное определение в ч. 2 ст. 1. В соответствии с данной нормой это особая разновидность народовластия, которая реализуется для решения вопросов местного значения, либо непосредственно через прямые формы демократии, либо опосредованно специально выбранными органами муниципальной власти. При этом конфигурация форм реализации интересов населения зависит от исторических или каких-то особых местных традиций. Представленное определение вбирает в себя три основных признака: 1) предметом управления являются интересы местного значения, 2) они могут осуществляться институтами прямой демократии или с помощью выбранных органов муниципальной власти, 3) принятая модель самоуправления зависит от местных особенностей.

Несмотря на нормативную четкость, среди специалистов ведутся споры по поводу определения местного самоуправления. Одно из них имеет формальный характер и происходит от того, что законодатель, не уточняя различий, использует термины «местный» и «муниципальный». Случайно ли это? Ряд исследователей именно это имеют в виду, когда настаивают на синонимичности данных слов [2], но есть и иная точка зрения. Ученые, которые её придерживаются, полагают, что термин «местное самоуправление» концентрирует восприятие его как общественного феномена, отражающего присущие ему качества и признаки самоорганизации населения для выражения своих интересов, в то время как понятие «муниципальный» прилагается к существительным формально-правового или публично-властного характера [4]. Согласно этой логике выделяется понятие «муниципальная власть» как составная часть концепции публичной власти. Полагаем, что второй подход является ошибочным. Из него следует, что между местным самоуправлением и муниципальным есть принципиальное различие. В первом случае речь идет о легитимных возможностях для граждан быть активными участниками в принятии управленческих решений

по реализации своих интересов, во втором подчеркивается формально-публичный характер муниципальной власти. Такое понимание полностью разрывает целостность концепции местного самоуправления, и от него полшага до признания местной власти низовым уровнем власти государственной, что явно противоречит нормам Конституции, принятому на её основе законодательству и сложившимися социальными представлениями о местном самоуправлении.

Второе разногласие имеет фундаментальный характер и обуславливается оценкой природы муниципальной власти (или в более широком понимании — местного самоуправления). Речь идет о её соотношении с властью государственной: является ли она отдельным видом власти, независимым (или хотя бы автономным) от государства по формированию [11] и компетенциям или это её особая разновидность [16]. Разногласия усугубляются тем, что в мировой практике встречаются обе модели. По принятой традиции их называют англо-саксонская и континентальная [10]. Первая основана на практически полной автономии местной власти от государства. Это касается как полномочий, так и способов формирования. Вторая, континентальная модель, базируется на тесной связи муниципальной и государственной властей, причем конкретные проявления этой связи имеют многообразный, вариативный характер и зависят от большого количества факторов, определяющихся внутренними особенностями развития стран континентальной Европы.

Российскую модель принято относить ко второму типу. Однако, на наш взгляд, далеко не всё столь однозначно. В ней со всей очевидностью просматриваются также черты, свойственные и англосаксонскому типу организации муниципальной власти, т.к. законодательство предусматривает большую долю автономии при решении вопросов местного значения от государственной власти. Обычно такую модель называют смешанной. Однако, по нашему мнению, более правильно было бы определить её как эклектичную. Изначально, с периода реформ 90-х гг., в ней преобладали черты, характерные для англосаксонской модели. Затем начался процесс централизации модели управления на всех уровнях, формирование единой властной

вертикали, в результате чего существенные трансформации претерпело и местное самоуправление. Сейчас оно представляет собой набор экзогенных признаков, несущих на себе родимые пятна совершенно разных и несовместимых между собой представлений о том, как должны реализовываться местные интересы в реальных управленческих практиках.

Мы склонны считать, что местная власть, независимо от степени формализации управленческих действий, это прежде всего самоуправление, а уже в самом самоуправлении следует выделять самоорганизацию граждан и осуществление управленческих действий специально выбранными органами муниципальной власти. Таким образом, под местным самоуправлением следует понимать публичную деятельность по реализации интересов местного значения, которая осуществляется на началах самоорганизации или через делегирование полномочий избранных органов муниципальной власти. В последнем случае речь идет о муниципальном управлении.

Муниципальное управление. В теории обычно не возникает существенных разногласий относительно термина «управление». Под ним, как правило, понимается организационная деятельность, которая направлена на достижение социально значимых целей, поиск и распределение ресурсов, мотивацию и контроль исполнителей [8]. Более сложным представляется сформулировать определение для «муниципального управления». Сложность связана с наличием неурегулированных противоречий относительно того, что представляет собой муниципальная власть: низовой уровень власти государственной или продукт самоорганизации населения определенной территории. Кроме того, дополнительным нюансом выступает необходимость локализовать муниципальное управление на какой-то территории, т.к. не вполне понятно, где заканчиваются границы низовой активности по самоорганизации граждан, а где начинается деятельность выборных органов муниципальной власти.

С учетом представленных затруднений можно выделить три основных подхода, сложившихся в дискурсе по анализируемой проблематике.

Первый отражает широкое понимание проблемы и сводится к тому, что муниципальное управление есть особый вид реализации публичной власти, отражающий запрос общества на развитие демократических начал, самоуправления, народовластия. Муниципальному управлению при таком понимании свойственны все признаки управленческой деятельности, но её особенность проявляется в широком участии населения в реализации властных функций [12]. Это касается не только таких актов самоуправления, как сходы, отосы, публичные слушания, собрания, конференции и т.п., но того влияния на выбранные органы местной власти, которые имеются у населения. В рамках данного понимания муниципальное управление представляет собой разновидность публичной власти, которая функционально и организационно поглощается идеей народовластия.

Во втором подходе проявляется более формализованное, близкое к юридическому понимание муниципального управления. Специалисты, которые его придерживаются, отмечают, что оно осуществляется через деятельность специальных органов власти, реализующих присущие им функции по управлению муниципальной собственностью, общественным порядком, принятием нормативных актов местного значения и т.п. [14]. Здесь отображается классическое понимание управления как вид деятельности социальной организации определенного типа.

С точки зрения сторонников третьего подхода муниципальное управление как термин шире понятия «местное самоуправление», поскольку включает в себя, помимо свойственных ему функций и полномочий, также те, которые делегированы органами государственной власти. Таким образом, оно приобретает дуалистическую природу, выходя за рамки решения собственно вопросов местного значения [1].

Из приведенных трех позиций мы категорически не согласны с последней. Сущность и содержание муниципального управления не может изменяться только потому, что при определенных обстоятельствах оно реализует не свойственные ему функции. В конечном итоге не функции определяют специфику муниципального управления, а широкое участие населения муниципали-

тета в практиках исполнения власти и соответствие деятельности органов муниципальной власти потребностям и интересам муниципалитетов. Во всём остальном его следует интерпретировать с позиции стандартного понимания, приведенного нами выше. С этой точки зрения формулировку наиболее оптимального определения следует конструировать в пространстве смыслов где-то между первым и вторым подходами, из которых в одном делается акцент на народовластии (местном самоуправлении), а во втором — на организационно-властных инструментах его реализации (публичном управлении). Нам представляется, что муниципальное управление следует понимать как публичную деятельность муниципальных органов власти, которая направлена на достижение целей, актуальных для решения вопросов местного значения, и осуществляется с учетом ресурсных возможностей конкретного муниципального образования в пределах нормативно определенных полномочий.

Управление муниципальным образованием. Как видно из определения, в реальных практиках муниципальное управление реализуется не в целом, а в конкретном муниципальном образовании, то есть на определенной территории и посредством тех властных органов, которые наделены в рамках административно-территориальной юрисдикции соответствующими прерогативами. Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не определяет легитимную конструкцию понятия «муниципальное образование». В ч. 1 ст. 2 в качестве базового фиксируется поселенческий принцип, который раскрывается через виды территорий, подпадающих под его обозначение. Наиболее удачное определение муниципального образования, согласованное с принятой законодателем концепцией, дано И. Н. Ладиным, по мнению которого «... это территориальное объединение граждан, созданное в целях осуществления местного самоуправления» [9, с. 89].

Подход законодателя нацелен на то, чтобы через концепт «муниципальное образование» локализовать в виде объекта и субъекта управления в первую очередь проживающее на его

территории население. Свойства объекта ему присущи в том случае, когда на него будет оказываться управляющее воздействие специально созданных органов муниципальной власти. Признаки субъектности проявляются в ходе реализации интересов местного значения в складывающихся практиках самоуправления. Столь гибкое распределение смыслов между понятиями «местный» и «муниципальный» происходит от того, что в законодательстве между ними не проводится принципиального различия, поскольку они используются как синонимы. Определенную логику в смысловом наполнении данных слов можно увидеть только в сложившихся традициях. Если обращать внимание именно на этот нюанс, то термин «местный» чаще всего выступает прилагательным к существительному, когда законодатель подчеркивает такие значения местного самоуправления, которые фиксируют способность населения к самоорганизации в легально определенных формах. В отношении же слова «муниципальный» наиболее часто прикладываются смыслы, связанные с деятельностью публичных органов власти в связи с исполнением ими функций по реализации вопросов местного значения. Однако это всего лишь традиция, которой не следует придавать слишком уж большое значение, т.к. вся деятельность местного самоуправления по своей сути должна основываться на принципах прямой демократии или быть максимально к ней приближенной.

С указанных позиций понятие «управление муниципальными образованиями» можно определить как публичную деятельность уполномоченных для реализации вопросов местного значения органов муниципальной власти, проводимую ими на определенной территории.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к таким территориям относятся «городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения». Следовательно, уполномоченные для решения вопросов местного значения органы, ре-

ализующие управленческие функции, создаются на территориях перечисленных выше муниципальных образований.

Заключение. Подведем итоги нашего анализа. Под местным самоуправлением следует понимать публичную деятельность по реализации интересов местного значения, которая осуществляется на началах самоорганизации или через делегирование полномочий по управлению территориями избранным органам муниципальной власти. В последнем случае речь идет о муниципальном управлении. Муниципальное управление представляет собой публичную деятельность муниципальных органов власти, которая направлена на достижение целей, актуальных для решения вопросов местного значения и осуществляется с учетом ресурсных возможностей конкретного муниципального образования. Управление муниципальными образованиями определяется как публичная деятельность уполномоченных для реализации вопросов местного значения органов муниципальной власти, проводимая ими на определенной территории.

Список источников

1. Боровская М. А. Генезис муниципальной собственности и становление систем муниципального управления. Таганрог: ТРТУ, 2002. 220 с.
2. Булатов Р. Б. Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: С.-Петербургский университет МВД РФ, 2006. 363 с.
3. Васильев А. А. Система муниципального управления. М.: КноРус, 2015. 346 с.
4. Газизова Л. И. К вопросу о разграничении понятий «муниципальная власть» и «местное самоуправление» // Власть. 2015. №6. С. 129–133.
5. Дятлов А. В., Ковалев В. В., Асланов Я. А. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №4. С. 23–35.

6. Дятлов А. В., Чигрин В. А. Социокультурные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). №1. С. 3–9.

7. Зеленый А. Н. Дискурсивное пространство исследования института сити-менеджмента в современной социологии // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №3. С. 248–259.

8. Кувшинов М. А. Понятие управления устойчивым развитием социально-экономической системы муниципального образования // Молодой ученый. 2011. Т. 1. №7. С. 86–91.

9. Ладин И. Н. Понятие муниципального образования и его территориальный статус // Общество и право. 2009. №1. С. 14–25.

10. Лангинен А. В. Соотношение понятий «местное управление», «местное самоуправление», «муниципальное управление» // Ars Administrandi. Сборник статей. Пермь: ПГУ, 2009. С. 112–117.

11. Лахтина Т. А. Роль местного самоуправления в системе публичной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №6. С. 115–119.

12. Мескон М. Основы менеджмента. М.: Дело, 1997. 365 с.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 244 с.

14. Стальская А. С. Базовые подходы к управлению и их применение в известных компаниях // Вопросы экономики и управления. 2016. №5(7). С. 173–175.

15. Точиев И. Б. Муниципальное управление: понятие и специфика // Юридическая наука: история и современность. 2013. №12. С. 62–71.

16. Чихладзе Л. Т. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №3. С. 171–174.

References

1. Borovskaja M. A. Genezis municipal'noj sobstvennosti i stanovlenie sistem municipal'nogo upravlenija [The genesis of municipal property and the formation of municipal

management systems]. Taganrog: TRTU, 2002. 220 p. (In Russ.).

2. Bulatov R.B. Municipal'naja vlast' i problemy ee realizacii v Rossijskoj Federacii (konstitucionno-pravovoj analiz): dis. ... d-ra jurid. nauk [Municipal power and problems of its implementation in the Russian Federation (constitutional and legal analysis). Dr. Sci. (Juridical) diss.]. Saint Petersburg: S.-Peterburgskij universitet MVD RF, 2006. 363 p. (In Russ.).

3. Vasil'ev A.A. Sistema municipal'nogo upravlenija [The system of municipal management]. Moscow: KnoRus, 2015. 346 p. (In Russ.).

4. Gazizova L.I. K voprosu o razgranichenii ponjatij «municipal'naja vlast'» i «mestnoe samoupravlenie» [On the issue of the differentiation of the concepts of «municipal government» and «local self-government»]. *Vlast' [Power]*. 2015; (6): 129–133. (In Russ.).

5. Djatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Ja. A. Metodologicheskij konstrukt issledovanija menedzheristских instrumentov obespechenija jeffektivnosti municipal'nogo upravlenija [Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]*. 2021; 14(4): 23–35. (In Russ.).

6. Djatlov A.V., Chigrin V.A. Sociokul'turnye osnovanija dlja modeli «siti-menedzhmenta» v sisteme rossijskogo municipal'nogo upravlenija [Sociocultural foundations for the model of «city management» in the system of Russian municipal government]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]*. 2018; (1): 3–9. (In Russ.).

7. Zelenyj A.N. Diskursivnoe prostranstvo issledovanija instituta siti-menedzhmenta v sovremennoj sociologii [Discursive space of research of the Institute of City management in modern sociology]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2020; 9(3): 248–259. (In Russ.).

8. Kuvshinov M.A. Ponjatie upravlenija us-tojchivym razvitiem social'no-jekonomicheskoj

sistemy municipal'nogo obrazovanija [The concept of sustainable development management of the socio-economic system of municipal education]. *Molodoj uchenyj [Young Scientist]*. 2011; 1(7): 86–91. (In Russ.).

9. Ladin I.N. Ponjatie municipal'nogo obrazovanija i ego territorial'nyj status [The concept of a municipal formation and its territorial status]. *Obshhestvo i pravo [Society and Law]*. 2009; (1): 14–25. (In Russ.).

10. Langinen A.V. Sootnoshenie ponjatij «mestnoe upravlenie», «mestnoe samoupravlenie», «municipal'noe upravlenie» [Correlation of the concepts of «local government», «local self-government», «municipal management»]. *Ars Administrandi. Sbornik statej. Perm': PGU*, 2009. Pp. 112–117. (In Russ.).

11. Lahtina T.A. Rol' mestnogo samoupravlenija v sisteme publichnoj vlasti [The role of local self-government in the system of public power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015; (6): 115–119. (In Russ.).

12. Meskon M. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of management]. Moscow: Delo, 1997. 365 p. (In Russ.).

13. Nort D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala, 1997. 244 p. (In Russ.).

14. Stal'skaja A.S. Bazovye podhody k upravleniju i ih primenenie v izvestnyh kompanijah [Basic management approaches and their application in well-known companies]. *Voprosy jekonomiki i upravlenija [Issues of economics and management]*. 2016; 5(7): 173–175. (In Russ.).

15. Tochiev I.B. Municipal'noe upravlenie: ponjatie i specifika [Municipal management: concept and specificity]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost' [Legal science: history and modernity]*. 2013; (12): 62–71. (In Russ.).

16. Chihladze L.T. Mestnoe samoupravlenie v sisteme publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii [Local self-government in the system of public authority in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2017; (3): 171–174. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зеленый Андрей Николаевич — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Andrey N. Zeleny — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.354:355
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-71-80

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАК ФАКТОР ИМИТАЦИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Алиса Леонидовна Рудковская

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
alissav@yandex.ru, SPIN-код: 5006-4728**

Аннотация. Актуальность. В статье анализируется регламентация ключевых показателей эффективности муниципального управления. Деятельность местных органов власти имеет определяющее значение для обеспечения достойного качества жизни населения территориальных сообществ. Эффективность муниципального управления измеряется на основе выполнения нормативно предзаданных показателей эффективности. Их выполнение по замыслу авторов управленческой модели работы по показателям является индикатором успешности функционирования местных органов власти. Однако действующие институциональные нормы потенциально способны приводить к имитации результатов управленческой деятельности.

Цель исследования: выяснить, содержат ли нормативные требования к ключевым показателям эффективности потенциал имитации в практиках муниципального управления.

Методы исследования. Проведенное исследование выстроено с применением общенаучных методов анализа и синтеза, сравнительного метода, прогностического подхода.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что действующие нормативные требования к ключевым показателям эффективности содержат большой потенциал имитации в практиках муниципального управления. Принятые нормативные регуляторы разделены на две группы: показатели накопления и показатели расходования. Наиболее уязвимыми с точки зрения искажения эффективности муниципального управления выступают показатели расходования. Мы предлагаем изменить методику измерения эффективности, отказавшись от технократизма в определении ключевых показателей.

Перспективы исследования связаны с изучением эмпирических условий возникновения имитации в муниципальном управлении на основе установления ресурсов профессиональной деятельности у муниципальных служащих.

Ключевые слова: муниципальное управление, эффективность, ключевые показатели, имитация, показатели накопления, показатели расходования

Для цитирования: Рудковская А.Л. Ключевые показатели как фактор имитации эффективности муниципального управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 71–80. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-71-80>.

Original article

KEY INDICATORS AS A FACTOR IN IMITATING THE EFFICIENCY OF MUNICIPAL GOVERNANCE

Alisa L. Rudkovskaya

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
alissav@yandex.ru, SPIN-code: 5006-4728

Abstract. Introduction. *The article analyses the regulation of key performance indicators of municipal governance. The activity of local authorities is of decisive importance for ensuring a decent quality of life for the population of territorial communities. The effectiveness of municipal governance is measured on the basis of the fulfilment of normatively predetermined performance indicators. Their fulfilment, as conceived by the authors of the management model of performance indicators, is an indicator of successful functioning of local authorities. However, the current institutional norms are potentially capable of leading to imitation of the results of managerial activity.*

Purpose of the research *is to find out whether the normative requirements for key performance indicators contain the potential for imitation in the practices of municipal governance.*

Research methods. *The research was built using general scientific methods of analysis and synthesis, comparative method, predictive approach.*

Results. *As a result of the research, we concluded that the current regulatory requirements for key performance indicators of municipal governance contain a great potential for imitation in the practices of municipal governance. The adopted normative regulators are divided into two groups: accumulation indicators and expenditure indicators. Expenditure indicators are the most vulnerable from the point of view of distortion of municipal governance efficiency. We propose to change the methodology of efficiency measurement, abandoning technocratism in the definition of key indicators.*

Prospects of the research *are related to the study of empirical conditions of imitation in municipal governance on the basis of establishing the resources of professional activity in municipal employees.*

Keywords: *municipal governance, efficiency, key indicators, imitation, accumulation indicators, expenditure indicators*

For citation: *Rudkovskaya A. L. Key indicators as a factor in imitating the efficiency of municipal governance // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 71–80. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-71-80>.*

Введение. В настоящее время существует настоящая потребность в измерении эффективности муниципального управления. Местная власть, как никакая другая в сравнении с остальными ветвями власти, близка к обществу. Она нацелена на удовлетворение основных потребностей людей в достойном качестве жизни. Это достигается за счет создания комфортной благоприятной среды, качественного ЖКХ, благоустройства го-

родского пространства, современных автомобильных дорог и т.п. На это из федерального и регионального бюджетов выделяется соответствующее финансирование. От того, насколько профессионально муниципальные органы будут исполнять свои функции, зависит эффективность их управления. Но не меньшее значение для рациональной организации их деятельности имеет то, на основании каких нормативных правил выстроена

работа муниципальных органов власти. Одним из главных нормативных условий выступает система правил, образующая институт ключевых показателей эффективности. Они приняты на уровне федеральной власти и обладают свойством универсальности для всей системы муниципального управления.

Современные работы по проблематике количественных показателей написаны в основном в теоретическом ключе и сосредоточены на рассмотрении перспектив и преимуществ данной модели. Их позиционируют как инструмент оценивания эффективности деятельности органов государственного управления [1; 2; 8], механизм повышения мотивации управленцев и рядовых сотрудников [7; 9]. Исследователи, которых можно отнести к критикам внедрения инструментов корпоративного управления в органы публичной власти, сосредотачивают свое внимание на фактической операциональной неэффективности подобной системы и объясняют это, во-первых, вертикализацией властных отношений на всех уровнях¹ и неправильной реализацией системы оценки на местах [5]. Также ряд ученых изучали количественные показатели эффективности муниципального управления в контексте проблематики менеджизма [3; 4; 6; 10].

В данной работе мы ставим перед собой следующую цель: выяснить, содержат ли нормативные требования к ключевым показателям эффективности потенциал имитации муниципального управления в профессиональной деятельности.

Результаты исследования. В Российской Федерации эффективность деятельности местного самоуправления оценивается по унифицированным показателям, установленным Указом Президента РФ от 28.04.2008 г. №607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»². В данном документе очерчиваются основные контуры оценки органов местного самоуправления.

К оцениваемым показателям относятся: число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения; доля среднесписочной численности работников малых и средних предприятий; доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям; доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром; доля площади земельных участков, являющихся объектами налогообложения земельным налогом; доля детей в возрасте от одного года до шести лет, состоящих на учете для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, — всего, в том числе введенная в действие за один год; доля частных организаций коммунального комплекса в общем числе организаций коммунального комплекса, осуществляющих свою деятельность на территории муниципального образования; доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет; удельная величина потребления энергетических ресурсов в многоквартирных домах; удельная величина потребления энергетических ресурсов муниципальными бюджетными учреждениями; удовлетворенность населения деятельностью органов местного управления (процент от числа опрошенных); результаты независимой оценки качества оказания услуг населению.

Большинство вышеприведенных показателей формируются при помощи данных, аккумулируемых территориальным органом ФСГС, но последние два показателя невозможно измерить без применения средств социологической аналитики. Для этого Правительство Ростовской области каждый год в четвертом квартале проводит областной «мега-опрос» жителей, постоянно проживающих на территории области, направленный

¹ Артемов М. KPI от отчаяния. Что не так с оценкой работы чиновников [Электронный ресурс] // Forbes. 2019. 1 марта. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/372513-kpi-ot-otchayaniya-cto-ne-tak-s-ocenкой-raboty-chinovnikov> (дата обращения: 20.09.2023).

² Указ Президента РФ №607 от 28.04.2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102121454&intelsearch=%F3%EA%E0%E7+607> (дата обращения: 22.09.2023).

ный на выявление их удовлетворенности работой органов местного самоуправления. Помимо вышеприведенных показателей, Правительство Ростовской области также оценивает и другие, регламентированные Распоряжением Губернатора Ростовской области от 14.03.2013 №39 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления»³. В данном документе описывается процесс создания экспертной группы, состоящей из глав профильных министерств и заместителей губернатора. Каждое отраслевое министерство в свою очередь собирает информацию по определенным показателям.

Отдельно следует отметить показатель «удовлетворенность населения деятельностью органов МСУ», так как он является фактически единственным, измеряемым с помощью социологических методов.

Таким образом, мы можем констатировать несколько акторов, аккумулирующих информацию: территориальный орган ФСГС, профильные министерства и администрации муниципальных образований. По нашему мнению, репрезентативность количественных показателей может быть компрометирована, если поступающие данные не точны или не отражают реальной ситуации в управлении муниципальным образованием.

Количественные показатели, на основе которых оценивается эффективность муниципального управления можно поделить на два типа: 1) показатели накопления; 2) показатели расходования. Каждый из этих показателей имеет два уязвимых места, в которых человеческий фактор потенциально может оказать негативное влияние на их репрезентативность: уязвимость на уровне методики сбора данных и уязвимость на уровне презентации результатов.

Первый тип уязвимости непосредственно связан с процессом получения первичных данных и может проявляться как в использовании нерелевантной методики, не позволяющей управленцам понять реальную ситуацию в муниципальном образовании, так и в использовании той методики, которую приводит к искажению результатов. остано-

вимся подробнее на том, как вышеприведенные уязвимости соотносятся с двумя типами количественных показателей.

Показатели накопления и их уязвимость на уровне методики сбора данных. Это в основном экономические показатели. Они собираются профильными министерствами, предоставляются администрациями муниципальных образований и собираются территориальным органом службы государственной статистики. Из этого следует, что оценка социально-экономического показателя может быть подтверждена несколько раз. Вышеописанные количественные показатели, призванные репрезентировать экономический рост, достаточно легко проверить, а если требуется более глубокий анализ, то возможно привлечь и Федеральную налоговую службу. Из всего вышеописанного следует, что экономические показатели, оценивающие объем инвестиций, рост зарплатных плат и промышленного производства, достаточно сложно исказить, так как существуют различные способы их проверки. Такие показатели можно отнести к «твердым», иными словами, трудно подвергающимися искажению.

Показатели накопления и уязвимость на уровне интерпретации результатов. Из вышеописанного следует, что методика сбора статистически значимых показателей не вызывает серьезных претензий и оставляет мало пространства для искажений. Однако их презентация заинтересованным лицам (общественность, губернатор, Президент РФ и т.д.) может вызывать серьезные опасения. Например, показатель «Среднемесячная начисленная заработная плата» медицинских работников и учителей не отражает тенденций неравномерного распределения оплаты труда между частными и бюджетными образовательными и медицинскими учреждениями. Показатель «Объем жилищного строительства в течение трех лет (в кв. метрах)» не позволяет отразить качество и удовлетворенность жителей данным жильем, а также проверить обеспеченность жилых площадей качественной инфраструктурой.

3 Распоряжение Губернатора Ростовской области от 14.03.2013 г. №39 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.donland.ru/documents/2952/> (дата обращения: 23.09.2023).

Министерство экономического развития отчитывается по показателю «Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения». Данный показатель может быть легко проверен при помощи органов ФНС, но имеет уязвимости на уровне интерпретации и презентации. Очевидно, что увеличение числа предпринимателей малого и среднего бизнеса всегда воспринимается как проявление позитивной динамики развития муниципального образования, однако не позволяет отразить другие тенденции, свидетельствующие о трудном положении реального сектора экономики. Согласно данным, предоставленным платформой Оператора фискальных данных (ОФД), в 2022 г. предприниматели чаще открывали заведения быстрого питания (так называемого «стрит-фуда») и связано это в первую очередь с ростом потребительского интереса к продуктовым категориям⁴. Это может происходить из-за кризиса в экономике, падения покупательской способности, а предприниматели реагируют на это путем инвестиций в более доступный, быстро окупаемый бизнес, не требующий долгосрочных инвестиций. Таким образом, показатель роста числа предпринимателей при поверхностной интерпретации может свидетельствовать о совершенствовании инфраструктуры города, способствующей интересам бизнес-сообществ, но при более глубоком анализе позволяет выявить сложные и неоднозначные тенденции. Всё вышеописанное означает, что даже такие «твердые» показатели, как «увеличение числа предпринимателей», обладают уязвимостью на уровне интерпретации. Чиновник, заинтересованный в представлении данных о своей работе в выгодном свете, не будет иметь никаких трудностей в том, чтобы представить неоднозначный и открытый для интерпретации показатель так, как выгодно именно ему. Следовательно, количественные показатели уязвимы для манипуляций со стороны муниципальных служащих.

Если рассмотреть данные, предоставляемые отдельно взятым министерством, в частности Министерством по физической культуре и спорту, то можно увидеть, что оно

отчитывается по двум показателям: «доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом» и «доля обучающихся, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности обучающихся». Их увеличение, на первый взгляд, может свидетельствовать об улучшении ситуации, связанной с занятием физической культурой и спортом, но вышеприведенные показатели не обладают достаточным потенциалом для оценки реального социального эффекта, связываемого с их ростом. Во-первых, они не позволяют оценить доступность спортивных залов и секций, во-вторых, представленность спортивных секций и мест для занятий спортом в конкретных районах муниципального образования, в-третьих, не дают возможность оценить качество спортивной инфраструктуры. Количественные показатели просто не подходят для оценки удовлетворенности потребителей и иных заинтересованных лиц.

Таким образом, показатели накопления более уязвимы для имитации с точки зрения их интерпретации, но в контексте их методики обладают достаточно высокой долей достоверности и репрезентативности.

В рамках предметного поля социологии управления наибольший интерес представляют показатели, связанные с расходованием бюджетных средств, направленные на удовлетворение потребностей населения территорий. Распределение социальных благ всегда сопряжено с трудностями, связанными с неравномерным расходованием ресурсов, и становится источником недовольства жителей муниципальных образований. Можно сказать, что умение государственных и муниципальных управленцев рационально расходовать средства на поддержание жизни города и равномерное распределение ресурсов является одним из главных критериев профессионализма и компетентности. Показатели расходования, в отличие от накопления, требуют не столько налаженной методики сбора и статистической обработки получаемых данных, но и эффективно работающих механизмов получения обратной связи от потребителей муниципальных услуг. Так как в современ-

⁴ Торговый оборот фастфуда в РФ за 2022 год вырос в два раза больше, чем у ресторанов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16813271> (дата обращения: 23.09.2023).

ной России каналы обратной связи на муниципальном уровне работают неэффективно, то эта особенность показателей сопряжена с множеством трудностей. Главная управленческая задача эффективного расходования бюджетных средств на пользу жителям муниципальных образований, выраженная в виде вопроса, будет звучать следующим образом: «Как расходовать средства, чтобы повысить удовлетворенность максимального количества потребителей муниципальных услуг?». Эта удовлетворенность, в свою очередь, может быть интерпретирована как «социальный эффект». Этот термин трактуется каждым исследователем по-разному, в зависимости от предметного поля и конкретных исследовательских задач, но в целом его можно интерпретировать как влияние управленческого решения на общество, в частности на реальные и эмпирически фиксируемые социальные практики. Например, управленческое решение, направленное на популяризацию здорового образа жизни, будет обладать значимым социальным эффектом, если увеличит число людей, посещающих спортивные мероприятия, массовые спортивные фестивали, снизит потребление алкоголя, сигарет, наркотиков и сделает посещение спортивных секций более доступным. Достижение максимально возможного социального эффекта напрямую связано с получением своевременной и качественной обратной связи от населения, которую в нынешней политической системе получать достаточно сложно, во-первых, вследствие замены прямых выборов главы администрации на нанимаемого по контракту сити-менеджера, заинтересованного в первую очередь в удовлетворении интересов своего работодателя; во-вторых, из-за низкого интереса населения к местным выборам и, как следствие, снижения общественного запроса на прямую демократию⁵. Вышеописанная ситуация означает, что муниципальные управленцы предстают перед необходимостью регулярно проводить мониторинги общественного мнения и удовлетворенности местного населения получаемыми услугами, однако анализ показателей рас-

ходования обнаруживает, что они не репрезентируют реальную ситуацию и обладают большим потенциалом к манипуляции при их представлении.

Показатели расходования и их уязвимость на уровне методики сбора данных. Начнем с того, что показатель «Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)» является единственным, на основе которого оценивается непосредственное отношение населения к предоставляемым муниципальным услугам. В настоящий момент этот показатель можно считать единственным способом получения обратной связи от населения. Следующим важным уязвимым местом методики сбора данных является то, что вышеприведенный показатель оценивается одним профильным министерством, а именно Министерством региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области, ответственным за сбор социологических данных по всем направлениям работы органов местного самоуправления. Отметим, что методика ежегодного мониторинга унифицирована для разных социальных сфер и представлена двумя вопросами, связанными с оценкой ЖКХ, системы здравоохранения, образования в целом и с выборами конкретных проблем. По нашему мнению, данный подход не является эффективным с точки зрения получения реальных отзывов со стороны населения, так как одного или двух вопросов недостаточно для глубокой и рельефной оценки качества предоставляемых услуг. Также, согласно методике социологического мониторинга, все оцениваемые показатели (медицинское обслуживание, общее образование, услуги ЖКХ, имущественная и личная безопасность, физическая культура и спорт, культура и досуговые мероприятия, транспортное обслуживание, автомобильные дороги, деятельность главы администрации) суммируются и трансформируются в один интегральный показатель удовлетворенности населения работой органов МСУ. Из вышеописанного следует, что возможна ситуация, в которой самый

5 Местные выборы в 14-ти регионах: итоги и мнения экспертов НОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://nom24.ru/info/events/mestnye-vybory-v-14-ti-regionakh-itogi-i-mneniya-ekspertov-nom/> (дата обращения: 20.09.2023).

низкий рейтинг удовлетворенности может быть «сглажен» более высокими и внимание к одному из самых низких показателей будут снижено. Например, во времена пандемии COVID-19 удовлетворенность медицинским обслуживанием в отдельно взятых районах могло быть чрезвычайно низкой, но более высокие показатели удовлетворенностью личной и имущественной безопасностью могли «сгладить» эту ситуацию при суммировании всех показателей.

Также хочется отметить, что сама по себе идея о том, что сбором социологической информации будет заниматься профильное министерство, специализирующееся на связях с общественностью и выстраивании коммуникационной политики, кажется привлекательной лишь на первый взгляд. Объясняется это тем, что в данной ситуации каждое профильное министерство не имеет необходимости самостоятельно проводить социологические мониторинги удовлетворенности местного населения и может делегировать это Министерству региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области. Однако подобного рода исследования должны проводить независимые от власти социологические агентства, только в этом случае можно рассчитывать на объективность полученных результатов, свидетельствующих об удовлетворенности или неудовлетворенности итогами муниципального управления.

Таким образом, количественные показатели расходования средств на уровне методики сбора данных могут быть легко искажены. Это обусловлено тем, что получаемые в рамках ежегодного мониторинга общественного мнения данные не обладают полнотой, позволяющей муниципальным органам власти понять, какие именно проблемы отражаются в общественном мнении. Сведение удовлетворенности потребителей муниципальных услуг к единому «интегральному» показателю открывает широкие возможности для манипуляций количественными показателями и представления результатов работы глав местных администраций более эффективной, чем она есть на самом деле.

Отдельного внимания заслуживает оценка показателей удовлетворенности отдельно взятых направлений работы муниципального управления. Респондентам задается унифицированный вопрос:

«Насколько Вы удовлетворены...» направлениями социального обслуживания — системой здравоохранения / общим образованием / услугами ЖКХ и т.д. Респонденту предлагают пять вариантов ответа: «удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «не удовлетворен», «затрудняюсь ответить». Суммирование позитивных ответов («удовлетворен» и «скорее удовлетворен») формирует общий показатель удовлетворенности населения той или иной социальной услугой. Именно этот общий показатель, сведенный к одному числу и получаемый при помощи одного вопроса, суммируется с остальными и формирует интегральный показатель удовлетворенности. По нашему мнению, данный подход является малоэффективным с точки зрения репрезентативности, так как респонденту задается очень общий вопрос, не позволяющий извлечь достаточно глубокие и рельефные социологические данные. Стоит отметить, что в данном инструментарии имеются и другие вопросы, позволяющие более глубоко раскрыть проблемы той или иной социальной сферы. Например, имеется вопрос-меню: «Сталкивались ли Вы лично за последний год с проблемами в сфере ЖКХ и транспортного обслуживания?», в котором респондентам предложено множество вариантов ответов, определяющих наиболее важные «болевые точки» здравоохранения, транспортного обслуживания или общего образования. Однако ответы на эти вопросы никаким образом не влияют на итоговый показатель удовлетворенности работой органов местного самоуправления, а предоставляются профильным министерствам. Из этого следует, что в данный момент мониторинг общественного мнения, направленный на выявление удовлетворенности населением работой органов местного самоуправления де-факто сведен к единому показателю, демонстрирующему технократические тенденции развития муниципального управления. Данная методическая уязвимость может негативно сказаться на возможности муниципальной власти своевременно получать обратную связь от населения.

Показатели расходования и их уязвимость на уровне интерпретации результатов. Присущий современной муниципальной власти технократический подход тяготе-

ет к унификации показателей эффективности в целях более простой, прозрачной и, как предполагается, объективной оценки. Количественное измерение экономических показателей не вызывает затруднений, поскольку показатели роста промышленности, объема инвестиций или поступления налогов можно перепроверить. Однако так называемые показатели удовлетворенности по своей сути на самом деле не являются количественными показателями. Следовательно, попытки свести их к одному интегральному показателю повышают потенциал манипуляции результатами управленческой деятельности. Она напрямую связана с уровнем сбора первичных данных, так как вопросы, задаваемые респондентам, не позволяют раскрыть их отношение к оцениваемой проблематике с должной глубиной. В настоящий момент в Ростовской области отчет об эффективности работы органов местного самоуправления формируется из рейтингов одобрения деятельности глав местных администраций и из показателей удовлетворенности работой органов местного самоуправления по наиболее важным направлениям городской инфраструктуры. Как говорилось ранее, показатели удовлетворенности работой органов местного самоуправления обладают высочайшим потенциалом для их имитации. Это проистекает от принятой методологии сбора первичных данных, не способной обеспечить прозрачный характер «удовлетворенности» результатами по отдельным показателям. Удовлетворенность той или иной услугой может быть интерпретирована как сочетание доступности услуги, её ценой и соответствием ожиданий реальному результату, но рассмотренная нами методика, применяющаяся в Ростовской области, не подразумевает разделения такого сложного и индивидуализированного показателя, как «удовлетворенность» на измеряемые показатели и величины. Из этого следует, что анализ изменений количественных показателей, призванных отражать удовлетворенность населения, позволит чиновникам интерпретировать их в своих интересах. Во-первых, сужение удовлетворенности населения до одного показателя позволяет сгладить наиболее «острые» проблемы социальной сферы благодаря формированию усредненной оценки. Во-вторых, увеличение

или снижение удовлетворенности работой органов местного самоуправления не всегда может быть объяснено повышением качества работы органов муниципального управления. Нужно принимать во внимание фактор внешней среды, может влиять на удовлетворенность работой глав администраций. Например, геополитическая ситуация, сложившаяся в 2022–2023 гг., способствует консолидации российского населения и снижает остроту недовольства работой глав муниципальных образований и чисто «механически» повышает их рейтинг. Из этого следует, что рейтинг глав местных администраций может увеличиться не из-за повышения качества его работы, а внешних факторов, не поддающихся контролю и прогнозам. Таким образом, уязвимость количественных показателей эффективности расходования средств напрямую связана с методологией сбора первичных данных, а технократический подход, стремящийся к количественному анализу сложных качественных показателей, открывает возможности для имитации количественных показателей на этапе их интерпретации.

Выводы. Проведенный анализ документов, регламентирующий методику сбора социологических показателей, позволяет констатировать, что те из них, которые направлены на репрезентацию экономических показателей, подвержены риску имитации меньше других, поскольку могут быть верифицированы различными инстанциями и инструментами статистики, в то время как показатели расходования средств, призванные оценить эффективность поддержки муниципальной инфраструктуры наиболее уязвимы на уровне методики сбора данных и их презентации. Технократический подход к оценке удовлетворенности в оцениваемой нами методике не позволяет достаточно глубоко и рельефно представить сложные, динамически меняющиеся, противоречивые и неоднозначные особенности общественного мнения в формате единственного количественного показателя. Из этого следует, что фактическая самооценка работы муниципальных служащих создает благоприятные условия для имитации эффективной деятельности, ритуалистической симуляции решения проблем местного сообщества и имитации результатов

деятельности путем манипуляции показателями и их интерпретации в пользу муниципальных управленцев.

Список источников

1. Аляутдинов Н.Ф., Галкин А.И. KPI как инструмент оценивания эффективности деятельности органов государственного управления Российской Федерации // Креативная экономика. 2015. №9. С. 1103–1112.

2. Дятлов А.В., Игнатова Т.В., Ковалев В.В., Черкасова Т.П. Ресурсы менеджизма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №4. С. 11–17.

3. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Асланов Я.А. Методологический конструкт исследования менеджистских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2021. Т. 14. №4. С. 23–35. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-4-23-35.

4. Жемчугов А.М., Жемчугов М.К. Сбалансированная система показателей. Недостатки или неправильное использование? // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. №8(36). С. 3–8.

5. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. №7. С. 24–32. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32.

6. Лесина Т.В., Чернов Д.А. Ключевые показатели эффективности на службе. Эффективность работы госслужащих // Вестник Евразийской науки. 2018. №2. С. 36–40.

7. Bentley J.W. Decreasing Operational Distortion and Surrogation through Narrative Reporting // The Accounting Review. 2019. Vol. 94. №3. Pp. 27–55. DOI: 10.2308/accr-52277.

8. Campbell D. Assessing the impact of planned social change // Evaluation and Program Planning. 1979. №1. Pp. 67–90. DOI: 10.1016/0149-7189(79)90048-X.

9. Choi W., Hecht G., Tayler W. Strategy Selection, Surrogation, and Strategic Performance Measurement Systems // Journal of Accounting

Research. 2013. Vol. 51. №1. Pp. 105–133. DOI: 10.1111/j.1475-679X.2012.00465.x.

10. Hecht G., Tayler W.B., Choi W. Lost in Translation: The Effects of Incentive Compensation on Strategy Surrogation // The accounting review. 2009. Vol. 87. №4. Pp. 56–88. DOI: 10.2139/ssrn.1464803.

References

1. Aljautdinov N.F., Galkin A.I. KPI kak instrument ocenivaniya jeffektivnosti dejatel'nosti organov gosudarstvennogo upravlenija Rossijskoj Federacii [KPI as a tool for evaluating the effectiveness of the activities of public administration bodies of the Russian Federation]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economics]. 2015; (9): 1103–1112. (In Russ.).

2. Djatlov A.V., Ignatova T.V., Kovalev V.V., Cherkasova T.P. Resursy menedzherizma dlja obespechenija jeffektivnosti municipal'nogo upravlenija (po ocenkam jekspertov Juzhnogo federal'nogo okruga) [Resources of managerism to ensure the effectiveness of municipal management (according to experts of the Southern Federal District)]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scientific notes]. 2021; (4): 11–17. (In Russ.).

3. Djatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Ja.A. Metodologicheskij konstrukt issledovanija menedzheristskih instrumentov obespechenija jeffektivnosti municipal'nogo upravlenija [Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (Novocherkasskogo politehnicheskogo instituta)* [Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)]. 2021; 14(4): 23–35. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-4-23-35. (In Russ.).

4. Zhemchugov A.M., Zhemchugov M.K. Sbalansirovannaja sistema pokazatelej. Nedostatki ili nepravil'noe ispol'zovanie? [Balanced scorecard. Disadvantages or misuse?]. *Problemy jekonomiki i menedzhmenta* [Problems of economics and management]. 2014; 8(36): 3–8. (In Russ.).

5. Kovalev V.V., Djatlov A.V. Ideologija menedzherizma v rossijskih social'nyh institutah: obrazovanie, nauka, zdavoohranenie [Ideology of managerism in Russian social institu-

tions: education, science, healthcare]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*. 2023; (7): 24–32. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. (In Russ.).

6. Lesina T.V., Chernov D.A. Kljuchevye pokazateli jeffektivnosti na sluzhbe. Jeffektivnost' raboty gossluzhashhih [Key performance indicators in the service. Efficiency of work of civil servants]. *Vestnik Evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]*. 2018; (2): 36–40. (In Russ.).

7. Bentley J.W. Decreasing Operational Distortion and Surrogation through Narrative Reporting. *The Accounting Review*. 2019; 94(3): 27–55. DOI: 10.2308/accr-52277.

8. Campbell D. Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. 1979; (1): 67–90. DOI: 10.1016/0149-7189(79)90048-X.

9. Choi W., Hecht G., Tayler W. Strategy Selection, Surrogation, and Strategic Performance Measurement Systems. *Journal of Accounting Research*. 2013; 51(1): 105–133. DOI: 10.1111/j.1475-679X.2012.00465.x.

10. Hecht G., Tayler W.B., Choi W. Lost in Translation: The Effects of Incentive Compensation on Strategy Surrogation. *The accounting review*. 2009; 87(4): 56–88. DOI: 10.2139/ssrn.1464803.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted on 12.10.2023; approved after reviewing on 30.10.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рудковская Алиса Леонидовна — заместитель начальника отдела предпроверочного анализа №2 межрайонной ИФНС России №27; соискатель, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 62

Alice L. Rudkovskaya — Deputy Head of the Pre-Test Analysis Department №2 of the Interdistrict Federal Tax Service of Russia №27; the applicant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

62 Budennovsky av., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.37

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-81-93

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ НА СПЕЦИФИКУ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

*Анатолий Васильевич Чистяков¹, Сергей Иванович Самыгин²,
Ксения Александровна Бохан³✉,*

*¹Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия*

*^{2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

*¹afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID РИНЦ: 474536,
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020*

*²darya.maksimovich@gmail.com, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806
³ks2252939@gmail.com✉, SPIN-код: 8076-5752*

Аннотация. *Цель исследования* — выявить специфику девиантного поведения молодежи в рамках интернет-зависимости.

Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы исследования: дедукция, индукция, аналогия, анализирование, исследование нормативно-правовых документов, вторичных данных региональных исследований, изучение научной литературы.

Результаты исследования. При проведении исследования девиаций и различного рода их проявлений была выявлена наиболее популярная девиация в виде киберзависимости. Были проанализированы основные теоретические аспекты влияния киберзависимости на личность, а также предложены методы профилактического воздействия на девиации.

Перспективы исследования. Выявленные методы профилактики девиаций, предложенные в исследовании, рекомендуется ввести в учебных заведениях.

Ключевые слова: киберсоциализация, девиация, социализация, социальное здоровье, шопоголизм, кибермания

Для цитирования: Чистяков А.В., Самыгин С.И., Бохан К.А. Влияние интернет-зависимости на специфику девиантного поведения молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 81–93. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-81-93>.

Original article

INTERNET ADDICTION AS A VARIANT OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Anatoly V. Chistyakov¹, Sergey I. Samygin², Ksenia A. Bokhan³✉

¹Shakhty Road Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

^{2,3}Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

¹afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID RSCI: 474536,

AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

²darya.maksimovich@gmail.com, AuthorID RSCI: 429210, SPIN-code: 6390-7806

³ks2252939@gmail.com✉, SPIN-code: 8076-5752

Abstract. *The purpose of the study is to identify the specifics of deviant behavior of young people within the framework of Internet addiction.*

The methodological basis of the research consists of general scientific research methods: deduction, induction, analogy, analysis, research of normative legal documents, secondary data of regional studies, the study of scientific literature.

The results of the study. During the study of deviations and various kinds of their manifestations, the most popular deviation in the form of cyber addiction was revealed. The main theoretical aspects of the influence of cyber addiction on personality were analyzed, as well as methods of preventive influence on deviations were proposed.

Research prospects. The identified methods of prevention of deviations proposed in the study are recommended to be introduced in educational institutions.

Keywords: cybersocialization, deviation, socialization, social health, shopaholism, cybermania

For citation: Chistyakov A. V., Samygin S. I., Bokhan K. A. Internet addiction as a variant of deviant behavior of young people in the era of digitalization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 81–93. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-81-93>.

Введение. На сегодняшний день социализация молодежи проходит в большом потоке информации, который влияет на все сферы жизни общества: социальную, культурную, экономическую и политическую. В исследовании будут рассматриваться социальная и культурная сферы общества. Далее для более глубокого осмысления материала необходимо рассмотреть такую категорию как социализация.

Социализация — процесс формирования личности как полноценного члена общества. Через этот процесс проходят все индивиды, формируясь как члены общества впоследствии. Становление личностей в эпоху цифровизации происходит стремительно, т.к. боль-

шой поток информации сказывается на молодых умах, заставляя их развиваться быстрее, чем это было ранее. Стоит отметить, что многие ученые-исследователи именуют молодых людей новым видом человечества — «Номо-Cyberus», что означает «человек киберсоциализирующийся» [3]. Также в эпоху цифровизации словарь пополнился еще одним термином — «процесс киберсоциализации человека». Как уже упоминалось в исследовании, все новые термины относятся к молодежи — студентам и школьникам.

Киберсоциализация является относительно новым понятием и определяется как виртуальная социализация. Под киберсоциализацией понимается процесс фор-

мирования личности с изменением ее мотивационно-ценностной установки путем использования компьютерных технологий. Развитие модели киберсоциализации молодежи в эпоху цифровизации можно разделить на три основных вектора: объективная часть — определение влияния виртуального пространства, обширной информации из интернета на состояние здоровья молодежи; субъективная часть — удовлетворение потребностей молодежи в эпоху цифровизации; опасности, которые может за собой повлечь киберпространство в виде различного рода девиаций. Риск возникновения девиаций может возникнуть у молодежи, так как именно молодые люди в большей степени используют различного рода технологии. Риск связан прежде всего с распространением информации, которую не всегда удается отследить спецслужбам.

Помимо прочего, у людей с интернет-зависимостью снижается концентрация внимания, замедляются мыслительные процессы. Человек может долго принимать решение из-за разрозненности мыслей. Проблему интернет-зависимости нельзя игнорировать, так как она приводит к функциональным нарушениям в работе головного мозга, что влечет за собой также проблемы в общении и общие недомогания в виде нарушения сна, агрессивности и неврозов.

Рассуждая о рисках интернет-пространств, важно упомянуть о таком понятии, как социальное здоровье молодежи. Социальное здоровье молодежи — это способность выстраивать межличностные отношения с социумом — с семьей, сверстниками и другими людьми. Социальное здоровье формируется в процессе социализации индивида, характеризуется установленными социальными нормами, то есть приобретением индивидом опыта, ценностей, а также опыта в киберсоциализации.

Технологии и интернет тесно связаны с человечеством на протяжении многих лет. Стоит сформировать некие результаты влияния киберсоциализации на социальное здоровье молодежи [1]: появление новых межличностных отношений за счет расширенных возможностей знакомств по сети; формирование навыков, подразумевающих быстрый ввод данных и поиск информации, т.е. навы-

ки, которые ранее были для людей недоступны; появление новых стремлений и целей. Современные технологии на сегодняшний день превосходят любые другие источники информации и потому являются наиболее предпочтительными. Так, по статистике, молодые люди при выборе поиска информации отдают предпочтение сети интернет, так как это быстро и удобно.

Исходя из вышеизложенных тезисов, можно выявить положительные и отрицательные факторы киберсоциализации. Положительные факторы:

- появление новых образовательных сред, значительно упрощающий процесс обучения и делающий его доступным для всех;

- большие возможности общения в интернете, контакта с людьми из разных городов. Одной из особенностей молодежи в эпоху цифровизации можно назвать тот факт, что молодым людям стало проще изъясняться и говорить о личных проблемах в письменном виде, используя интернет;

- в киберпространстве каждый человек может познавать и открывать для себя что-то новое, а также путешествовать, не выходя при этом из своего дома;

- досуг. Многие люди тратят большое количество времени для просмотра видео в интернете, фотографий и пр.

Резюмируя положительные факторы киберсоциализации молодежи, хочется отметить, что в век технологий молодые люди лучше воспринимают большой поток информации, открыты и общительны в интернете, досуг скрашивается различными развивающими видео-уроками, программами и пр.

Но вместе с положительными факторами можно выделить и отрицательные:

- информация, провоцирующая молодежь на противоправные действия (опасные селфи, призывы к нарушению правил общественного порядка и т.д.), что влечет за собой угрозу для социального здоровья молодежи;

- последний пункт положительных сторон киберсоциализации может стать рискованным, а конкретно — проведение досуга в интернете. Частое общение в социальных сетях подрывает социализацию. При привычном общении в сети молодые люди не могут полноценно изъясняться в жизни. Часто педагоги сталкиваются с проблемой, что сту-

денты не способны изложить выученный материал, так как не могут подобрать слов;

— риск понижения реальной системы ценностей, замена на виртуальную, что влечет за собой кризис морали молодых людей, а также риск возникновения психологических нарушений ввиду вседозволенности, навеянной интернетом, агрессивность, искажение морально-нравственных установок, что негативно сказывается на формировании личности молодых людей;

— активное вовлечение и использование интернет-ресурсов влечет за собой для молодых людей утрату ответственности, итогом является инфантилизм, от которого довольно-таки сложно избавиться;

— риск нарушения самоактуализации в реальной жизни. Призрачные возможности, которые открываются в интернет-пространстве в виде самоактуализации путем создания интернет-персонажа в видеоиграх и переноса свои личностных качеств на него, и виртуальный успех могут спровоцировать у индивида проблемы с самореализацией и самоактуализацией, появление депрессий, а также безработицу;

— подмена реальных межличностных отношений виртуальными, нарушение коммуникаций;

— снижение общего культурного уровня;

— риск появления интернет-аддикции. Сеть представляет собой отдельное информационное пространство, в котором человек может проводить все свое время, что впоследствии перерастает в зависимость: игроманию, киноманию, киберманию и т.д., лечение таких форм зависимостей приравнивается к наркомании, и личности, которые приобрели такую зависимость проходят длительное лечение;

— общее социокультурное изменение, которое может затронуть молодежь в целом, образовав экстремистское течение, нарушающее общепринятые устои.

Обсуждение. Анализируя отрицательные стороны киберсоциализации, невозможно не отметить тот факт, что отрицательных сторон больше, так как интернет несет с собой большие риски различных форм девиаций, которым подвержена молодежь, что создает риски для социального здоровья. Деви-

ации могут проявляться сначала в интернете, а после перейти в реальную жизнь. Девиантное поведение — отклоняющееся от нормы поведение индивида, которое может стать социально опасным.

Девиации подразделяются на позитивные и негативные. Позитивная девиация — это поведение, которое вызывает одобрение общества, хоть и не вписывается в установленные нормы. Примерами могут служить самопожертвование, героические поступки и пр. Негативные девиации — поведение, вызывающее порицание общества. Как раз к негативным девиациям относятся формы, которые были представлены в отрицательных сторонах киберсоциализации.

Принято разделять девиации на две группы: нестандартные девиации и деструктивные. Нестандартные представляют собой нестандартную форму мышления, в пример можно привести гениальность, которая подразумевает под собой генерацию новых идей, ранее никем не предложенных в обществе. Деструктивное поведение классифицируется на внешнедеструктивное и внутреннедеструктивное. Внешнедеструктивные девиации направлены на общество, т.е. нарушение социальных устоев и норм, внутреннедеструктивные девиации направлены на саморазрушение личности, примеры чего были изложены в отрицательных факторах киберсоциализации, что еще раз подтверждает следующий факт: чрезмерное нахождение молодых людей в сети интернет вызывает множество рисков появления различного рода девиаций.

Внешнедеструктивное поведение подразделяется на уже упомянутое аддиктивное поведение и антисоциальное. Аддиктивное поведение появляется за счет установления контакта с риск-образующим объектом. В контексте исследования — сетью интернет. Часто в наблюдениях психиатров аддиктивность определяется как «болезнь зависимого поведения» — хроническое расстройство, возникающее на определенном этапе развития личности, характеризующееся в совершении трудноконтролируемых или неконтролируемых актов или эпизодах непреодолимой тяги к чему-либо.

Пристрастие к интернету определяется как аддиктивное поведение, что впослед-

твии стало определяться как интернет-аддикция. Интернет-аддикция характеризуется навязчивым желанием индивида использовать сеть-интернет без возможности отключиться от нее, это неконтролируемая тяга к интернет-среде. Стоит также упомянуть и об узкой форме интернет-аддикции, который подразумевает под собой агрессию в сети: троллинг, взлом, распространение спама.

Одними из самых распространенных девиаций в интернете являются троллинг и кибербуллинг. Категории схожие, но все же представляют собой диаметрально разные понятия. Троллинг — размещение анонимным пользователем сообщений оскорбительного характера. Данные сообщения могут затрагивать не только конкретную личность, но и религию, политику, что является провоцирующим конфликт фактором. Кибербуллинг — более изощренная форма троллинга, которая помимо оскорблений включает в себя угрозы, запугивания, причем длящиеся достаточно продолжительный промежуток времени, то есть месяц, год и т.д.

Таким образом, интернет-аддикция молодежи становится проблемой, так как нередко вызывает негативные девиации со стороны молодых людей. Так, Дж. Сулер выделил причины, по которым можно понять, чем именно сеть-интернет привлекательна для молодежи [12]:

1) благодаря интернету молодые люди познают себя: свои сильные и слабые стороны, чем бы они могли заниматься в жизни, то есть получить множество ответов на экзистенциальные проблемы. Помимо этого, в интернете существует возможность оценки фотографий, что тоже привлекает молодых людей и дает им ответ на вопрос, что о них думают окружающие;

2) избегание фрустрации. Молодые люди часто переживают кризисы, которые вызывают стресс, разочарования и другие негативные эмоции. Об этих проблемах подросток забывает в интернете, что впоследствии порождает девиации следующими факторами: неограниченность информации, возможность анонимного общения, возможность выплеснуть агрессию, безнаказанность.

Таким образом, формирование интернет-аддикции могут коснуться всех пользователей интернета. Благодаря исследованию

J. Suler можно сделать вывод о том, что молодые люди представляют собой социальную прослойку наиболее подверженную интернет-аддикции.

Особенности зависимости в контексте личности человека проявляются в силу определенных обстоятельств — специфики общества, в котором находится потенциальный девиант, особенностей самого человека. Проявляется зависимость сильнее всего в эмоциональной составляющей зависимого, а также в поведении и мотивах деятельности.

Зависимость проявляется за счет аддитивных желаний человека в удовлетворении своих потребностей.

Вовлечение человека в зависимость или же формы формирования аддиктивности следующие:

— человек стремится к эмоциональному и психическому контролю, появляется желание скрыться от реальности в виртуальном мире. Реальность начинает уходить на второй план. Желание сопровождается предыдущим выплеском положительных эмоций от нахождения в сети интернет;

— следующий этап знаменует формирование потребности. Человека все меньше интересуют межличностные отношения и реальность. Человек вовлекается в виртуальную реальность все чаще, когда его охватывает печаль или другие негативные эмоции, которые уже начинают ассоциироваться с реальностью;

— третий этап характеризует возникновение потребности ухода в виртуальную реальность. Уход в другую реальность становится для человека обыденным делом.

Итогом является изменение системы ценностей, отреченность от реальности. Человек перестает ходить на работу, контактировать с родственниками. Все, что его интересует, содержит в себе виртуальная реальность, будь то компьютерные игры или социальные сети.

Необходимо рассмотреть общие характеристики зависимой личности. Итак, к ним относятся: инфантильность, эгоцентризм, максимализм, впечатлительность, яркость воображения, склонность к риску, лживость, тревожность, стремление уйти от ответственности, повторяемость поведения. Личности с аддиктивностью часто являются при-

верженцами гедонизма, что характеризуется получением удовольствий и жизнью только во имя удовлетворения собственных потребностей. Часто от зависимых личностей можно услышать слово «уход», что представляет собой не только факт «ухода» аддиктивной личности в интернет-измерение, но и как парадигму существования. «Уход» также обозначает отречение от устоявшейся системы ценностей и личностных ориентиров индивида, то есть единственной ценностью для аддикта является уход в другую реальность.

Рассматривая микро- и макросреду формирования аддиктивных личностей, исследователи выявили тот факт, что пристрастия формируются у зависимых личностей с детства. Примерами могут быть азартные игры. От зависимых личностей также можно услышать, что все жизненные проблемы возможно решить с помощью денег. Особенностей у аддиктивных личностей не так много, основу составляет тот факт, что целью их существования является уход от проблем. Уход в виртуальный мир для зависимой личности знаменуется как решение всех проблем и закрепляется как стратегия и жизненная установка.

Первым концепцию ценностных ориентаций предложил британский ученый М. Роккич. Рассуждения исследователя исходили из того, что некоторые ценности предпочтительнее, чем другие. Исходя из этого, первые и наиболее значительные для аддикта ценности — реализация индивидуально-личностного бытия, вторые цели связаны с образом действий и средствами достижения целей. Также М. Роккич выделял терминальные ценности и инструментальные. Терминальные ценности связаны с реализацией в обществе и развитием человека как личности, например: физическое и психическое здоровье личности, жизненная мудрость, общественное признание, творческая свобода и т.д. [11]. Под инструментальными ориентациями личности подразумевается культура личности: чувство ответственности, манеры, исполнительность и др. Таким образом, зависимость влияет не только на коммуникацию индивида с обществом, но и на его личностные и культурные особенности.

Исследователь Г.В. Старшенбаум разделял зависимых на гипертивных и гипотивных. Гипертивность — патологическая по-

вышенная активность, выражающаяся в сниженной концентрации внимания, низкой сосредоточенности, импульсивности. Гипотивность — пессимизм, неуверенность в себе, склонность к прокрастинации, пассивность, сниженный общий фон настроения [9]. Автор Г.В. Старшенбаум относит трудоголиков, организаторов и максималистов к гипотивному типу личности. Чаще всего от зависимостей страдает именно гипотивный тип ввиду высокого уровня неуверенности в себе, меланхоличного настроения и склонности к обвинению других людей в своих проблемах. Проецируя вышесказанное на интернет-аддикцию, гипотивный тип личности «уйдет» в виртуальную реальность от своих проблем и людей, которые недостаточно хороши для него, так как для гипотивного типа личности характерно критическое отношение не только к себе, но и к окружающим [9].

Социальная адаптация является еще одной категорией, которую необходимо рассмотреть в рамках исследования зависимой личности и ее девиаций. Социальная адаптация представляет собой особую связь индивида и общества, в процессе которого устанавливаются перспективы и ожидания со стороны субъектов взаимодействия [4]. В понятие социальной адаптации также входит восприятие индивидом самого себя и общества в целом, система взаимодействия между индивидом и обществом, адаптация ролевых ожиданий между индивидом и обществом. Индивид стремится установить контакт с обществом, найти баланс. Этот процесс получил название социальной адаптивности. У аддиктивных личностей нарушается тот самый баланс интеграционного взаимодействия между личностью и обществом. Как ни странно, феномен аддикции является формой не только социальной адаптации, но и социальной дезадаптации. Сочетание в себе адаптации и дезадаптации является одним из девиантных проявлений зависимой личности. С одной стороны личность с аддикцией пытается установить контакт с обществом с целью удовлетворения собственных потребностей, но в то же время и отторгает общество, так как нахождение среди людей приносит такому человеку дискомфорт. Социально-адаптивная личность стремится найти механизмы взаимодействия с обще-

ством и выработать собственную индивидуальную стратегию. Негативным проявлением адаптивности является избегание реальности и общества.

Нормальная адаптация предполагает устойчивое использование механизмов создания связи между обществом и личностью, не нарушая социальных норм [5]. Патологическая адаптация, напротив, является девиантным явлением, реализуемым через поведение индивида, не соответствующее общественным нормам. Она характеризует полную или частичную поведенческую девиацию, которая проявляется в виде неадекватной реакции аддитивного индивида на процессы, происходящие в обществе, чрезмерную тревожность, воспринимаемую как угроза жизни, хотя реально происходящее не несет никаких угроз, что является проявлением де социализации.

Десоциализация представляет собой утрату индивидом навыков жизни в социуме, может быть утрачен также опыт, который ранее был у аддитивного человека, то есть зависимость может стать угрозой для жизни человека в обществе, что приводит к невозможности его развития как личности.

Как уже было сказано выше, любая зависимость формируется, исходя из поведенческих установок. Аддитивность или зависимость возникает тогда, когда реальные потребности и цели заменяются новой сверхцелью и сверхпотребностями. С использованием виртуальной реальности у зависимого человека появляется возможность устранить конфликты, избежать проблем, компенсировать дефицит общения.

Как отмечалось ранее, девиантное поведение тесно связано с нормами, принятыми в обществе. Любое нарушение указанной нормы является девиацией. Исследователями девиаций было установлено, что возникновению зависимостей подвержены личности, которые тяжело переносят психотравмирующие ситуации, трудности повседневности, дискомфорт, которые присутствуют в жизни у каждого человека. У личностей, которые подвержены аддикции, риск появления зависимости становится выше, когда происходят тяжелые жизненные ситуации, по причине того, что такие люди не могут самостоятельно справиться со своими проблемами — здесь

и проявляется инфантильность аддитивных личностей.

Ежедневное посещение пользователями сети интернет входит в повседневный ритуал молодых людей, что впоследствии проявляет свою привлекательность, так как превращается в своеобразную игру, в которой человек чувствует себя комфортнее всего. В связи с этим выявлена закономерность между интернет-девиацией и базовыми потребностями: чувством принадлежности, свободой, получением удовольствия и стремлением к власти.

Ввиду гедонистических взглядов аддикт-подверженных людей и искажению их мотивационно-потребностной сферы зачастую данный подход знаменует переход к зависимостям. Данный процесс характеризуется перестройкой мотивации человека и его искажением его воли.

В исследовании Н. В. Дмитриевой выявлен довод, характеризующий зависимых людей. Он заключается в сужении круга интересов и стремлений личности [5]. В связи с тем, что интересов у человека становится меньше, мотивация к деятельности пропадает, знания и опыт, выработанные в течение жизни, также начинают угасать.

Зависимости опасны не только для общества в контексте возникновения социальных девиаций, но также и для самого человека, так как он может потерять связь с обществом и с самим собой, а именно: игнорирование санитарно-гигиенических правил, игнорирование заботы о собственном здоровье и здоровье близких. Зависимость усугубляет проблемы человека, которые уже ранее были установлены, впоследствии человек теряет самоуважение, теряет социальные контакты, перестает развиваться как личность. В конце концов человек теряет смысл собственной жизни. Зависимый человек перестает контролировать собственные эмоции, впоследствии общество перестает принимать данного человека.

Помимо прочего, зависимые люди вынуждены скрывать свои аддикции, живут в вечном страхе разоблачения и чувствуют стыд за собственное пристрастие. Больше всего зависимые люди боятся одиночества или унижения. Это характеризует двойственность, присущую аддикт-зависимому человеку.

Рассуждая об интернет-зависимости в России, стоит отметить тот факт, что аддикция стремительно развивается в кругах молодежи. Информационная среда благодаря цифровизации постоянно расширяется, и итогом стала компьютерная субкультура, которой присуща собственная виртуальная среда обитания молодых людей, слэнг и свой уклад жизни [6]. Прототипом виртуальной реальности стала объективная реальность: медицинские услуги, услуги банка возможно получить в виртуальной среде, в виртуальной реальности можно побывать в любой библиотеке, кинотеатре, интернет-магазине и так далее.

С одной стороны, с эпохой цифровизации перед человечеством открылись большие возможности, но помимо этого появились различные кибер-зависимости. Одним из видов недугов современного человека в виде зависимости стал интернет-шоппинг. После того, как во время карантина многие люди не имели возможности выйти из собственного дома, кибер-реальность превзошла все ожидания по развитию. Многие стали пользоваться доставкой и заказывали вещи и продукты через интернет. На сегодняшний день, когда карантинные меры остались в прошлом, человечество до сих пор пользуется интернет-доставкой, которая заменила походы в магазин. Минимальная двигательная активность приводит к серьезным проблемам со здоровьем. Другой проблемой общества, которая переросла в интернет-аддикцию стал интернет-шоппинг. Многие люди, подверженные данной зависимости, не могут уснуть, не сделав заказ на маркет-плейсах. Чтобы устранить данную проблему, многие люди с таким видом зависимости проходят лечение у психиатров. Таким образом, сеть интернет привнесла революционные изменения в повседневную жизнь человечества, упростив ее. Ранее, чтобы удовлетворить свои базовые потребности, человеку необходимо было выйти из дома и посетить продуктовый магазин, выполнив при этом минимальные физические нагрузки. На сегодняшний день многие люди пользуются услугами курьеров только для того, чтобы не выходить из дома.

Итак, погружаясь в интернет-среду, человек начинает медленно, но верно становиться от нее зависимым. Видимость благополучия

создается за счет киберобщения, тем самым заменяется социализация в привычном нам понимании этого слова на киберсоциализацию. В привычной среде обитания интернет-зависимый человек расслабляется, получает дружеское общение, стремится отдохнуть от суровой, на его взгляд, реальности [8]. Здесь встает вопрос, чем занимаются люди, которые не страдают от интернет-зависимости и также ежедневно пользуются интернетом. Грань между зависимостью и независимостью очень тонка, но при этом есть. Люди, не страдающие от интернет-зависимости, стремятся в интернете развиваться как социальная личность, а именно: ищут материал для обучения, самосовершенствования.

Люди с интернет-аддикцией занимают в интернете более активную позицию, чем не зависящие от интернета люди, то есть интернет-страница зависимого человека с наиболее высокой вероятностью будет активной все время. Аддиктивный пользователь будет стремиться вести свою страницу ежедневно, публикуя там различные фотографии, а также будет активно стремиться войти в контакт с другими пользователями, которые являются ему друзьями, будет оставлять много комментариев, принимать участие в различного рода обсуждениях, форумах и т.д. При этом, как уже отмечалось ранее, аддиктивному пользователю присущ эгоцентризм, который проявляется в игнорировании комментариев других пользователей, адресованных ему, словно аддиктивного пользователя больше интересует собственная личность и свое существование в интернет-пространстве, что также может вызывать агрессию аддикта.

Возвращаясь к рассуждению о чрезмерном потреблении или шоппоголизме, стоит отметить, что проявление подобного характера является социальным феноменом.

Культура потребления появилась с перестройкой социальной, политической, культурной и экономической сфер общества, что изменило мироощущение человечества и сформировало новые ценности. Именно эти причины являются первоисточником становления шоппоголизма как зависимости. Явление шоппоголизма как интернет-аддикции распространяется благодаря средствам массовой информации и продвижения культуры потребления [7], например, в реклам-

ных роликах, а также в общих изменениях производства, распределения и потребления благ, что создает иллюзию благосостояния и устремления к нему. Сегодня российское общество потребления приобретает черты конкурентно-состязательного характера, что все более напоминает игру. Люди, особенно молодые, в стремлении к материальному благосостоянию соревнуются между собой, что не может не напоминать своеобразную игру.

При возникновении аддикции шопоголизма человек сталкивается с проблемами в личной жизни, в семье, а также на работе. Нарушение финансовой стабильности приводит к конфликтам в семье, причем личность, страдающая шопоголизмом, даже не подозревает, что проблема кроется в ее или его аддикции. Когда зависимость доходит до стадии осознания личностью, нередко возникает чувство вины, собственного осуждения, но взять себя в руки и преодолеть зависимость не выходит. Нередко многие шопоголики берут кредит, при этом осознавая, что выплачивать его не будут.

Одной из особенностей аддикции в виде шопоголизма является тот факт, что личность может оборвать свои социальные связи, так как для проведения досуга они ей не требуются. На поздних стадиях аддикции зависимый человек использует людей в качестве инструмента удовлетворения своей зависимости. Лишение социальных контактов неизбежно приводит к утрате доверия зависимой личности к обществу. Отстранение аддиктивной личности от общества неизбежно накладывает на нее отпечаток неудовлетворенности собой и своей жизнью, пессимизм. Впоследствии личность начинает утрачивать себя, свой социальный опыт, все больше замыкаясь в себе. Это приводит к появлению различных психических заболеваний, которые порой бывает невозможно излечить.

В процессе социализации на ранних этапах у индивида складывается отношение к потреблению и способам удовлетворения своих потребностей, что является немаловажным фактом того, как именно зарождается та или иная аддикция. Ввиду вышеизложенного стоит отметить, что значительным фактором является профилактика различного рода аддикций. Исследователи выделяют три направления профилактического воздей-

ствия на аддикции: индивидуальный, межличностный, общественный [10]. Также ученые выделили основные виды профилактики: первичный и вторичный.

Первичный вид профилактики девиаций предполагает воздействие как индивидуальное, так и государственное за счет СМИ в информировании граждан о существующих аддикциях, включающих в себя формы возникновения аддикций, последствиях. Также первичный вид профилактики предполагает информирование педагогов и родителей об опасностях различного рода аддикций, в частности интернет-аддикций.

Особое значение профилактики аддикций приобретает в информировании подростков и молодых людей о существующем риске возникновения аддикций, так как именно на этом жизненном этапе формируются личностные качества, которые являются профилактической составляющей зависимостей: стремление к самосовершенствованию, самопознанию. На этом этапе происходит осознание подростком своего Я, социума и стремление найти в нем свое место.

Вторичная профилактика девиаций направлена на работу с последствиями девиаций, то есть это психологическая помощь зависимым людям.

Другими методами профилактики аддиктивного поведения являются личностные тренинги, семинары по развитию навыков социального общения, способы разрешения конфликтных ситуаций, когнитивно-поведенческая терапия, вступление в волонтерские организации [9].

Стоит отметить, что способа полного избавления от аддикции нет. Стремление уйти от реальности будет преследовать личность на протяжении всего лечения, то есть, избавившись от одной аддикции, человек может увлечься другой с целью избежать реальность.

Итак, стоит перейти к этапам профилактики аддикций:

— диагностический. Этот этап подразумевает проведение обследования личности на предмет аддикции и выявление способов оказания воздействия на устранение аддикции;

— информационно-просветительский. Данный подход характеризуется образовательным подходом к формированию знаний у молодых людей о том, что представляет

из себя аддикция. К прогрессивными методам изложения материала относятся деловые игры, моделирование различных ситуаций, дискуссии и т.д.

Профилактический подход должен быть комплексным и непрерывным, разноуровневым, наталкивая подростков на осмысление деструктивных последствий зависимостей.

Заключение. Таким образом, в исследовании были рассмотрены аддикции различных проявлений, приводящие к серьёзным личностным изменениям аддикта. Постоянное изменение общества приводит к возникновению новых аддикций, с которыми необходимо бороться путем просветительской деятельности. Аддиктивные личности теряют социальные связи, впоследствии отрываясь от общества. Особенностью аддиктивных людей с кибераддикцией является отстраненность от общества и желание удовлетворить свои собственные потребности путем «ухода» в киберреальность, что впоследствии делает их агрессивными, обрывает все ранее установленные социальные связи и устраняет опыт, который был накоплен в течение жизни. Кибераддикции характеризуются не только «уходом» из реальности, но также и шопоголизмом, который становится все более распространен в современном российском обществе. Отличием человека без пристрастия к киберреальности является стремление к самосовершенствованию. Бороться с аддикциями возможно через виды и этапы профилактики аддиктивного поведения. Рекомендуется проводить профилактику в учебных заведениях в виде тренингов и деловых игр на тему кибераддикции и ее влияния на психическое состояние личности и последствий, которые достигнут зависимую личность.

Список источников

1. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И. Киберсоциализация как риск-генный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №6. С. 21–26.

2. Гафиатулина Н.Х., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Информационная сетевая среда

как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №1. С. 23–27.

3. Гафиатулина Н.Х., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте теории жизненного пути индивида // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №2. С. 36–41.

4. Демьянова Л.М., Любецкий Н.П., Самыгин С.И. Социально-психологические аспекты деформации русского национального характера в конце XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №1. С. 55–63.

5. Дмитриева Н.В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности. Ишим, Тюменская обл.: Изд-во Ишимского гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова, 2010. 198 с.

6. Маслова Ю.В., Самыгин С.И. Обеспечение информационной безопасности личности в условиях цифровизации в современном российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №4. С. 229–236.

7. Николаев В.В., Химченко, С.Е., Самыгин С.И. Роль сети интернет как агента и среды социализации молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №1. С. 66–69.

8. Олехнович Б.Б., Олехнович И.Б., Олехнович Б.Е., Самыгин С.И. Зависимая личность и национальная безопасность. М.: Русайнс, 2021. 208 с.

9. Старшенбаум Г.В. Самая полная энциклопедия психотерапевта. Клиническая психология. М.: АСТ, 2021. 1087 с.

10. Тушнова Ю.А., Басенкова О.А. Концептуализация понятия «интернет-зависимость» // Вестник науки. 2022. №5(50). С.235–242.

11. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 2009. 348 p.

12. Suler J. Contemporary Psychoanalysis and Eastern Thought. SUNY Press. 1993. 292 p.

References

1. Gafiatulina N. H., Kas'janov V. V., Samygin S. I. Kibersocializacija kak riskogennyj fak-

tor vlijanija na social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi v jepohu cifrovyh tehnologij [Cyber-socialization as a risk factor influencing the social health of Russian youth in the era of digital technologies]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2019; (6): 21–26. (In Russ.).

2. Gafiatulina N.H., Rachipa A.V., Samygin S.I. Informacionnaja setevaja sreda kak faktor vlijanija na social'noe zdorov'e rossijskoj studencheskoj molodezhi [Information network environment as a factor of influence on the social health of Russian student youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2018; (1): 23–27. (In Russ.).

3. Gafiatulina N.H., Shherbakova L.I., Samygin S.I. Social'noe zdorov'e rossijskoj molodezhi v kontekste teorii zhiznennogo puti individa [Social health of Russian youth in the context of the theory of the individual's life path]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2020; (2): 36–41. (In Russ.).

4. Dem'janova L. M., Ljubeckij N. P., Samygin S. I. Social'no-psihologicheskie aspekty deformacii russkogo nacional'nogo haraktera v konce HH veka [Socio-psychological aspects of the deformation of the Russian national character at the end of the twentieth century]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2023; (1): 55–63. (In Russ.).

5. Dmitrieva N. V. Addiktivnaja identichnost' virtual'no zavisimoj lichnosti [The addictive identity of a virtually dependent personality]. Ishim, Tjumenskaja obl.: Izd-vo Ishimskogo gos. ped. in-ta im. P. P. Ershova, 2010. 198 p. (In Russ.).

6. Maslova Ju. V., Samygin S. I. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti lichnosti v usloviyah cifrovizacii v sovremennom rossijskom obshhestve [Ensuring personal information security in the conditions of digitalization in modern Russian society]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(4): 229–236. (In Russ.).

7. Nikolaev V. V., Himchenko, S. E., Samygin S. I. Rol' seti internet kak agenta i sredy socializacii molodezhi [The role of the Internet as an agent and environment of socialization of youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2022; (1): 66–69. (In Russ.).

8. Olehnovich B. B., Olehnovich I. B., Olehnovich B. E., Samygin S. I. Zavisimaja lichnost' i nacional'naja bezopasnost' [Dependent personality and national security]. Moscow: Rusajns, 2021. 208 p. (In Russ.).

9. Starshenbaum G. V. Samaja polnaja jenciklopedija psihoterapevta. Kliničeskaja psihologija [The most complete encyclopedia of a psychotherapist. Clinical psychology]. Moscow: AST, 2021. 1087 p. (In Russ.).

10. Tushnova Ju. A., Basenkova O. A. Konceptualizacija ponjatija «internet-zavisimost'» [Conceptualization of the concept of «Internet addiction»]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science]. 2022; 5(50): 235–242. (In Russ.).

11. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 2009. 348 p.

12. Suler J. Contemporary Psychoanalysis and Eastern Thought. SUNY Press. 1993. 292 p.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 02.11.2023; approved after reviewing on 20.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чистяков Анатолий Васильевич — доктор социологических наук, профессор, исполняющий обязанности декана факультета очно-заочного и дистанционного обучения, Шахтинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Anatoly V. Chistyakov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Full-time and Distance Learning, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Островского, 62

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

62 Ostrovskogo str., Rostov-on-Don, Russia

Бохан Ксения Александровна — методист кафедры «Финансовый и HR менеджмент», магистрант кафедры «Антикризисное и корпоративное управление», факультет Менеджмента и предпринимательства, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Островского 62

Ksenia A. Bokhan — Methodologist of the Department of Financial and HR Management, Master's Student of the Department of Anti-Crisis and Corporate Governance, Faculty of Management and Entrepreneurship, Rostov State University of Economics.

62 Ostrovskogo str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Чистяков А. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Самыгин С. И. — научное руководство; концепция исследования.

Бохан К. А. — развитие методологии; написание исходного текста; обработка материала; описание результатов обсуждения; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Chistyakov A. V. — revision of the text; final conclusions.

Samygin S. I. — scientific guidance; research concept.

Bokhan K. A. — methodology development; source text writing; material processing; results description, discussions; final conclusions.

Обзорная статья

УДК 376.37

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-94-101

ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ

Наталья Алексеевна Аниканова¹, Ксения Руслановна Хурина²✉

^{1,2}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

¹anikanov5@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-5828-6309

²hurinaksen@gmail.com✉, ORCID: 0009-0002-1817-3906

Аннотация. Целью исследования является изучение методов и подходов, которые позволят создать специальные условия в современной общеобразовательной школе для детей с дефектами речи. Главная задача состоит в обеспечении социальной адаптации этих детей, развитии их коммуникативных навыков и коррекции речевых нарушений.

Методологическую базу исследования составляет анализ литературы и научных источников, связанных с различными аспектами коррекционно-развивающей компетенции педагогических работников, школьной инклюзии, обучения детей с тяжелыми нарушениями речи, работой учителя-дефектолога и воспитателя и историей развития дефектологии.

Результаты исследования включают идентификацию основных вызовов и проблем в реализации школьной инклюзии детей с ограниченными образовательными потребностями и предложение практических решений для их преодоления, оценку эффективности специальных условий обучения детей с дефектами и тяжелой степенью нарушения речи в общеобразовательной школе и идентификацию необходимых улучшений.

Перспективы исследования. Исследование даст возможность сформировать новое видение, а также практические рекомендации по созданию специальных условий для детей с тяжелыми нарушениями речи в современных условиях деятельности общеобразовательной школы. Разработка адаптированной образовательной программы, учет индивидуальных потребностей каждого ребенка, выбор оптимальных методик и технологий в процессе обучения — все это позволит обеспечить эффективное обучение и полноценную социальную адаптацию детей с речевой патологией.

Ключевые слова: ученики, воспитанники, коррекция речевых нарушений, дефектология, адаптация, инклюзия, коррекционно-развивающая компетенция

Для цитирования: Аниканова Н. А., Хурина К. Р. Формирование условий обучения для детей с нарушениями речи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 94–101. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-94-101>.

Review article

CREATION OF SPECIAL CONDITIONS FOR CHILDREN WITH SEVERE SPEECH IMPAIRMENTS IN A MODERN SCHOOL

Natalia A. Anikanova¹, Ksenia R. Khurina²✉

^{1,2}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

¹*anikanov5@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-5828-6309*

²*hurinaksen@gmail.com ✉, ORCID: 0009-0002-1817-3906*

Abstract. *The purpose of the study is to study methods and approaches that will create special conditions in a modern comprehensive school for children with severe speech impairments. The main task is to ensure the social adaptation of these children, the development of their communication skills and the correction of speech disorders.*

The methodological basis of the study is the analysis of literature and scientific sources related to various aspects of the correctional and developmental competence of teaching staff, school inclusion, education of children with severe speech impairments, the work of a speech pathologist and educator, and the history of the development of defectology.

The results of the study include the identification of the main challenges and problems in the implementation of school inclusion of children with limited educational needs and the proposal of practical solutions to overcome them, assessing the effectiveness of special educational conditions for children with severe speech impairments in general education schools and identifying necessary improvements.

Research prospects. The study will provide an opportunity to form a new vision, as well as practical recommendations for creating special conditions for children with severe speech impairments in the modern conditions of a comprehensive school. Development of an adapted educational program, taking into account the individual needs of each child, choosing optimal methods and technologies in the learning process — all this will ensure effective learning and full social adaptation of children with speech pathology.

Keywords: students, pupils, correction of speech disorders, defectology, adaptation, inclusion, correctional and developmental competence

For citation: Anikanova N.A., Khurina K.R. Creation of Special Conditions for Children with Severe Speech Impairments in a Modern School // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 94–101. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-94-101>.

Введение. С развитием образования и внедрением инклюзивных подходов стало особенно важным создание специальных условий для детей с дефектами и тяжелыми нарушениями речи в рамках современных общеобразовательных школ. Речевая патология может оказывать значительное влияние на социальную адаптацию этих детей, поэтому необходимо предоставить им возможности для развития познавательной де-

ятельности и формирования речи как средства коммуникации.

Обсуждение. История развития специального образования началась с философских рассуждений о болезнях и различных аномалиях развития человека. В древнегреческой философии Гераклит подчеркивал полезность болезней для ценности здоровья и приобретения опыта. Гиппократ описывал важность ме-

дицинских умений и состояния врача для выздоровления. Сократ выделял значение знания и самоанализа при стремлении к здоровому образу жизни. Платон придавал большое значение улучшению образа жизни и поддержанию порядка в лечении болезней.

В средневековой философии болезни и физические недостатки рассматривались как кара от Бога, связанная с грехами, исцеление которых могло происходить только через религиозные обряды. Католическая церковь позволяла просить милостыню для инвалидов и старалась смягчить отношение общества к ним. В то время появились первые дома-приюты для людей с особыми потребностями в Германии и Франции.

В эпоху Возрождения и социальных изменений представления о причинах нарушений и аномалий стали более точными с развитием медицины. Классификация болезней была создана. В России в 1551 году был представлен «Стоглавый судебник», устанавливающий правила опеки над больными и немыми. В 1677 году был издан указ, запрещающий нищим и безумным бродить по дорогам и помещать их в богадельни. Этот же указ лишал слепых, глухих и умственно отсталых людей имущества, делая их бесправными и предоставляя их полной опеке церкви.

В эпоху Просвещения (XVIII–XIX века) произошел значительный прогресс в научных методах изучения природы человека, а также проведено множество исследований о различных заболеваниях. В это время были созданы анатомические атласы и учебники для университетов, что способствовало расширению знаний об анатомии и физиологии человека.

Важное влияние на общественное отношение к людям с ограниченными возможностями оказала «Декларация прав человека», которая подтверждала равенство всех граждан и обеспечивала защиту прав каждого человека. Появление этого документа способствовало изменению отношения к глухим людям благодаря работе французского аббата Шарля-Мишеля де л'Эпе, основателя сурдопедагогики. Он разработал жестовый язык, позволяющий людям с нарушениями слуха общаться.

В Париже были открыты школы для глухонемых и слепых детей, а врачи и педагоги

начали заниматься образованием и развитием детей с различными нарушениями. В конце XIX — начале XX века возникла потребность в образовании детей с ограниченными возможностями для работы в обществе. Итальянский врач-невролог и дефектолог Мария Монтессори заметила, что специализированная педагогическая помощь таким детям существенно способствует их общему познавательному развитию и обучению. В результате этих изменений западная цивилизация осознала необходимость защищать права и свободы людей с ограниченными возможностями [3].

В России в эпоху Петра I было запрещено убийство больных или немощных младенцев, вместо этого были открыты государственные учреждения, такие как богадельни, чтобы призывать их. А.Н. Радищев высказывал необходимость правительственной заботы о бедных и немощных детях, а также открытия образовательных учреждений и приютов для них.

В 1806 году в Павловске по приказу императрицы Марии Федоровны было открыто первое воспитательное заведение для глухонемых, а годом позже — школа для слепых. В Риге была создана лечебница для умственно отсталых и страдающих эпилепсией детей по методике Э. Сегена под руководством Ф. Плятца.

Однако основная забота о детях с физическими и умственными недостатками в ту эпоху лежала на плечах церкви, которая оказывала благотворительную помощь и опеку.

В 1907 году было открыто около 60 учебных учреждений для глухих детей и 30 учреждений для слепых. Также в России к этому моменту существовало 4 тысячи благотворительных организаций, которые оказывали дополнительную помощь и поддержку для детей с ограниченными возможностями здоровья.

В 1929 году в России был создан Экспериментальный дефектологический институт на основе Медико-педагогической станции, существовавшей до 1918 года. Этот институт стал отправной точкой для развития дефектологии, специальной психологии и педагогики, занимающихся обучением и воспитанием слепых, глухих и умственно отсталых детей и подростков. Однако школы для детей с физическими и умственными отклонениями того времени в основном фокусировались

на развитии сенсорно-моторных навыков, что оставляло множество нерешенных проблем и мешало успешной интеграции выпускников в общество.

В 1930 году Л.С. Выготского назначают на должность заведующего отделом воспитания физически дефективных и умственно отсталых детей. В ходе своих исследований он обосновывает необходимость нового подхода к работе с дефективными детьми. Таким образом, он считает, что общественный труд и реальная вовлекаемая жизнь в социуме даст намного больший результат [1].

В связи с интенсивным развитием специального дошкольного образования формируются специальные группы и классы, а далее — и сети специальных учреждений.

Дальнейшим этапом развития специальной психологии и педагогики стало укрепление равенства прав и возможностей для людей с нарушениями развития и их интеграция в общество [6].

Современные исследования в области специального (инклюзивного) образования сосредоточены на развитии сотрудничества между педагогом и обучающимися. Они признают, что одной из целей специального образования является не только получение количественных данных о навыках и умениях ребенка, но и установление значимых отношений, которые позволяют ему успешно использовать эти навыки. Исследования показывают, что средства развития познавательных процессов включают не только коррекционно-развивающие занятия, игры и специальные упражнения, но и тесное взаимодействие между педагогом-дефектологом и воспитателями, направленное на коммуникацию с детьми в условиях инклюзивного образования.

Одной из основных тем исследования в области образования является вопрос о компетентности специалистов образовательных организаций. Совершенствование их профессиональной компетентности рассматривается как одна из главных целей современной реформы образовательной системы [7].

На данный момент особое внимание уделяется развитию общих навыков и компетенций у педагогов. Особое внимание уделяется также развитию навыков, связанных с работой с детьми, которые имеют особые образовательные потребности.

Адаптация в школе, с точки зрения ее (школы) как социализационного института, является основной частью процесса школьной инклюзии для детей с ОВЗ, где инклюзия означает процесс адаптации к условиям школьной жизни, соответствия требованиям и нормам. Данный процесс должен помогать школьникам развивать нужные навыки, корректировать поведение, формировать их точку зрения. Это приводит к успешной и необходимой адаптации в общество. Эффективность этого процесса зависит от уровня овладения необходимыми умениями и способности соответствовать требованиям и ожиданиям выдвигаемыми в ходе обучения. Если выявлено несоответствие, то ребенок считается неадаптированным и нуждается в коррекции дефицита навыков или в изменении требований школы [8].

Процесс школьной адаптации требует умственной и поведенческой перестройки. В литературе процесс адаптации часто описывается как имеющий три периода: острый период (дезадаптация), латентный период (фактическая адаптация) и период завершения адаптации.

Для обучения детей с тяжелыми нарушениями речи в современной школе необходимы специальные условия. Такие дети нуждаются в коррекционной логопедической помощи и психолого-педагогическом сопровождении, чтобы обеспечить им полноценное образование. Имеющиеся нарушения речи негативно влияют на психическое развитие ребенка, затрудняя его познавательную деятельность, память, мышление и другие фундаментальные процессы. Дети с тяжелыми речевыми нарушениями также испытывают трудности в ориентировке, понимании инструкций и восприятии сложной речевой информации. Это препятствует развитию навыков чтения, письма, математики и решения задач. Для успешного обучения такой группы детей необходимо создание специальных условий в школе [4].

Индивидуальная работа с обучающимися, обладающими нарушениями речи является главным условием эффективного обучения, так как учитывает специфику их психологических и физических возможностей. Процесс индивидуализации образования нуждается в особой организации образовательно-воспи-

тательной среды. Для этого необходимо получить медицинское заключение с рекомендациями по организации образовательного процесса, пройти обследование и получить заключение от психолого-медико-педагогического консилиума вначале на уровне образовательной организации, а далее на уровне муниципалитета и получить соответствующие рекомендации. После получения данного заключения в случае необходимости будет составлена программа коррекционной работы и выстроен индивидуальный подход к ребенку с ОВЗ.

Программа коррекционной работы будет основана на адаптированной учебной программе, которая включает в себя также оценочные средства и определяет индивидуальный темп обучения. Адаптированная рабочая программа будет составлена совместно с методистом, учителями предметниками школы и логопедом-дефектологом [5].

Для того чтобы ученик был в комфортной среде и развивался физически, психологически в соответствии с разработанной стратегией, руководство школы и педагогический состав должны создавать благоприятную атмосферу в учебном коллективе, проводить динамические паузы и коммуникативные игры, разрабатывать и проводить ролевые игры с элементами сюжета, а также эмоционально обогащать собственную речь [2].

Разработанный логопедом план коррекционно-логопедической работы с учетом рекомендаций прохождения психолого-медико-педагогического консилиума должен включать себя групповую и индивидуальную работу с учетом возможностей ребенка, структуры нарушения, помня об остальных индивидуальных особенностях ученика. Логопед помимо уже названных обязанностей должен определять необходимые методы приемы в работе по коррекции нарушения, подбирать дидактические материалы для занятий, проводить консультации для родителей и учителей [9].

Помимо учителей, методистов и логопеда с учеником работает школьный психолог для более комфортной социальной адаптации для ребенка с тяжелыми нарушениями речи. Психолог проводит индивидуальные и тематические консультации, различные тренинги, включая сенсомоторные, осуществляет про-

светительскую работу среди других учеников и родителей. Также он проводит постоянный мониторинг учащегося для определения динамики социальной адаптации и познавательных процессов, которые должны соответствовать разработанной адаптивной рабочей программе [10].

Дети с тяжелыми дефектами речи нуждаются в удовлетворении особых образовательных потребностей, а именно: выявлении дефекта речи на раннем этапе развития речи, осуществлении обязательной логопедической работы индивидуальной с каждым дефектом детей группы риска до начала обучения в школе, обучении в специализированном или общеобразовательном учреждении в соответствии со степенью развития речевого дефекта и возможностями обучающегося, создании условий обучения, которые бы компенсировали или нормализовали состояние психических функций при обследовании ученика и коррекции.

Заключение. Для детей с тяжелыми дефектами речи создаются специальные условия в общеобразовательных учреждениях, целью которых является адаптация учеников в социуме. Для этого осуществляется развитие познавательной деятельности ребенка, а также необходимая коррекция речевого дефекта. Создание адаптированной учебной программы, которая учитывала бы особенности ученика, стимулирует коммуникацию с остальными участниками образовательного процесса. Итогом обучения в образовательном учреждении ученикам с речевой патологией по адаптированной программе, с индивидуальным графиком обучения, с использованием подобранных для него методик и материалов, консультациями и работой с логопедом и психологом школы, становится подготовленный ребенок, комфортно чувствующий себя в коммуникации с социумом и освоивший необходимую программу.

Список источников

1. Бабакова Е. Н., Зотьева Е. Н., Киселёва Е. В. Коррекционное сопровождение обучающихся с ОВЗ: взаимодействие специалистов школьного психолого-педагогического консилиума [Электронный ресурс] // Теория и прак-

тика современной науки. 2023. №8 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksionnoe-soprovozhdenie-obuchayuschihsya-s-ovz-vzaimodeystvie-spetsialistov-shkolnogo-psihologo-pedagogicheskogo-konsiliuma> (дата обращения: 22.10.2023).

2. Багдужева К.Г., Амирова С.К., Гасанова С.С. Специфика профессиональной деятельности учителя-дефектолога в инклюзивном образовании [Электронный ресурс] // МНКО. 2017. №1(62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-deyatelnosti-uchitelya-defektologa-v-inklyuzivnom-obrazovanii> (дата обращения: 13.08.2023).

3. Гарёва Т.А. Исторический анализ отечественной системы профессиональной подготовки студентов-дефектологов [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-analiz-otechestvennoy-sistemy-professionalnoy-podgotovki-studentov-defektologov> (дата обращения: 22.10.2023).

4. Красильникова Л.В., Вялова Н.В. Психолого-педагогическое сопровождение дошкольников с особыми образовательными потребностями [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-doshkolnikov-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostyami> (дата обращения: 16.10.2023).

5. Лепешев Д.В., Бобкова Е.Е. Особенности организации психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями в школе [Электронный ресурс] // НИР/S&R. 2023. №1(13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-detey-s-osobymi-obrazovatelnyimi-potrebnostyami-v-shkole> (дата обращения: 19.10.2023).

6. Магомедова А.Н., Асланбекова А.Х., Гаджимагомедова Т.Г. Организация психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ в условиях общеобразовательной школы [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №78-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-detey-s-ovz-v-usloviyah-obsheobrazovatelnoy-shkoly> (дата обращения: 24.10.2023).

obsheobrazovatelnoy-shkoly (дата обращения: 24.10.2023).

7. Стороженко С.В., Ильминская П.А. Взаимодействие учителя-дефектолога и воспитателя с детьми УО в коррекционно-педагогическом процессе в условиях школы-интерната [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2021. №16-1(119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-uchitelya-defektologa-i-vospitatelya-s-detmi-uo-v-korreksionno-pedagogicheskom-protsesse-v-usloviyah-shkoly> (дата обращения: 18.07.2023).

8. Шешина А.В. Специальные условия обучения детей с тяжелыми нарушениями речи в общеобразовательной школе [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. 2020. №3-1(81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-usloviya-obucheniya-detey-s-tyazhelyimi-narusheniyami-rechi-v-obsheobrazovatelnoy-shkole> (дата обращения: 25.09.2023).

9. Sergeeva O.A., Filippova N.V., Barylnik Yu. B. The problem of psychological readiness for school education of children with mental retardation [Electronic resource] // ВМІК. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskoy-gotovnosti-k-shkolnomu-obucheniyu-detey-s-zaderzhkoy-psihicheskogo-razvitiya> (date accessed: 10/02/2023).

10. Strebeleva E.A. Counseling parents and children with limited health opportunities [Electronic resource] // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2018. №2(75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsultirovanie-roditeley-i-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> ((date of access: 9/24/2023).

References

1. Babakova E. N., Zot'eva E. N., Kisel'jova E. V. Korrekcionnoe soprovozhdenie obuchajushchihsja s OVZ: vzaimodeystvie specialistov shkol'nogo psihologo-pedagogicheskogo konsiliuma [Correctional support of students with disabilities: interaction of specialists of the school psychological and pedagogical council] [Elektronnyj resurs]. *Teorija i praktika sovremennoj nauki* [Theory and practice of modern science]. 2023; 8(98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korreksionnoe-soprovozhdenie-obuchayuschihsya-s-ovz-vzaimodeystvie-spetsialistov-shkolnogo-psihologo-pedagogicheskogo>

go-konsiliuma (data obrashheniya: 22.10.2023). (In Russ.).

2. Bagdueva K. G., Amirova S. K., Gasanova S. S. Specifika professional'noy dejatel'nosti uchitelja-defektologa v inkljuzivnom obrazovanii [The specifics of the professional activity of a defectologist teacher in inclusive education] [Elektronnyj resurs]. *MNKO*. 2017; 1(62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-professionalnoy-deyatelnosti-uchitelya-defektologa-v-inkluzivnom-obrazovanii> (data obrashheniya: 13.08.2023). (In Russ.).

3. Garjova T. A. Istoricheskij analiz otechestvennoj sistemy professional'noj podgotovki studentov-defektologov [Historical analysis of the national system of professional training of students-defectologists] [Elektronnyj resurs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2023; (79-1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskij-analiz-otechestvennoy-sistemy-professionalnoy-podgotovki-studentov-defektologov> (data obrashheniya: 22.10.2023). (In Russ.).

4. Krasil'nikova L. V., Vjalova N. V. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie doskol'nikov s osobymi obrazovatel'nymi potrebnoost'jami [Psychological and pedagogical support of preschoolers with special educational needs] [Elektronnyj resurs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2023; (79-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-doshkolnikov-s-osobymi-obrazovatel'nymi-potrebnostyami> (data obrashheniya: 16.10.2023). (In Russ.).

5. Lepeshev D. V., Bobkova E. E. Oso-bennosti organizatsii psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnoost'jami v shkole [Features of the organization of psychological and pedagogical support for children with special educational needs at school] [Elektronnyj resurs]. *NIR/S&R*. 2023; 1(13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-detey-s-osobymi-obrazovatel'nymi-potrebnostyami-v-shkole> (data obrashheniya: 19.10.2023). (In Russ.).

6. Magomedova A. N., Aslanbekova A. H., Gadzhimagomedova T. G. Organizatsiya psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya detej s

OVZ v usloviyah obshheobrazovatel'noj shkoly [Organization of psychological and pedagogical support for children with disabilities in secondary school conditions] [Elektronnyj resurs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. 2023; (78-2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdeniya-detey-s-ovz-v-usloviyah-obshheobrazovatel'noj-shkoly> (data obrashheniya: 24.10.2023). (In Russ.).

7. Storozhenko S. V., Il'minskaja P. A. Vzaimodejstvie uchitelja-defektologa i vospitatelja s det'mi UO v korrekcionno-pedagogicheskom processe v usloviyah shkoly-internata [Interaction of a teacher-defectologist and educator with children of educational institutions in the correctional and pedagogical process in a boarding school] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. 2021; 16-1 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodejstvie-uchitelya-defektologa-i-vospitatelja-s-detmi-uo-v-korrekcionno-pedagogicheskom-protsesse-v-usloviyah-shkoly> (data obrashheniya: 18.07.2023). (In Russ.).

8. Sheshina A. V. Special'nye usloviya obuchenija detej s tjazhelymi narushenijami rechi v obshheobrazovatel'noj shkole [Special conditions for teaching children with severe speech disorders in secondary schools] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. 2020; 3-1(81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnye-usloviya-obuchenija-detey-s-tjazhelymi-narusheniyami-rechi-v-obshheobrazovatel'noj-shkole> (data obrashheniya: 25.09.2023). (In Russ.).

9. Sergeeva O. A., Filippova N. V., Baryl'nik Yu. B. The problem of psychological readiness for school education of children with mental retardation [Electronic resource]. *BMIK*. 2015; (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskoy-gotovnosti-k-shkolnomu-obucheniyu-detey-s-zaderzhkoy-psihicheskogo-razvitiya> (date accessed: 10/02/2023).

10. Strebeleva E. A. Counseling parents and children with limited health opportunities [Electronic resource]. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2018; 2(75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsultirovanie-roditeley-i-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> ((date of access: 9/24/2023).

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.
The article was submitted on 08.11.2023; approved after reviewing on 25.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аниканова Наталья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Natalia A. Anikanova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Хурина Ксения Руслановна — студент факультета «Бизнес и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Ksenia R. Khurina — student of the Faculty of Business and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Аниканова Н.А. — научное руководство; построение концепции научного исследования; доработка текста.

Хурина К.Р. — написание исходного текста; выводы по проведенному исследованию.

Contribution of the authors:

Anikanova N.A. — scientific guidance; building the concept of scientific research; text revision.

Khurina K.R. — writing the original text; conclusions from the study.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья

УДК 338.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-102-116

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ АВТОДОРОГИ «ЗАПАДНЫЙ СКОРОСТНОЙ ДИАМЕТР»)

Вильгельмина Витальевна Глазунова

*Институт экономики РАН, Москва, Россия
wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,
WoS Research ID: AGN-6658-2022*

Аннотация. Реализация проектов на основе механизмов государственно-частного партнерства направлена на социально-экономическое и инфраструктурное развитие регионов РФ, соответствующее целям и задачам государственных программ. В сложившихся на сегодняшний день экономических и геополитических условиях механизмы государственно-частного партнерства могут быть использованы как мощный драйвер развития территорий РФ. Такое положение создает почву для создания разнообразных подходов к анализу социально-экономической эффективности проекта на различных этапах его реализации. Тем не менее задача разработки и апробации различных методов и подходов к оценке эффективности проектов сохраняет свою актуальность.

В связи с этим **цель данной работы** охватывает: рассмотрение ряда существующих подходов к анализу социально-экономической эффективности проектов на рынке государственно-частного партнерства на различных этапах реализации; проведение исследования по оценке социально-экономической эффективности крупного инфраструктурного проекта на примере проекта государственно-частного партнерства по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр» в Санкт-Петербурге, включающего оценку его влияния на развитие города путем сопоставления динамики экономических показателей региона с этапами реализации проекта, а также расчет вклада данного проекта в экономический рост региона.

Методологию исследования составляют аналитический обзор подходов к оценке социально-экономической эффективности проектов, метод сопоставительного анализа динамических рядов экономических показателей, «структурная формула» оценки вклада компонента в экономический рост региона в рамках практического исследования.

Результаты исследования носят аналитический и практический характер. С аналитической точки зрения результат заключается в формировании представления о методах и подходах, применимых для анализа социально-экономической эффективности проектов государственно-частного партнерства. С практической точки зрения получены результа-

ты оценки социально-экономической эффективности реализации проекта государственно-частного партнерства по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр» на основе анализа динамики экономических показателей, таких как ВРП Санкт-Петербурга, размер налогов и сборов, грузооборот автомобильного транспорта и Большого порта Санкт-Петербурга, численность населения и численность занятых в возрасте 15–72 лет, стоимости жилья. Социально-экономическая эффективность подтверждается расчетом вклада, внесенного проектом в экономический рост Санкт-Петербурга в инвестиционный период 2013–2016 гг.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, социально-экономическая эффективность, динамика экономических показателей, ВРП, грузооборот, налоги и сборы, численность населения, численность занятых, стоимость жилья, вклад в экономический рост

Для цитирования: Глазунова В.В. Оценка социально-экономической эффективности проектов государственно-частного партнерства (на примере проекта по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр») // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №6. С. 102–116. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-102-116>.

Original article

**ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY
OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS
(ON THE EXAMPLE OF THE PROJECT FOR THE CONSTRUCTION
OF «THE WESTERN HIGH-SPEED DIAMETER HIGHWAY»)**

Wilhelmina V. Glazunova

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,
WoS Research ID: AGN-6658-2022

Abstract. The implementation of projects based on public-private partnership mechanisms is aimed at the socio-economic and infrastructural development of the regions of the Russian Federation, corresponding to the goals and objectives of state programs. In the current economic and geopolitical conditions, the mechanisms of public-private partnership can be used as a powerful driver for the development of the territories of the Russian Federation. This situation creates the basis for the creation of various approaches to the analysis of the socio-economic efficiency of the project at various stages of its implementation. Nevertheless, the task of developing and testing various methods and approaches to evaluating the effectiveness of projects remains relevant.

In this regard, **the purpose of this work** includes: consideration of a number of existing approaches to analyzing the socio-economic efficiency of projects in the public-private partnership market at various stages of implementation; conducting a study to assess the socio-economic efficiency of a large infrastructure project on the example of a public-private partnership project for the construction of the Western High-Speed Diameter highway in St. Petersburg-St. Petersburg, including an assessment of its impact on the development of the city by comparing the dynamics of the economic indicators of the region with the stages of the project, as well as calculating the contribution of this project to the economic growth of the region.

The methodology of the study consists of: an analytical review of approaches to assessing the socio-economic effectiveness of projects; a method of comparative analysis of dynamic series of economic indicators, a «structural formula» for assessing the contribution of components to the economic growth of the region within the framework of practical research.

The results of the study are analytical and practical in nature. From an analytical point of view, the result is to form an idea of the methods and approaches applicable to the analysis of the socio-economic efficiency of public-private partnership projects. From a practical point of view, the results of assessing the socio-economic efficiency of the implementation of the public-private partnership project for the construction of the Western High-Speed Diameter highway are obtained based on the analysis of the dynamics of economic indicators, such as the GRP of St. Petersburg, the amount of taxes and fees, the turnover of motor transport and the Large Port of St. Petersburg, the population and the number of people employed in aged 15–72 years, the cost of housing. Socio-economic efficiency is confirmed by the calculation of the contribution made by the project to the economic growth of St. Petersburg in the investment period 2013–2016.

Keywords: public-private partnership, socio-economic efficiency, dynamics of economic indicators, GRP, cargo turnover, taxes and fees, population, number of employed, housing cost, contribution to economic growth

For citation: Glazunova V.V. Assessment of the socio-economic efficiency of public-private partnership projects (on the example of the project for the construction of «The Western High-Speed Diameter highway») // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 102–116. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-102-116>.

Введение. Оценка социально-экономической эффективности проектов, реализуемых на основе механизмов ГЧП, с практической точки зрения представляется крайне необходимой, поскольку важно понимание, во-первых, «полезности» для населения результатов реализации проекта, во-вторых, их влияния на экономику региона и государства, в-третьих, материальных выгод, получаемых частными партнерами проекта. Стоит учесть значимость финансовой привлекательности проекта для частных инвесторов, поскольку на рынке ГЧП большую долю составляют именно частные инвестиции в проекты, при этом многие крупнейшие инфраструктурные проекты осуществлялись за счет частных средств. И, если финансовая эффективность проектов для частных партнеров оценивается с помощью построения финансовой модели, то оценка первых двух позиций вызывает различные трактовки. Государством утверждена методика оценки социально-экономической эффективности реализации проекта, в рамках которой он должен обеспечивать достижение не менее одной цели и задачи какой-либо государственной (муниципальной) про-

граммы, а также ряда целевых программных показателей. В то же время данная методика дополняется и другими подходами к оценке социально-экономической эффективности. Наиболее очевидным представляется оценка динамики социально-экономических показателей и ее изменения под влиянием проекта. Однако стоит учитывать, что на изменения в динамике социально-экономических показателей оказывают влияние и другие факторы. В этой связи возникает задача оценки вклада проекта в изменение динамики макроэкономических показателей. В частности, наибольший интерес представляет оценка вклада проектов в экономический рост регионов.

Целью данной статьи является рассмотрение существующих методов оценки социально-экономической эффективности проектов, реализуемых посредством механизмов ГЧП, а также осуществление анализа социально-экономической эффективности проекта на примере проекта ГЧП по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр». При этом задачами исследования являются анализ динамики характерных экономических показателей в контексте строительства

«Западного скоростного диаметра», а также оценка вклада проекта в экономический рост Санкт-Петербурга. Методом решения первой задачи является анализ динамических рядов экономических показателей и сопоставление изменений динамики с периодом реализации проекта. Рассматриваемым в статье регионом является город федерального значения Санкт-Петербург, в связи с этим в статье анализируется динамика следующих экономических показателей Санкт-Петербурга: ВРП, объем налогов и сборов, грузооборот автомобильного транспорта, а также грузооборот Большого порта, динамика численности населения и численности занятых в масштабах города, стоимость жилья. Для решения второй задачи использован метод оценки вклада составляющих экономический рост Санкт-Петербурга [13].

1. Подходы к оценке социально-экономической эффективности проектов ГЧП. Национальные проекты и государственные программы предусматривают строительство ряда инфраструктурных объектов во многих сферах, в том числе социальной, транспортной, образовательной, ЖКХ, имеющих стратегическое значение для социально-экономического развития муниципальных образований, регионов и государства в целом в зависимости от уровня реализации проекта. Отметим, что многие инфраструктурные проекты реализуются с помощью механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) и концессионных соглашений (КС), позволяющих привлекать частные средства в строительство объектов, имеющих государственное значение. При этом частные инвестиции на рынке концессионных соглашений и ГЧП в России составляют большую часть: на конец 2021 г. частные инвестиции на рынке классического ГЧП в сферах ЖКХ, транспортной, социальной и IT-сфере составили накопительным итогом 71% (1946,4 млрд рублей в текущих ценах), в то время как на государственные инвестиции приходится 29% (789,89 млрд рублей в текущих ценах) [2].

Частные инвестиции имеют особую значимость при строительстве крупных инфра-

структурных объектов, составляя значительные доли в финансировании. Так, в РФ на основе механизмов ГЧП с подавляющей долей (или составляющей 100%) частных инвестиций реализуются такие крупные проекты, как строительство автодороги «Западный скоростной диаметр» в Санкт-Петербурге на сумму 212,72 млрд рублей, строительство железных дорог «Элегест — Кызыл — Курагино» и «Обская — Салехард — Надым» (концессионный участок СШХ) стоимостью 192,40 млрд рублей и 113 млрд рублей соответственно, строительство и реконструкция аэродромной инфраструктуры аэропорта Шереметьево на сумму 61 млрд рублей, создание и реконструкция объектов водоснабжения и водоотведения в Волгограде общей стоимостью 58 млрд рублей, реконструкция и эксплуатация многофункционального спортивно-концертного комплекса с ледовой ареной «Петербургский» на сумму 25 млрд рублей, а также другие объекты транспортной, социальной и жилищно-коммунальной инфраструктуры. Отметим, что проекты ГЧП в сфере ЖКХ, как правило, не являются крупными, но тоже в основном реализуются за счет частных средств¹.

Очевидно, что проекты ГЧП призваны решать стратегические задачи, способствовать экономическому росту регионов и социально-экономическому развитию страны в целом. Данное развитие возможно в результате социально-экономической эффективности проектов, которую можно рассмотреть в соответствии с двумя составляющими: социальной и экономической. В целом эффективность представляет собой «результативность какой-либо материальной системы». Под социальной эффективностью будем понимать «многофункциональную систему связей», обеспечивающую достижение конечной цели — «удовлетворение потребностей людей, развитие человека» [16]. Отметим, что оценка социальной эффективности должна исходить из «степени соответствия того или иного проекта развития целям общества в целом», в том числе целям и задачам, которые поставлены государственными программами развития [6]. Экономическая эффективность

¹ База реализуемых проектов ГЧП [Электронный ресурс] // Платформа «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/profile/base-projects?stage=27&stage=24&stage=23&stage=25> (дата обращения: 16.08.2023).

подразумевает «экономический результат, который получается в процессе функционирования и развития» экономической системы [16], при этом социальная и экономическая эффективность тесно связаны, поскольку экономическая эффективность напрямую зависит от уровня развития общества и реализации способностей населения. Также экономическая эффективность лежит в основе выбора направлений развития общества и социальной политики. Таким образом, социально-экономическая эффективность проекта ГЧП выражается в результативности его реализации для общества и экономики региона.

Методика оценки эффективности проекта ГЧП утверждена приказом Министерства экономического развития РФ от 30 ноября 2015 г. №894². В частности, согласно данной методике, обеспечением социально-экономической эффективности проекта является соответствие не менее чем одной цели и задаче государственной (муниципальной) программы, в результате выполнения которых происходит достижение ряда целевых программных показателей. Далее в документе приводится методика определения сравнительного преимущества проекта, что является критерием отбора наилучшего проекта.

Стоит отметить, что разработка и реализация проектов в рамках целей и задач государственных программ способствует рациональному использованию бюджетных денежных средств при участии государства в проектах ГЧП и повышению бюджетной эффективности посредством применения программно-целевых методов планирования [7].

Несмотря на то что обеспечение достижения целей и задач программ действительно подтверждает целесообразность проекта, данная методика оценки социально-экономической эффективности может быть дополнена расчетными и аналитическими методами оценки. В этой связи разрабатываются различные методы более углубленной оценки социально-экономической эффективности проектов ГЧП и вызываемых ими косвенных эффектов. Стоит разделять этапы реализации проекта, на которых проводится оценка его

социально-экономической эффективности. На прединвестиционном и инвестиционном этапах эффективность оценивается по прогнозным показателям на основе финансовой модели проекта. Для этапа реализации проекта характерен мониторинг эффективности выполнения проектных показателей. На этапе эксплуатации оценка осуществляется по фактическим данным, по которым уже можно оценить результативность проекта в социальной и экономической сферах, т.е. его реальную социально-экономическую эффективность.

Так, в работах [1; 3] за дополнительные критерии оценки эффективности предлагается принимать увеличение доходов бюджета соответствующего уровня в результате создания новых источников дохода посредством реализации проекта ГЧП, уменьшение безработицы в результате создания новых рабочих мест, а также интегральные показатели, отражающие готовность публичного и частного партнера к реализации проекта, общественную поддержку проекта, его экологическую безопасность, возможности интеграции проекта в социально-экономическую среду региона. Очевидно, что данный подход применим на прединвестиционном этапе для оценки целесообразности реализации проекта.

Также на этапе выбора наиболее оптимального проекта и на прединвестиционном этапе для оценки перспектив реализации используются методы экономико-математического моделирования для прогнозирования социально-экономической эффективности проекта. Для такого рода исследований, к примеру Центральным экономико-математическим институтом РАН, применяются вычислимые модели общего равновесия (CGE модели) и модели на основе агент-ориентированного моделирования [8]. Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН активно развиваются и используются оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели (ОМММ), учитывающие интересы и баланс интересов между регионами и отраслями регионов, а также интерес страны к выравниванию уровня жизни в регионах [4]. За-

² Приказ Министерства экономического развития РФ от 30 ноября 2015 г. №894 «Об утверждении Методики оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества».

дачами данных моделей является анализ как коммерческой эффективности проекта, так и бюджетной, экономической и социальной эффективности для регионов и страны при определенных косвенных и мультипликативных эффектах. При этом модели должны быть согласованы со стратегиями развития уровня государства, отраслей, регионов, системообразующих организаций и прочими нормативными документами [10].

Рассмотрим некоторые подходы, которые могут использоваться для оценки социально-экономической эффективности проекта как на прединвестиционном и инвестиционном этапах, так и на этапе эксплуатации. Одним из таких подходов является подход к оценке социально-экономической эффективности от реализации проектов ГЧП, построенный на использовании балансовых моделей, направленный на выявление реальных результатов проекта. Суть данных моделей сводится к оценке проекта по принципу «цена-качество», среди них можно выделить анализ издержек и выгод (cost-benefit analysis (CBA)), анализ издержек и полезности (cost-utility analysis (CUA)), анализ издержек и результативности (cost-effectiveness analysis (CEA)) [15]. Однако, на взгляд автора, реализация такого подхода может осложниться вопросом оценки «степени важности» социальных эффектов при «расставлении весов», поскольку данные эффекты плохо поддаются количественной оценке, а экспертное заключение может носить весьма субъективный характер. Поскольку задачей проектов ГЧП является обеспечение социально-экономического развития и уровня жизни населения, необходимо оценивать вклад проекта в экономический рост региона.

Весьма нетривиальным представляется подход к оценке социально-экономической эффективности крупномасштабного проекта по строительству автомагистрали на основе расчета величины реальной общественной прибыли (РОП). Данный показатель рассчитывается как алгебраическая сумма наращенных на конец расчетного периода доходов и упущенных выгод от альтернативного инвестирования, приведенных к тому же периоду. Расчетный период в этом случае включает период реализации проекта и некоторый оптимальный период эксплуатации созданного

объекта инфраструктуры. Представленная в работе [9] аддитивная модель включает следующие критерии:

$$\begin{aligned} \text{РОП} = & \sum_{n=0}^N \varphi_{n+}^{\text{внут}} \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \\ & + \varphi_{n-}^{\text{внут}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} + \\ & + \varphi_{n+}^{\text{внеш}} \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \\ & + \varphi_{n-}^{\text{внеш}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} + \\ & + (\Delta L_n^{\text{кб}} + \Delta L_n^{\text{нас}} + \\ & + O_n^{\text{соц}} + O_n^{\text{экол}}) \times (1 + \beta)^{t_N - t_n}, \end{aligned} \quad (1)$$

где $\varphi_{n+}^{\text{внут}}, \varphi_{n-}^{\text{внут}}$ — эффекты и затраты (потери) участников проекта в n -м году соответственно; $\varphi_{n+}^{\text{внеш}}, \varphi_{n-}^{\text{внеш}}$ — эффекты и затраты (потери) экономических субъектов, не участвующих в проекте, связанные с реализацией проекта в n -м году; $\Delta L_n^{\text{кб}}$ — прирост доходов консолидированного бюджета РФ от реализации проекта в n -м году; $O_n^{\text{соц}}$ — оценка социальных последствий реализации проекта в n -м году; $O_n^{\text{экол}}$ — оценка влияния реализации проекта на окружающую среду в n -м году; N — продолжительность расчетного периода проекта; d_n^i — доходность обобщенного депозита по i -му сценарию использования средств, полученных от реализации проекта в n -м году; β — единая ставка компаундирования для приведения стоимостных оценок внешнего эффекта к концу расчетного периода проекта; E_n — ставка компаундирования в n -м году.

Значимыми достоинствами такого подхода является учет ограниченности ресурсов, возможности их альтернативного использования и реинвестирования средств, полученных в ходе реализации проекта. Для модели характерен достаточно широкий охват сфер влияния, включающий помимо оценки внутренних эффектов также оценку внешних эффектов от реализации проекта, оценку влияния проекта на социальную сферу, динамику благосостояния граждан и экологию региона.

Несмотря на многогранность рассмотренных подходов, вопросы оценки социально-экономической эффективности от реализации проектов ГЧП не теряют своей актуальности в условиях использования механизма ГЧП как экономического драйвера развития регионов, создавая среду для разработки новых и развития существующих подходов

к оценке социально-экономической эффективности проектов. Также остается открытым ряд вопросов по оценке фактической социально-экономической эффективности проектов. Есть результаты, трудно поддающиеся измерениям, такие как удовлетворённость населения итогами реализации проекта. Однако результаты, которые имеют численное экономическое выражение, могут быть оценены динамикой экономических параметров, а также путем определения взаимосвязей между финансовыми вложениями в проект и экономическими изменениями. При этом для каждой сферы реализации должны быть определены характерные параметры, отражающие социально-экономическую эффективность. К примеру, параметрами оценки эффективности проектов в сфере ЖКХ по строительству и модернизации систем водоснабжения и водоотведения могут быть динамика доли водопроводной и канализационной сети, нуждающейся в замене, размер этой доли. Так, во время реализации концессии по созданию и реконструкции объектов водоснабжения и водоотведения в г. Волгограде в период 2015–2019 гг. доля водопроводной сети, нуждающейся в замене, возросла с 39,9% до 48,1%, а доля канализационной сети, нуждающейся в замене, незначительно сократилась с 39,9% до 35,3%, хотя за указанный период уже был построен и модернизирован ряд объектов концессионного соглашения [5]. Данные показатели динамики оценочных параметров отражают невысокую эффективность проведенных на тот период работ, при том, что концессия является крупнейшей в сфере ЖКХ (58 млрд рублей).

Также ни одно производство не обходится без потребления водных ресурсов. Крупнейшими потребителями водных ресурсов выступают предприятия, относящиеся к химической, металлургической, химической промышленности, сельскому хозяйству и ТЭС. Таким образом, в качестве индикаторов влияния результатов модернизации на социально-экономическую систему региона может выступать увеличение продукции, производимой предприятиями данных отраслей.

Таким образом, сопоставление динамики реализации проекта, в частности финансирования, с динамикой характерных показателей является наглядным методом оценки его фактической социально-экономической эффективности. Однако, если экономические показатели достаточно масштабны, к примеру ВРП региона, то на их динамику могут оказывать влияние и другие факторы помимо результатов реализации инфраструктурного проекта. В связи с этим возникает задача оценки вклада, который был внесен проектом в изменение данного показателя.

Такие методы оценки фактической социально-экономической эффективности рассмотрены далее на примере проекта по строительству автодороги «Западный скоростной диаметр» как наиболее значимого проекта на рынке ГЧП в транспортной сфере.

2. Оценка социально-экономической эффективности проекта «Западный скоростной диаметр». Проект по строительству «Западного скоростного диаметра» был заключен в 2005 г. и до настоящего времени является крупнейшим соглашением ГЧП в транспортной сфере. Стоимость общих инвестиций составила 212,72 млрд рублей в текущих ценах, при этом государственных средств было вложено 104,8 млрд рублей, частных средств — 107,92 млрд рублей.

Заявленная частным партнером социально-экономическая эффективность должна проявляться как в городском масштабе, так и в федеральном³.

В городском масштабе выделены следующие результаты реализации проекта, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие:

- обеспечение грузооборота в результате создания подходов к Большому порту;
- совершенствование логистических связей посредством обеспечения транспортной доступности портовых, железнодорожных, воздушных и автомобильных терминалов;
- обеспечение транспортной доступности Пассажирского морского порта Санкт-Петербурга, что влияет на развитие Васильевского острова как туристического центра;

³ Магистраль северной столицы [Электронный ресурс] // Официальный сайт автомагистрали «Западный скоростной диаметр». URL: <https://nch-spb.com> (дата обращения: 15.08.2023).

— обеспечение транспортной инфраструктурой северо-запада Санкт-Петербурга, который стремительно развивается в качестве жилого, делового и производственного района;

— осуществление налоговых отчислений в бюджеты от эксплуатации трассы;

— рост деловой активности, в частности создание новых рабочих мест и увеличения числа заказов для предприятий;

— развитие объектов транспортной инфраструктуры в зоне тяготения магистрали;

— рост стоимости коммерческих и жилых помещений в результате развития территорий и увеличения объемов строительства;

— создает новые общественные пространства, которые становятся современными достопримечательностями Санкт-Петербурга.

На федеральном уровне социально-экономическая эффективность проекта должна выражаться в следующем:

— в увеличении пропускной способности международного транспортного коридора «Север-Юг»;

— в росте общефедерального показателя эффективности системы товародвижения;

— в создании условий для повышения межрегиональной мобильности населения.

Анализ эффективности осуществим в рамках влияния на экономические показатели города Санкт-Петербурга. Таким образом, для оценки социально-экономической эффективности проекта ГЧП «Западный скоростной диаметр» могут быть выбраны следующие экономические показатели: ВРП Санкт-Петербурга, грузооборот и товародвижение, численность населения, налоговые отчисления в бюджеты, занятость, стоимость 1 кв. м. жилья. Динамика данных показателей приведена на рисунках 1–3⁴.

Так, на рисунке 1 наблюдается рост ВРП Санкт-Петербурга, увеличение налогов и сборов до 2021 года.

Период активного роста ВРП Санкт-Петербурга и объема налогов и сборов приходится на момент завершения строительства автодороги «Западный скоростной диаметр», что

позволяет сделать предположение о значимом вкладе проекта в рост ВРП Санкт-Петербурга и увеличении его деловой активности.

В динамике грузооборота наблюдается два подъема: до 2012 г. и с 2019 по 2021 гг., при этом значительное влияние на рост грузоперевозок в период первого подъема оказала активная фаза строительства «Западного скоростного диаметра», а также порта Усть-Луга и Кольцевой автомобильной дороги. Также на грузооборот существенно влияет перетекание грузов на автотранспорт с железной дороги, сокращение объема железнодорожных перевозок стало существенным фактором снижения грузооборота автотранспорта в 2013 г. (рисунок 2, а).

В то же время не наблюдается роста грузооборота Большого порта (рисунок 2, б), автомобильное сообщение с которым значительно улучшилось благодаря строительству Западного скоростного диаметра. Несмотря на то, что обеспечение грузооборота Большого порта заявлено в качестве социально-экономического эффекта, помимо улучшения автомобильной инфраструктуры на рост грузооборота влияет множество факторов. Так, в настоящее время грузооборот Большого порта Санкт-Петербурга падает на фоне санкций ЕС⁵.

Улучшение инфраструктуры города, повышение комфорта проживания, рост деловой активности способствуют повышению его привлекательности для проживания. В этой связи наблюдается рост численности населения и, соответственно, численности занятых (рисунок 3, а).

Если в текущих ценах рост цен на первичное жилье представляется весьма значительным, то в ценах 2005 г. таковой рост вовсе не наблюдается (рисунок 3, б). Такое положение кажется весьма парадоксальным, однако оно указывает на значительную инфляцию на рынке жилья, которая в период 2006–2008 гг. находилась в диапазоне 15,7–47,3%, а в период 2016–2021 гг. — в диапазоне 3,7–31,3%, что как раз отражает значительный подъем цен на недвижимость региона.

4 Индекс физического объема инвестиций в основной капитал [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34129> (дата обращения: 26.08.2023); Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 25.08.2023); Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.08.2023).

5 Петербургский порт из-за санкций потерял половину грузов [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/05/2022/628f821e9a7947c6e86fe41e.

Таким образом, на приведенных динамических рядах экономических показателей выявленный рост некоторых из них соответствует периоду инвестирования и эксплуатации «Западного скоростного диаметра» и подтверждает некоторые заявленные экономические эффекты. Отметим, что по данным ряда источников⁶, инвестиции

в строительство осуществлялись в период 2013–2016 гг.

Действительно, инвестиции напрямую влияют на динамику ВРП, поскольку являются частью ВРП. Так, общеизвестной является формула (2) расчета валового регионального продукта (ВРП) на основе метода конечного использования:

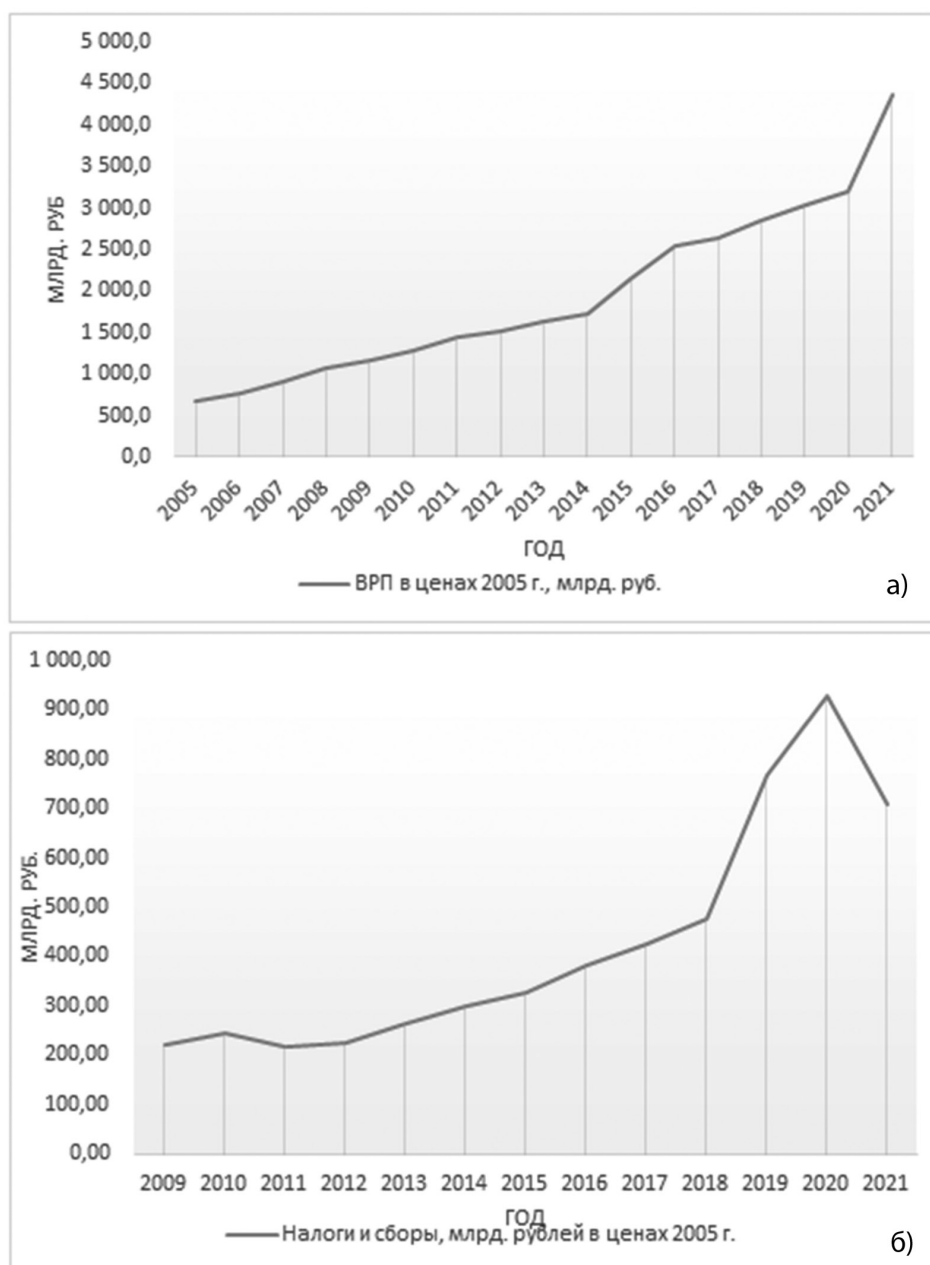

Рис. 1. Динамика ВРП (а) и налогов и сборов (б) в Санкт-Петербурге в ценах 2005 г.

Fig. 1. Dynamics of GRP (a) and taxes and fees (b) in St. Petersburg in 2005 prices

⁶ База реализуемых проектов ГЧП [Электронный ресурс] // Платформа «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/profile/base-projects?stage=27&stage=24&stage=23&stage=25> (дата обращения: 16.08.2023); Инвестиции в инфраструктуру: 15 лет рынку концессий [Электронный ресурс] // infraoneresearch.ru. URL: <https://infraoneresearch.ru/u5usp7/60goe2> (дата обращения: 18.08.2023).

$$Y = C + I + E, \quad (2)$$

$$g_y = g_c \times c + g_i \times i + g_e \times e, \quad (3)$$

где Y — валовый региональный продукт; C — конечное потребление; I — инвестиции; E — чистый экспорт.

При этом оценку вклада каждой компоненты в темп роста ВРП можно оценить согласно «структурной формуле» О.С. Сухарева, по которой вклад рассчитывается как произведение темпа роста компоненты на ее долю в ВРП [12; 13; 14]. Тогда темп роста ВРП будет равен сумме вкладов каждой компоненты:

где g_y — темп роста ВРП; g_c — темп роста конечного потребления; c — доля конечного потребления в структуре ВРП; g_i — темп роста инвестиций; i — доля инвестиций в структуре ВВП; g_e — темп роста чистого экспорта; e — доля чистого экспорта в структуре ВВП.

В частности интерес представляет вклад инвестиций в строительство «Западного скоростного диаметра» в экономический рост

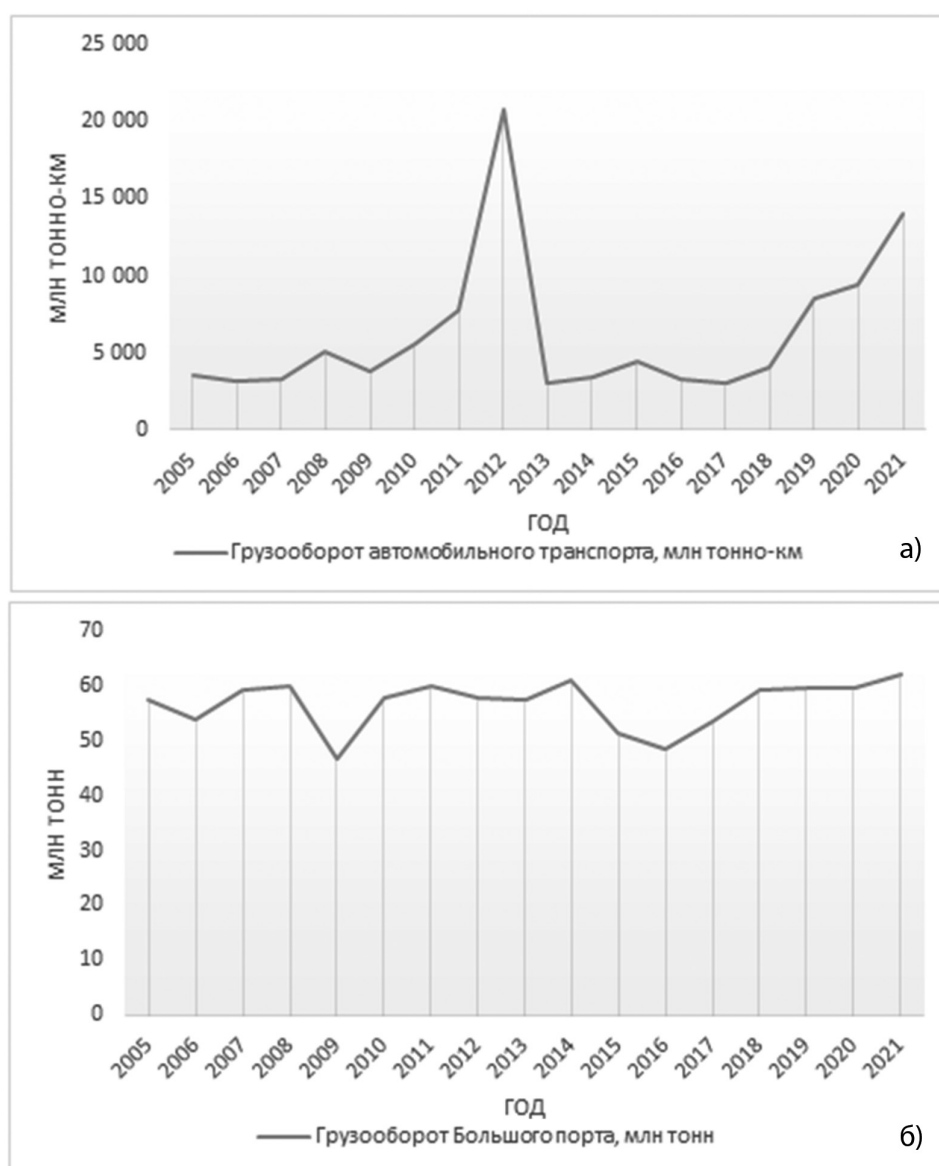

Рис. 2. Динамика грузооборота автомобильного транспорта (а) и грузооборота Большого порта в Санкт-Петербурге (б) за период 2005–2021 гг.

Fig. 2. Dynamics of cargo turnover of motor transport (a) and cargo turnover of the Big Port in St. Petersburg (b) for the period 2005–2021

Санкт-Петербурга, что также является критерием оценки социально-экономической эффективности проекта. Для расчета в соответствии с вышеприведенной формулой (3) сначала оценим вклад общих инвестиций в ВРП Санкт-Петербурга за период 2013–2016 гг. Учитывая тот факт, что за период 2013–2016 гг. темп роста инвестиций Санкт-Петербурга по отношению к уровню 2012 г. составил 132%, а их доля в объеме ВРП (в ценах 2005 г.) за рассматриваемый период составила 16%, то по результатам расчетов вклад инвестиций в темп роста ВРП Санкт-

Петербурга в период 2013–2016 гг. составил 22%. Отметим, что общий темп экономического роста Санкт-Петербурга в период 2013–2016 гг. составил 169% по отношению к уровню 2012 г. (в ценах 2005 г.).

Далее рассчитаем вклад инвестиций в строительство «Западного скоростного диаметра» в экономический рост Санкт-Петербурга в период 2013–2016 гг. Для этого долю инвестиций, которая приходится на строительство «Западного скоростного диаметра», умножим на ранее полученный результат вклада общих инвестиций в темп

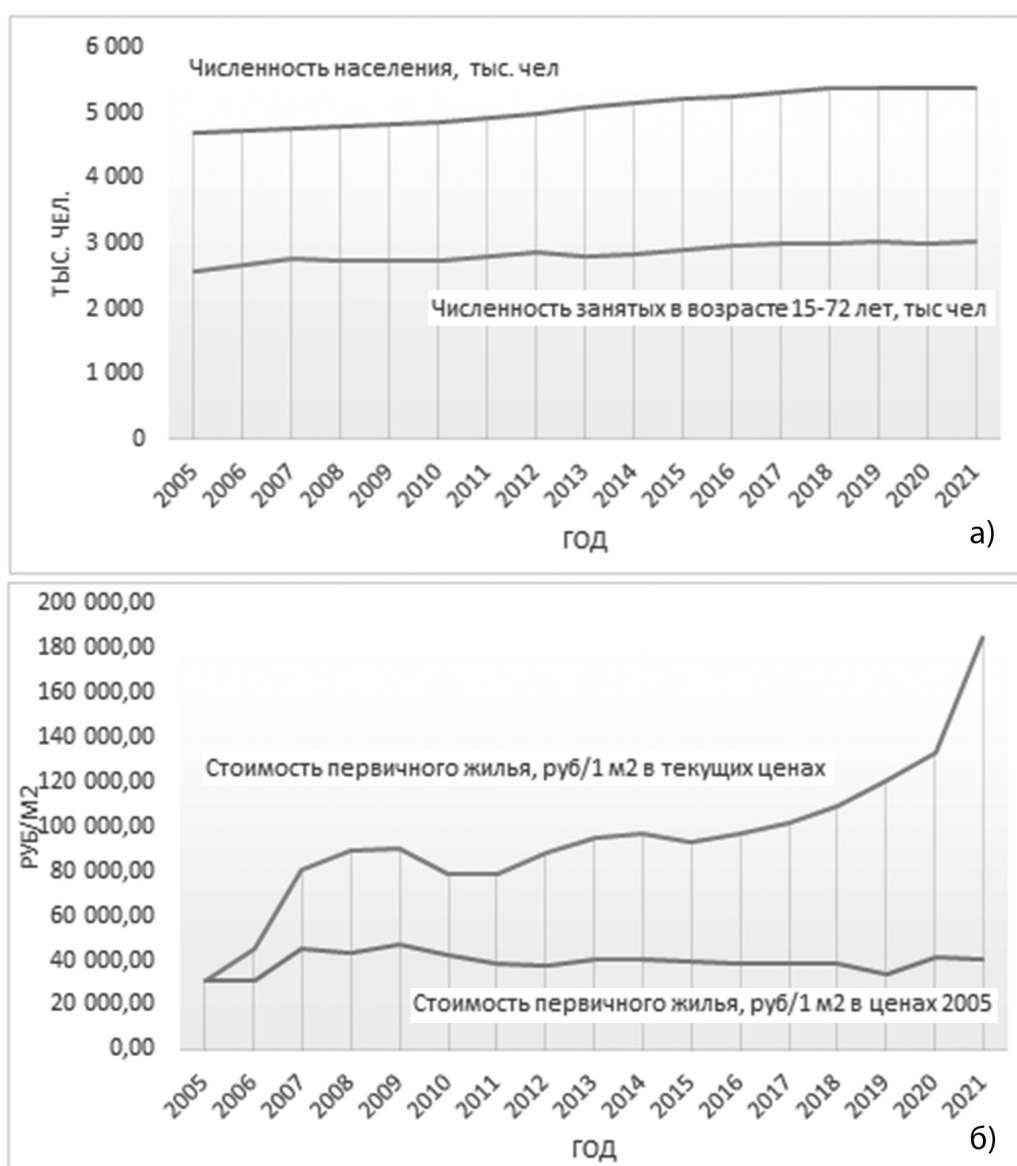

Рис. 3. Динамика численности населения и численности занятых в возрасте 15–72 лет (а), а также динамика стоимости первичного жилья в текущих ценах и в ценах 2005 г. (б)

Fig. 3. Dynamics of the population and the number of employed aged 15–72 years (a), as well as the dynamics of the cost of primary housing in current prices and in 2005 prices (b)

роста ВРП Санкт-Петербурга. Так, доля инвестиций в строительство «Западного скоростного диаметра» в общем объеме инвестиций в период 2013–2016 гг. составила 11 % (в ценах 2005 г.), в соответствии с чем долю вклада инвестиций в строительство «Западного скоростного диаметра» в рост ВРП Санкт-Петербурга в период 2013–2016 гг. получаем равной 2,5 %. Можно отметить, что для одного проекта при прочих факторах, влияющих на экономический рост региона, такой размер вклада является весьма значительным, подтверждающим социально-экономическую эффективность реализованного проекта.

Заключение. В данной статье рассмотрены подходы к оценке социально-экономической эффективности проектов на рынке государственно-частного партнерства, раскрыто понятие «социально-экономической эффективности» проекта, проведена оценка социально-экономической эффективности крупного инфраструктурного проекта на примере проекта ГЧП по строительству «Западного скоростного диаметра» в Санкт-Петербурге на основе анализа динамических рядов экономических показателей и оценки вклада проекта в экономический рост региона. В ходе исследования получены следующие выводы.

1. Раскрыто понятие «социально-экономической эффективности», включающее, соответственно, социальную и экономическую составляющие, которые тесно связаны между собой. При этом эффективность проекта заключается в результативности его реализации для общества и экономики региона.

2. Существует плюрализм методов и подходов к оценке социально-экономической эффективности инфраструктурных проектов, тем не менее необходимость экстренной модернизации экономики, для которой механизм государственно-частного партнерства имеет большое значение, повышает важность оценки социально-экономической эффективности проектов на различных этапах реализации, выбора или разработки наиболее эффективного методического подхода.

3. Для практического исследования по оценке фактической социально-экономической эффективности были выбраны методы

оценки динамики экономических показателей и сопоставления их динамики с периодами реализации рассматриваемого проекта. Однако в данном случае возник вопрос «размера влияния» проекта на изменения показателей, в связи с чем была проведена оценка вклада проекта в экономический рост региона.

4. В ходе исследования был установлен рост таких показателей, как ВРП Санкт-Петербурга, грузооборот автомобильного транспорта, налоги и сборы, численность населения и численность занятых в возрасте 15–72 лет, стоимость жилья, совпадающий по времени с периодом строительства и эксплуатации «Западного скоростного диаметра», что дало возможность считать данный проект социально и экономически эффективным.

5. В качестве критерия социально-экономической эффективности рассматриваемого проекта был рассчитан вклад проекта по строительству «Западного скоростного диаметра» в темп экономического роста Санкт-Петербурга, составивший 2,5 % от темпа роста ВРП в период 2013–2016 гг. Полученный результат является достаточно высоким для одного проекта, что подтвердило социально-экономическую эффективность.

Можно сделать вывод, что механизм ГЧП является мощным инструментом для осуществления социально-экономического развития, обеспечивающим привлечение частных инвестиций. Стоит отметить, что частные инвестиции занимают наибольшую долю на рынке ГЧП (71 %), поэтому их активное привлечение способно обеспечить поддержку дальнейшему социально-экономическому развитию регионов РФ.

Список источников

1. Воронежский И. С. Оценка эффективности государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2020. №22(312). С. 335–339. URL: <https://moluch.ru/archive/312/70904/> (дата обращения: 03.09.2023).
2. Глазунова В. В. Рынок государственно-частного партнерства как фактор экономического роста в регионах // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. №5(185). С. 12–21.

3. Городнова Н.В., Пешкова А.А., Воронов Д.С., Емельянов А.А. Разработка методики оценки эффективности реализации проектов государственно-частных партнерств // Вестник НГУЭУ. 2018. №2. С. 59–77.

4. Гранберг А.Г., Селиверстов В.Е., Суслов В.И. и др. Оптимизационные межрегиональные межотраслевые модели. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1989. 257 с.

5. Дмитриев А.С. Коммунальная инфраструктура города Волгограда: динамика состояния, объемы финансирования и перспективы // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8. №1. С. 69–82.

6. Колбачев Е.Б. Социальная эффективность экономических проектов модернизации и технологического развития // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2008. №2. С. 8–17.

7. Корниец Т.П., Аликова О.П. Концепция анализа социально-экономической эффективности инвестиционных проектов и программ в инновационной экономике // Инновации и инвестиции. 2011. №32(239). С. 16–21.

8. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Агеева А.Ф. Агент-ориентированная модель Евразии и имитация реализации крупных инфраструктурных проектов // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1102–1116.

9. Миронова И.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Проблемы оценки социально-экономической эффективности крупномасштабного инфраструктурного проекта на примере высокоскоростной магистрали // Российский экономический журнал. 2022. №3. С. 100–119.

10. Садовничий В.А., Осипов Г.В., Акаев А.А., Малков А.С., Шульгин С.Г. Социально-экономическая эффективность развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока. Математическое моделирование и прогноз // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 3. С. 758–777.

11. Суслов В.И. Анализ и прогнозирование пространственного экономического развития России с использованием межотраслевых моделей // Управленческое консультирование. 2011. №3. С. 93–105.

12. Сухарев О.С. Структурный анализ влияния национальных проектов на экономику России // Материалы 19 Международной

научно-практической конференции. Кострома: КГУ, 2019. С. 80–92.

13. Сухарев О.С. Макроэкономические проблемы экономического роста России и национальные проекты // Проблемы теории и практики управления. 2019. №7. С. 17–33.

14. Сухарев О.С. Стратегия инновационного развития: агенты и национальные проекты в России // Инвестиции в России. 2019. №5. С. 3–14.

15. Трынов А.В. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнерства // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 602–612.

16. Экономический словарь / Е.Г. Багудина и др.; отв. ред. А.И. Архипов. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 624 с.

References

1. Voronezhskij I.S. Ocenka jeffektivnosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Evaluation of the effectiveness of public-private partnership] [Elektronnyj resurs]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2020; 22(312): 335–339. URL: <https://moluch.ru/archive/312/70904/> (data obrashhenija: 03.09.2023). (In Russ.).

2. Glazunova V.V. Rynok gosudarstvenno-chastnogo partnerstva kak faktor jekonomicheskogo rosta v regionah [Public-private partnership market as a factor of economic growth in the regions]. *Jekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2022; 5(185): 12–21. (In Russ.).

3. Gorodnova N.V., Peshkova A.A., Voronov D.S., Emel'janov A.A. Razrabotka metodiki ocenki jeffektivnosti realizacii proektov gosudarstvenno-chastnyh partnerstv [Development of a methodology for evaluating the effectiveness of public-private partnership projects]. *Vestnik NGUJeU* [Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management]. 2018; (2): 59–77. (In Russ.).

4. Granberg A.G., Seliverstov V.E., Suslov V.I. i dr. Optimizacionnye mezhregional'nye mezhotraslevye modeli [Optimization interregional intersectoral models]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1989. 257 z. (In Russ.).

5. Dmitriev A.S. Kommunal'naja infrastruktura goroda Volgograda: dinamika sostojaniya, ob'emy finansirovaniya i perspektivy [Municipal infrastructure of the city of Volgograd: dynamics of the situation, volumes of financing and prospects]

ipal infrastructure of the city of Volgograd: state dynamics, financing volumes and prospects]. *Zhilishhnye strategii* [Housing strategies]. 2021; 8(1): 69–82. (In Russ.).

6. Kolbachev E. B. Social'naja jeffektivnost' jekonomicheskikh proektov modernizacii i tehnologicheskogo razvitija [Social efficiency of economic modernization and technological development projects]. *Vestnik JuRGU (NPI)* [Bulletin of the YURSTU (NPI)]. 2008; (2): 8–17. (In Russ.).

7. Korniec T. P., Alikova O. P. Konceptcija analiza social'no-jekonomicheskoy jeffektivnosti investicionnyh proektov i programm v innovacionnoj jekonomike [The concept of analyzing the socio-economic efficiency of investment projects and programs in the innovative economy]. *Innovacii i investicii* [Innovations and investments]. 2011; 32(239): 16–21. (In Russ.).

8. Makarov V. L., Bahtizin A. R., Sushko E. D., Ageeva A. F. Agent-orientirovannaja model' Evrazii i imitacija realizacii krupnyh infrastrukturyh proektov [Agent-oriented model of Eurasia and simulation of the implementation of large infrastructure projects]. *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. 2018; 14(4): 1102–1116. (In Russ.).

9. Mironova I. A., Tishhenko T. I., Frolova M. P. Problemy ocenki social'no-jekonomicheskoy jeffektivnosti krupnomasshtabnogo infrastrukturnogo proekta na primere vysokoskorostnoj magistrali [Problems of assessing the socio-economic efficiency of a large-scale infrastructure project on the example of a high-speed highway]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal]. 2022; (3): 100–119. (In Russ.).

10. Sadovnichij V. A., Osipov G. V., Akaev A. A., Malkov A. S., Shul'gin S. G. Social'no-jekonomicheskaja jeffektivnost' razvitija zheleznodorozhnoj seti Sibiri i Dal'nego Vostoka. Matematicheskoe modelirovanie i prognoz [Socio-economic efficiency of the development of the railway network of Siberia and the Far

East. Mathematical modeling and forecast]. *Jekonomika regiona* [Economics of the region]. 2018; 14(3): 758–777. (In Russ.).

11. Suslov V. I. Analiz i prognozirovanie prostranstvennogo jekonomicheskogo razvitija Rossii s ispol'zovaniem mezhotraslevykh modelej [Analysis and forecasting of spatial economic development of Russia using intersectoral models]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2011; (3): 93–105. (In Russ.).

12. Suharev O. S. Strukturnyj analiz vlijanija nacional'nyh proektov na jekonomiku Rossii [Structural analysis of the impact of national projects on the Russian economy]. *Materialy 19 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Materials of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kostroma: KGU, 2019. Pp. 80–92. (In Russ.).

13. Suharev O. S. Makrojekonomicheskie problemy jekonomicheskogo rosta Rossii i nacional'nye proekty [Macroeconomic problems of economic growth in Russia and national projects]. *Problemy teorii i praktiki upravlenija* [Problems of theory and practice of management]. 2019; (7): 17–33. (In Russ.).

14. Suharev O. S. Strategija innovacionnogo razvitija: agenty i nacional'nye proekty v Rossii [Strategy of innovative development: agents and national projects in Russia]. *Investicii v Rossii* [Investments in Russia]. 2019; (5): 3–14. (In Russ.).

15. Trynov A. V. Metodika ocenki jekonomicheskoy jeffektivnosti investicionnyh proektov, realizuemyh na principah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Methodology for assessing the economic efficiency of investment projects implemented on the principles of public-private partnership]. *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. 2016; 12(2): 602–612. (In Russ.).

16. Jekonomicheskij slovar' [Economic dictionary]. E. G. Bagudina et al.; otv. red. A. I. Arhipov [In A. I. Arkhipov (eds.)]. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2007. 624 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазунова Вильгельмина Витальевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Область научных интересов: инновации, оценка инновационного потенциала организаций, управление промышленностью, структурный анализ экономических систем, экономическая синергетика, устойчивость экономической динамики.
Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Vilhelmina V. Glazunova — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Research interests: innovations, assessment of innovative potential of organizations, industrial management, structural analysis of economic systems, economic synergy, stability of economic dynamics.

32 Nakhimovsky av., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 631.145

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-117-123

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СХЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ С УЧЁТОМ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Людмила Георгиевна Долматова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID РИНЦ: 440744*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ вопросов развития и размещения крестьянских (фермерских) хозяйств на региональном уровне экономики с учётом увеличения в их составе ценных сельскохозяйственных угодий, являющихся основным источником доходов фермерских хозяйств. Для обоснованного их размещения в качестве прогнозного документа предлагается использовать схему их развития и размещения по конкретным административным образованиям, которая является предплановым и предпроектным документом. Также рассмотрены основные моменты формирования фонда перераспределения земель как территориальной основы осуществления и расширения крестьянскими (фермерскими) хозяйствами их сельскохозяйственной деятельности в различных отраслях экономики и агропромышленного комплекса.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения в области совершенствования схем территориального размещения крестьянских (фермерских) хозяйств в границах различных административно-территориальных образований. Методологические положения в области прогнозирования и планирования развития малых форм хозяйствования с учётом выбранной специализации, природно-экономических факторов и других ресурсов позволят более точно выстроить сценарий их эффективного развития. К используемым научным методам относятся причинно-следственный, сравнительный и системный анализ, метод логических взаимосвязей.

Результаты исследования. В результате всестороннего анализа особенностей организации малых форм хозяйствования было выявлено, что для обоснованного размещения крестьянских (фермерских) хозяйств по территории любого административного образования, установления их оптимальной специализации, размеров и количества можно использовать в качестве прогнозного документа схему их развития и размещения. Такая схема является предплановым и предпроектным документом, в котором на основе учёта всех факторов производства и ресурсов предприятия формируются рекомендации по развитию фермерского сектора экономики в конкретном субъекте РФ. Так как организация крестьянских хозяйств происходит на землях фонда перераспределения, в который, как правило, выделяются земли с низким плодородием, то часто их размеры и качество почв не соответствуют выбранной специализации и развиваемым отраслям, что приводит к дисбалансу основных факторов производства, нарушаются требования агротехники из-за чрезмерного увлечения высокодоходными культурами. Таким образом, анализ данных проблем позволит

избежать многих перекосов в деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, повысить эффективность хозяйствования и расширить собственное производство.

Перспективы исследования заключаются в более широком учёте всех факторов, влияющих на развитие и территориальное размещение крестьянских (фермерских) хозяйств, которые должны быть рассмотрены в прогнозных схемах и разработках. Необходимо стремиться к укрупнению землевладений, прогнозированию численности крестьянских (фермерских) хозяйств на определённой территории субъекта РФ, обоснованию приоритетных направлений развития с учётом экономики региона и ресурсообеспеченности предприятий. Формирование конкурентоспособных малых предприятий является важным и необходимым в нестабильной экономической ситуации, ценовом диспаритете, постоянно меняющейся рыночной инфраструктуре.

Ключевые слова: крестьянские (фермерские) хозяйства, схема территориального размещения, эффективность, прогнозирование, перераспределение земель, организация территории, использование земельных участков

Для цитирования: Долматова Л. Г. Вопросы совершенствования схем территориального размещения крестьянских (фермерских) хозяйств с учётом экономики региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 117–123. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-117-123>.

Original article

ISSUES OF IMPROVING TERRITORIAL SCHEMES LOCATION OF PEASANT (FARM) FARMS CONSIDERING THE REGIONAL ECONOMY

Lyudmila G. Dolmatova

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Don State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
dolmatoval1971@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1825-0097, AuthorID RSCI: 440744*

Abstract. *The aim of the study is to analyze the issues of development and placement of peasant (farm) farms at the regional level of the economy, taking into account the increase in their composition of valuable agricultural land, which is the main source of income for farms. To justify their placement, it is proposed to use as a forecast document a diagram of their development and placement for specific administrative entities, which is a pre-planning and pre-project document. The main points of the formation of the land redistribution fund, as a territorial basis for the implementation and expansion by peasant (farmer) households of their agricultural activities in various sectors of the economy and agro-industrial complex, are also considered.*

The methodological basis of the study *basic provisions in the field of improving the schemes for the territorial placement of peasant (farm) farms within the boundaries of various administrative-territorial entities. Methodological provisions in the field of forecasting and planning the development of small businesses, taking into account the chosen specialization, natural-economic factors and other resources, will make it possible to more accurately build a scenario for their effective development. The scientific methods used include cause-and-effect, comparative and system analysis, and the method of logical relationships.*

Research results. As a result of a comprehensive analysis of the characteristics of the organization of small forms of economic activity, it was revealed that in order to justify the placement of peasant (farm) farms on the territory of any administrative entity, to establish their optimal specialization, size and quantity, a diagram of their development and location can be used as a forecast document. Such a scheme is a pre-planning and pre-project document, in which, based on taking into account all factors of production and resources of the enterprise, recommendations are formed for the development of the farming sector of the economy in a specific subject of the Russian Federation. Since the organization of peasant farms takes place on the lands of the redistribution fund, which, as a rule, allocates lands with low fertility, their size and soil quality often do not correspond to the chosen specialization and developed industries, which leads to an imbalance of the main factors of production, the requirements of agricultural technology are violated due to excessive enthusiasm for highly profitable crops. Thus, the analysis of these problems will allow us to avoid many distortions in the activities of peasant farms, increase business efficiency and expand our own production.

The prospects of the study lie in a broader consideration of all factors influencing the development and territorial distribution of peasant (farm) farms, which must be taken into account in forecast schemes and developments. It is necessary to strive for the consolidation of land holdings, forecasting the number of peasant farms in a certain territory of a constituent entity of the Russian Federation, substantiating priority areas of development, taking into account the economy of the region and the resource availability of enterprises. The formation of competitive small enterprises is important and necessary in an unstable economic situation, price disparity, and constantly changing market infrastructure.

Keywords: peasant (farm) households, territorial distribution scheme, efficiency, forecasting, land redistribution, territory organization, use of land plots

For citation: Dolmatova L. G. Issues of improving territorial schemes location of peasant (farm) farms considering the regional economy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 117–123. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-117-123>.

Введение. В настоящее время крестьянские (фермерские) хозяйства вносят существенный вклад в развитие экономики как страны в целом, так и субъектов федерации в частности. По состоянию на 01.01.2023 года в Ростовской области насчитывалось 7,808 тысяч крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) с общей площадью земельных участков 2,571 млн га, средней площадью земель одного КФХ 329,4 га. В 2022 году доля валовой продукции малого сектора экономики в общем объеме производства АПК области составила 25%. Наблюдался рост производства зерновых культур. По оперативным данным, он составил более 14% (5,8 млн тонн), доля производства зерновых в общем объ-

еме — 37,7%¹. Но в целях улучшения предпосылок к количественному увеличению крестьянских (фермерских) хозяйств (в 2000 году их количество составляло более 17 тысяч, в 2010 году — 12 тысяч, в 2015 году уже произошло снижение до 11 тысяч, в 2022 году — 7,8 тысяч), развитию производства, расширению площадей сельскохозяйственных угодий необходимо более детально изучить вопросы их эффективного территориального размещения с учётом увеличения в их составе ценных сельскохозяйственных угодий, являющихся источником доходов фермерских хозяйств.

Для обоснованного размещения крестьянских (фермерских) хозяйств по территории любого административного образования,

¹ О показателях работы крестьянских (фермерских) хозяйств [Электронный ресурс] / Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1844/> (дата обращения: 13.11.2023).

установления их оптимальной специализации, размеров и количества можно использовать в качестве прогнозного документа схему их развития и размещения по конкретным административным образованиям. Такая схема является предплановым и предпроектным документом, в котором на основе учёта природных, экономических, социальных условий, данных по использованию земельного фонда, трудообеспеченности регионов и других важных составляющих формируются рекомендации по развитию фермерского сектора экономики в конкретном субъекте РФ.

Подготовка данной схемы должна начинаться с анализа использования земельного фонда землевладельцами и землепользователями, определения потребности в земле для развития населённых пунктов, коллективного садоводства и огородничества, крестьянских (фермерских) хозяйств. В отдельных случаях ставится вопрос о перераспределении земель между сельскохозяйственными предприятиями региона [1; 2]. В этом случае в соответствии со ст. 80 Земельного кодекса РФ именно для образования малых форм хозяйствования, в том числе и крестьянских (фермерских) хозяйств, создаётся фонд перераспределения земель из неиспользуемых, нерационально и неэффективно используемых земельных участков. Данный фонд необходим для осуществления крестьянскими (фермерскими) хозяйствами их сельскохозяйственной деятельности, расширения такой деятельности, создания и расширения личных подсобных хозяйств, ведения животноводства, ведения гражданами садоводства или огородничества для собственных нужд, сенокосения, выпаса скота в составе земель сельскохозяйственного назначения.

Обсуждение. В начале проведения земельной реформы фонд перераспределения формировался по остаточному принципу. Сначала определялись участки земель, передаваемые в собственность прежним землепользователям бесплатно с учётом их качества. При этом рассчитанная в физическом измерении среднерайонная норма бесплатной передачи земли в собственность соответствовала среднерайонному уровню почвенного плодородия. Размеры конкретных участков выражались в кадастровых гектарах. Количество лиц, имеющих право на получение

бесплатной земельной доли, умножалось на её размер в балло-гектарах. Затем методом набора по контурам (полям, массивам, рабочим участкам), площадь которых также переводилась в балло-гектары, доводили общую площадь до требуемой величины и фиксировали физические границы земель, передаваемых в собственность бесплатно. Вся площадь, оставшаяся вне этих границ, включалась в фонд перераспределения [3; 4].

На рассматриваемом этапе важно было правильно определить площадь и местоположение земель, передаваемых в собственность прежним землевладельцам и землепользователям. Здесь максимально учитывались как их интересы, так и необходимость рационального использования угодий при минимальных издержках производства. Для них выделялись земли, прилегающие к перспективным производственным центрам, обслуживающим данные массивы. Фонд перераспределения для создания крестьянских хозяйств формировался вблизи отмирающих деревень или бывших хуторов, неперспективных для крупных хозяйств ферм и полевых станов. Важным подходом в этом случае для крупных сельскохозяйственных предприятий было недопущение ломки сложившейся организации территории и производства (севооборотов, оросительных сетей, элементов инфраструктуры и др.), что зачастую приводило к их банкротству.

В настоящее время фонд перераспределения земель формируется за счёт участков из земель сельскохозяйственного назначения, поступающих в этот фонд в случае приобретения Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием права собственности на земельный участок (ст. 80 ЗК РФ) [5; 7].

Рекомендуемая специализация таких хозяйств определяется главным образом исходя из почвенно-климатических условий конкретных зон и расположения относительно крупных промышленных центров, величины и качества земельного фонда. Так, в пригородах городов, где возможности выделения земли для фермеров очень ограничены, лучше всего создавать хозяйства плодово-ягодно-овощеводческого направления, требующие значительных трудовых затрат и имеющие надёжный рынок сбыта для малотранспортабельной продукции (клубники, малины, овощей, пер-

сиков, абрикосов и т.п.). В природных зонах, где много естественных кормовых угодий, целесообразно развивать хозяйства животноводческого направления (овцеводческие, козоводческие, молочные, мясомолочные). Оптимальные размеры крестьянских хозяйств — одно из важнейших условий их эффективного функционирования. Их определение на перспективу одновременно с выбором специализации при заданных параметрах трудоустроенности позволяет сбалансировать наличие основных фондов, сельхозугодий и трудовых ресурсов, а также служит основанием для выделения будущим фермерам земельных участков необходимых размеров.

Исходя из площади угодий, отводимых для развития крестьянских хозяйств, и их оптимальных размеров, можно прогнозировать их количество в той или иной зоне. Этот показатель используется при оценке возможностей удовлетворения заявок граждан на получение земли, а также для расчёта потребности фермерского сектора в кредитных ресурсах и спецтехнике² [8].

Но для более эффективного прогнозирования размещения и развития КФХ на территории любого административного образования необходимо учесть ряд недостатков, которые часто допускаются при выделении им земель. Зачастую размеры крестьянских хозяйств не соответствуют выбранной специализации, что приводит к дисбалансу основных факторов производства (трудовых ресурсов, сельхозугодий, материально-технических средств). Достаточно часто нарушаются требования агротехники из-за чрезмерного увлечения высокодоходными культурами (подсолнечником, бахчевыми), что может вызвать распространение болезней и вредителей, резкое снижение производства уже в ближайшем будущем. Техническая оснащённость крестьянских хозяйств (особенно малоземельных) невысока. Земли крестьянским хозяйствам нередко выделяют в ущерб интересам прежних арендаторов, и внутреннее устройство их территории (а площади КФХ в настоящее время уже достигают 1000 га и более) происходит без научно разработанных проектов землеустройства [10; 9; 6].

Заключение. Таким образом, основное содержание схемы развития и размещения КФХ должно сводиться к решению следующих вопросов:

- анализ состояния и использования земель, размещения, специализации и эффективности производства в существующих КФХ;

- образование и размещение земельных участков, предназначенных для фонда перераспределения земель, в целях создания новых хозяйств;

- обоснование ареалов, зон специализации и межхозяйственной кооперации крестьянских хозяйств в зависимости от производительных и территориальных свойств земли, природных и экономических условий;

- размещение инженерных сооружений, объектов производственной и социальной инфраструктуры, ирригационной и осушительной сетей, имеющих межхозяйственное значение;

- установление оптимальных размеров крестьянских хозяйств различных производственных типов с учетом их фондооснащённости, трудоустроенности, качества и местоположения земель;

- разработка мер социальной и экономической поддержки крестьянских хозяйств, расчёт требуемых для этого ресурсов и ожидаемой эффективности производства.

С учётом вышеперечисленных недостатков в прогнозных схемах размещения крестьянских (фермерских) хозяйств необходимо стремиться к укрупнению их землеуделений, прогнозированию численности, обоснованию приоритетных направлений развития. На территориях, где нет мелкоконтурных участков, лучше создавать крупные крестьянские хозяйства или их объединения (ассоциации, кооперативы и т.д.) ориентировочной площадью не менее 500 га по основным производственным направлениям (кроме узкоспециализированных предприятий — овощеводческих, виноградарских и т.п.). Это позволит использовать мощные тракторы и комбайны, строго выдерживать агротехнические требования, сохранить плодородие почв и, как следствие, повысить эффективность хозяйствования и расширить собственное производство.

² Фермерское хозяйство и его особенности [Электронный ресурс] // Фермер.ру. URL: <http://fermer.ru/blog> (дата обращения: 15.11.2023).

Список источников

1. Богданова О.В. Современное состояние, проблемы и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств [Электронный ресурс] // Экономические исследования. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-razvitiya-krestyanskih-fermerskih> (дата обращения: 13.11.2023).

2. Волков Л.В. Развитие крестьянско-фермерских хозяйств и малых форм хозяйствования в России // Финансовые рынки и банки. 2020. №3. С. 121–127.

3. Долматова Л.Г. Планирование и прогнозирование производственной деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в современных рыночных условиях // Мелиорация и водное хозяйство: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Шумаковские чтения) 01–03 ноября 2022 г. Вып. 20. Инновационные технологии мелиорации, водного и лесного хозяйства Юга России / Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт Донской ГАУ. Новочеркасск: Лик, 2022. С. 194–197.

4. Долматова Л.Г., Петрова И.А. Основные факторы государственного регулирования экономических отношений сельскохозяйственных предприятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2016. №5. С. 35–40.

5. Карпова Н.В. Государственная поддержка эконоинновационной деятельности: опыт стран ЕС // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3. №4. С. 21–26.

6. Малов А.Г., Савкин В.И. Современное состояние и точки роста малых форм хозяйствования в аграрном секторе экономики России // Вестник аграрной науки. 2022. №4(97). С. 103–111.

7. Очирова Т.Ч. Проблемы и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Молодой ученый. 2021. №2(344). С. 266–268.

8. Ткачева О.А. Перспективное использование земельных ресурсов на основе современных пространственных технологий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. №4. С. 74–82.

9. Eskesen A., Agrawal R., Noopur D. Small and medium enterprises in agriculture value chain: Opportunities and Recommendations [Electronic resource] // Oxfam International. 25p. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1702067378&tld=ru&lang=en&name=OXFAM-SME-Report-November-2014_FINAL.pdf (date accessed: 15.11.2023).

10. Vignola R., Harvey C.A., Bautista-Solis P., Avelino J., Rapidel B., Donatti C., Martinez R. Ecosystem-based adaptation for smallholder farmers: Definitions, opportunities and constraints // Agriculture, Ecosystems & Environment. 2015. №211. Pp. 126–132.

References

1. Bogdanova O.V. Sovremennoe sostojanie, problemy i perspektivy razvitiya krest'janskih (fermerskih) hozjajstv [The current state, problems and prospects of the development of peasant (farm) farms] [Elektronnyj resurs]. *Jekonomicheskie issledovaniya* [Economic research]. 2020; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy-razvitiya-krestyanskih-fermerskih> (data obrashhenija: 13.11.2023). (In Russ.).

2. Volkov L.V. Razvitie krest'jansko-fermerskih hozjajstv i malyh form hozjajstvovaniya v Rossii [Development of peasant farms and small forms of management in Russia]. *Finansovyje rynki i banki* [Financial markets and banks]. 2020; (3): 121–127. (In Russ.).

3. Dolmatova L.G. Planirovanie i prognozirovanie proizvodstvennoj dejatel'nosti krest'janskih (fermerskih) hozjajstv v sovremennyh rynochnyh uslovijah [Planning and forecasting of production activities of peasant (farm) farms in modern market conditions]. *Melioracija i vodnoe hozjajstvo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Shumakovskie chtenija) 01–03 nojabrja 2022 g. Vyp. 20. Innovacionnye tehnologii melioracii, vodnogo i lesnogo hozjajstva Juga Rossii* [Melioration and water management: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Shumakov readings) 01–03 November 2022. Issue 20. Innovative technologies of land reclamation, water and forestry South of Russia]. *Novocherkasskij inzhenerno-meliorativnyj institutt Donskoj GAU. Novocherkassk: Lik, 2022. Pp. 194–197.* (In Russ.).

4. Dolmatova L.G., Petrova I.A. Osnovnye faktory gosudarstvennogo regulirovaniya jekonomiceskikh otnoshenij sel'skhozjajstvennyh predpriyatij [The main factors of state regulation of economic relations of agricultural enterprises]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomichekije nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2016; (5): 35–40. (In Russ.).

5. Karpova N.V. Gosudarstvennaja podderzhka jekoinnovacionnoj dejatel'nosti: opyt stran ES [State support for eco-innovation activities: the experience of the EU countries]. *Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij* [Economics and ecology of territorial formations]. 2019; 3(4): 21–26. (In Russ.).

6. Malov A.G., Savkin V.I. Sovremennoe sostojanie i tochki rosta malyh form hozjajstvovaniya v agrarnom sektore jekonomiki Rossii [The current state and growth points of small business entities in the agricultural sector of the Russian economy]. *Vestnik agrarnoj nauki* [Bulletin of Agrarian Science]. 2022; 4(97): 103–111. (In Russ.).

7. Ochirova T. Ch. Problemy i perspektivy razvitiya krest'janskikh (farmerskikh) hozjajstv

[Problems and prospects of development of peasant (farm) farms]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2021; 2(344): 266–268. (In Russ.).

8. Tkacheva O.A. Perspektivnoe ispol'zovanie zemel'nyh resursov na osnove sovremennyh prostranstvennyh tehnologij [Perspective use of land resources based on modern spatial technologies]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomichekije nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]. 2020; 13(4): 74–82. (In Russ.).

9. Eskesen A., Agrawal R., Noopur D. Small and medium enterprises in agriculture value chain: Opportunities and Recommendations [Electronic resource]. Oxfam International. 25 p. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1702067378&tld=ru&lang=en&name=OXFAM-SME-Report-November-2014_FINAL.pdf (date accessed: 15.11.2023).

10. Vignola R., Harvey C.A., Bautista-Solis P., Avelino J., Rapidel B., Donatti C., Martinez R. Ecosystem-based adaptation for smallholder farmers: Definitions, opportunities and constraints. *Agriculture, Ecosystems & Environment*. 2015; (211): 126–132.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted on 28.02.2023; approved after reviewing on 18.03.2023; accepted for publication on 04.04.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долматова Людмила Георгиевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Землепользование и землеустройство», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Lyudmila G. Dolmatova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair «Land Use and Land Management», Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Don State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-124-139

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИЧИН ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Полина Дмитриевна Колотовкина^{1✉}, Екатерина Олеговна Вегнер-Козлова²

^{1,2}Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

¹kolotovkina.pd@uiec.ru[✉], ORCID: 0000-0001-7988-9129, AuthorID РИНЦ: 42314984

²katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID РИНЦ: 554997

Аннотация. Целью исследования является систематизация причин изменения климата с точки зрения климатической повестки.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции изменения климата. Основу исследования составляют труды, посвященные климатической повестке таких авторов, как О. М. Покровский, В. И. Бышев, В. Г. Нейман, Ю. А. Романов, С. М. Семенов, В. П. Мелешко, В. М. Катцов, В. М. Мирвис и др. К используемым научным методам относятся сравнительный и причинно-следственный анализ.

Результаты исследования. В работе определена значимость адаптации в контексте климатической повестки, выявлены ограничения развития указанной повестки в РФ, на основе междисциплинарного подхода с учетом актуальных геополитических тенденций предложена авторская систематизация причин изменения климата с точки зрения климатической повестки, что является научной новизной данной работы.

Перспективы исследования заключаются в развитии теоретических основ для разработки механизма адаптации регионов к климатическим изменениям.

Ключевые слова: изменение климата, устойчивое развитие, адаптация, низкоуглеродная экономика, индустриальные регионы

Для цитирования: Колотовкина П. Д., Вегнер-Козлова Е. О. Систематизация причин изменения климата с точки зрения климатической повестки // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 124–139. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-124-139>.

Благодарности: статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России №0327-2021-0018 в части проведения НИР по теме «Методология моделирования согласованного научно-технологического и пространственного развития экономики индустриально развитых регионов в контексте обеспечения их социально-экономической безопасности» на 2023 год.

Original article

SYSTEMATIZATION OF THE CAUSES OF CLIMATE CHANGE FROM THE POINT OF VIEW OF THE CLIMATE AGENDA

Polina D. Kolotovkina^{1✉}, Ekaterina O. Wegner-Kozlova²

^{1,2}*Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

¹*kolotovkina.pd@uiec.ru✉, ORCID: 0000-0001-7988-9129, AuthorID RSCI: 42314984*

²*katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID RSCI: 554997*

Abstract. *The purpose of the research is the systematization of the causes of climate change from the point of view of the climate agenda.*

The methodological basis *is represented by the works devoted to the climate agenda by such authors as O.M. Pokrovsky, V.I. Byshev, V.G. Neiman, Yu. A. Romanov, S.M. Semenov, V.P. Meleshko, V.M. Kattsov, V.M. Mirvis, etc. The scientific methods used include comparative and causal analysis.*

Research result. *The article defines the importance of adaptation in the context of the climate agenda, identifies the limitations of the development of this agenda in the Russian Federation, based on an interdisciplinary approach, taking into account current geopolitical trends, the author's systematization of the causes of climate change from the point of view of the climate agenda is proposed, which is the scientific novelty of this work.*

The prospects of the research *are the development of theoretical foundations for the development of a mechanism for the adaptation of regions to climate change.*

Keywords: *climate change, sustainable development, adaptation, low-carbon economy, industrial region*

For citation: *Kolotovkina P.D., Wegner-Kozlova E. O. Systematization of the causes of climate change from the point of view of the climate agenda // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 124–139. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-124-139>.*

Acknowledgments: *the article has been carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation №0327-2021-0018 regarding research on the topic «Methodology for modeling coordinated scientific, technological and spatial development of the economy of industrially developed regions in the context of ensuring their socio-economic security» for 2023.*

Введение. Актуальность изучения теоретических основ и механизмов приспособления к изменяющимся, неопределенным, непредсказуемым условиям обуславливается необходимостью достижения устойчивости социально-экономической системы при одновременной динамичности внешних параметров. Контекст данной работы предполагает расширение знаний об адаптационных возможностях регионов к процессам изменения климата.

Безусловно, необходимость изучить, выявить и применить адаптационные механизмы имеет важнейшее значение для обеспечения устойчивости и жизнестойкости человеческих обществ и природных экосистем. Особенно актуально изучение и выявление этих механизмов в контексте индустриальных территорий как более уязвимых в силу больших объемов негативного воздействия на окружающую среду, оказываемого отрас-

левой спецификой. Наряду с этим указанные регионы более всех испытывают сложности сохранения конкурентоспособного уровня продукции реального производственного сектора на мировых рынках в условиях ужесточающихся требований соответствия параметрам мировой климатической повестке. Систематизация научных концепций позволяет сделать вывод о том, что, дискурс в аспекте климатической повестки в большей мере сосредоточен вокруг выявления степени влияния человека на текущие темпы изменения климата, то есть ключевой вопрос в следующем: действительно ли антропогенное воздействие на изменение климата так масштабно или же эти изменения в большей мере вызваны естественными причинами? Именно этот параметр определяет эффективность адаптационных механизмов.

С одной стороны, в научном сообществе присутствует мнение о том, что деятельность человека недостаточно значительна, чтобы вызвать наблюдаемые изменения климата. С другой стороны, большое количество актуальных научных исследований указывает на деятельность человека (например, в части сжигания ископаемого топлива) как на основную причину современной тенденции к потеплению. В частности, Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), орган, учрежденный Организацией Объединенных Наций, пришла к следующему выводу: чрезвычайно вероятно (с вероятностью 95–100%), что деятельность человека является доминирующей причиной наблюдаемого с середины XX века потепления¹.

В мире указанной проблематике уделяется большое внимание. В США и Европе исследования климата часто рассматриваются как важнейшая область научных исследований, при этом для исследований в этой области выделяется значительное финансирование: только в Европейском союзе на исследования, связанные с климатом, в период 2014–2020 годов было выделено около 3,3 млрд евро (или 3,9 млрд долл. США)². В Соеди-

ненных Штатах в свою очередь в 2020 году на исследования климата было выделено около 13,2 млрд долл. США³. Для сравнения: в 2020 году общий объем финансирования исследований, связанных с климатом, в России составил около 10 млрд руб. (или 137 млн долл. США).

Наряду с этим климатическая повестка стала политизированным трендом, однако данное обстоятельство только препятствует пониманию сложности и неоднозначности данного вопроса.

В рамках обозначенной проблематики в работе определена значимость адаптации в контексте климатической повестки, выявлены ограничения развития указанной повестки в РФ. На основе междисциплинарного подхода с учетом актуальных геополитических тенденций предложена авторская систематизация причин изменения климата с точки зрения климатической повестки.

Процесс адаптации в контексте климатической повестки. Идея адаптации зародилась в биологической науке: одним из первых ее приверженцев был французский натуралист Ж.-Б. Ламарк, в XIX веке выдвинувший на основании наблюдений за миром природы идею о том, что виды эволюционируют с течением времени в ответ на изменения окружающей среды [9].

Изначально термин «адаптация» еще не имел широкого распространения, поэтому в большей степени приспособление рассматривалось с точки зрения теории эволюции. И, безусловно, одним из революционных трудов в этой области стала работа Ч. Дарвина 1859 года «О происхождении видов». Его теория предполагала, что виды эволюционируют с течением времени посредством сочетания случайной изменчивости и естественного отбора, а приспособление к условиям окружающей среды является ключевым фактором в этом процессе [4].

Со времен Дарвина эволюционная теория продолжала оставаться центральной

¹ Данный тезис был озвучен в рамках резюмирующего для политиков доклада МГЭИК о физической научной основе изменения климата в 2013 году.

² Данные представлены в ежегодном отчете по программе исследований и инноваций Европейского союза «Горизонт 2020» (European Commission, «Horizon 2020: Budget», 2021).

³ Данные представлены в докладе Исследовательской службы Конгресса США («Финансирование глобального изменения климата в США: обзор», 2021).

концепцией в биологии и использовалась для объяснения широкого спектра явлений, от эволюции устойчивости бактерий к антибиотикам до развития сложного социального поведения у приматов. В середине XIX века был впервые введен термин «адаптация», опять же в рамках биологической науки. Так, немецкий физиолог Г. Ауберт рассматривал адаптацию как изменение (приспособительного характера) чувствительности анализаторов к действию внешних раздражителей [10].

В XX веке теория адаптации продолжала быть активно изучаемой, постепенно выходя на междисциплинарный уровень. В контексте этого перехода следует отметить работы таких биологов-эволюционистов, как Э. Майр и Ф. Добжанский: так, например, в работе последнего «Генетика и происхождение видов» утверждается, что генетическая изменчивость была ключевым компонентом эволюционных изменений, а естественный отбор воздействовал на эту изменчивость, стимулируя адаптацию [27]. Четырьмя годами позднее Э. Майр изложил свое видение синтеза дарвиновской эволюции и генетики, который стал известен как «современный эволюционный синтез», тем самым объединив теорию естественного отбора с генетикой и другими областями биологии [36].

В это же время, в начале XX века, происходит становление теории адаптации в экономике. Одним из первых экономистов, применивших концепцию адаптации к изучению экономических систем, традиционно считают Й. Шумпетера: в 1912 году им была введена идея «созидательного разрушения», описывающая механизм вытеснения существующих продуктов и отраслей промышленности новыми инновационными технологиями, что приводит к экономическому росту и развитию [14]. Более того, им же и предпринимательство рассматривалось с позиции движущей силы экономических изменений и адаптации — по причине гибкости предпринимателей в аспекте выявления новых возможностей и внедрения инноваций ими же.

В целом, продолжая мысль Й. Шумпетера о предпринимательстве как движущей силе, следует рассмотреть работы таких выдающихся ученых-экономистов, как Ф. Хайек и Р. Коуз. И хотя в их работах не использовался термин «теория адаптации», их идеи о роли

знаний и прав собственности в формировании экономического поведения можно рассматривать в более широкой взаимосвязи с адаптацией как явлением. Например, акцент Хайека на децентрализованном использовании знаний в рыночной экономике можно рассматривать как форму адаптации, поскольку и отдельные лица, и фирмы должны постоянно корректировать свои действия в ответ на меняющиеся экономические условия и информацию [31; 32; 33]. Аналогичным образом и идеи Коуза о транзакционных издержках и правах собственности подчеркивают, как фирмы и отдельные лица адаптируют свое поведение, чтобы минимизировать издержки обмена товарами и услугами (представив эту идею в одной из своих первых работ), затем развивая ее в более поздних работах в контексте обсуждения влияния распределения прав собственности на поведение предприятий и отдельных лиц на рынках [24; 25; 26].

Особое значение адаптационных механизмов подчеркивается в рамках современного мирового перехода к концепции устойчивого развития, в которой одно из ключевых мест занимает проблематика изменения климата и декарбонизации экономик.

Современный опыт зарубежных стран подтверждает, что адаптация как механизм имеет важнейшее значение для устойчивости экономики, причем как для развитых, так и для развивающихся стран.

В Японии в рамках нормативно-правовых актов по борьбе с изменением климата созданы так называемые «Местные центры адаптации к изменению климата» («Local Climate Change Adaptation Center» (LCCAC)) — центры сбора, организации, анализа и представления информации и технических рекомендаций о воздействии изменения климата и адаптации в каждом регионе страны. Учеными, исследующими эффективность их работы, был сделан вывод о том, что ключевыми барьерами центров являются три фактора: нехватка людских ресурсов, недостаточность финансирования и низкий уровень сотрудничества с деловым сектором страны [29].

Европейскими учеными подчеркивается, что местный уровень играет ключевую роль в адаптации к изменению климата. Впрочем, они отмечают, что в большинстве европейских стран адаптация еще не была всесто-

ронне интегрирована в программы местной политики. Ими же выделяются четыре основных фактора, являющихся необходимыми условиями для разработки местных адаптационных механизмов: это экстремальные климатические явления в прошлом, степень подверженности риску, оценка предполагаемого климатического риска, существующая политика адаптации на вышестоящих уровнях. Соответственно, высокий уровень воспринимаемых климатических рисков является достаточным условием для принятия мер по адаптации на местном уровне, в то время как его отсутствие является достаточным для их непринятия [22].

Важность внедрения адаптационных инструментов и механизмов отмечается и в рамках изучения различных стратегий адаптации к изменению климата, принятых заинтересованными сторонами, ответственными за разработку и реализацию государственной политики. Например, в северном тропическом регионе Квинсленд (Австралия) подчеркивается, что на уровне государства и правительственных учреждений ответственность в первую очередь несет в рамках разработки политики и руководящих принципов в области изменения климата, а также за предоставление ограниченной финансовой помощи для поддержки местных органов власти; а вот самими же местными органами в свою очередь должны предприниматься соответствующие действия для интеграции адаптации и смягчения последствий изменения климата, соответственно, должна быть проведена серьезная работа над тем, чтобы противостоять климатическим рискам и подготовиться к ним, без сосредоточения лишь на самой адаптации [20].

В Эфиопии, где неорошаемое сельское хозяйство является основным сектором экономики, рядом ученых отмечается, что для преодоления барьеров домашних хозяйств на пути к адаптации к изменению климата требуется мощная институциональная поддержка в виде доступа к информационно-пропагандистским службам, специализирую-

щимся на сельском хозяйстве, в особенности учитывая тот факт, что такие факторы, как возраст, уровень образования, размер семьи, религия и уровень грамотности, оказывают значительное влияние на способность домохозяйств адаптироваться [30].

Схожий вывод получен в ходе исследования адаптационных механизмов к изменению климата в Гане: повышение температуры на уровне 1 °С, произошедшее в стране за последние четыре десятилетия, а также повышение уровня моря привели к таким социально-экономическим последствиям, как снижение производительности сельского хозяйства и затопление прибрежных районов. Основной вывод исследования: наиболее насущная проблема разработки адаптационных механизмов — недостаточное финансирование программ и проектов в области изменения климата [18].

Соответственно, адаптацию следует рассматривать не только как форму биологического или экономического поведения, но и как одну из важнейших концепций в контексте климатической повестки: нося в высшей степени междисциплинарный характер, изменение климата включает в себя взаимодействие широкого спектра областей, включая науку об атмосфере, океанографию, экологию, экономику, политологию и множество других.

Теоретический базис концепции изменения климата. Развитие территорий, в том числе в социально-экономическом аспекте, невозможно без достоверной теоретической основы. Особенно остро этот вопрос стоит в разрезе изменения климата, поскольку при выборе климатической концепции следует ориентироваться на ее научную доказанность и достоверность.

В настоящее время используется набор из шести индикаторов оценки состояния глобального климата, рекомендованного Всемирной метеорологической организацией (ВМО)⁴:

1) глобальная среднегодовая приземная температура;

⁴ Перечень указанных индикаторов был разработан на основе научного консенсуса в рамках Плана внедрения Глобальной системы наблюдения за климатом в 2016 году. Согласно исследованиям ВМО, впервые начавшей осуществление мониторинга глобальных температур еще в середине XIX века, именно эти показатели на сегодняшний день являются более релевантными, поскольку дают всеобъемлющий обзор состояния климата и ключевых факторов его изменения.

- 2) температура поверхности океана;
- 3) концентрации двуокиси углерода (CO_2) в атмосфере;
- 4) глобальный средний уровень Мирового океана;
- 5) изменение протяженности или массы криосферы;
- 6) глобальные осадки.

Приведенный набор индикаторов встречается в работах ученых и в разрезе оценки их общего влияния на глобальный климат, и в рамках изучения степени их влияния в частности, т.е. каждого отдельного индикатора. Но, несмотря на некое обобщение факторов, научное общество разделилось во мнениях относительно причин изменения климата. Так, в рамках исследования было рассмотрено две группы взглядов на причинность явления.

Первая группа включает теории, основанные на естественных причинах глобального изменения климата. Одна из теорий, предложенная ученым-климатологом О.М. Покровским, объясняла современное глобальное потепление увеличением солнечной активности и монотонным увеличением концентрации углекислого газа в качестве возможных причин [11]. Другая теория, предложенная учеными Института океанологии Российской академии наук, предполагает, что изменения в теплопередаче, возникающие в результате деформации поля давления, вызванной небольшими природными воздействующими факторами, могут быть одной из причин изменения климата [2].

Вторая группа мнений основана на антропогенном происхождении изменения климата. Климатическая повестка активно освещается множеством мировых институтов (Всемирной метеорологической организацией (ВМО), Международной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК), Организацией объединенных наций (ООН) и другими). Впервые гипотезу о возможности потепления из-за увеличения содержания углекислого газа в атмосфере выдвинул известный шведский ученый Сванте Аррениус: рассматривая углекислый газ как некий катализатор, запускающий серию «положительных обратных связей», он сформулировал теорию теплового баланса Земли, одним из основных компонентов которой

был «парниковый эффект», т.е. способность атмосферы быть прозрачной для коротковолновой солнечной радиации и одновременно непрозрачной для длинноволновой радиации Земли [17]. Следовательно, при увеличении концентрации углекислого газа приземная температура способна повышаться, при уменьшении — соответственно, понижаться. Однако ученый не объяснил сам механизм этого явления. Спустя 50 лет это сделал французский математик Жан-Батист Жозеф Фурье [28], вследствие чего теория распространилась настолько, что и сегодня является доминирующей в заключениях мировых институтов, перечисленных ранее, в вопросе изучения глобального потепления. Антропогенное усиление парникового эффекта как наиболее вероятной причины изменения климата с этой точки зрения исследуется в работах ученого Института географии РАН С.М. Семенова, пришедшего к выводу о том, что водяной пар и углекислый газ являются основными источниками естественного парникового эффекта, а увеличение концентрации CO_2 является основной причиной для антропогенного усиления парникового эффекта [12]. Другие ученые-геофизики также отмечают, что вероятность изменения климата, происходящего без внешнего воздействия, крайне мала, в то время как вероятность того, что антропогенные парниковые газы являются ключевым фактором глобального потепления, составляет более 90% [13]. Опять же, увеличение концентрации CO_2 отмечается как основная причина антропогенного образования парниковых газов.

Современное глобальное потепление, согласно широко распространенной точке зрения, связано с деятельностью человека. Доминирующая версия причин потепления — углеродный след от промышленности. Однако в последнее время антропогенная концепция глобального потепления подвергается сомнению. Ученые выдвигают альтернативные версии причин изменения климата. Так, например, исследуя причины резкого потепления в Арктике, ученые РАН предложили геодинамическую гипотезу, основанную на естественных факторах изменения климата и, соответственно, конкурирующую с доминирующей версией о ключевой роли

именно антропогенного воздействия на климат [23]. Схожего мнения придерживается и В.М. Котляков: циклы потепления и похолодания происходили на протяжении всей истории Земли (учитывая, что предыдущее глобальное потепление случилось около 100 тысяч лет назад, когда не существовало антропогенного влияния на климат), поэтому невозможно разделить природные и антропогенные факторы, способствующие нынешней тенденции потепления. И хотя потепление вызывает озабоченность, предсказания о значительном повышении температуры в конце столетия не имеют научной основы, соответственно, к ним следует подходить с осторожностью [7]. Следует упомянуть и мнение, выраженное членами Международного дискуссионного клуба «Валдай»: в рамках доклада, посвященного изменению климата и продовольственной безопасности, было упомянуто, что в западном научном истеблишменте преобладают идеологические убеждения над научной осведомленностью, следовательно, необходим объективный обзор вероятности прогнозов изменения климата и независимый научный анализ деятельности МГЭИК. И хотя теория о присутствии антропогенного фактора в изменении климата не оспаривается, в докладе подчеркивается, что общее воздействие этого фактора не столь значительно и может быть компенсировано естественной изменчивостью климата⁵.

Адаптация к климатическим изменениям в РФ. Россия, как и многие другие страны, весьма уязвима к последствиям изменения климата, и степень серьезности этих последствий зависит от множества факторов. Межправительственная группа экспертов по изменению климата предположила даже потерю части территорий РФ из-за проблемы глобального потепления⁶.

Во-первых, страна простирается в широком диапазоне широт и долгот, а это значит, что разные регионы России, соответственно, будут подвержены различным между собой

климатическим рискам. Например, Арктический регион России переживает одно из самых быстрых потеплений на планете, что приводит к таянию морского льда, таянию вечной мерзлоты и эрозии берегов [6], между тем юг России уязвим к аномальной жаре, засухам и лесным пожарам.

Во-вторых, с экономической точки зрения существующая зависимость страны от добычи и экспорта ископаемых видов топлива, являющихся в текущем дискурсе одними из основных причин изменения климата, затрудняет переход России к низкоуглеродной экономике и сокращение выбросов парниковых газов, в том числе учеными уже отмечается значительное воздействие потепления на сельскохозяйственный сектор России в рамках борьбы с нехваткой воды и деградацией почв [5].

21 сентября 2019 года Россией было ратифицировано Парижское соглашение. Согласно принципу национально определяемых вкладов Россия установила для себя цель по снижению выбросов парниковых газов до уровня 70–75% относительно показателей 1990 года, в том числе с учетом поглощающей способности лесов.

Динамика выбросов загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников находится в тесной взаимосвязи с развитием промышленного сектора страны, что обуславливает особую актуальность адаптации к изменению климата для промышленных территорий.

В 2019 году промышленное производство продемонстрировало рост на 2,3%, в то время как объем выбросов от стационарных источников — на 1,3%. В 2019 году крупнейшим сектором по объему выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников стала обрабатывающая промышленность. Удельный вес обрабатывающих производств в общем объеме выбросов составил 33,9%, что превышает показатель предыдущего года на 11,9 п.п, а на добычу полезных ископаемых пришлось 28,7% (+0,3 п.п. по сравнению

5 Апанович М., Барабанов О., Кауфманн А., Маслова Е. Изменение климата и продовольственная безопасность: ждёт ли нас продовольственный тоталитаризм. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль 2022 г.

6 Данный тезис был озвучен ученым Института географии РАН, официальным представителем России в МГЭИК и членом ее бюро С.М. Семеновым [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/24/lost_ter/ (дата обращения: 11.07.2023).

с 2018 годом)⁷. Среди секторов экономики страны по количеству выбросов парниковых газов в 2022 году лидировала энергетическая отрасль — 64,6%, доля промышленности составила 14,6%, сельского хозяйства — 11,8%⁸.

Наряду с этим уровень индустриального развития и производства должен соответствовать текущим и перспективным задачам национальной экономической системы, обеспечивающим конкурентоспособность экономики на мировых рынках и промышленный суверенитет страны. Таким образом, есть очевидная необходимость защиты реального производственного сектора РФ от использования «климатической» повестки в качестве инструмента недобросовестной конкуренции на мировых рынках.

В нормативно-правовом поле РФ исследование адаптационных механизмов, их выявление и изучение идет столь же активно, сколько и в рамках научного дискурса. В 2022 году завершилась реализация Национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2019 года №3183-р (НПА). Недавним Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.03.2023 №559-р был утвержден национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года, излагающий конкретные мероприятия, планируемые для реализации в рамках климатической повестки. Так, план включает меры по совершенствованию механизма страхования с учетом рисков стихийных бедствий, созданию и внедрению новых технологических решений, направленных на изучение климата, а также формированию списка лучших российских и международных практик адаптации секторов экономики к изменению климата. Более того, предполагается разработка системы управления климатическими

рисками, включающая перечень существующих и перспективных данных, полученных с помощью космических аппаратов, а также специализированного информационного ресурса, наглядно отражающего возможные сценарии изменения климата в России. В указанном нормативно-правовом акте, помимо всего прочего, предусматривается развитие университетских программ и повышение квалификации в области климатических рисков и адаптации секторов экономики к изменению климата.

Также в Федеральной научно-технической программе в области экологического развития Российской Федерации и изменения климата на 2021–2030 годы в качестве одной из ее целей упоминается изучение климата и механизмов адаптации к изменению климата и их последствиям. Обращаясь к адаптационным механизмам, следует отметить, что программа направлена на разработку высокотехнологичных решений для мониторинга потоков парниковых газов и углеродного цикла, а также для отслеживания воздействия изменения климата на окружающую среду. Эта информация будет использоваться для оценки экономических и социальных последствий изменения климата и, соответственно, определения эффективных мер по адаптации.

Положения, касающиеся разработки адаптационных механизмов, отражены и в «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года»: так, сама стратегия направлена на сокращение выбросов парниковых газов и содействие устойчивому развитию в различных секторах экономики и включает в себя описание адаптационных механизмов, таких как развитие инфраструктуры, устойчивой к изменению климата, а также совершенствование мер по снижению риска бедствий.

Следует отметить, что существует и ряд других нормативно-правовых актов, посвященных климатической повестке: например,

⁷ Аналитический центр при Правительстве РФ. Экология и экономика: тенденция к декарбонизации. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Октябрь, 2020.

⁸ Данные были получены, исходя из статистического сборника «Охрана окружающей среды России» (2022 г.), а также благодаря платформе «Глобальный углеродный атлас», созданной для изучения и визуализации данных о потоках углерода, базирующейся на исследовании антропогенного воздействия и реализующейся в рамках международного исследовательского проекта Global Carbon Project, который в свою очередь был создан для развития согласованной в научном сообществе базы данных углеродных выбросов в 2001 году.

Федеральный закон №296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», направленный на сокращение выбросов парниковых газов и содействие повышению энергоэффективности и развитию возобновляемых источников энергии в различных секторах экономики. Хотя в законе нет прямого упоминания адаптации или адаптационных механизмов, сокращение выбросов парниковых газов может помочь смягчить последствия изменения климата и повысить устойчивость к его последствиям. В этом контексте следует отметить еще один нормативно-правовой акт — Федеральный закон №34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», представляющий собой программу по проверке эффективности различных мер по сокращению выбросов парниковых газов в отдельных регионах страны. В целом следует отметить, что сокращение выбросов парниковых газов может помочь повысить устойчивость к последствиям изменения климата, и в Национальном плане действий по сокращению выбросов парниковых газов, впервые представленном в 2020 году, нет конкретных положений, посвященных адаптации. При этом сам план включает меры по содействию устойчивому развитию и поддержке инноваций, которые в совокупности могут способствовать повышению жизнестойкости и адаптационного потенциала.

Доклады, связанные с климатической повесткой, периодически выпускаются и Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет): например, в третьем оценочном докладе об изменении климата и его последствиях на территории Российской Федерации определяются потенциальные воздействия на природные экосистемы, инфраструктуру и здоровье человека, подчеркивается необходимость принятия адаптационных мер для устранения этих воздействий с точки зрения адаптационных механизмов, отмечаются рекомендации по политике и стратегиям со-

действия адаптации и снижению уязвимости к изменению климата⁹. Информационный бюллетень по изменению климата, также издаваемый Росгидрометом, регулярно содержит обновленную информацию о последних исследованиях, политических разработках и новостях, связанных с изменением климата в России. Хотя сам бюллетень не посвящен конкретно адаптации, он содержит ценную информацию о более широком контексте изменения климата в России, включая наблюдаемые последствия и реализуемые ответные меры политики¹⁰.

В настоящее время в научном сегменте происходит активное обсуждение эффективности предлагаемых правовых механизмов и мер. Е. И. Парфенова утверждает, что меры, изложенные в различных правовых актах, например, в Федеральной научно-технической программе в области экологического развития или же в Национальном плане действий по сокращению выбросов парниковых газов, необходимы для решения проблем изменения климата в России [37]. Этой же точки зрения придерживается и другой ученый Института энергетических исследований РАН С. Н. Бобылев: высоко оценивая усилия российского правительства по борьбе с изменением климата, он указывает, что меры, изложенные в Национальном плане действий по сокращению выбросов парниковых газов, осуществимы и могли бы помочь России сократить выбросы парниковых газов до 70% к 2030 году [21]. Соответственно, политика правительства по продвижению энергоэффективности, возобновляемых источников энергии и низкоуглеродных технологий является важнейшей с точки зрения разработки и внедрения адаптационных механизмов.

Наряду с этим отмечается:

— отсутствие механизмов правоприменения в правовых актах, что может затруднить привлечение компаний и частных лиц к ответственности за несоблюдение изложенных мер;

— обеспокоенность по поводу уровня финансирования, выделяемого на меры

⁹ Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. СПб.: Научное издание, 2022. 124 с.

¹⁰ Пример приведен на основе документа «Изменение климата: информационный бюллетень» (февраль-март 2022 г.).

по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий в правовых актах;

— ограниченное вовлечение заинтересованных сторон в процесс принятия решений.

И. Абрютиной и Е. Жулиной выделяется еще одна проблема — отсутствуют четкие цели и индикаторы для измерения прогресса в сокращении выбросов парниковых газов, что затрудняет привлечение правительства и промышленных предприятий к ответственности за их действия [16]. С точки зрения обсуждения недостатка инвестиций в возобновляемые источники энергии и энергоэффективность для сокращения антропогенных выбросов парниковых газов, И. Башмаковым и А. Мышаком также отмечается, что нынешняя политика правительства не обеспечивает достаточных стимулов для частного сектора инвестировать в эти области [19]. Исследующийся Н. Турдыевой и Е. Петри разрыв между целями российского правительства и фактическим прогрессом в достижении этих целей позволил авторам сделать выводы о том, что эти цели правительства недостаточно амбициозны с точки зрения намеченных в рамках Парижского соглашения целевых показателей, соответственно, фактический прогресс в достижении этих целей является медленным, что обуславливает необходимость в повышении амбициозности климатической политики [38].

В качестве конкретных предложений по усилению действий России в аспекте своей климатической политики зарубежными учеными рассматриваются более радикальные шаги, такие как:

— отказ от ископаемого топлива [34];

— диверсификация энергетического баланса путем инвестирования в возобновляемые источники энергии, повышения энергоэффективности и внедрения механизма ценообразования на выбросы углерода [35].

Отечественными учеными в свою очередь в большей мере акцент делается не на срочной необходимости, а на рекомендательном характере: например, рекомендуется увеличить использование возобновляемых источников энергии, повысить энергоэффективность и принять долгосрочную стратегию перехода к низкоуглеродной экономике [1].

Систематизация подходов к климатической повестке. Предшествующие исследования позволяют предполагать, что развитые и развивающиеся страны по-разному используют концепцию УР в целом и климатическую повестку в частности [3; 8]. Так, например, И.В. Юшков отмечает, что развитые и развивающиеся страны имеют разные приоритеты, когда речь заходит о климатической повестке дня. Так, развитые страны в большей степени сосредоточены на сокращении выбросов парниковых газов, в то время как развивающиеся страны больше озабочены экономическим ростом и сокращением бедности. Эти различные приоритеты могут привести к разногласиям и проблемам в разработке эффективной климатической политики, удовлетворяющей все вовлеченные стороны, что может быть нивелировано международным сотрудничеством и финансовой поддержкой в решении этих проблем [15].

Этим можно объяснить указанный выше радикальный подход в оценке обязательств РФ в отношении действий в контексте климатической повестки со стороны зарубежных исследователей. На практике же «климатическая повестка — это в первую очередь технологическая трансформация и переход на новую технологическую платформу». Сложившееся понимание основных причин изменения климата ведет к трансформации условий ведения бизнеса в мире. Климатическая повестка в контексте декарбонизации экономик фактически новая «космическая гонка», в рамках которой продуцируются технологии, обеспечивающие промышленный суверенитет национальных экономик.

Факт возможного использования климатической повестки в качестве инструмента недобросовестной конкуренции на мировых рынках должен быть принят во внимание в адаптационных механизмах, что заставляет учесть указанный параметр, определив его через понятие «ложного маркетинга», в систематизации подходов к климатическим изменениям (рисунок 1).

Ложный маркетинг предполагает совокупность процессов создания, продвижения и предоставления продукта/услуги или же формального ограничения продвижения продукта/услуги, основанное на недостоверных

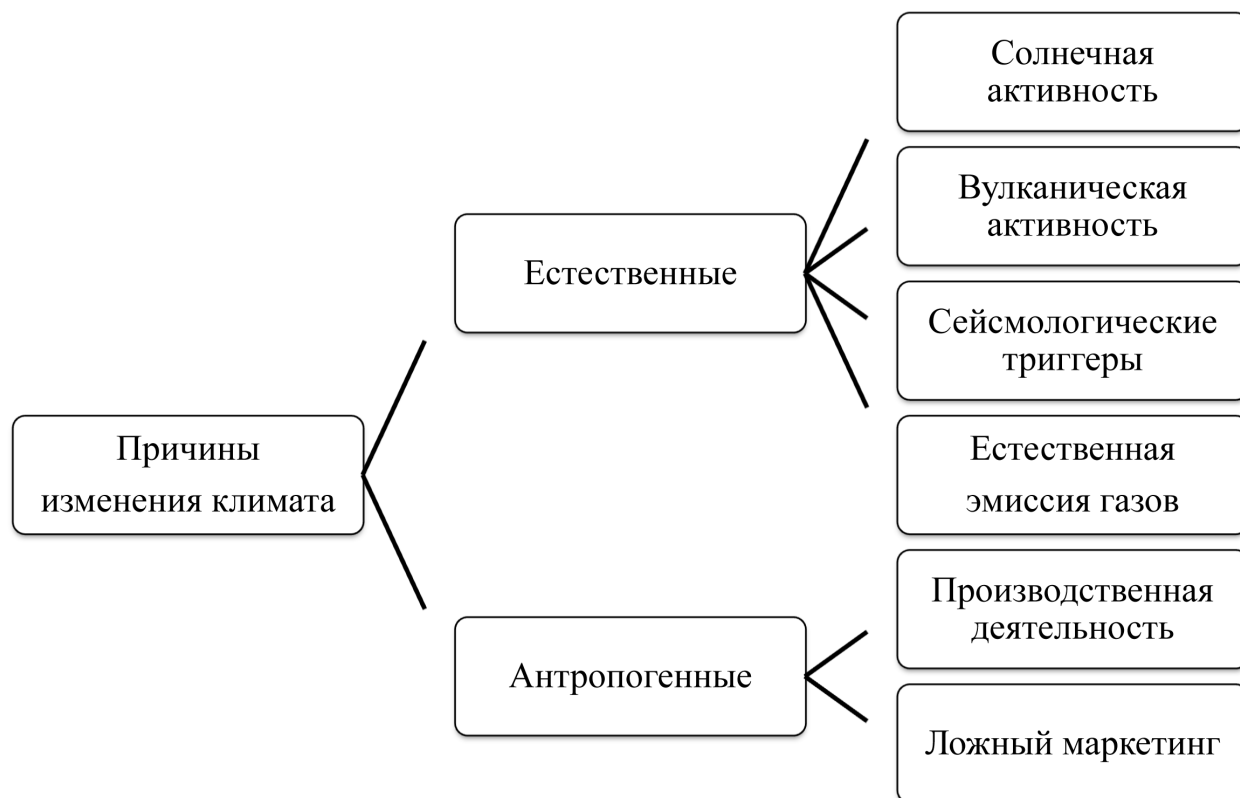

Рис. 1. Причины изменения климата с точки зрения климатической повестки¹¹

Fig. 1. The causes of climate change from the point of view of the climate agenda

данных, заведомо вводящих в заблуждение и не соответствующих действительности¹².

Таким образом, использование климатической повестки для формального ограничения продвижения продукции РФ на мировые рынки под надуманным предлогом несоответствия климатической повестке может рассматриваться как использование указанной повестки в качестве инструмента ложного маркетинга и должно учитываться в систематизации подходов к ней в рамках разработки адекватных адаптационных механизмов.

Заключение. Таким образом, в работе определено следующее: адаптационные механизмы позволяют сохранять устойчивость социально-экономических систем, усиливая их приспособляемость к изменениям окружающей среды, что приобретает особую актуальность в контексте климатической повестки. Исследования изменений климата носят

междисциплинарный характер и включают в себя взаимодействие широкого спектра областей: науку об атмосфере, океанографию, экологию, экономику, политологию и множество других.

В работе проанализированы ограничения внедрения адаптационных механизмов в контексте климатической повестки, к основным из которых отнесены отсутствие механизмов правоприменения в правовых актах, недостаточный уровень финансирования адаптации к изменению климата, ограниченное вовлечение заинтересованных сторон в процесс принятия решений. Кроме того, современные геополитические тенденции заставили взглянуть на климатическую повестку с точки зрения ее воздействия на технологические трансформации национальных экономик и возможностей перехода на новые технологические платформы, что обусловило необходимость добавления в систематизацию

¹¹ Составлено авторами самостоятельно.

¹² Определение авторов.

причин климатической повестки параметра «ложного маркетинга».

Практическая значимость данного исследования заключается в уточнении теоретического обоснования климатической повестки, влияющего на эффективность политики в области изменения климата, и разработке рекомендаций по решению проблемы изменения климата. Результаты исследования могут быть полезны директивным органам, ученым и другим заинтересованным сторонам, исследующим климатическую повестку с точки зрения экономического развития.

Список источников

1. Бердин В. Х. и др. Возобновляемые источники энергии в изолированных населенных пунктах Российской Арктики. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2017. 81 с.
2. Бышев В. Н., Нейман В. Г., Романов Ю. А. Природные факторы глобальной изменчивости современного климата // Известия РАН. Серия географическая. 2009. №1. С. 7–13.
3. Вегнер-Козлова Е. О. Устойчивое развитие в контексте политэкономического подхода // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №5. С. 127–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-127-136>.
4. Дарвин Ч. Происхождение видов / Пер. с 6-го англ. изд. К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, А. П. Павлова и И. А. Петровского; Предисл. акад. В. Л. Комарова. М.-Л.: Наркомздрав СССР, 1937. 762 с.
5. Жилина И. Ю. Влияние изменения климата на глобальную продовольственную безопасность // Экономические и социальные проблемы России. 2023. №1. С. 166–189. DOI: [10.31249/espr/2023.01.09](https://doi.org/10.31249/espr/2023.01.09).
6. Корзун В. А. Глобальное потепление — реальность или политизированный миф? (перспективы создания в России «зеленой экономики»). М.: ИМЭМО РАН, 2009. 191 с.
7. Котляков В. М. Соотношение естественных и антропогенных причин глобальных изменений климата // Земля и Вселенная. 2010. №5. С. 3–14.
8. Лаврикова Ю. Г., Бучинская О. Н., Вегнер-Козлова Е. О. Зеленый энергопереход российской промышленности: барьеры и пути преодоления // AlterEconomics. 2022. Т. 19. №4. С. 638–662. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.5>.
9. Ламарк Ж.-Б. Философия зоологии. Т. 1. М.: Биомедгиз, 1935. 762 с.
10. Морозова З. С. Социальная адаптация как общественное явление и социологическая категория // Социально-гуманитарные знания. 2009. №1. С. 362–368.
11. Покровский О. М. Анализ факторов изменения климата по данным дистанционных и контактных измерений // Исследования Земли из космоса. 2010. №5. С. 11–24.
12. Семенов С. М. Парниковый эффект и его антропогенное усиление // Солнечно-земная физика. 2012. №21. С. 10–17.
13. Спорышев П. В., Мирвис В. М., Катцов В. М., Мелешко В. П., Ранькова Э. Я. Антропогенный вклад в изменение климата. Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Т. I. Изменения климата. М.: Росгидромет, 2008. С. 152–173.
14. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 762 с.
15. Юшков И. В. Формирование климатической повестки как фактора глобальной политики // Власть. 2022. Т. 30. №5. С. 25–30.
16. Abryutina I., Zhulina E. The Climate Policy of the Russian Federation: Current State, Problems and Prospects // Geopolitics and Ecopolitics in the North. Problems and Prospects. 2018. Pp. 71–80. DOI: <https://doi.org/10.19110/geopolitics.ecopolitics.2018.8>.
17. Arrhenius S. On the influence of carbonic acid in the air upon the temperature of the ground // Philosophical Magazine. 1896. Vol. 41. Pp. 237–276.
18. Awuni S., Mameno K., Adarkwah F., Ofori B. D., Chrismiari Purwestri R., Huertas Bernal D.-C., Hajek M. Managing the challenges of climate change mitigation and adaptation strategies in Ghana // Heliyon. 2023. P. e15491. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15491>.
19. Bashmakov I., Myshak A. The Climate and Energy Challenge for Russia: A Roadmap for a Low-Carbon Future // Energy Research & Social Science. 2016. Vol. 20. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.06.013>.

20. Biswas R. R., Rahman A. Adaptation to climate change: A study on regional climate change adaptation policy and practice framework // *Journal of Environmental Management*. 2023. P. 117666. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.117666>.
21. Bobylev S. Russian national action plan for the reduction of greenhouse gas emissions: Feasibility and potential impact // *Energy Policy*. 2020. Vol. 146. P. 111869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111869>.
22. Braunschweiler D., Ingold K. What drives local climate change adaptation? A qualitative comparative analysis // *Environmental Science and Policy*. 2023. Vol. 145. Pp. 40–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.03.013>.
23. Cherp A., Jewell J. Climate policy in Russia: challenges and opportunities // *Environmental Politics*. 2019. Vol. 28(6). Pp. 1071–1090.
24. Coase R. H. *The Firm, the Market, and the Law*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 217 p.
25. Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4(16). Pp. 386–405. DOI: [10.2307/2626876](https://doi.org/10.2307/2626876).
26. Coase R. H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3(1). Pp. 1–44. DOI: [10.1086/466560](https://doi.org/10.1086/466560).
27. Dobzhansky T. *Genetics and the Origin of Species*. New York: Columbia University Press, 1937. 363 p.
28. Fourier J.-B. J. Mémoire sur les températures du globe terrestre et des espaces planétaires // *Mémoires de l'Académie Royale des Sciences*. 1827. Vol. 7. Pp. 569–604.
29. Fujita T., Mameno K., Kubo T., Masago Y., Hijioka Y. Unraveling the challenges of Japanese local climate change adaptation centers: A discussion and analysis // *Climate Risk Management*. 2023. P. 100489. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.crm.2023.100489>.
30. Gameda D. O., Korecha D., Garewew W. Determinants of climate change adaptation strategies and existing barriers in South-western parts of Ethiopia // *Climate Services*. 2023. P. 100376. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100376>.
31. Hayek F. A. *Economics and Knowledge* // *Economica*. 1937. Vol. 4(13). Pp. 33–54. DOI: [10.2307/2548762](https://doi.org/10.2307/2548762).
32. Hayek F. A. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 537 p.
33. Hayek F. A. The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35(4). Pp. 519–530. DOI: [10.2307/1809376](https://doi.org/10.2307/1809376).
34. Korppoo A., Päiväranta S. The need to transform Russia's climate policy [Electronic resource] // Finnish Institute of International Affairs. 2020. URL: <https://www.fiia.fi/publication/the-need-to-transform-russias-climate-policy> (date accessed: 14.07.2023).
35. Lobkovsky L. I., Baranov A. A., Ramazanov M. M., Vladimirova I. S., Gabsatov Y. V., Semiletov I. P., Alekseev D. A. Trigger Mechanisms of Gas Hydrate Decomposition, Methane Emissions, and Glacier Breakups in Polar Regions as a Result of Tectonic Wave Deformation // *Geosciences*. 2022. Vol. 12(10). P. 372. DOI: <https://doi.org/10.3390/geosciences12100372>.
36. Mayr E. *Systematics and the Origin of Species*. New York: Columbia University Press, 1942. 360 p.
37. Parfenova E. Climate policy in Russia: Achievements and challenges // *Environmental Science and Pollution Research*. 2020. Vol. 27(22). Pp. 27556–27567. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11356-020-09010-3>.
38. Tourdyeva N., Petri E. Russia's climate policy: Emissions reduction goals and energy efficiency // *Energy Policy*. 2020. Vol. 139. P. 111326. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111326>.

References

1. Berdin V. H. et al. Vozobnovljaemye istochniki jenergii v izolirovannyh naseledennyh punktah Rossijskoj Arktiki [Renewable energy sources in isolated settlements of the Russian Arctic]. Moscow: Vsemirnyj fond dikoj prirody (WWF), 2017. 81 p. (In Russ.).
2. Byshev V. N., Nejman V. G., Romanov Ju. A. Prirodnye faktory global'noj izmenchivosti sovremennogo klimata [Natural factors of global variability of the modern climate]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja* [News of the Russian Academy of Sciences. The geographical series]. 2009; (1): 7–13. (In Russ.).
3. Vegner-Kozlova E. O. Ustoichivoe razvitiye v kontekste politjekonomicheskogo podhoda [Sustainable development in the context of a political economic approach]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo*

universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2022; 15(5): 127–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-127-136>. (In Russ.).

4. Darvin Ch. Proishozhdenie vidov [The origin of species]. Per. s 6-go angl. izd. K.A. Timirjazeva, M.A. Menzbira, A.P. Pavlova i I.A. Petrovskogo; Predisl. akad. V.L. Komarova. Moscow-Leningrad: Narkomzdrav SSSR, 1937. 762 p. (In Russ.).

5. Zhilina I. Ju. Vlijanie izmenenija klimata na global'nuju prodovol'stvennuju bezopasnost' [The impact of climate change on global food security]. *Jekonomicheskie i social'nye problemy Rossii* [Economic and social problems of Russia]. 2023; (1): 166–189. DOI: 10.31249/espr/2023.01.09. (In Russ.).

6. Korzun V.A. Global'noe poteplenie — real'nost' ili politizirovannyj mif? (perspektivy sozdaniya v Rossii «zelenoj jekonomiki») [Global warming — reality or politicized myth? (prospects for the creation of a «green economy» in Russia)]. Moscow: IMJeMO RAN, 2009. 191 p. (In Russ.).

7. Kotljakov V.M. Sootnoshenie estestvennyh i antropogennyh prichin global'nyh izmenenij klimata [Correlation of natural and anthropogenic causes of global climate change]. *Zemlja i Vselennaja* [Earth and the Universe]. 2010; (5): 3–14. (In Russ.).

8. Lavrikova Ju. G., Buchinskaja O.N., Vagner-Kozlova E.O. Zelenyj jenerGOPerehod rossijskoj promyshlennosti: bar'ery i puti preodolenija [Green energy transition of the Russian industry: barriers and ways to overcome]. *Alter-Economics*. 2022; 19(4): 638–662. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.5>. (In Russ.).

9. Lamarck Zh.-B. Filosofija zoologii [Philosophy of zoology]. Vol. 1. Moscow: Biomedgiz, 1935. 762 p. (In Russ.).

10. Morozova Z.S. Social'naja adaptacija kak obshhestvennoe javlenie i sociologicheskaja kategorija [Social adaptation as a social phenomenon and a sociological category]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2009; (1): 362–368. (In Russ.).

11. Pokrovskij O.M. Analiz faktorov izmenenija klimata po dannym distancionnyh i kontaktnyh izmerenij [Analysis of climate change fac-

tors based on remote and contact measurements]. *Issledovanija Zemli iz kosmosa* [Earth Exploration from space]. 2010; (5): 11–24. (In Russ.).

12. Semenov S.M. Parnikovyj jeffekt i ego antropogennoe usilenie [Greenhouse effect and its anthropogenic amplification]. *Solnechno-zemnaja fizika* [Solar-terrestrial physics]. 2012; (21): 10–17. (In Russ.).

13. Sporyshev P.V., Mirvis V.M., Katcov V.M., Meleshko V.P., Ran'kova Je.Ja. Antropogennyj vklad v izmenenie klimata. Ochnyj doklad ob izmenenijah klimata i ih posledstvijah na territorii Rossijskoj Federacii. T.I. Izmenenija klimata [Anthropogenic contribution to climate change. Assessment report on climate change and its consequences on the territory of the Russian Federation. Vol. I. Climate change]. Moscow: Rosgidromet, 2008. Pp. 152–173. (In Russ.).

14. Shumpeter J.A. Teorija jekonomicheskogo razvitija. Kapitalizm, socializm i demokratija [Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Jeksmo, 2008. 762 p. (In Russ.).

15. Jushkov I.V. Formirovanie klimaticheskoy povestki kak faktora global'noj politiki [Formation of the climate agenda as a factor of global politics]. *Vlast'* [Power]. 2022; 30(5): 25–30. (In Russ.).

16. Abryutina I., Zhulina E. The Climate Policy of the Russian Federation: Current State, Problems and Prospects. *Geopolitics and Ecopolitics in the North. Problems and Prospects*. 2018; 71–80. DOI: <https://doi.org/10.19110/geopolitics.ecopolitics.2018.8>.

17. Arrhenius S. On the influence of carbonic acid in the air upon the temperature of the ground. *Philosophical Magazine*. 1896; (41): 237–276.

18. Awuni S., Mameno K., Adarkwah F., Ofori B.D., Chrismiari Purwestri R., Huertas Bernal D.-C., Hajek M. Managing the challenges of climate change mitigation and adaptation strategies in Ghana. *Heliyon*. 2023; e15491. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15491>.

19. Bashmakov I., Myshak A. The Climate and Energy Challenge for Russia: A Roadmap for a Low-Carbon Future. *Energy Research & Social Science*. 2016; (20): 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2016.06.013>.

20. Biswas R.R., Rahman A. Adaptation to climate change: A study on regional climate change adaptation policy and practice frame-

work. *Journal of Environmental Management*. 2023; 117666. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.117666>.

21. Bobylev S. Russian national action plan for the reduction of greenhouse gas emissions: Feasibility and potential impact. *Energy Policy*. 2020; (146): 111869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111869>.

22. Braunschweiger D., Ingold K. What drives local climate change adaptation? A qualitative comparative analysis. *Environmental Science and Policy*. 2023; (145): 40–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2023.03.013>.

23. Cherp A., Jewell J. Climate policy in Russia: challenges and opportunities. *Environmental Politics*. 2019; 28(6): 1071–1090.

24. Coase R.H. The Firm, the Market, and the Law. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 217 p.

25. Coase R.H. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937; 4(16): 386–405. DOI: 10.2307/2626876.

26. Coase R.H. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 1960; 3(1): 1–44. DOI: 10.1086/466560.

27. Dobzhansky T. Genetics and the Origin of Species. New York: Columbia University Press, 1937. 363 p.

28. Fourier J.-B. J. Mémoire sur les températures du globe terrestre et des espaces planétaires. *Memoires de l'Académie Royale des Sciences*. 1827; (7): 569–604.

29. Fujita T., Mameno K., Kubo T., Masago Y., Hijioka Y. Unraveling the challenges of Japanese local climate change adaptation centers: A discussion and analysis. *Climate Risk Management*. 2023; 100489. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.crm.2023.100489>.

30. Gemedo D.O., Korecha D., Garedew W. Determinants of climate change adap-

tation strategies and existing barriers in Southwestern parts of Ethiopia. *Climate Services*. 2023; 100376. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cliser.2023.100376>.

31. Hayek F.A. Economics and Knowledge. *Economica*. 1937; 4(13): 33–54. DOI: 10.2307/2548762.

32. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 537 p.

33. Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society. *American Economic Review*. 1945; 35(4): 519–530. DOI: 10.2307/1809376.

34. Korppoo A., Päiväranta S. The need to transform Russia's climate policy [Electronic resource]. Finnish Institute of International Affairs. 2020. URL: <https://www.fia.fi/publication/the-need-to-transform-russias-climate-policy> (date accessed: 14.07.2023).

35. Lobkovsky L.I., Baranov A.A., Ramazanov M.M., Vladimirova I.S., Gabsatarov Y.V., Semiletov I.P., Alekseev D.A. Trigger Mechanisms of Gas Hydrate Decomposition, Methane Emissions, and Glacier Breakups in Polar Regions as a Result of Tectonic Wave Deformation. *Geosciences*. 2022; 12(10): 372. DOI: <https://doi.org/10.3390/geosciences12100372>.

36. Mayr E. Systematics and the Origin of Species. New York: Columbia University Press, 1942. 360 p.

37. Parfenova E. Climate policy in Russia: Achievements and challenges. *Environmental Science and Pollution Research*. 2020; 27 (22): 27556–27567. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11356-020-09010-3>.

38. Tourdyeva N., Petri E. Russia's climate policy: Emissions reduction goals and energy efficiency. *Energy Policy*. 2020; (139): 111326. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111326>.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 02.11.2023; approved after reviewing on 22.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колотовкина Полина Дмитриевна — ведущий экономист, аспирант Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Polina D. Kolotovkina — Leading Economist, Post-graduate Student, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, Russia

Вегнер-Козлова Екатерина Олеговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Ekaterina O. Wegner-Kozlova — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, Russia

Вклад авторов:

Колотовкина П.Д. — написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Вегнер-Козлова Е.О. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kolotovkina P.D. — the source text; revision of the text; final conclusions.

Wegner-Kozlova E.O. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 338

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-140-152

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ПОДДЕРЖКУ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Татьяна Николаевна Литвинова^{1✉}, Ольга Михайловна Земскова²,
Кирилл Юрьевич Тихомиров³

^{1, 2}Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹litvinova1358@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0003-3101-2621

²omzemskova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2849-2364

³Moscowkirill@gmail.com, ORCID: 0009-0009-3481-1390

Аннотация. Целью исследования является очерчивание круга наиболее перспективных областей цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России.

Методологическую базу исследования составляет метод регрессионного анализа. С его помощью на основе статистики Росстата по регионам России в 2021 г. определены последствия цифровизации сельского хозяйства в различных областях.

Результаты исследования. Определена российская модель цифровизации сельского хозяйства, раскрывшая наиболее перспективные области цифровизации сельского хозяйства в России: финансовые расчеты в электронном виде, предоставление доступа к базам данных через Интернет, CRM-системы, SCM-системы и электронный документооборот.

Перспективы исследования связаны с конкретизацией с позиций продовольственной безопасности и количественного измерения экономической отдачи от каждой из областей цифровизации сельского хозяйства в России. Эмпирическая ценность раскрытой перспективы совершенствования практики цифровизации сельского хозяйства объясняется тем, что ориентация на нее государственных регуляторов аграрной экономики обеспечит максимальное раскрытие потенциала укрепления продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг. На основе комплекса предложенных авторских рекомендаций по совершенствованию практики цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг. сельскохозяйственные организации смогут повысить эффективность цифровизации. Предложенные рекомендации предоставили сельскохозяйственным организациям России четкое руководство к действию по цифровизации с фокусом на наиболее перспективных (с позиций экономической отдачи) областях.

Ключевые слова: цифровизация, сельское хозяйство, сельскохозяйственные организации, продовольственная безопасность, аграрная экономика, Россия

Для цитирования: Литвинова Т.Н., Земскова О.М., Тихомиров К.Ю. Цифровизация сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 140–152. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-140-152>.

Original article

DIGITALIZATION OF AGRICULTURE IN SUPPORT OF RUSSIA'S FOOD SECURITY

Tatiana N. Litvinova¹, Olga M. Zemskova², Kirill Yu. Tikhomirov³

^{1,2}Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

³Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

¹litvinova1358@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-3101-2621

²omzemskova@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3101-2621

³Moscowkirill@gmail.com, ORCID: 0009-0009-3481-1390

Abstract. *The purpose of the study is to outline the range of the most promising areas of digitalization of agriculture in support of food security in Russia.*

The methodological basis of the study is the regression analysis method. With its help, based on Rosstat statistics for the regions of Russia in 2021, the consequences of digitalization of agriculture in various fields are determined.

The results of the study. The Russian model of digitalization of agriculture has been defined, which revealed the most promising areas of digitalization of agriculture in Russia: financial calculations in electronic form, providing access to databases via the Internet, CRM systems, SCM systems and electronic document management.

The prospects of the study are related to concretization from the standpoint of food security and quantitative measurement of the economic impact from each of the areas of digitalization of agriculture in Russia. The empirical value of the disclosed prospect of improving the practice of digitalization of agriculture is explained by the fact that the orientation of state regulators of the agricultural economy to it will ensure the maximum disclosure of the potential for strengthening Russia's food security over the time horizon of 2030–2031. Based on the set of proposed author's recommendations for improving the practice of digitalization of agriculture in support of food security in Russia over the time horizon of 2030–2031, agricultural organizations will be able to increase the effectiveness of digitalization. The proposed recommendations provided agricultural organizations in Russia with a clear guide to action on digitalization with a focus on the most promising (from the standpoint of economic returns) areas.

Keywords: *digitalization, agriculture, agricultural organizations, food security, agricultural economy, Russia*

For citation: *Litvinova T. N., Zemskova O. M., Tikhomirov K. Yu. Digitalization of agriculture in support of Russia's food security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 140–152. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-140-152>.*

Введение. Продовольственная безопасность входит в круг стратегических приоритетов России в текущей вехе развития отечественной экономики. Временной горизонт

этой вехи (2030–2031 гг.) очерчен как текущим Десятилетием науки и технологий¹, так и действующей Доктриной продовольственной безопасности². На указанном временном

1 Указ от 25 апреля 2022 г. №231 «Объявить 2022–2031 годы в Российской Федерации Десятилетием науки и технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 30.11.2023).

2 Доктрина продовольственной безопасности РФ, утвержденная указом Президента РФ от 21 января 2020 г. №20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document108/> (дата обращения: 30.11.2023).

горизонте технологический уклад аграрной экономики России, очевидно, продолжит претерпевать интенсивные изменения, как это происходит в последние годы.

Успешное построение цифровой экономики в России обеспечило ускорение темпа экономического роста и укрепление экономической безопасности — преимущества внедрения передовых технологий явно выражены во всех отраслях отечественной хозяйственной системы. И в каждой из этих отраслей экономическая отдача от применения разных цифровых технологий существенно различается среди этих технологий. Проблема заключается в неопределенности последствий приложения доступных цифровых технологий в сельском хозяйстве.

Актуальность решения поставленной научно-практической проблемы объясняется тем, что из-за нее потенциал роста уровня продовольственной безопасности России раскрывается не полностью [10]. При успешном внедрении цифровых технологий улучшается положение сельскохозяйственных организаций на целевом рынке, а также наращивается технологический суверенитет отечественной аграрной экономики. В противном случае, если применение цифровых технологий оказывается неоправданным, инвестировавшие в их внедрение сельскохозяйственные организации терпят убытки, что может вызывать дефицит сельскохозяйственной продукции на рынках аграрной экономики, повышающий риски роста цен на данную продукцию и снижение ее качества.

В связи с этим важно обеспечить научно-методическую поддержку целенаправленной и высокоэффективной цифровизации сельского хозяйства, сфокусированной на областях с наибольшей экономической отдачей. Это определило постановку цели этой статьи, которая состоит в том, чтобы очертить круг наиболее перспективных областей цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России.

Обзор литературы. Концепция цифрового сельского хозяйства, составляющая теоретическую основу исследования в этой ста-

тье, широко представлена в опубликованной научной литературе [2; 5; 7]. В ней выделены следующие потенциальные области цифровизации сельского хозяйства:

- автоматизация производства [8];
- финансовые расчеты в электронном виде [4];
- предоставление доступа к базам данных через интернет [9];
- CRM-системы [3];
- ERP-системы [1];
- SCM-системы [11];
- электронный документооборот [6].

Данные области определены в имеющейся литературе по аналогии с другими отраслями экономики. Критический анализ существующей литературы показал, что в ней области цифровизации изучены поверхностно. Большинство опубликованных работ ограничиваются перечислением потенциальных областей цифровизации сельского хозяйства, в то время как конкретные результаты внедрения передовых технологий по данным областям не приводятся и остаются неясными.

Эта статья стремится преодолеть указанный недостаток существующей литературы посредством раскрытия причинно-следственных связей технологической модернизации сельского хозяйства в каждой из выделенных потенциальных областей его цифровизации.

Материалы и методы. Для получения наиболее полных и достоверных результатов это исследование проводится с опорой на экономико-математический аппарат. В качестве статистической базы исследования выступили материалы новейшей статистики Росстата, которая подсчитана на 2021 г. по 95 территориальным единицам Российской Федерации — все они вошли в выборку этой статьи³. В качестве показателей продовольственной безопасности изучаются следующие:

- рентабельность проданной продукции в растениеводстве (ПРОД₁);
- рентабельность проданной продукции в животноводстве (ПРОД₂);
- индекс производства продукции сельского хозяйства (ПРОД₃).

3 Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 30.11.2023).

В качестве факторов (областей цифровизации), влияющих на продовольственную безопасность, изучаются следующие:

— доля организаций, автоматизирующих производство (ЦСХ₁);

— доля организаций, осуществляющих финансовые расчеты в электронном виде (ЦСХ₂);

— доля организаций, предоставляющих доступ к базам данных через Интернет (ЦСХ₃);

— доля организаций, использующих CRM-системы (ЦСХ₄);

— доля организаций, использующих ERP-системы (ЦСХ₅);

— доля организаций, использующих SCM-системы (ЦСХ₆);

— доля организаций, осуществляющих электронный документооборот (ЦСХ₇).

Исследовательская модель составляется с помощью метода регрессионного анализа и имеет следующий вид:

$$\text{ПРОДБ} = a + \sum (b \times \text{ЦСХ}) \quad (1)$$

О позитивном влиянии цифровизации в каждой из ее областей свидетельствует положительное значение коэффициента регрессии b . Отбираются те области цифровизации (ЦСХ), в которых наблюдается положительное значение b хотя бы для одной результирующей переменной (ПРОД). Методом подстановки альтернативных значений в модель (1) определяется перспектива и составляются рекомендации по совершенствованию практики цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг.

Результаты. Для определения экономических последствий технологической модернизации сельского хозяйства проведен регрессионный анализ зависимости проявлений продовольственной безопасности от цифровизации в различных областях сельского хозяйства в разрезе регионов России в 2021 г. Полученные результаты отражены в таблицах 1–3⁴.

Результаты из таблицы 1 свидетельствуют о том, что изменение рентабельнос-

ти проданной продукции в растениеводстве среди регионов России в 2021 г. на 39,35% определяется различиями в масштабе цифровизации по ее рассматриваемым областям. Выявленные регрессионные зависимости отражает следующее уравнение:

$$\begin{aligned} \text{ПРОДБ}_1 = & -15,72 - 1,82 \times \text{ЦСХ}_1 - \\ & - 3,90 \times \text{ЦСХ}_2 + 0,84 \times \text{ЦСХ}_3 + \\ & + 7,65 \times \text{ЦСХ}_4 - 2,58 \times \text{ЦСХ}_5 - \\ & - 3,38 \times \text{ЦСХ}_6 + 2,75 \times \text{ЦСХ}_7 \end{aligned} \quad (2)$$

Согласно уравнению (2), при увеличении доли организаций, предоставляющих доступ к базам данных через Интернет, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 0,84%. При увеличении доли организаций, использующих CRM-системы, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 7,65%.

При увеличении доли организаций, осуществляющих электронный документооборот, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 2,75%. Уравнение (2) соответствует уровню значимости 0,05, что указывает на его надежность и на статистическую значимость установленных регрессионных зависимостей.

Результаты из таблицы 2 свидетельствуют о том, что изменение рентабельности проданной продукции в растениеводстве среди регионов России в 2021 г. на 39,35% определяется различиями в масштабе цифровизации по ее рассматриваемым областям. Выявленные регрессионные зависимости отражает следующее уравнение:

$$\begin{aligned} \text{ПРОДБ}_1 = & -31,99 - 0,94 \times \text{ЦСХ}_1 - \\ & - 1,57 \times \text{ЦСХ}_2 + 0,84 \times \text{ЦСХ}_3 + \\ & + 4,73 \times \text{ЦСХ}_4 - 2,19 \times \text{ЦСХ}_5 + \\ & + 2,39 \times \text{ЦСХ}_6 - 1,29 \times \text{ЦСХ}_7 \end{aligned} \quad (3)$$

Согласно уравнению (3), при увеличении доли организаций, предоставляющих доступ к базам данных через Интернет, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 0,85%. При увеличении доли организаций, использую-

4 Источник: рассчитано и составлено авторами.

Таблица 1
 Table 1
 Регрессионный анализ зависимости рентабельности в растениеводстве от цифровизации по ее областям в России в 2021 г.
 Regression analysis of the dependence of profitability in crop production on digitalization by its areas in Russia in 2021

Регрессионная статистика									
Множественный R		0,394							
R-квадрат		0,155							
Нормированный R-квадрат		0,087							
Стандартная ошибка		31,576							
Наблюдения		95							
Дисперсионный анализ									
	df	SS	MS	F	Значимость F				
Регрессия	7	15887,888	2269,698	2,277	0,035				
Остаток	87	86740,524	997,018						
Итого	94	102628,412							
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%			
У-пересечение	-15,7197	41,971	-0,3745	0,709	-99,1413	67,702			
ЦСХ ₁	-1,8192	2,885	-0,6306	0,53	-7,5536	3,915			
ЦСХ ₂	-3,8980	1,323	-2,9474	0,004	-6,5267	-1,2693			
ЦСХ ₃	0,842	2,075	0,406	0,686	-3,2822	4,967			
ЦСХ ₄	7,655	3,745	2,044	0,044	0,211	15,098			
ЦСХ ₅	-2,5776	2,583	-0,9981	0,321	-7,7106	2,555			
ЦСХ ₆	-3,3812	4,873	-0,6939	0,490	-13,0665	6,304			
ЦСХ ₇	2,746	1,242	2,210	0,030	0,276	5,215			

Таблица 2
Table 2
Регрессионный анализ зависимости рентабельности в животноводстве от цифровизации по ее областям в России в 2021 г.
Regression analysis of the dependence of profitability in animal husbandry on digitalization by its areas in Russia in 2021

Регрессионная статистика						
Множественный R	0,372					
R-квадрат	0,139					
Нормированный R-квадрат	0,069					
Стандартная ошибка	17,232					
Наблюдения	95					
Дисперсионный анализ						
	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	7	4155,560	593,652	1,999	0,064	
Остаток	87	25832,359	296,924			
Итого	94	29987,919				
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	-31,9911	22,904	-1,3967	0,166	-77,5161	13,534
ЦСХ ₁	-0,9417	1,574	-0,5981	0,551	-4,0711	2,188
ЦСХ ₂	-1,5726	0,722	-2,1789	0,032	-3,0071	-0,1380
ЦСХ ₃	0,848	1,132	0,749	0,456	-1,4028	3,099
ЦСХ ₄	4,731	2,044	2,315	0,023	0,669	8,793
ЦСХ ₅	-2,1924	1,409	-1,5557	0,123	-4,9936	0,609
ЦСХ ₆	-2,3883	2,659	-0,8981	0,372	-7,6738	2,897
ЦСХ ₇	1,286	0,678	1,897	0,061	-0,0618	2,634

Таблица 3
 Table 3

Регрессионный анализ зависимости индекса производства сельскохозяйственной продукции от цифровизации по ее областям
 в России в 2021 г.

Regression analysis of the dependence of the agricultural production index on digitalization by its regions in Russia in 2021

Регрессионная статистика									
Множественный R		0,408							
R-квадрат		0,167							
Нормированный R-квадрат		0,100							
Стандартная ошибка		8,934							
Наблюдения		95							
Дисперсионный анализ									
	df	SS	MS	F	Значимость F				
Регрессия	7	1389,349	198,478	2,487	0,022				
Остаток	87	6944,584	79,823						
Итого	94	8333,933							
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%			
У-пересечение	117,055	11,876	9,857	0	93,451	140,659			
ЦХ ₁	-2,2824	0,816	-2,7959	0,006	-3,9050	-0,6599			
ЦХ ₂	0,872	0,374	2,331	0,022	0,129	1,616			
ЦХ ₃	-0,3335	0,587	-0,5680	0,572	-1,5005	0,834			
ЦХ ₄	-0,1220	1,060	-0,1151	0,909	-2,2281	1,984			
ЦХ ₅	-0,2590	0,731	-0,3545	0,724	-1,7114	1,193			
ЦХ ₆	1,885	1,379	1,367	0,175	-0,8557	4,625			
ЦХ ₇	-0,6161	0,352	-1,7525	0,083	-1,3148	0,083			

щих CRM-системы, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 4,73 %.

При увеличении доли организаций, осуществляющих электронный документооборот, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 1,29 %. Уравнение (3) соответствует уровню значимости 0,10, что указывает на его надежность и на статистическую значимость установленных регрессионных зависимостей.

Результаты из таблицы 3 свидетельствуют о том, что изменение рентабельности проданной продукции в растениеводстве среди регионов России в 2021 г. на 39,35 % определяется различиями в масштабе цифровизации по ее рассматриваемым областям. Выявленные регрессионные зависимости отражает следующее уравнение:

$$\begin{aligned} \text{ПРОДБ}_1 = & 117,05 - 2,28 \times \text{ЦСХ}_1 + \\ & + 0,87 \times \text{ЦСХ}_2 - 0,33 \times \text{ЦСХ}_3 - \\ & - 0,12 \times \text{ЦСХ}_4 - 0,26 \times \text{ЦСХ}_5 + \\ & + 1,88 \times \text{ЦСХ}_6 - 0,62 \times \text{ЦСХ}_7 \end{aligned} \quad (4)$$

Согласно уравнению (4), при увеличении доли организаций, осуществляющих финансовые расчеты в электронном виде, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 0,87 %. При увеличении доли организаций, использующих SCM-системы, на 1 % рентабельность проданной продукции в растениеводстве в России возрастает на 1,88 %. Уравнение (4) соответствует уровню значимости 0,05, что указывает на его надежность и на статистическую значимость установленных регрессионных зависимостей.

На основании результатов регрессионного анализа отобраны области цифровизации, в которых наблюдается положительное значение b хотя бы для одной результирующей переменной. Этими областями оказались: финансовые расчеты в электронном виде (ЦСХ_2), предоставление доступа к базам данных через интернет (ЦСХ_3), CRM-системы (ЦСХ_4), SCM-системы (ЦСХ_6) и электронный документооборот (ЦСХ_7).

Методом подстановки альтернативных значений в уравнения (2)–(4) определена перспектива совершенствования практики

цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг. Эта перспектива показана на рисунке 1.

Как показано на рисунке 1, совершенствования практики цифровизации сельского хозяйства обеспечит следующие преимущества для продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг.:

— увеличение рентабельности проданной продукции в растениеводстве на 40,54 %: с 22,22 % в 2021 г. до 31,23 %;

— повышение рентабельности проданной продукции в животноводстве на 595,51 %: с 3,67 % в 2021 г. до 25,56 %;

— рост индекса производства продукции сельского хозяйства на 8,77 %: с 100,01 % в 2021 г. до 108,78 %.

Для реализации обозначенной перспективы предлагаются следующие рекомендации по совершенствованию практики цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг.:

— увеличение доли организаций, осуществляющих финансовые расчеты в электронном виде, на 70 %: с 42,23 % в 2021 г. до 71,79 %;

— повышение доли организаций, предоставляющих доступ к базам данных через Интернет, на 50 %: с 22,19 % в 2021 г. до 33,29 %;

— рост доли организаций, использующих CRM-системы, на 50 %: с 12,30 % в 2021 г. до 18,45 %;

— наращивание доли организаций, использующих SCM-системы, на 50 %: с 4,70 % в 2021 г. до 7,05 %;

— прирост доли организаций, осуществляющих электронный документооборот, на 50 %: с 55,17 % в 2021 г. до 82,76 %.

Обсуждение. Полученные в статье результаты развивают концепцию цифрового сельского хозяйства, раскрывая причинно-следственные связи технологической модернизации сельского хозяйства в каждой из потенциальных областей его цифровизации. Ожидаемые (из существующей литературы) и фактические преимущества областей цифровизации для сельского хозяйства сравнены между собой в таблице 4.

Как показано в таблице 4, полученные в этой статье результаты показали, что в отличие от [8] преимущества автоматизации производства в сельском хозяйстве фактически не извлекаются в России в 2021 г. В отличие от [4] преимущества финансовых расчетов в электронном виде для рентабельности сельского хозяйства не извлекаются, а достигаются только для роста индекса производства продукции сельского хозяйства.

В отличие от [9] преимущества предоставления доступа к базам данных через Интернет для роста индекса производства продукции сельского хозяйства не извлекаются, а достигаются только для рентабельности сельского хозяйства. В отличие от [3] преимущества CRM-систем роста индекса производства продукции сельского хозяйства не извлекаются, а достигают-

ся только для рентабельности сельского хозяйства.

В отличие от [1] преимущества ERP-систем для рентабельности сельского хозяйства не извлекаются, а достигаются только для роста индекса производства продукции сельского хозяйства. В отличие от [11] преимущества SCM-систем для рентабельности сельского хозяйства не извлекаются, а достигаются только для роста индекса производства продукции сельского хозяйства.

В отличие от [6] преимущества электронного документооборота роста индекса производства продукции сельского хозяйства не извлекаются, а достигаются только для рентабельности сельского хозяйства. Благодаря этому статья продолжает научную дискуссию по вопросам цифровизации сельского хозяйства, ведущуюся, в частности, в трудах [2; 5; 7].

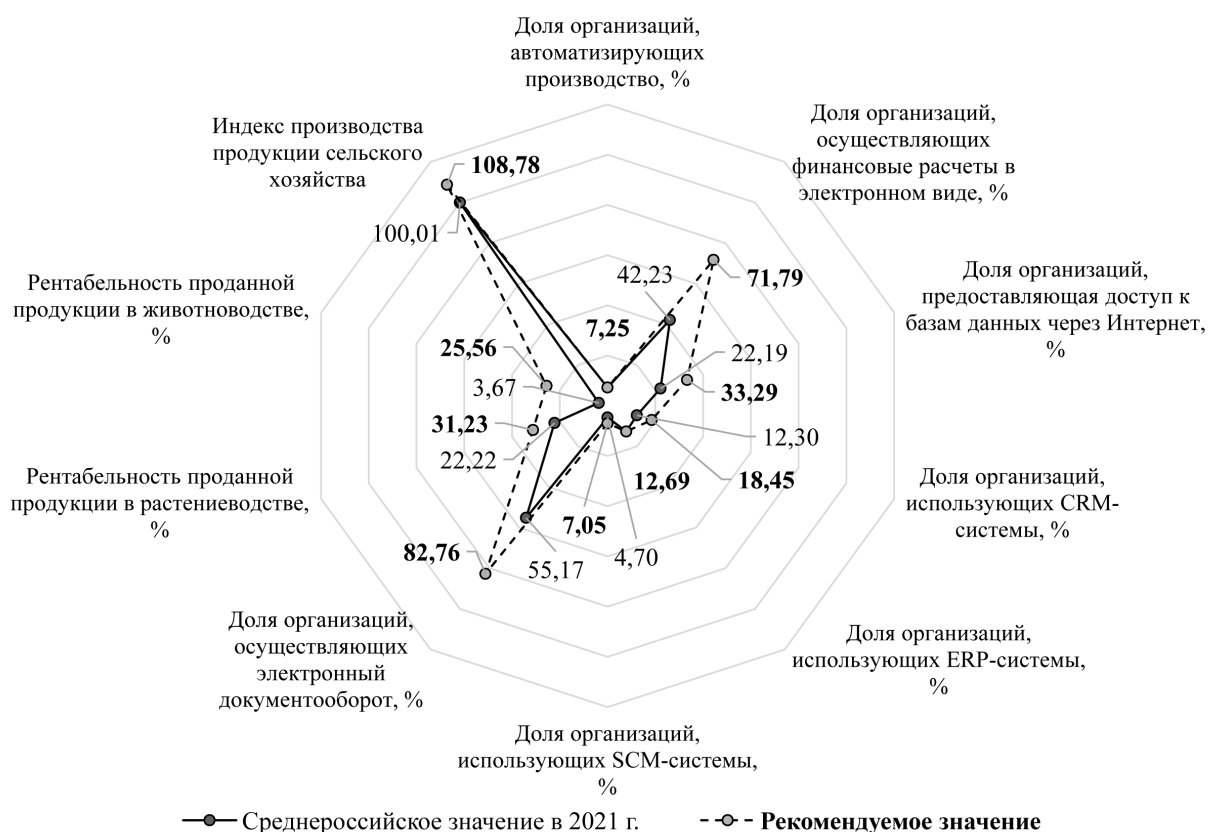

Рис. 1. Перспектива совершенствования практики цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России до 2031 г.⁵

Fig. 1. The prospect of improving the practice of digitalization of agriculture in support of food security in Russia until 2031

⁵ Источник: рассчитано и составлено авторами.

Таблица 4
 Table 4

**Ожидаемые и фактические преимущества областей цифровизации
 для сельского хозяйства⁶
 Expected and actual benefits of digitalization areas for agriculture**

Области цифровизации	Отражение ожидаемых преимуществ областей цифровизации для сельского хозяйства	Фактические преимущества данных областей (коэффициент регрессии b) для:		
		Повышения рентабельности проданной продукции в растениеводстве	Увеличение рентабельности проданной продукции в животноводстве	Роста индекса производства продукции сельского хозяйства
Автоматизация производства	[8]	не извлекаются		
Финансовые расчеты в электронном виде	[4]	не извлекаются		$b = 0,8724$
Предоставление доступа к базам данных через Интернет	[9]	$b = 0,8422$	$b = 0,8480$	не извлекаются
CRM-системы	[3]	$b = 7,6548$	$b = 4,7308$	
ERP-системы	[1]	не извлекаются		
SCM-системы	[11]	не извлекаются		$b = 1,8847$
Электронный документооборот	[6]	$b = 2,7459$	$b = 1,2589$	не извлекаются

Заключение. Таким образом, с опорой на экономико-математический аппарат современный опыт цифровизации сельского хозяйства в регионах России позволил составить отечественную модель данного процесса. Составленная модель выявила наиболее перспективные области цифровизации сельского хозяйства в России: финансовые расчеты в электронном виде, предоставление доступа к базам данных через Интернет, CRM-системы, SCM-системы и электронный документооборот.

Теоретическая значимость полученных результатов и основанных на них авторских выводов состоит в том, что они конкретизировали с позиций продовольственной безопасности и количественно измерили экономическую отдачу от каждой из областей цифровизации сельского хозяйства в России. Практическая значимость авторских разрабо-

ток, содержащихся в статье, состоит в том, что раскрытая перспектива совершенствования практики цифровизации сельского хозяйства позволит наиболее полно раскрыть потенциал укрепления продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг.

Управленческая значимость составленных рекомендаций по совершенствованию практики цифровизации сельского хозяйства в поддержку продовольственной безопасности России на временном горизонте 2030–2031 гг. обусловлена тем, что данные рекомендации предоставили сельскохозяйственным организациям четкое руководство к действию по цифровизации. Опора на авторские рекомендации позволит российским сельскохозяйственным организациям повысить эффективность цифровизации благодаря фокусу на наиболее перспективных (с позиций экономической отдачи) областях цифровизации.

⁶ Источник: рассчитано и составлено авторами.

Список источников

1. Арланова А. А., Гараева М. Цифровое сельское хозяйство и агробизнес // Вестник науки. 2023. Т. 1. №5(62). С. 420–424.

2. Долматова Л. Г. Экономические основы территориальной организации сельскохозяйственных предприятий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №4. С. 95–102.

3. Землякова С. Н., Комиссарова М. А., Шамота Е. С. Совершенствование механизма информационно-аналитического обеспечения цифровизации предприятий агропромышленного комплекса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №4. С. 103–117.

4. Кодирова А. Цифровая трансформация экономической отрасли на примере сельского хозяйства // Общество и экономика. 2023. №8. С. 105–111.

5. Литвинова Т. Н., Земскова О. М., Попкова Е. Г., Боговиз А. В. Технологический суверенитет и инновационная активность сельскохозяйственных предприятий как основа продовольственной безопасности России // АПК: экономика, управление. 2022. №12. С. 19–24.

6. Султанова С. М. Цифровизация учёта в управлении транспортным предприятием // Экономика и социум. 2023. №4-2(107). С. 719–722.

7. Litvinova T. N. Food Security Challenges to Agriculture and a Promising Response to Them in AgroTech // AgroTech: AI, Big Data, IoT / Edited by E. G. Popkova, A. A. Sozinova. Springer Singapore. 2022. Pp. 189–195. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_19.

8. Popkova E. G., Sergi B. S. Agriculture 4.0: Perspectives on Food Security in the Agricultural Economy of the Future. Food Security in the Economy of the Future: Transition from Digital Agriculture to Agriculture 4.0 Based on Deep Learning // Edited by E. G. Popkova, B. S. Sergi. Palgrave Macmillan Cham. 2023. Pp. 147–148. DOI: 10.1007/978-3-031-23511-5_16.

9. Samieva K. T., Saenko I. I., Menshchikova V. I., Smetanin A. S. ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green

Economy in Russia and Central Asia // ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. In the series: Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes/ Edited by E. G. Popkova, B. S. Sergi. Springer, Cham. 2023. Pp. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1.

10. Vodenko K. V., Lyausheva S. A. Science and education in the form 4.0: public policy and organization based on human and artificial intellectual capital // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21. №4. Pp. 549–564. DOI: 10.1108/JIC-11-2019-0274.

11. Vanchukhina, L. I., Andronova, I. V., Syshev, O. E., Smetanina, A. I. The Mechanism of Innovative Development of Agribusiness Based on AI, Big Data, and IoT for Transitioning to Expanded Reproduction in AgroTech // AgroTech: AI, Big Data, IoT / Edited by E. G. Popkova, A. A. Sozinova. Springer Singapore. 2022. Pp. 241–247. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_25.

References

1. Arlanova A. A., Garaeva M. Cifrovoe sel'skoe hozjajstvo i agrobiznes [Digital agriculture and agribusiness]. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2023; 5(62): 420–424. (In Russ.).

2. Dolmatova L. G. Jekonomicheskie osnovy territorial'noj organizacii sel'skohozejstvennyh predpriyatij [Economic foundations of the territorial organization of agricultural enterprises]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(4): 95–102. (In Russ.).

3. Zemljakova S. N., Komissarova M. A., Shamota E. S. Sovershenstvovanie mehanizma informacionno-analiticheskogo obespechenija cifrovizacii predpriyatij agropromyshlennogo kompleksa [Improving the mechanism of information and analytical support for digitalization of agro-industrial enterprises]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences]*. 2023; 16(4): 103–117. (In Russ.).

4. Kodirova A. Cifrovaja transformacija jekonomicheskoj otrasli na primere sel'skogo hoz-

jajstva [Digital transformation of the economic sector on the example of agriculture]. *Obshchestvo i jekonomika* [Society and economics]. 2023; (8): 105–111. (In Russ.).

5. Litvinova T.N., Zemskova O.M., Popkova E.G., Bogoviz A.V. Tehnologicheskiy suverenitet i innovacionnaya aktivnost' sel'skhozajstvennykh predpriyatij kak osnova prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii [Technological sovereignty and innovative activity of agricultural enterprises as the basis of food security in Russia]. *APK: jekonomika, upravlenie* [Agroindustrial complex: economics, management]. 2022; (12): 19–24. (In Russ.).

6. Sultanova S.M. Cifrovizacija uchjota v upravlenii transportnym predpriatiem [Digitalization of accounting in the management of a transport enterprise]. *Jekonomika i socium* [Economics and Society]. 2023; 4-2(107): 719–722. (In Russ.).

7. Litvinova T.N. Food Security Challenges to Agriculture and a Promising Response to Them in AgroTech. *AgroTech: AI, Big Data, IoT*. Edited by E.G. Popkova, A.A. Sozinova. Springer Singapore. 2022. Pp. 189–195. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_19.

8. Popkova E.G., Sergi B.S. Agriculture 4.0: Perspectives on Food Security in the Agricultural Economy of the Future. *Food Security in the Economy of the Future: Transition from Digital*

Agriculture to Agriculture 4.0 Based on Deep Learning. Edited by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Palgrave Macmillan Cham. 2023. Pp. 147–148. DOI: 10.1007/978-3-031-23511-5_16.

9. Samieva K.T., Saenko I.I., Menshchikova V.I., Smetanin A.S. ESG Management of Digital Business Using Big Data and Artificial Intelligence (AI) in Support of the Green Economy in Russia and Central Asia. *ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia*. In the series: Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes. Edited by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Springer, Cham. 2023. Pp. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-031-46525-3_1.

10. Vodenko K.V., Lyausheva S.A. Science and education in the form 4.0: public policy and organization based on human and artificial intellectual capital. *Journal of Intellectual Capital*. 2020; 21 (4): 549–564. DOI: 10.1108/JIC-11-2019-0274.

11. Vanchukhina, L.I., Andronova, I.V., Sysoev, O.E., Smetanina, A.I. The Mechanism of Innovative Development of Agribusiness Based on AI, Big Data, and IoT for Transitioning to Expanded Reproduction in AgroTech. *AgroTech: AI, Big Data, IoT*. Edited by E.G. Popkova, A.A. Sozinova. Springer Singapore. 2022. Pp. 241–247. DOI: 10.1007/978-981-19-3555-8_25.

Статья поступила в редакцию 22.10.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted on 22.10.2023; approved after reviewing on 14.11.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинова Татьяна Николаевна — доктор экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и логистика в АПК», Волгоградский государственный аграрный университет.

Россия, г. Волгоград, Университетский пр., 26

Tatiana N. Litvinova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Logistics in Agriculture, Volgograd State Agrarian University.

26 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Земскова Ольга Михайловна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и логистика в АПК», Волгоградский государственный аграрный университет.

Россия, г. Волгоград, Университетский пр., 26

Olga M. Zemskova — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Logistics in Agriculture, Volgograd State Agrarian University.
26 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Тихомиров Кирилл Юрьевич — аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Kirill Yu. Tikhomirov — Graduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.45

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-153-167

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ОЦЕНКЕ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТОВ В ГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Алексей Геннадьевич Казанин¹, Алексей Евгеньевич Череповицын^{2✉}

¹Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН), Анапты, Россия

²Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹a.kazanin@mage.ru, ORCID ID 0000-0003-2526-8786, AuthorID РИНЦ: 975561,

AuthorID Scopus: 57189619228, WoS Research ID: JED-5450-2023

²alekseicherepov@inbox.ru ✉, ORCID: 0000-0003-0472-026X,

AuthorID РИНЦ: 472193, AuthorID Scopus: 6506719512, WoS Research ID: S-4875-2017

Аннотация. Цель исследования заключается в определении роли стратегического анализа для принятия управленческих решений в условиях высокого влияния факторов внешнего окружения, связанных с геополитическими, рыночными, инвестиционными, технологическими, экологическим рисками на реализацию проектов по сжижению природного газа.

Методология. Стратегический анализ сложных промышленных систем, какой является проект по сжижению природного газа и оценка основных воздействий на текущее функционирование проекта и перспективы его реализации для определения целевых задач и оценки возможности их выполнения.

Результаты исследования. Стратегический анализ в рамках реализации проектов в газовой отрасли должен иметь перманентный и системный характер. Доказана целесообразность использования классических методов стратегического анализа, которые позволяют оценить важные параметры конкурентного и динамично развивающегося рынка сжиженного природного газа. Определены ключевые риски проекта «Сахалин-2», связанного с добычей и сжижением природного газа.

Перспективы исследования заключаются в формировании комплекса количественных и качественных целевых показателей на основе целей и задач, сформулированных в рамках укрупненного стратегического анализа проектов по сжижению природного газа. Также целесообразно сосредоточиться на обосновании весовых коэффициентов рисков событий, связанных с нестабильностью внешней среды и ограничениями по внутреннему потенциалу проектов.

Ключевые слова: стратегический анализ, проекты по сжижению природного газа, конкуренция, рынок, возможности, риски

Для цитирования: Казанин А. Г., Череповицын А. Е. Роль стратегического анализа при оценке перспектив развития проектов в газовой отрасли // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 153–167. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-153-167>.

Original article

THE ROLE OF STRATEGIC ANALYSIS IN ASSESSING PROJECT DEVELOPMENT PROSPECTS IN THE GAS INDUSTRY

Aleksey G. Kazanin¹, Aleksey E. Cherepovitsyn^{2✉}

¹*Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre
«Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS), Apatity, Russia*

²*Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia*

¹*a.kazanin@mage.ru, ORCID ID 0000-0003-2526-8786, AuthorID RSCI: 975561,*

AuthorID Scopus: 57189619228, WoS Research ID: JED-5450-2023

²*alekseicherepov@inbox.ru✉, ORCID: 0000-0003-0472-026X,*

AuthorID RSCI: 472193, AuthorID Scopus: 6506719512, WoS Research ID: S-4875-2017

Abstract. *The purpose of the research is to determine the role of strategic analysis for making management decisions in conditions of high influence of external environmental factors associated with geopolitical, market, investment, technological, and environmental risks on the implementation of liquefied natural gas projects.*

The methodological basis *is strategic analysis of complex industrial systems, such as the liquefied natural gas project, and the assessment of the main impacts on the current functioning of the project and the prospects for its implementation to determine target objectives and assess the possibility of their implementation.*

Research results. *Strategic analysis within the framework of project implementation in the gas industry should be permanent and systematic. The priority of using classical methods of factor analysis has been proven, which make it possible to assess the important parameters of the competitive and dynamically developing liquefied natural gas market. The key risks of the Sakhalin-2 project associated with the production and liquefaction of natural gas have been identified.*

The prospects of the research *include the formation of a set of quantitative and qualitative targets based on the goals and objectives formulated within the framework of an integrated strategic analysis of natural gas liquefaction projects. It is also advisable to focus on substantiating the weighting factors of risk events associated with the instability of the external environment and limitations on the internal potential of projects.*

Keywords: *strategic analysis, natural gas liquefaction projects, competition, market, opportunities, risks*

For citation: *Kazanin A. G., Cherepovitsyn A. E. The role of strategic analysis in assessing project development prospects in the gas industry // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 153–167. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-153-167>.*

Введение. Газовая отрасль на настоящее время является системообразующей в мировой энергетике, особенно в условиях нарастающих трендов энергоперехода и тенденций роста использования более экологичного топлива из всех видов ископаемого энергетического сырья, каким является природный газ.

При этом наблюдается динамичное развитие рынка сжиженного природного газа (СПГ). СПГ — это природный газ, который был охлажден до температуры ниже -162°C , что приводит к его превращению в жидкое состояние.

Динамика объемов производства и потребления СПГ демонстрирует устойчивый

рост. Согласно данным Международного энергетического агентства, объемы производства СПГ выросли с 181,3 млрд м³ в 2010 году до 324,5 млрд м³ в 2020 году¹. Потребление СПГ также растет, особенно в секторах транспорта и электроэнергетики.

Структура экспорта и импорта СПГ также демонстрирует рост. По данным исследовательской компании Marketsand Markets, ожидается, что глобальный рынок СПГ вырастет с \$62,9 млрд в 2020 году до \$92,7 млрд к 2025 году со среднегодовой ставкой роста в размере 8,1 %².

Торговля СПГ в мире растет с каждым годом. В период 2011–2021 годов импорт и экспорт увеличился с 328 млрд м³ до 516 млрд м³. Этот рост связан с увеличением спроса на природный газ как наиболее экологичное топливо среди ископаемых энергоресурсов в различных секторах экономики, включая энергетику, промышленность и транспорт.

Лидером в структуре экспорта в 2021 году являлись Австралия и Катар с долями 21 %, доля России составляла 8 %. В 2021 году большая часть потребления СПГ приходится на Азию, показатель импорта в регионе превышает 70 % мирового объема. Азиатско-тихоокеанский регион (АТР) занимает порядка 34 % доли в мировом экспорте благодаря Австралии.

Потребление СПГ в мире к 2030 году вырастет на 55 % или до 940 млрд м³ в год, а мощности по регазификации³ — на 36 % или до 1584 млрд м³.

Кроме того, стоит отметить, что СПГ является стратегически важным топливом для многих стран. Например, Япония, которая является крупнейшим потребителем СПГ в мире, использует его для генерации электроэнергии в условиях сокращения использования ядерной энергии после катастрофы на Фукусиме в 2011 году. Также СПГ является важным экспортным продуктом для мно-

гих стран-производителей, таких как Катар, Австралия и США.

В 2022 году общем объеме российского производства СПГ 11,5 млн тонн пришлось на завод проекта «Сахалин-2». Основными производителями СПГ в России также являются ООО «Газпром» (Проект Сахалин-2) и ПАО «НОВАТЭК» (Проект Ямал-СПГ — производственная мощность 16,5 млн т). Остальные предприятия представляют сектора среднетоннажного и мелкотоннажного производства СПГ.

В прогнозах Минэкономразвития отмечается, что экспорт СПГ из России в 2023 года вырастет на 1,2 %, до 33,3 млн т, при этом прогнозируется рост экспорта СПГ до 38 млн т в 2024 году, 40 млн т в 2025 году, 44 млн т в 2026 году⁴.

В части объекта исследования определена компания ООО «Сахалинская энергия», которая является оператором проекта «Сахалин-2». Проект включает в себя разработку нескольких месторождений природного газа и нефти на платформах в Охотском море, трубопроводные системы, завод по переработке газа в СПГ на юге острова Сахалин и терминал по отгрузке нефти.

Проект был запущен в 1994 году, а его основными участниками были ПАО «Газпром», «Shell», «Mitsui» и «Mitsubishi». «В связи с геополитической ситуацией в 2022 году было принято решение о смене совместного предприятия Sakhalin Energy на российское юрлицо — ООО «Сахалинская энергия». Иностранные акционеры в течение месяца должны были подать заявку на получение доли в ООО «Сахалинская энергия» «Mitsui» и «Mitsubishi» согласились на смену юрисдикции и сохранили доли. «Shell», на которую приходилось 27,5 %, отказалась от дальнейшего участия в проекте, списав балансовую стоимость своей доли — 1,6 миллиарда долларов. В середине апреля 2023 года Правительс-

1 Международное энергетическое агентство: официальный сайт [Электронный ресурс] // IEA. URL: <https://www.iea.org/> (дата обращения: 01.11.2023).

2 Marketsand Markets: официальный сайт [Электронный ресурс] // Marketsand Markets. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/> (дата обращения: 01.11.2023).

3 Мировой рынок СПГ. Структурные особенности и прогноз развития [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU. 10.02.2023. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/769892-mirovoy-rynok-spg-strukturnye-osobennosti-i-prognoz-razvitiya/?ysclid=lp8a5cquu6314662637>.

4 Объем производства СПГ в России в 2024 году [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://www.iea.org/> (дата обращения: 15.10.2023).

тво одобрило продажу этой доли компании «Новатэк»»⁵.

В рамках реализации проекта «Сахалин-2» происходят перманентные изменения ситуации на энергетическом рынке и в геополитическом пространстве. Возникают тяжело прогнозируемые сложности экономического, технологического, геополитического геологического характера. При этом идентификация степени воздействия внешних и внутренних факторов является ключевым аспектом успешной реализации проектов в газовой отрасли. Проект требует крупных инвестиций на развитие сырьевой базы и возможного строительства третьей линии на заводе СПГ. В условиях санкционных ограничений и выхода из проекта компании «Shell» есть вероятность оттока инженерных кадров, способных решать сложные технологические задачи, что повлияет на качество технологических и управленческих решений. Также, по всей вероятности, могут возникнуть трудности с обеспечением климатической эффективности, в том числе и в рамках проведения «Сахалинского низкоуглеродного эксперимента».

В целом технологические и управленческие проблемы, с которыми может столкнуться дальнейшая реализация проекта «Сахалин-2», во многом связаны с трансформационными процессами в структуре проекта, изменениями на энергетических рынках в связи санкционной политикой по отношению к России, трендам становления низкоуглеродной экономики, интенсификацией зарубежных проектов по развитию производственных мощностей СПГ.

В этой связи в процессе стратегического развития проекта должен производиться детальный учет возможных рисков, поэтому очень важно для оператора проекта обеспечивать релевантную информацию о динамично меняющемся состоянии макро- и микроокружения внешней среды. Широкое использование методологии стратегического анализа в части учета различных факторов, их декомпозиции и разработки альтернативных вариантов технико-экономических решений позволит повысить качество управления в рамках реализации проекта.

Цель исследования заключается в определении роли стратегического анализа для принятия управленческих решений в условиях высокого влияния факторов внешнего окружения, связанных с геополитическими, рыночными, инвестиционными, технологическими, экологическими рисками на реализацию проектов по сжижению природного газа.

Методика. Стратегический анализ интерпретирует стратегическое положение отрасли, компании, проекта с помощью идентификации уровня влияния различных изменений, происходящих в макроэкономическом и микроэкономическом внешнем окружении и в рамках оценки возможностей развития внутреннего потенциала. С помощью стратегического анализа можно определить необходимые ресурсы и выявить базовые конкурентные преимущества проекта, которые могут трансформироваться по мере его реализации.

Анализируя рыночные тенденции, технологические, социо-экологические факторы внешней по отношению к проекту среды, менеджментом могут приниматься более уверенные и обоснованные решения, соответствующие их долгосрочным целям.

SWOT-анализ, хотя и представляет собой простейший инструмент стратегического анализа, имеет высокую значимость ввиду необходимости анализа особенностей проекта в ареале ближайшего внешнего окружения и внутреннего потенциала проекта.

Для анализа политических, экономических, правовых и других тенденций чаще всего используется PESTEL-анализ, который дает представление менеджменту нефтегазовых компаний о тенденциях макроокружения проекта, оказывающего, как правило, косвенное воздействие.

GAP-анализ позволяет исследовать отклонения между целевыми ориентирами и фактическим состоянием проекта, достигнутыми результатами. На основе GAP-анализа целесообразно делать выводы о возможных путях преодоления существующих «разрывов». Возможность выявления ошибок и слабых сторон позволяет показать несоответствие целевых показателей и внут-

5 ООО «Сахалинская энергия»: официальный сайт [Электронный ресурс] // Сахалинская энергия. URL: <https://www.sakhalinenergy.ru/ru/>.

ренных технико-экономических параметров проекта, которые к тому же могут меняться в ходе реализации проекта, например, не-подтверждение запасов месторождения, на основе которых предполагалось восполнить сырьевую базу.

Метод пяти конкурентных сил Портера позволяет определить важнейшие параметры, связанные с уровнем конкуренции в отрасли, такие как интенсивность конкуренции, угроза появления новых участников, альтернативы продукту, уровень влияния поставщиков и потребителей.

Также в исследовании применялись общенаучные методы познания: синтез, декомпозиция, обобщение.

Результаты. На основании описанной выше методологии стратегического анализа представим последовательно его результаты.

SWOT-анализ структурировал стратегические приоритеты и направления развития проекта «Сахалин-2», а также существующие угрозы и слабые стороны проекта (таблица 1).

Возможности и угрозы связаны с внешним окружением проекта, которое отражает

Таблица 1
Table 1

SWOT-анализ⁶
SWOT analysis

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Уникальная технология, обеспечивающая высокую производительность в холодном климате 2. Действующие контракты с покупателями СПГ в Японии, Южной Корее и Китае 3. Развитая инфраструктура и хорошее географическое расположение проекта Сахалин-2, что позволяет быстро доставлять продукт на рынки АТР, а также минимизировать выбросы парниковых газов при транспортировке 4. Холодный климат обеспечивает относительно низкие энергетические затраты, что важно при производстве СПГ	1. Технологическая устойчивость обеспечивается импортным оборудованием 2. Отток квалифицированных зарубежных специалистов 3 Недостаточная сырьевая база (доказанные запасы) для расширения производственных мощностей 4. Зона повышенной сейсмической активности
Возможности	Угрозы
1. Рост спроса на природный газ и СПГ в странах АТР 2. Развитие внутреннего рынка СПГ – экономический рост Дальнего Востока, поставка СПГ на Курильские острова 3. Развитие партнерских отношений с добывающими компаниями (например, в рамках проекта Сахалин-1) для повышения ресурсно-сырьевых возможностей проекта 4. Развитие интеграции с научными учреждениями в вопросах развития технологий и инфраструктуры	1. Введение новых проектов СПГ в Катаре и усиление конкуренции на мировом рынке СПГ 2. Ужесточение санкций со стороны Японии и Южной Кореи, вовлечение в санкционную политику других стран азиатского региона 3. Дефицит флота СПГ 4. Ужесточение климатических требований 5. Возможные правительственные решения по увеличению налогов с действующих проектов СПГ вследствие выпавших доходов от экспорта трубопроводного газа

⁶ Составлено авторами на основе: Указ Президента адаптирует проект СРП «Сахалин-2» к пост-санкционным реалиям [Электронный ресурс] // НГ-энергия. 16.07.2022. URL: https://www.ng.ru/energy/2022-07-16/100_160722_sakhalin.html?ysclid=lp5fjmyfiu833208897 (дата обращения: 16.10.2023); [3].

состояние рынка природного газа, санкционное давление, инфраструктурные особенности, законодательные аспекты, интеграционные приоритеты. Слабые и сильные стороны позволяют оценить внутренние особенности условий реализации проекта, включая, например, и объективные климатические, и сейсмологические условия реализации проекта.

PESTEL-анализ можно применить для оценки макроэкономических тенденций внешнего окружения проекта «Сахалин-2». Данный вид анализа оценивает влияние политических, экономических, социокультурных, технологических, экологических и законодательных факторов на стратегическое планирование и решения долгосрочного характера (таблица 2).

Таблица 2
 Table 2

PESTEL-анализ⁷
PESTEL analysis

Политические факторы	Экономические факторы
1. Введение санкционных ограничений против России может привести к сокращению в экспорте СПГ и еще более радикальному ухудшению отношений в части технологического и транспортного сотрудничества с важными партнерами в Японии, Южной Корее, Тайване 2. Возможное увеличение поставок в рамках реализации проекта Сахалин-2 в Китай и Индию 3. Возможный выход из участников проекта японских компаний	1. Рост конкуренции на рынке газа (новые СПГ проекты, трубопроводные системы из Сахалина в Китай) может снизить спрос на газ проекта Сахалин 2. Рост инфляции и снижение экономического роста в странах импортерах и внутри страны 3. Развитие внутреннего рынка газа на Дальнем Востоке 4. Возможности роста сектора отечественных поставщиков на Дальнем Востоке
Социокультурные факторы	Технологические факторы
1. Появление новых рабочих мест в рамках реализации нефтегазовых проектов Сахалина 2. Развитие компетенций, появление высококлассных специалистов в региональной экономике 3. Рост заинтересованности общественности к экологическим и климатическим инициативам в рамках проекта	1. Развитие новых технико-технологических и логистических решений в производстве и транспортировке 2. Формирование экономически рентабельных технологических решений для освоения шельфовых месторождений потенциальных проектов Сахалина (4, 5, 6, 7, 8, 9)
Экологические факторы	Законодательные факторы
1. Ужесточение правовой базы в области защиты окружающей среды 2. Развитие экологических институтов в рамках сахалинского «низкоуглеродного эксперимента» 3. На проект могут влиять процессы становления низкоуглеродной экономики в странах импортерах, ужесточение требований к производству СПГ в части достижения низкого углеродного следа	1. Нормативные и правовые акты в рамках «низкоуглеродного эксперимента» на острове Сахалин 2. Изменения нормативных правил в рамках реализации проекта на условиях СРП

⁷ Составлено авторами на основе: Россия хочет занять 20% мирового рынка СПГ: получится ли это сделать? [Электронный ресурс] // Forbes. 21.11.2023. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/500605-rossia-hocet-zanat-20-mirovogo-rynka-spg-polucitsa-li-eto-sdelat?ysclid=lp8c7wflmy405841902> (дата обращения: 16.10.2023); Климатическая программа Сахалинской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство Сахалинской области. URL: https://ecology.sakhalin.gov.ru/fileadmin/user_upload/klimaticheskaja_programma_A4_final_4__5_.pdf (дата обращения: 10.10.2023); [2; 7].

Необходимо отметить, что представленные тенденции могут сказаться на реализации проекта как в положительном, так и в отрицательном аспектах. «Низкоуглеродный эксперимент» будет накладывать дополнительные обязательства, связанные с развитием инициатив по минимизации выбросов парниковых газов, в частности метана как парникового газа, имеющего гораздо большее влияние на парниковый эффект, нежели углекислый газ. Законодательные требования могут повлиять на увеличение капитальных и эксплуатационных затрат в рамках дальнейшей реализации проекта «Сахалин-2».

GAP-анализ — это анализ конкретных целевых параметров проекта и факторов, которые не позволяют реализовывать поставленные стратегические цели. В рамках данного вида анализа также необходимо выполнить обобщение стратегических инициатив, позволяющих ликвидировать существующий разрыв. Также стоит отметить, что целевые стратегические количественные параметры развития проекта «Сахалин-2» на настоящее время отсутствуют в открытых источниках, поэтому авторы исследования сделали свои предположения по целям развития проекта (таблица 3).

Таблица 3
 Table 3

GAP-анализ⁸
GAP analysis

Цель	Разрыв	Инициатива
Развитие минерально-сырьевой базы	Ограниченная ресурсная база. Неподтверждение запасов Южно-Лунского месторождения	Доразведка и повышение уровня извлечения углеводородов на существующих месторождения. Оценка возможностей по развитию сотрудничества с газодобывающими компаниями региона (Проект «Сахалин-1»). Возможное использование запасов Южно-Кириновского месторождения («Сахалин-3»)
Расширение производства СПГ путем строительства третьей линии производительностью до 5,4 млн тонн сжиженного природного газа в год	Ограничения выхода на мировой рынок технологий. Санкционная политика снижает возможности покупки технологий, а также привлечения инвестиций и зарубежных специалистов	Формирование технологических возможностей по частичному импортозамещению и создание собственных технологий производства в отечественных компаниях участниках проекта (ПАО Газпром). Поиск инвестиций в рамках отечественных финансовых рынков и в странах-партнерах (Китай, Индия, арабские страны)
Снижение зависимости от импортных технологий и оборудования, сервиса, зарубежных специалистов. 100% — собственных технологий и привлеченных специалистов	Недостаток отечественных технологий и компетенций	Строительство индустриального парка на острове Сахалин для оказания технологических, инжиниринговых и консультационных услуг по нефтегазовым проектам

⁸ Составлено авторами на основе: Климатическая программа Сахалинской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство Сахалинской области. URL: https://ecology.sakhalin.gov.ru/fileadmin/user_upload/klimaticheskaja_programma_A4_final_4_5_.pdf (дата обращения: 10.10.2023); Трансформирующий-ся глобальный рынок СПГ: как России не упустить окно возможностей? [Электронный ресурс] // Сколково. URL: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/News/Russia-on-global-spg-market.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

Методический подход в рамках анализа конкурентного окружения проекта «Сахалин-2», основанный на анализе пяти сил Портера представлен на рисунке 1:

По результатам анализа важно отметить возможный профицит предложения СПГ после 2026 года, при этом наблюдается достаточное количество регазификационных мощностей.

Анализ конкурентов на рынке СПГ в АТР включает оценку различных аспектов и характеристик каждого конкурента. Подробный анализ представлен в таблице 4:

Резюмируя результаты стратегического анализа по предложенным методам, важно подчеркнуть существующие возможности

развития новых конкурентных преимуществ, в том числе ценовых. Необходимо повышать операционную эффективность и организацию производства с целью генерации более конкурентоспособных ценовых предложений.

Для улучшения своих конкурентных позиций в Азии отечественные производители СПГ должны продолжать технологически и организационно совершенствовать свои проекты, добиваясь снижения эксплуатационных затрат.

Стратегический анализ проекта «Сахалин-2» должен быть направлен на детальную оценку перспективных проектов, реализуемых в мире. Рынок СПГ в Азии динамично развивается, а уровень конкурентной борьбы

Рис. 1. Анализ привлекательности отрасли⁹
Fig. 1. Analysis of the attractiveness of the industry

⁹ Составлено автором на основе: Катар выигрывает битву за поставку газа в Европу [Электронный ресурс] // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/2023-10-23/obmenyalis-rynkami-s-gazpromom-glavnym-postavschikom-gaza-v-evropu-stal-katar-422101?ysclid=lp8cixmc84358131630> (дата обращения: 13.10.2023); Индустрия СПГ в Австралии [Электронный ресурс] // Neftegaz.RU. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/784576-industriya-spg-v-avstralii/?ysclid=lp8d378qgz360713186> (дата обращения: 14.10.2023); [4; 9].

Таблица 4
 Table 4

Анализ конкурентов¹⁰
Competitor Analysis

Страна	Примеры крупных действующих и перспективных проектов	Объемы производства по проектам, млн т/год	Экспортные возможности, рынки сбыта	Ключевые конкурентные преимущества
Катар	Действующие:		Развитая инфраструктура: большое количество экспортных терминалов, газозовов и развитая логистическая система. Экспортные поставки на различные рынки Северо-Восточной Азии, Южной Азии и Европы	1. Собственный танкерный флот. 2. География: близость к ключевым рынкам в Азии и Европе. 3. Большие запасы природного газа и низкие удельные затраты на добычу. 4. Конкурентоспособная цена. 5. Альянсы с крупными международными нефтегазовыми компаниями по развитию логистики строительству терминалов
	QatarGas 2	– 15,6		
	RasGas 2	– 14,1		
	QatarGas 4	– 7,8		
	Перспективные:			
	QatarGas NFE Expansion	– 32		
Австралия	QatarGas NFS	– 16	Доступность для рынков СПГ Азиатско-Тихоокеанского региона и Южной Азии. Значительное расстояние до Европы ограничивает экономическую эффективность транспортировки и затрудняет доступ к значительному рынку в этом регионе	1. Наиболее близкое нахождение к крупнейшим импортерам в Азиатско-Тихоокеанском бассейне. 2. Высокие производственные мощности. 3. Высокая степень интеграции с азиатскими покупателями и их участие в австралийских проектах
	Действующие:			
	Gorgon LNG	– 15,6		
	Wheatstone T1	– 8,9		
	Ichthys T1	– 8,9		
	North West Shelf (NWS)	– 16,3		
Малайзия	Перспективные:		Азиатско-тихоокеанский рынок	1. Развитая инфраструктура 2. Высокая гибкость в контрактных отношениях (гибкие условия по ценообразованию, объемам поставок и другим параметрам) 3. Развитая инфраструктура для СПГ
	Ichthys LNG	– 0,4		
	Действующие:			
	Bintulu LNG (Sarawak)	– 29		
	Petronas PFLNG 2	– 1,5		
	Перспективные:			
	PFLNG3	– 2		

¹⁰ Составлено автором на основе: Экспорт СПГ из Малайзии [Электронный ресурс] // Seala. URL: <https://seala.ru/statisticslng/malayziaeksport> (дата обращения: 17.10.2023); Как США продвигают свой СПГ в ЕС против России и самой Европы [Электронный ресурс] // Зависимая газета. 13.06.2022. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-06-13/11_8459_usa.html?ysclid=lp89whhxf719950102; СПГ отрасль Австралии: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Фраджет-Волга. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/786615-spg-otrasl-avstralii-problemy-i-perspektivy/?ysclid=lp88pv6j7x654873036>; Российский СПГ конкурентнее проектов из Австралии и части США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.himonline.ru/news/id/458756-rossijskij-spg-konkurentnee-proektov-iz-avstralii-i-chasti-ssha?ysclid=lp8deepdz6598847269> (дата обращения: 18.10.2023); [5; 6; 8; 10].

Окончание таблицы 4
 The end of the table 4

Россия	Действующие:		Основными центрами экспортных поставок СПГ являются страны АТР, а именно, Китай, Тайвань, Южная Корея и Япония. Трудности в экспорте связаны с удаленным расположением основных резервуаров в Сибири и необходимостью использования заводов и причалов в условиях Северного Ледовитого океана	1. Сравнительно низкие энергозатраты на охлаждение связаны с климатическими особенностями 2. Высокая концентрация нефтегазовых месторождений 3. Большие запасы природного газа (арктические проекты) и перспективные ресурсы (о. Сахалин) 4. Невысокий уровень затрат добычи природного газа (арктические проекты) 5. Государственная поддержка
	«Сахалин-2»	– 11,5		
	«Ямал СПГ»	– 17,4		
	Перспективные:			
	Arctic LNG	– 26,4		
	Ust-Luga LNG	– 13		
США	Действующие:		Выход к берегам Атлантического и Тихого океанов предоставляет доступ к европейским и азиатско-тихоокеанским рынкам	1. Потенциал и гибкость для экспорта на различные рынки в силу географического положения 2. Обширная сеть газопроводов, соединяющих газовые месторождения и заводы СПГ 3. Развитая инфраструктура и логистика 4. Возможности Правительства оказывать геополитическое воздействие на крупнейших мировых потребителей
	Sabine Pass	– 33		
	Corpus Christi	– 15		
	Calcasieu Pass LNG	– 10		
	Cove Point	– 5,75		
	Перспективные:			
	Driftwood LNG	– 27,6		
	Commonwealth LNG	– 8,8		
	CP2 LNG	– 20		
	Lake Charles	– 16,8		

с каждым годом растет. В силу близости основных потребителей сжиженный природный газ проекта «Сахалин-2» транспортируется на незначительные расстояния, что повышает его конкурентные позиции.

Для увеличения объемов поставок СПГ необходимо искать возможности по наращиванию производственных мощностей.

Благодаря значимым запасам природного газа в Арктике и потенциалу наращивания ресурсной базы на Сахалине российские проекты СПГ имеют хорошие сырьевые возможности. Важно отметить низкий уровень энергозатрат на сжижение природного газа в силу холодных климатических условий реализации проектов.

В рамках реализации проекта «Сахалин-2» компании-оператору необходимо акцентиро-

вать внимание на экологической и социальной ответственности, чтобы формировать положительный имидж компании. Экологическая устойчивость и климатическая эффективность могут быть важными факторами обеспечения конкурентоспособности на азиатских рынках. Необходимо соблюдать природоохранные требования, включая климатические аспекты, связанные со снижением выбросов парниковых газов, в частности метана.

В рамках проекта «Сахалин-2» потенциально можно рассмотреть возможности разработки новых продуктов на основе углеводородного сырья, которые могут быть более востребованы на новых рынках в случае снижения экспортных возможностей. Речь идет о формировании производств газохимии, газового топлива, нефтехимии.

Дальнейшее совершенствование системы стратегического анализа связано с реализацией задач компании-оператора проекта по укреплению конкурентных преимуществ и расширению объемов поставок СПГ.

Использование методологии стратегического анализа позволит прогнозировать рыночные, инвестиционные, производственные и другие риски и предлагать альтернативные решения по развитию бизнеса.

Таблица 5
Table 5

Оценка рисков¹¹
Risk assessment

Риск	Возможные последствия	Задачи департамента стратегического планирования и анализа
1. Отказ ряда стран на рынке АТР (Япония, Южная Корея) от поставок из России	Снижение экспортного потока СПГ, потеря доли на рынке в Азии	Предлагать альтернативные решения на рынках АТР и в других регионах
2. Нестабильные цены на рынке АТР	В случае падения цен компания будет терять выручку при сохранении объема добычи и поставок	Разрабатывать варианты страхования рисков и выполнять расчеты предельных точек безубыточности при разных ценовых сценариях. Разрабатывать комплекс стратегических и тактических мероприятий по оптимизации операционных затрат. Создавать многовариантные модели ценовых изменений
3. Угрозы в рамках экспорта технологий, оборудования и комплектующих, высокая зависимость от зарубежных поставщиков	Снижение надежности, увеличение времени ремонта и простой оборудования, невыполнение контрактных обязательств, возможное снижение объемов добычи	Предлагать пул надежных поставщиков, в случае угрозы отказа существующих. Определять переходные затраты в результате смены поставщиков. Определять стратегические возможности развития собственных сервисных мощностей сервиса для повышения надежности производства
4. Влияние ввода новых крупных проектов на глобальном рынке СПГ	Частичная потеря рынков	Искать дополнительные конкурентные преимущества технологического и внутриорганизационного характера, которые обеспечат конкурентные цены на рынках
5. Риски с развитием ресурсной сырьевой базы	Простой оборудования, невыполнение контрактных обязательств	Оценивать стратегические возможности по увеличению добычи на сырьевых объектах, принадлежащих компании-участнику проекта. Разрабатывать организационно-экономические механизмы по созданию альянсов с нефтегазодобывающими компаниями для обеспечения необходимого уровня обеспеченности природным газом

¹¹ Составлено автором на основе: Климатическая программа Сахалинской области на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Правительство Сахалинской области. URL: https://ecology.sakhalin.gov.ru/fileadmin/user_upload/klimaticheskaja_programma_A4_final_4_5_.pdf (дата обращения: 10.10.2023); Трансформирующий-ся глобальный рынок СПГ: как России не упустить окно возможностей? [Электронный ресурс] // Сколково. URL: <https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/News/Russia-on-global-spg-market.pdf> (дата обращения: 13.10.2023).

На основании проведенного стратегического анализа представлены ключевые риски проекта и задачи департамента стратегического анализа планирования по нивелированию возможных рисков (таблица 5).

Обсуждение. С использованием экспертных методов определен возможный уровень снижения риска в результате эффективной работы службы стратегического планирования и анализа (рисунок 2).

Данная оценка носит субъективный характер, поскольку построена на предположениях и экспертной оценке. Тем не менее важно отметить, что глобальная ситуация на рынке, продолжение технологических и экономических санкций имеют высокую вероятность, на которую сложно влиять, поэтому на вероятность закрытия рынков, изменчивость цен, ввод новых проектов СПГ в Катар и других странах специалисты департамента, занимающегося стратегическим анализом и планированием, повлиять не смогут, но тем не менее их компетенции должны позволить обосновать комплекс тактических

и стратегических мероприятий, которые снизят уровень риска при выполнении целевых показателей проекта. При этом риски отчасти субъективного характера (поставщики, развитие сырьевой базы) и меры по их управлению смогут снизить как вероятность их возникновения, так и влияние на целевые показатели.

Одним из эффективных стратегических направлений развития проекта «Сахалин-2» может стать ввод третьей линии и строительство дополнительной емкости для хранения СПГ. Реализация такого проекта возможна при решении вопроса ресурсной обеспеченности завода СПГ.

При этом предположим, что при оценке экономической эффективности проекта развития производственных мощностей на 5,4 млн т более детальный факторный анализ возможных альтернативных решений, учитывающий различные сценарии, позволит дать глубокое понимание существующих рисков и возможностей проекта, в том числе в части прогнозов развития рынков, конкурентной среды, действий поставщиков,

Рис. 2. Изменения уровня рисков в результате более активного использования методов стратегического анализа планирования

Fig. 2. Changes in the level of risks as a result of more active use of strategic planning analysis methods

углеродных ограничений, продуктов заменителей. Инструментально это позволит снижать рисковую премию при использовании, например, кумулятивного метода определения ставки дисконта. Тем самым, используя методику [1], можно обосновать снижение норм дисконта. Снижение ставки дисконта может быть достигнуто путем управления рисками в части возникновения неопределённости, связанной с объемом спроса и ценами на сжиженный природный газ. Также уменьшение ставки целесообразно связать с повышением стабильности и предсказуемости в плане выбора надёжных поставщиков и сервисных организаций, оказывающих более качественные услуги. Однако вопросы обоснования норм дисконта требуют более детальных исследований в рамках конкретных технико-экономических параметров развития проекта.

Заключение. В рамках данной работы был проведен стратегический анализ нефтегазовой отрасли, и в частности анализ проблем функционирования и развития проектов СПГ в условиях нестабильной ситуации на рынке. Стратегический анализ позволил подчеркнуть проблемы, с которыми могут сталкиваться подобные проекты, а также оценить, какого рода угрозы необходимо выявлять и изучать детально.

Стратегический анализ должен представлять собой постоянный мониторинг рыночных событий и меняющихся возможностей ресурсно-сырьевого, технологического и организационно-управленческого характера. Технологическая и экономическая среда проектов СПГ в сложившихся макроэкономических условиях не имеет тех фундаментальных основ, которые сопутствуют открытой рыночной экономике глобального характера. Санкционные ограничения искусственно понижают уровень конкурентных позиций российских проектов. В этой связи стратегическое планирование должно быть многовариантным, а в рамках стратегического анализа необходимо выявлять нестандартные решения для повышения устойчивости газовой отрасли, в том числе и путем поиска возможностей по обеспечению технологического суверенитета газовой отрасли и национальной экономики России в целом.

В основном стратегический анализ способствует генерации более прозрачных и обоснованных решений, повышению информативности высшего уровня менеджмента. Игнорирование активного применения методов стратегического анализа приводит к отсутствию системности при выборе альтернативных решений. Кроме того, в случае остановки процесса постоянного информационного наполнения и его трактовки происходит неточное толкование рыночных событий и динамично происходящих изменений.

Список источников

1. Виленский П. Л., Лившиц В. Н., Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. М.: Дело, 2002. 888 с.
2. Каминский Г. М. Практическое использование отдельных методов бизнес-анализа // Новый виток развития учетно-контрольных и аналитических процессов в цифровой экономике. М.: Спутник+, 2019. С. 230–235.
3. Кузнецов Р. С., Славецкая Н. С., Тумарова Т. Г. Катар на европейском рынке сжиженного природного газа // Вестник института экономики Российской академии наук. 2020. №3. С. 88–98.
4. Полещук Г. М. СПГ в Австралии // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. №4(526). С. 69–82.
5. Ульченко М. В. Анализ тенденций рынка СПГ и перспектив реализации российских арктических СПГ-проектов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. №1. С. 82–97.
6. Холопов К. В., Соколова О. В. Экспорт сжиженного природного газа из России путем использования Северного морского пути // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. №10. С. 18–27.
7. Хорошильцев М. И. Перспективы и проблемы России на мировом рынке сжиженного природного газа // Вестник экономики и менеджмента. 2021. №1. С. 9–14.
8. Abel Meza, Muammer Koç, Mohammed Saleh Al-Sada. Perspectives and strategies for LNG expansion in Qatar: A SWOT analysis // Resources Policy. 2022. Vol. 76. 102633. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.102633.

9. Chenfei Jin, Fu-Sheng Tsai, Qiuyang Gu, Bao Wu. Does the porter hypothesis work well in the emission trading schema pilot? Exploring moderating effects of institutional settings // Research in International Business and Finance. 2022. Vol. 62. 101732. DOI: 10.1016/j.ribaf.2022.101732.

10. Salman H. Ashkanani, Laoucine Kerbach. Enhanced megaproject management systems in the LNG industry: A case study from Qatar // Energy Reports. 2023. Vol. 9. Pp. 1062–1076. DOI: 10.1016/j.egyr.2022.12.030.

References

1. Vilenskij P.L., Livshic V.N., Smoljak S.A. Ocenka jeffektivnosti investicionnyh proektov. Teorija i praktika [Evaluation of the effectiveness of investment projects. Theory and practice]. Moscow: Delo, 2002. 888 p. (In Russ.).

2. Kaminskij G.M. Prakticheskoe ispol'zovanie otdel'nyh metodov biznes-analiza [Practical use of certain business analysis methods]. Novyj vitok razvitiya ucheto-kontrol'nyh i analiticheskikh processov v cifrovoj jekonomike [A new round of development of accounting, control and analytical processes in the digital economy]. Moscow: Sputnik+, 2019. Pp. 230–235. (In Russ.).

3. Kuznecov R.S., Slaveckaja N.S., Tumarova T.G. Katar na evropejskom rynke szhizhennogo prirodnogo gaza [Qatar on the European market of liquefied natural gas]. Vestnik instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2020; (3): 88–98. (In Russ.).

4. Poleshhuk G.M. SPG v Avstralii [LNG in Australia]. Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal JeKO [All-Russian Economic Journal ECO]. 2018; 4(526): 69–82. (In Russ.).

5. Ul'chenko M.V. Analiz tendencij rynka SPG i perspektiv realizacii rossijskikh arkticheskikh SPG-proektov [Analysis of LNG market trends and prospects for the implementation of Russian Arctic LNG projects]. Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka [North and market: formation of an economic order]. 2021; (1): 82–97. (In Russ.).

6. Holopov K.V., Sokolova O.V. Jeksport szhizhennogo prirodnogo gaza iz Rossii putem ispol'zovanie Severnogo morskogo puti [Export of liquefied natural gas from Russia through the use of the Northern Sea Route]. Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]. 2020; (10): 18–27. (In Russ.).

7. Horoshil'cev M.I. Perspektivy i problemy Rossii na mirovom rynke szhizhennogo prirodnogo gaza [Prospects and problems of Russia in the world market of liquefied natural gas]. Vestnik jekonomiki i menedzhmenta [Bulletin of Economics and Management]. 2021; (1): 9–14. (In Russ.).

8. Abel Meza, Muammer Koç, Mohammed Saleh Al-Sada. Perspectives and strategies for LNG expansion in Qatar: A SWOT analysis. Resources Policy. 2022; (76): 102633. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.102633.

9. Chenfei Jin, Fu-Sheng Tsai, Qiuyang Gu, Bao Wu. Does the porter hypothesis work well in the emission trading schema pilot? Exploring moderating effects of institutional settings. Research in International Business and Finance. 2022; (62): 101732. DOI: 10.1016/j.ribaf.2022.101732.

10. Salman H. Ashkanani, Laoucine Kerbach. Enhanced megaproject management systems in the LNG industry: A case study from Qatar. Energy Reports. 2023; (9): 1062–1076. DOI: 10.1016/j.egyr.2022.12.030.

Статья поступила в редакцию 04.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 04.11.2023; approved after reviewing on 21.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казанин Алексей Геннадьевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН).

Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а

Aleksey G. Kazanin — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS).

24a Fersmana str., Apatity, Russia

Череповицын Алексей Евгеньевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика организации и управления», Санкт-Петербургский горный университет. Область научных интересов: стратегическое управление минерально-сырьевым комплексом, экономическая оценка инвестиционных проектов, экономико-правовые основы недропользования.

Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, 2

Alexey E. Cherepovitsyn — Doctor of Economic Sciences, Professor, the Head of the Department of Economics, Organization and Management, Saint Petersburg Mining University. Research interests: strategic management of the mineral resource complex, economic assessment of investment projects, economic and legal foundations of subsoil use.

2 21st Line, Vasilevsky isl., Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Казанин А.Г. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Череповицын А.Е. — научное руководство; обсуждение; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kazanin A. G. — concept of the study; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Cherepovitsyn A. E. — scientific supervision; discussion; of final conclusions.

Научная статья

УДК 658.5.012.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-168-178

РОЛЬ И МЕСТО СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Елена Николаевна Шумская

*Каменский технологический институт (филиал)
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Каменск-Шахтинский, Россия
shumskaya_e@mail.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-4581-0045*

Аннотация. *Цель исследования* — показать роль и место стратегического менеджмента в устойчивом развитии предприятия.

Методология основывается на использовании общенаучных методов исследования: анализа, синтеза, индукции, аналогий, обработки информации.

Результаты исследования. На основе анализа различных определений сущности стратегического менеджмента дано авторское понятие категории. Выявлены проблемы стратегического менеджмента. Предложен процесс управления в стратегическом менеджменте. Исследованы инструменты стратегического менеджмента. Разработан алгоритм выбора инструментов стратегического менеджмента для разработки стратегии. Выделены основные моменты, на которые нужно обратить внимание при выборе стратегии.

Перспективы исследования заключаются в применении инструментов стратегического менеджмента для повышения эффективности деятельности предприятия.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, стратегия, инструменты стратегического менеджмента, предприятие

Для цитирования: Шумская Е. Н. Роль и место стратегического менеджмента в устойчивом развитии предприятия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 168–178. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-168-178>.

Original article

STRATEGIC MANAGEMENT AS AN IMPORTANT DIRECTION OF ENTERPRISE DEVELOPMENT

Elena N. Shumskaya

*Kamensk Technological Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Kamensk-Shakhtinsky, Russia
shumskaya_e@mail.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-4581-0045*

Abstract. *The purpose of the study is to show the role and place of strategic management in the sustainable development of the enterprise.*

The methodology is based on the use of general scientific research methods: analysis, synthesis, induction, analogies, information processing.

The results of the study. Based on the analysis of various definitions of the essence of strategic management, the author's concept of the category is given. The problems of strategic management are revealed. The management process in strategic management is proposed. The tools of strategic management are investigated. An algorithm for selecting strategic management tools for strategy development has been developed. The main points that need to be paid attention to when choosing a strategy are highlighted.

The prospects of the study are the use of strategic management tools to improve the efficiency of the enterprise.

Keywords: *strategic management, strategy, strategic management tools, enterprise*

For citation: *Shumskaya E. N. Strategic Management as an Important Direction of Enterprise Development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 168–178. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-168-178>.*

Введение. В современных условиях постоянных изменений и неопределенности внешней среды формирование механизма стратегического менеджмента приобретает особое значение. Как правило, большинство предприятий рассматривают свою деятельность в краткосрочной, среднесрочной и отчасти в долгосрочной перспективе. Стратегии развития предприятия, и тем более роли в развитии стратегического менеджмента, уделяется в лучшем случае очень мало внимания. Большинство же предприятий, особенно небольших, формированием методов и форм стратегического менеджмента не занимаются совсем, довольствуясь только формированием миссии и постановкой цели. К увеличению роли стратегического менеджмента ведет развитие IT-технологий, совершенствование кадрового потенциала, возможность использования инструментов стратегического анализа.

Неправильно сформированные ориентиры стратегического управления в развитии предприятия в условиях обострения конкурентной борьбы снижают конкурентоспособность предприятия и ставят под сомнение эффективность под сомнение. Неверно выбранные формы, методы и инструменты стратегического менеджмента не дают возможность эффективно использовать, материальные, финансовые, кадровые ресурсы.

Стратегический менеджмент, использующий современные формы и методы управления, сегодня становится определяющим фактором в развитии предприятия. Недооценка стратегического менеджмента может привести к потере ключевых позиций в отрасли, снижению эффективности деятельности предприятия.

Стратегический менеджмент дает возможность предприятию:

— скоординировать деятельность функциональных и производственных служб во внутренней среде;

— наладить оптимальные логистические цепочки во внешней среде;

— разработать необходимую стратегию.

Результаты исследования. Основоположник стратегического менеджмента И. Ансофф показал возможности и основные формы деятельности предприятия в условиях турбулентной среды [1]. Он предложил основные направления стратегического выбора с учетом имеющихся возможностей предприятия и правильный вектор развития.

При выявлении сущности стратегического менеджмента А. Б. Миллер и А. Н. Петров стратегический менеджмент определяют как стратегический процесс, позволяющий стабилизировать функционирование компаний с позиции получения высокой и устойчивой прибыли [14].

В. В. Великороссов рассматривает стратегический менеджмент как совокупность пяти взаимосвязанных процессов [3]:

- 1) анализ внешней и внутренней среды предприятия;
- 2) определение миссии и целей;
- 3) анализ и выбор стратегии;
- 4) реализация стратегии;
- 5) оценка и контроль степени реализации стратегии.

С позиции процессного подхода определяет стратегический менеджмент и А. А. Киселев, выделяя целенаправленное воздействие органа управления на объект управления при наличии определенных коммуникаций между получением информации и ее передачей [7].

Е. А. Кыштымова и Д. О. Медик современный подход в определении сущности стратегического менеджмента понимают как функцию управления, распространяемую на длительные цели и функционирование организации [11].

Если рассматривать менеджмент как управление, а слово «стратегический» даст нам ориентир на долгосрочную стратегию развития, то стратегический менеджмент можно определить как управление развитием предприятия на долгосрочную перспективу. В управлении главной определяющей задачей

будет планирование, точнее сказать, прогнозирование деятельности предприятия. Прогнозу подлежат финансовые, материальные, трудовые ресурсы. Недостаточная обоснованность данной задачи не дает нынешнему руководству предприятий в полной мере использовать все возможности стратегического менеджмента для получения конкурентных преимуществ.

Стратегический менеджмент также можно определить как концепцию развития предприятия для формирования конкурентных преимуществ. Данная концепция позволяет сформировать видение предприятия в будущем, показать, в чем именно можно добиться высоких показателей в отрасли.

Наиболее полно концепция стратегического менеджмента, на наш взгляд, нашла отражение в парадигме М. А. Комиссаровой, отраженной в статье «Стратегическое управление отечественными промышленными компаниями с использованием новой парадигмы» [10]. В представленной ей иерархической структуре парадигмы стратегического управления выделены концепции, цели и результаты. Отличием современного стратегического менеджмента является присутствие в результатах не только интересов производства и поставщиков, но и персонала, потребителей и инвесторов. Такая характеристика говорит об участии в стратегическом менеджменте всех уровней менеджмента предприятия.

Таким образом, мы считаем, что сущность стратегического менеджмента определяется в процессе управления, ориентированного на эффективное использование материальных, финансовых, трудовых ресурсов в стратегии развития предприятия с учетом влияния внешней среды на долгосрочную перспективу.

Для развития предприятия важным является то, какие инструменты используются в стратегическом менеджменте. Инструменты стратегического менеджмента сформировались на базе исторических этапов: бюджетирования, долгосрочного планирования, стратегического планирования, стратегического менеджмента [12].

Этап бюджетирования характеризуется составлением бюджетов. Планирование как таковое отсутствует. Основное внимание

уделяется расчету затрат, составлению смет, получаемой прибыли. Применяемые методы носят краткосрочный характер, внешняя среда не рассматривается.

На этапе долгосрочного планирования, возникшем в 50-е годы прошлого столетия, уже используется механизм планирования на основе отчетных данных за базисный период. Составляется централизованный план долгосрочного характера, исходя из которого дается задание предприятиям на производимый объем продукции. Составляется прогноз продаж.

Изменения во внешней среде, усиление конкурентной борьбы диктуют новые требования к процессу планирования деятельности предприятия. В связи с новыми условиями развивается стратегическое планирование, направленное на совершенствование процесса планирования путем ответной реакции на изменения рынка. Используется метод экстраполяции.

В 90-х годах наступает этап стратегического менеджмента, который отличается от стратегического планирования быстрой реакцией управленческих решений на изменения рынка и поведение конкурентов. В отличие от предыдущих этапов стратегический менеджмент характеризуется действиями, способными предотвратить кризис, а не искать пути выхода из него.

Документами, регламентирующими деятельность стратегического менеджмента, являются федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятый в 2014 году¹, ГОСТ Р 54147–2010 «Стратегический и инновационный менеджмент. Термины и определения».

Стратегический менеджмент предприятия, разрабатывая собственную стратегию, должен опираться на стратегию социально-экономического развития Российской Федерации, учитывая тенденции, сложившиеся в отрасли.

А. О. Блинов считает, что в долгосрочной перспективе развитие промышленного предприятия может быть стабильным при условии, что темпы его роста выше темпов развития рынка, его структура должна постоянно

адаптироваться к изменениям во внешней среде, а предприятие активно влиять на происходящие во внешней среде процессы [2].

Постоянные изменения во внешней среде требуют инновационного подхода на предприятии. Инновационный менеджмент сегодня выступает одним из составляющих стратегического менеджмента [16]. И тот, и другой направлены на повышение конкурентоспособности предприятия.

Деятельность в рамках стратегического менеджмента дает возможность поставить такие цели и задачи предприятию, которые позволят вывести предприятие на более высокий уровень с учетом изменений внешней и внутренней среды с учетом стратегического потенциала предприятия. К стратегическому потенциалу относят те ресурсы, которыми предприятие располагает сегодня, и те ресурсы, которыми предприятие планирует владеть завтра.

В основе стратегического менеджмента лежат стратегические решения. К стратегическим решениям относятся:

- модернизация предприятия;
- внедрение инновационных технологий;
- изменения в совершенствовании кадрового потенциала;
- преобразование организационной структуры управления;
- ассортимент производимой продукции;
- поиск поставщиков для производства нового вида продукции, превосходящей конкурентов по качественным характеристикам.

По мнению Э. Д. Умберга, система стратегического менеджмента предусматривает:

- выделение ресурсов корпорации под стратегические цели независимо от фактической структуры управления производственно-хозяйственной деятельностью;
- создание центров руководства каждой стратегической целью;
- оценку и стимулирование производственных подразделений и их руководителей по степени достижения стратегических целей [17].

В условиях развития теорий стратегического менеджмента обращает на себя внимание ряд проблем:

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный Закон (принят Государственной Думой 20.06.2014 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. 2014. №26 (ч. 1), ст. 3378. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 22.06.2023).

1) нецелесообразный подход в финансировании проектов развития предприятия;

2) отсутствие кадров, компетентных в области стратегического менеджмента;

3) сложности в разработке стратегии в условиях нестабильности внешней среды.

Данные проблемы требуют от руководителей знаний современных методов управления, анализа сложившейся ситуации, умения разработать рациональную стратегию.

Чтобы управление было эффективным и преследовало стратегические цели, необходимо соблюдение ряда принципов, которые обобщены Ю. А. Китаевым в четыре группы: экономические, организационные, технологические и экологические [8].

Обсуждение. Сегодня необходимо сформировать такой механизм стратегического менеджмента на предприятии, который отвечал бы современным потребностям и требованиям времени. Схема процесса управления в стратегическом менеджменте предложена на рисунке 1.

Основная задача стратегического менеджмента состоит в разработке оптималь-

ной стратегии развития и эффективном использовании собственных ресурсов предприятия: материальных, трудовых, финансовых.

Для эффективного функционирования организации необходимы корпоративный, деловой, операционный и функциональный уровни стратегии [19].

Сложность в разработке стратегии состоит в том, что невозможно количественно выразить прогнозируемые показатели, а возможно показать только направление развития предприятия. Аналитический процесс перед разработкой стратегии — довольно дорогостоящее мероприятие и требует значительных финансовых ресурсов для проведения аналитической работы.

Процесс управления в стратегическом менеджменте — это непрерывный и постоянно развивающийся механизм, направленный на анализ сложившейся ситуации и разработку основных направлений развития предприятия в будущем. Анализ сложившейся ситуации включает анализ основных показателей текущей деятельности предприятия, анализ ситуации на рынке, анализ деятельности конкурентов и анализ перспектив развития рынка.

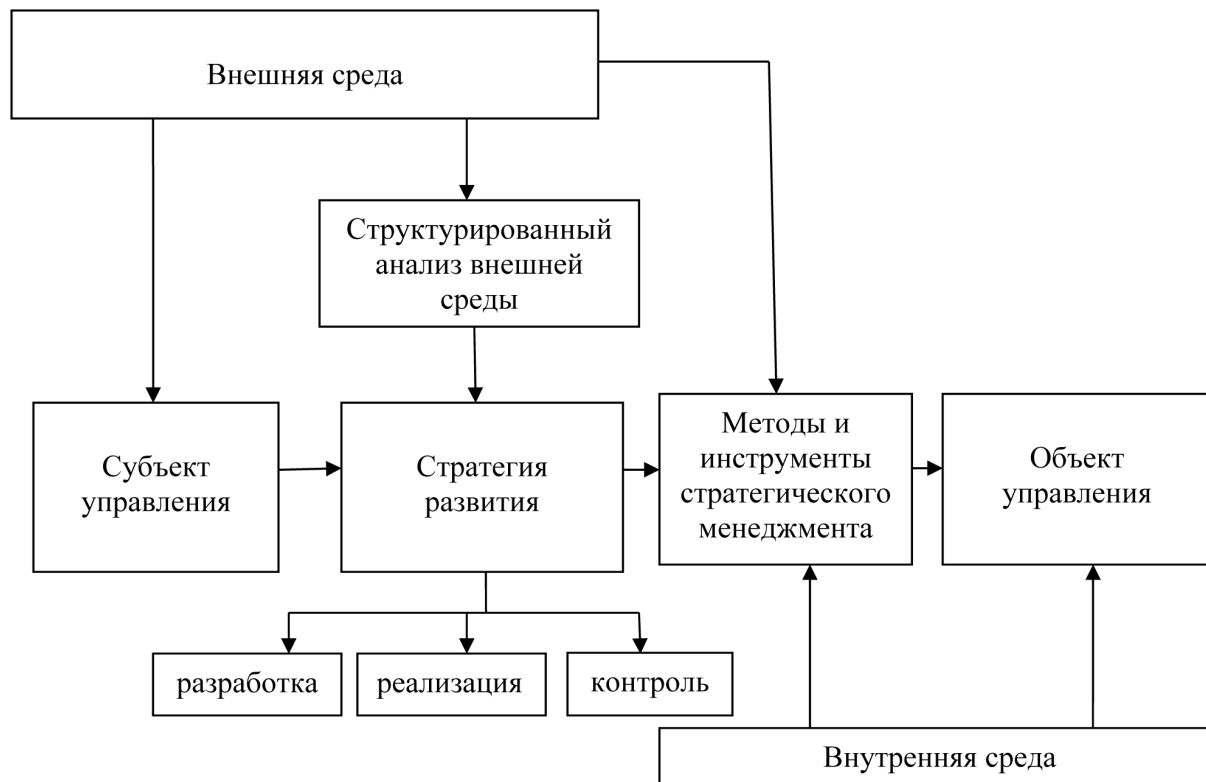

Рис. 1. Процесс управления в стратегическом менеджменте
Fig. 1. The management process in strategic management

Разработанная стратегия должна периодически корректироваться в связи с изменениями на рынке. За выбор стратегии отвечает руководитель предприятия, принимает все важные управленческие решения по поводу корректировки или изменения стратегии в зависимости от изменений на рынке. Кроме того, менеджеры различных уровней участвуют также в разработке, реализации и контроле стратегии в рамках своих структурных подразделений.

Особую роль в стратегическом менеджменте играют применяемые методы и инструменты. Использование методов стратегического менеджмента дает возможность предприятиям снизить риски и неопределенность в условиях нестабильности внешней среды. Целесообразность метода управления зависит от следующих факторов:

- общей методологии с оценкой эффективности производства;
- единства эффективности управления для всех уровней и объектов управления;
- учета фактора времени;
- оценки динамики эффективности во времени;
- надежности;
- объективности оценки;
- системности и комплексности при оценке факторов, влияющих на эффективность управления.

В качестве инструментов стратегического менеджмента в различных источниках рассматриваются методы аналитической деятельности. На основе проведенного анализа деятельности предприятия составляются прогнозы дальнейшего развития. К инструментам стратегического менеджмента относятся SWOT-анализ, PEST-анализ, GAP-анализ, SNW-анализ, матрица BCG, система KPI, 20 ключей и другие [5].

Например, SWOT-анализ представляет собой инструмент, позволяющий на основе анализа сильных и слабых сторон предприятия, его возможностей и угроз разработать необходимую для данного предприятия стратегию, требуемую в сложившихся условиях, или пересмотреть действующую.

С помощью PEST-анализа исследуется внешняя среда предприятия, воздействие экономических, политических, технологических и социальных факторов.

GAP-анализ используется для коррекции деятельности предприятия, когда достигнутые результаты не соответствуют запланированным, выявления недостатков в работе службы маркетинга.

SNW-анализ позволяет охарактеризовать внутреннюю среду предприятия, используя сильную сторону, слабую и нейтральную.

Матрица БКГ использует в своем анализе два основных параметра: доля рынка и темпы его роста. Сущность состоит в том, что берутся деньги из прибыльных видов деятельности и вкладываются в перспективные.

Система KPI представляет собой мотивационную систему. С помощью этой системы сотрудники более эффективно работают. Перед работниками ставятся цели, которые необходимо достичь.

Особого внимания в стратегическом менеджменте заслуживает такой инструмент, как портфельный анализ, который позволяет выявить неприбыльное производство и сосредоточить средства на перспективных направлениях. Для проведения портфельного анализа используется совокупность бизнес-единиц, составляющая активы предприятия. С использованием метода экстраполяции прогнозируются параметры деятельности предприятия в будущем путем построения двумерных матриц с такими критериями, как темпы продаж, доля рынка, стадия жизненного цикла [15].

Достаточно сложно определиться с выбором конкретных инструментов для предприятия, поэтому для выбора инструментов стратегического менеджмента по предприятию предлагается алгоритм, представленный на рисунке 2.

Разработка стратегии является определяющей при выборе инструментов стратегического менеджмента. Стратегия показывает дальнейшее развитие предприятия с учетом сохранения конкурентных преимуществ и положения на рынке. Для разных предприятий один и тот же тип стратегии будет иметь различную модель, поэтому и выбранные инструменты будут различны.

В стратегическом анализе в последние годы все большее значение приобретает искусственный интеллект и машинное обучение. Способы их использования в данном контексте могут быть следующие:

— они позволяют анализировать большие объемы информации и на основе этого анализа прогнозировать дальнейшее развитие, выявлять закономерности и тенденции развития, что в стратегическом анализе выступает ключевым аспектом и может быть использовано для составления прогноза спроса или поведения конкурентов;

— искусственный интеллект может автоматически классифицировать клиентов, продукты или рыночные сегменты по различным критериям, что помогает предприятиям и организациям лучше понимать своих клиентов и адаптировать свои стратегии под их потребности;

— анализ текста и его обработка могут использоваться для мониторинга мнений клиентов, обзоров продуктов и новостей о компании, помогая выявлять настроения потребителей, репутацию компании, тем самым влияя на принятие стратегических решений;

— искусственный интеллект может оптимизировать распределение ресурсов, таких как бюджеты маркетинга, производственные мощности и снабжение, тем самым повышая эффективность производства и снижая издержки;

— при помощи алгоритмов машинного обучения прогнозируются риски, что может помочь в идентификации потенциальных рисков и уязвимостей в стратегическом планировании, давая возможность компаниям принимать меры предосторожности и разрабатывать более устойчивые стратегии;

— в некоторых случаях искусственный интеллект может использоваться для автоматического принятия решений на основе заданных критериев. Это особенно полезно в оперативном стратегическом управлении;

— машинное обучение может помочь в создании персонализированных стратегий продаж и маркетинга, учитывая индивидуальные предпочтения клиентов;

Рис. 2. Алгоритм выбора инструментов стратегического менеджмента для разработки стратегии

Fig. 2. Algorithm for selecting strategic management tools for strategy development

— мониторинг конкурентов и анализ этих данных с использованием искусственного интеллекта может помочь в отслеживании действий конкурентов и адаптации своих стратегий в ответ на их действия.

Искусственный интеллект и машинное обучение предоставляют организациям инструменты для более глубокого и аналитического стратегического анализа, что может привести к более успешным и устойчивым стратегиям развития бизнеса.

Примеры успешного использования искусственного интеллекта и машинного обучения в стратегическом менеджменте демонстрирует нам известная фирма Netflix. Она использует алгоритмы машинного обучения для анализа предпочтений и поведения потребителей. Это позволяет предлагать персонализированный контент и рекомендации, что улучшает удовлетворенность клиентов и увеличивает их активное участие.

Amazon применяет машинное обучение для прогнозирования спроса на товары и оптимизации управления запасами. Это позволяет минимизировать издержки хранения и улучшить эффективность цепочек поставок.

Uber использует алгоритмы машинного обучения для оптимизации маршрутов и управления ценами в режиме реального времени. Это помогает улучшить обслуживание клиентов и эффективность бизнес-процессов.

Facebook использует алгоритмы машинного обучения для анализа поведения пользователей и создания более точной таргетированной рекламы. Это помогает повысить эффективность маркетинговых кампаний.

Разработанная стратегия в связи с изменениями внешней и внутренней среды постоянно должна корректироваться. Это свидетельствует о динамическом подходе в стратегическом менеджменте. При этом ключевыми параметрами должны быть уровень производительности труда, компетентность кадрового потенциала, устойчивость внешней среды, степень инновационной деятельности предприятия. Следовательно, при разработке стратегии должны предусматриваться различные варианты развития, включающие выбор цели, формулировку миссии, стратегические задачи, программы действий, ресурсы [9], то есть целесообразно использовать не одну, а несколько стратегий.

Именно стратегический менеджмент позволяет выявлять необходимость текущих изменений в стратегии. К этому ведет интенсивный рост IT-технологий, кардинальные изменения во внешней политике, нарушение логистических связей.

Только правильно выбранная стратегия позволит удержать конкурентные преимущества предприятию и эффективно функционировать на перспективу. Стратегия будет эффективной, если скоординирована деятельность всех функциональных служб предприятия.

При выборе стратегии необходимо учитывать имеющийся производственно-экономический потенциал предприятия. Это является базой для дальнейшего развития [18]. В то же время потенциал развивается при соответствующей стратегии. Развитие производственно-экономического потенциала должно строиться на основе экономико-математических методов с использованием имитационной модели формирования, где рассматривается конечный результат в зависимости от изменения различных критериев.

Стратегическое управление тесно взаимосвязано с креативным управлением, управлением инновационной деятельностью, маркетинговым управлением.

Заключение. Таким образом, сегодня, в условиях нестабильности внешней среды, ускорения научно-технического прогресса, разработка стратегии и использование инструментов стратегического менеджмента являются определяющими факторами для сохранения конкурентоспособности предприятия и дальнейшего развития. Именно стратегический менеджмент создает основу для эффективного развития предприятия.

Прогнозируемый потенциал является емкой частью выбранной стратегии и определяет инструменты для развития, способы анализа и контроля. Когерентность потенциала и стратегии в стратегическом менеджменте позволяют решить ряд важных задач в развитии предприятия.

Список источников

1. Ансофф И. Стратегический Менеджмент. Классическое издание. СПб.: Питер, 2009. 344 с.

2. Блинов А.О. Стратегический менеджмент российских предприятий. Материалы Итоговой (тринадцатой) Всероссийской научно-практической конференции // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском севере. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2014. С. 44–50.
3. Великороссов В.В. Стратегический менеджмент как связующее звено между классическим и современным направлениями в менеджменте // Друкеровский вестник. 2019. №1. С. 29–37.
4. Гераскина И.Н. Механизм реализации бенчмаркинга в системе стратегического менеджмента предприятия для устойчивого развития // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. №24(258). С. 2–15.
5. Горшенина Е.В., Никифорова М.С. Проблемы использования инструментов стратегического менеджмента в управлении организацией // Экономические исследования. 2015. №2. С. 2–4.
6. Дятлов А.В., Сажин П.В. Тенденции и перспективы изменения организационной культуры российского малого бизнеса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. №6—2. С. 234–238.
7. Киселев А.А. Формирование единых подходов к определению сущности стратегического менеджмента в отечественной науке управления // Инновационная наука. 2015. №4-1. С. 39–45.
8. Китаёв Ю.А. Принципы разработки стратегии развития молочного скотоводства в макрорегионе // Вестник НГИЭИ. 2021. №7(122). С. 83–92.
9. Козлов Д.С., Сапунов А.В. Роль и место стратегии в деятельности организации // Modern Science. 2020. №4-3. С. 94–98.
10. Комиссарова М.А. Стратегическое управление отечественными промышленными компаниями с использованием новой парадигмы // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2011. №2. С. 60–65.
11. Кыштымова Е.А., Медик Д.О. Стратегический менеджмент: современные концепции // Символ науки. 2017. №02-1. С. 82–84.
12. Маврина И.Н. Стратегический менеджмент: учебное пособие. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 132 с.
13. Маськов С.А. Особенности выбора стратегии развития предприятия // Новые технологии. 2008. №6. С. 63–65.
14. Миллер А.Б., Петров А.Н. Стратегический менеджмент как стратегический процесс [Электронный ресурс] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2010. №1. С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-menedzhment-kak-strategicheskij-protsess> (дата обращения: 12.06.2023).
15. Решетникова Е.П., Шемятихина Л.Ю. Портфельный анализ как инструмент стратегического менеджмента. Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сборник научных статей / Отв. ред. Т.В. Борздова и др. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. 340 с.
16. Стукова Ю.Е., Хушт С.И. Инновационный менеджмент как одно из направлений стратегического менеджмента // Colloquium Journal. 2019. №13-11(37). С. 158–159.
17. Умберг Э.Д. Стратегический менеджмент [Электронный ресурс] // Центр Управления Финансами. URL: <https://center-yf.ru/data/Menedzheru/Strategicheskii-menedzhment.php> (дата обращения 01.09.2023).
18. Щербаков В.А., Генералова С.В. Формирование и контроль использования производственно-экономического потенциала предприятия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. №15. С. 60–66.
19. Suriyankietkaew S. A Retrospective and Foresight: Bibliometric Review of International Research on Strategic Management for Sustainability, 1991–2019 // Sustainability. 2019. №12(1). P. 91. URL: <https://sciprofiles.com/profile/161659> (date accessed: 04.10.2023).
20. Tapera J. The importance of strategic management to business organizations // Research Journal of Social Science & Management. 2014. Vol. 3. №11. Pp. 122–131.

References

1. Ansoff I. Strategicheskij Menedzhment. Klassicheskoe izdanie [Strategic Management. Classic edition]. Saint Petersburg: Piter, 2009. 344 p. (In Russ.).
2. Blinov A.O. Strategicheskij menedzhment rossijskih predpriyatij. Materialy Itogovo

(trinadcatoj) Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Strategic management of Russian enterprises. Materials of the Final (thirteenth) All-Russian Scientific and practical conference]. Politicheskie, jekonomicheskie i sociokul'turnye aspekty regional'nogo upravlenija na evropejskom severe [Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North]. Syktyvkar: Komi respublikanskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija, 2014. Pp. 44–50. (In Russ.).

3. Velikorossov V.V. Strategicheskij menedzhment kak svjazujuščee zveno mezhdu klassicheskim i sovremennym napravlenijami v menedzhmente [Strategic management as a link between classical and modern trends in management]. *Drukerovskij vestnik* [Drucker's Bulletin]. 2019; (1): 29–37. (In Russ.).

4. Geras'kina I.N. Mehanizm realizacii benchmarkinga v sisteme strategicheskogo menedzhmenta predpriyatija dlja ustojchivogo razvitija [The mechanism of benchmarking implementation in the strategic management system of an enterprise for sustainable development]. *Finansovaja analitika: problemy i reshenija* [Financial analytics: problems and solutions]. 2015; 24(258): 2–15. (In Russ.).

5. Gorshenina E.V., Nikiforova M.S. Problemy ispol'zovaniya instrumentov strategicheskogo menedzhmenta v upravlenii organizacij [Problems of using strategic management tools in the management of an organization]. *Jekonomicheskie issledovanija* [Economic research]. 2015; (2): 2–4. (In Russ.).

6. Djatlov A.V., Sazhin P.V. Tendencii i perspektivy izmenenija organizacionnoj kul'tury rossijskogo malogo biznesa [Trends and prospects of changing the organizational culture of Russian small business]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2014; 6(6-2): 234–238. (In Russ.).

7. Kiselev A.A. Formirovanie edinyh podhodov k opredeleniju sushhnosti strategicheskogo menedzhmenta v otechestvennoj nauke upravlenija [Formation of unified approaches to determining the essence of strategic management in the national science of management]. *Innovacionnaja nauka* [Innovative science]. 2015; (4-1): 39–45. (In Russ.).

8. Kitajov Ju. A. Principy razrabotki strategii razvitija molochnogo skotovodstva v makrore-

gione [Principles of developing a strategy for the development of dairy cattle breeding in the microregion]. *Vestnik NGIJeI* [Bulletin of NGIJeI]. 2021; 7(122): 83–92. (In Russ.).

9. Kozlov D.S., Sapunov A.V. Rol' i mesto strategii v dejatel'nosti organizacii [The role and place of strategy in the organization's activities]. *Modern Science*. 2020; (4-3): 94–98. (In Russ.).

10. Komissarova M.A. Strategicheskoe upravlenie otechestvennymi promyshlennymi kompanijami s ispol'zovaniem novoj paradigmy [Strategic management of domestic industrial companies using a new paradigm]. *Vestnik JuRGTU (NPI)* [Bulletin of SRSTU (NPI)]. 2011; (2): 60–65. (In Russ.).

11. Kyshtymova E.A., Medik D.O. Strategicheskij menedzhment: sovremennye koncepcii [Strategic management: modern concepts]. *Simvol nauki* [Symbol of Science]. 2017; (02-1): 82–84. (In Russ.).

12. Mavrina I.N. Strategicheskij menedzhment: uchebnoe posobie [Strategic management: a textbook]. Ekaterinburg: UrFU, 2014. 132 p. (In Russ.).

13. Mas'kov S.A. Osobennosti vybora strategii razvitija predpriyatija [Peculiarities of choosing an enterprise development strategy]. *Novye tehnologii* [New technologies]. 2008; (6): 63–65. (In Russ.).

14. Miller A.B., Petrov A.N. Strategicheskij menedzhment kak strategicheskij process [Strategic management as a strategic process] [Elektronnyj resurs]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics]. 2010; (1): 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-menedzhment-kak-strategicheskij-protsess> (data obrashhenija: 12.06.2023). (In Russ.).

15. Reshetnikova E.P., Shemjatihina L. Ju. Portfel'nyj analiz kak instrument strategicheskogo menedzhmenta. Innovacionnoe razvitie jekonomiki: predprinimatel'stvo, obrazovanie, nauka: sbornik nauchnyh statej [Portfolio analysis as a strategic management tool. Innovative development of the economy: entrepreneurship, education, science: collection of scientific articles]. Otv. red. T.V. Borzdova i dr. [In T.V. Borzdova (eds.) et al.]. Minsk: GIUST BGU, 2013. 340 p. (In Russ.).

16. Stukova Ju. E., Husht S.I. Innovacionnyj menedzhment kak odno iz napravlenij stra-

tegicheskogo menedzhmenta [Innovative management as one of the directions of strategic management]. *Colloquium Journal*. 2019; (37): 158–159. (In Russ.).

17. Umberg Je. D. Strategicheskij menedzhment [Strategic management] [Elektronnyj resurs]. Centr Upravlenija Finansami. URL: <https://center-yf.ru/data/Menedzheru/Strategicheskii-menedzhment.php> (data obrashhenija 01.09.2023). (In Russ.).

18. Shherbakov V.A., Generalova S.V. Formirovanie i kontrol' ispol'zovaniya proizvodstvenno-jekonomicheskogo potentsiala predpriyatija [Formation and control of the use of the production and economic potential of the enter-

prise]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. 2007; (15): 60–66. (In Russ.).

19. Suriyankietkaew S. A Retrospective and Foresight: Bibliometric Review of International Research on Strategic Management for Sustainability, 1991–2019. *Sustainability*. 2019; 12(1): 91. URL: <https://sciprofiles.com/profile/161659> (date accessed: 04.10.2023).

20. Tapera J. The importance of strategic management to business organizations. *Research Journal of Social Science & Management*. 2014; 3(11): 122–131.

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted on 06.11.2023; approved after reviewing on 22.11.2023; accepted for publication on 10.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шумская Елена Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Естественнонаучные дисциплины, информационные технологии и управление», Каменский технологический институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Каменск-Шахтинский, пр. К. Маркса, 23

Elena N. Shumskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technologies and Management, Kamensk Technological Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). 23 K. Marx av., Kamensk-Shakhtinsky, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 304

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-179-188

ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ КОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

*Елена Викторовна Волохова¹, Василий Сергеевич Любченко^{2✉},
Юлия Владимировна Маслова³*

^{1, 2, 3}*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

¹*volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507*

²*v.s.lyubchenko@gmail.com✉, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408*

³*yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID РИНЦ: 379483*

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении потенциала традиционных ценностей для повышения духовности российского населения и формирования фундамента российской государственности.

Методологический конструкт. Исследование потенциала традиционных ценностей для консолидации современного российского общества осуществляется на основе анализа нормативно-правовых актов и деятельности общественных институтов. При рассмотрении нормативно-ценностной концепции, которая позволяет акцентировать внимание на культурном взаимодействии групп, сближении их ценностей и выработке единых представлений и норм поведения, а также концепции символического интеракционизма, которая дает возможность проанализировать значимые для российского общества традиционные символы.

Результаты исследования. В работе ценности определяются через знание населения своей истории и культуры своего народа. К уникальным особенностям российского общества авторы работы относят такие ценностные ориентации, как общинность, семейственность, приоритет идеального над материальным. Процесс глобализации влияет на целостность культурного полотна, а традиционные ценности не позволяют разрушить данное единство. Традиционные ценности позволяют накапливать культурно-исторический опыт, укреплять суверенитет российского государства, формировать и сохранять позитивную гражданскую идентичность населения, т. е. обращение граждан России к традициям и истории государства, культуре, отказ от заимствованных ценностей позволит нейтрализовать как внутренние, так и внешние угрозы, а также будет способствовать обеспечению национальной безопасности России.

Перспективой исследования является дальнейшее изучение факторов консолидации российского общества: роль семьи, российская идентичность, доверие к институтам власти, межэтническая толерантность.

Ключевые слова: население, российское общество, ценности, ценностные ориентации, традиционные ценности, скрепы, консолидация, механизмы консолидации общества

Для цитирования: Волохова Е.В., Любченко В.С., Маслова Ю.В. Потенциал традиционных ценностей для консолидации современного российского общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 179–188. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-179-188>.

Original article

THE POTENTIAL OF TRADITIONAL VALUES FOR THE CONSOLIDATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Elena V. Volokhova¹, Vasiliy S. Lyubchenko²✉, Yulia V. Maslova³

^{1, 2, 3}*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*volokhova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

²*v.s.lyubchenko@gmail.com✉, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408*

³*yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID RSCI: 379483*

Abstract. *The purpose of the study is to examine the potential of traditional values to increase the spirituality of the Russian population and form the foundation of Russian statehood.*

Methodological construct. *The study of the potential of traditional values for the consolidation of modern Russian society is carried out on the basis of an analysis of normative legal acts and the activities of public institutions. When considering the normative-value concept, which allows us to focus on the cultural interaction of groups, the convergence of their values and the development of common ideas and norms of behavior, as well as the concept of symbolic interactionism, which makes it possible to analyze traditional symbols that are significant for Russian society.*

The results of the study. *In the work, values are determined through the knowledge of the population of its history and culture of its people. Among the unique features of Russian society, the authors of the work include such value orientations as community, nepotism, the priority of the ideal over the material. The process of globalization affects the integrity of the cultural canvas, and traditional values do not allow this unity to be destroyed. Traditional values allow us to accumulate cultural and historical experience, strengthen the sovereignty of the Russian state, form and preserve a positive civic identity of the population, i. e. the appeal of Russian citizens to the traditions and history of the state, culture, the rejection of borrowed values will neutralize both internal and external threats, and will also contribute to ensuring Russia's national security.*

The perspective of the research *is to further study the factors of consolidation of Russian society: the role of the family, Russian identity, trust in government institutions, interethnic tolerance.*

Keywords: *population, Russian society, values, value orientations, traditional values, bonds, consolidation, mechanisms of consolidation of society*

For citation: *Volokhova E. V., Lyubchenko V. S., Maslova Yu. V. The potential of traditional values for the consolidation of modern Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 179–188. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-179-188>.*

Введение. Российская Федерация является многонациональной страной¹. По данным переписи, которая проводилась с октября по ноябрь 2021 года, на территории России проживает 147590600 человек, которые относятся к 194 национальностям². Среди народов-миллионников, проживающих в России, русские, татары, чеченцы, башкиры, чувашы, аварцы.

Для того чтобы сохранить многогранность России и укрепить ее государственного единство, в 2012 году была разработана и утверждена Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года³. На Валдайском форуме 2018 года Владимир Владимирович Путин в дискуссии упомянул о том, что наша идентичность, культура и история страны позволяет нам быть теми, кем мы являемся, и в связи с этим необходимо сохранить нашу идентичность, что позволит народу существовать и развиваться дальше⁴. Большое количество многонационального населения, проживающего на территории России, объединено единым культурным кодом⁵. Все имеющееся многообразие культур и языков составляет единую российскую культуру и самобытность нашей страны, с интересным прошлым, уникальным настоящим и манящим будущим.

Идея сохранения этнокультурной уникальности страны и конструирования объединяющей гражданской идентичности многонационального населения, которое проживает в России, — это один из ключевых вопросов страны, который ставится и обсуждается

государственными деятелями, исследуется учеными и встречается в повестках средств массовой информации и социальных медиа.

Анализ степени исследования проблемы и методологическая база. В течение длительного времени в России идейным лидером и вдохновителем исследовательских проектов, посвящённых изучению консолидационных факторов российского общества и межнационального согласия, была Леокadia Михайловна Дробизева⁶. Под ее руководством осуществлялись исследования содержательных компонентов гражданской идентичности [4; 5; 6].

Вопросы этносоциологии лежат в научном поле исследователей Института этнологии и антропологии РАН⁷. Валерий Александрович Тишков указывает на то, что важными компонентами фундамента нациестроительства на гражданской основе в России являются сохранение историко-культурного наследия [11]. Рассматривая факторы и ресурсы консолидации современного общества, исследователи обращаются к изучению таких феноменов, как историческая память [8; 1; 2], социальная справедливость [3].

В настоящее время под руководством Михаила Константиновича Горшкова реализуется грант РНФ, направленный на исследование факторов нематериального порядка, позволяющих консолидироваться российскому обществу при возникновении и распространении различного рода угроз⁸. Исследователям, принимающим участие в данном

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 15.09.2023).

2 Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 15.09.2023).

3 Указ Президента РФ о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. №703) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 15.09.2023).

4 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России: [сайт]. 2018. 18 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/58848> (дата обращения: 15.09.2023).

5 Указ Президента РФ о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. №703).

6 Сайт Памяти Л. М. Дробизевой [Электронный ресурс]. URL: <http://drobizheva.tilda.ws/> (дата обращения: 16.09.2023).

7 Основные направления деятельности института [Электронный ресурс] // Институт этнологии и антропологии РАН. URL: https://iea-ras.ru/?page_id=159 (дата обращения: 16.09.2023).

8 Презентация и экспертное обсуждение по итогам проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН [сайт]. URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=11602 (дата обращения: 16.09.2023).

научном проекте, при изучении влияния современной реальности на общество удалось увидеть, что в настоящее время фиксируется как рост личной ответственности граждан, так и увеличение количества граждан, которые стремятся обвинить в своих жизненных провалах внешние обстоятельства. Также данный исследовательский коллектив пришел к выводу о том, что сегодня активно идет борьба между ценностями чистой совести и ценностями материального порядка⁹.

Соприкасаясь с проблемами консолидации российского общества, ученые показывают, что важным ресурсом в данном процессе может являться доверие населения к властным структурам [7; 13]. Рейтинг доверия государственным и общественным институтам за последние годы измеряется сотрудниками ВЦИОМ и приводится на сайте центра¹⁰. По мнению исследователей, высокая степень институционального доверия может стать сильной опорой для поддержания стабильности российского социума и в ситуации нарастания угроз обеспечить его консолидацию.

Исследователи Юга России обращают наше внимание на такой ресурс консолидации российского общества, как патриотизм [14; 12], апеллирующий к общим ценностям и интересам общества.

Анализ сайтов научно-исследовательских центров и трудов исследователей по теме консолидационных ресурсов российского общества подчеркивает актуальность изучения вопроса консолидации населения страны. В связи с социальной значимостью вопроса консолидации для благополучного развития общества нам кажется весьма важным не прекращать поиск ресурсов, участвующих в данном процессе.

На наш взгляд, важным ресурсом, помогающим сохранить единство многообразия и самобытность России, являются традиционные ценности.

Взаимоотношение России с другими государствами, политическая обстановка в целом активизировали интерес к традиционным ценностям в российском обществе, так

как единые скрепы для единства народа России, общность ценностей, общероссийская гражданская идентичность — это обязательные условия для развития страны и ее цивилизационного единства.

В рамках данной статьи на основе анализа нормативно-правовых документов и деятельности общественных институтов будет рассмотрен потенциал традиционных ценностей для консолидации современного российского общества.

Традиционные ценности как ресурс сохранения целостности российского общества. Консолидация — представляет собой одну из форм интеграционного процесса, в рамках которой происходит объединение общества в связи с наличием в обществе значимых ценностей и целей развития [10]. В данной связи, исходя из обозначенного определения, мы считаем, что для объединения населения в обществе необходимо транслировать ценности и цели для развития и совершенствования социума.

Говоря о ценностях, мы обращаемся к идеям М. Вебера, который указывал на то, что ценность выступает собой как норма, которая обладает для субъекта определенной степенью значимости. Методологический смысл ценности предавал Т. Парсонс, который считал ценности важнейшим элементом социальной структуры, поскольку они позволяют воспроизводить культурные образцы.

Ценности представляют собой устойчивые смысловые доминанты, присущие человеку или социальной группе, задачей которых является определение приоритетов деятельности человека [9]. Также необходимо отметить, что ценности не возникают сами по себе, они присущи системе и связаны с потребностями и установками общества.

Одним из фактов, который свидетельствует поиску опоры России на традиционные ценности, является проведение с 2008 года определенного тематического года. В России уже прошли тематические

9 Карточка проекта, поддержанного Российским Научным Фондом «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (20–18–00505) [Электронный ресурс] // РФФИ [сайт]. URL: <https://rscf.ru/project/20-18-00505/> (дата обращения: 16.09.2023).

10 Новости [Электронный ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov> (дата обращения: 16.09.2023).

года, посвященные семье, молодежи, истории, культуры, литературы, кино, добровольчества, памяти и славы. На наш взгляд, проведение ежегодно определенного тематического года актуализирует общественное внимание к той или иной актуальной сфере, а также способствует повышению духовности населения. Например, прошлый, 2022 год считался годом культурного наследия народов России¹¹. Мы считаем, что проведение мероприятий в рамках тематики каждого года способствует гармонизации отношений поликультурного населения России, что в свою очередь служит фактором духовного единения общества, являющегося не внешним механическим единством, а свободным единством в деле совместного понимания пути развития России.

В ноябре 2022 года Президентом России был подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹². Традиционные ценности являются нравственными ориентирами, оказывающими влияние на формирование мировоззрения населения России. Данные ориентиры необходимо передавать из от поколения в поколение, что поможет в конструировании общероссийской гражданской идентичности и сохранении единого культурного пространства страны¹³. Традиционные ценности не допускают разобщенности и раскола общества, позволяют накапливать культурно-исторический опыт, способствуют укреплению суверенитета российского государства, а также формированию и сохранению позитивной гражданской идентичности населения России. К традиционным ценностям относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Оте

честву и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹⁴.

Сохранение традиционных ценностей — это один из национальных интересов Российской Федерации, обозначенный в долгосрочной перспективе¹⁵. Задачей трансляции и распространения традиционных духовно-нравственных ценностей среди населения России является формирование фундамента российской государственности и поддержание духовной безопасности России.

О важности традиционных ценностей также говорится в Основах государственной культурной политики, где указывается, что государственная культурная политика направлена на формирование нравственной, социально ответственной личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности¹⁶.

Что лежит в основе традиционных духовных ценностей России? Сюда мы можем отнести стремление к высшим идеалам, стремление к духовному, искание совершенного добра, близость к чему-то идеальному, а не материальному. Именно эти ценности формируют русский характер, где наряду со страстностью и силой воли можно встретить и обломовщину, леность, пассивность.

В первую очередь трансляция традиционных ценностей должна проводиться среди молодежи, являющейся наиболее многочисленной и активной частью населения страны, а также обладает потенциалом, который поз-

11 Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 г. №745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47407> (дата обращения: 16.09.2023).

12 Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 16.09.2023).

13 Там же.

14 Там же.

15 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.09.2023).

16 Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. №35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 16.09.2023).

воляет им вести борьбу с дезинтегрирующими процессами в российском обществе, что выступает следствием немеркантильности русского человека.

Акторами трансляции и популяризации традиционных ценностей являются институты образования, культуры, средства массовой коммуникации, а также различные органы публичной власти. Благодаря деятельности данных акторов можно транслировать ценность крепкой семьи, милосердия, справедливости, коллективизма, взаимопомощи.

Помимо культурной политики значимость придают воспитательной и образовательной политике. В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года указано, что одно из приоритетных направлений политики в области воспитания — это содействие деятельности социальных институтов, являющихся носителями духовных ценностей¹⁷.

Сегодня при разработке программ обучения в рамках бакалавриата, специалитета, магистратуры учебные заведения высшего образования закладывают дисциплины гуманитарного, естественно-научного, социально-экономического профилей, обладающих воспитательным потенциалом. Помимо таких дисциплин в учебные планы бакалавриата и специалитета набора 2023 года обучения включена дисциплина «Основы российской государственности»¹⁸, тематические блоки которой будут направлены на более широкую гуманитарно-просветительскую академическую подготовку будущих специалистов всех направлений подготовки. В рамках преподавания данной дисциплины студентов-первокурсников будут знакомить с Россией как государством-цивилизацией в ее непрерывном развитии. На лекционных и семинарских занятиях данного образовательного модуля/дисциплины преподаватели будут рассказывать о деятельности России, подвигах

великих граждан страны, ценностных ориентациях России, что способствует формированию у студентов чувства гордости за свою страну и свой народ. Как показывают данные ВЦИОМ, россияне в большинстве своем одобряют запуск нового учебного курса в российских вузах — в ходе опроса две трети наших сограждан назвали его нужным (68%)¹⁹.

Трансляции традиционных ценностей способствует деятельность молодежных общественных организаций, среди которых можно отметить Российский союз молодежи, Российские студенческие отряды, Российское движение школьников, Молодежный клуб Русского географического общества, Юнармию. Также мероприятия, направленные на формирование позитивной гражданской идентичности, исторической памяти проводятся в рамках проведения таких форумов, как Территория смыслов, Машук, Форум рабочей молодежи. Участие молодых людей в форумах и их причастность к деятельности молодежных организаций позволяет им осознавать себя в качестве части единого целого культурного пространства страны.

Нельзя не отметить в сохранении и распространении традиционных ценностей роль Русской православной церкви. Посредством проведения воспитательных мероприятий со стороны данного института происходит духовно-нравственное развитие личности²⁰.

Заключение. Традиционные ценности российского общества относятся к символическим ресурсам консолидации населения и включают в себя универсальные/естественные ценности, к которым относятся жизнь и безопасность человека, его права, справедливость и патриотизм, а также цивилизационные, обусловленные российской спецификой: общинность, служение Отечеству, приоритет духовного над материальным, семей-

17 Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 г. №996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420277810> (дата обращения: 17.09.2023).

18 В подготовке курса «Основы российской государственности» для вузов приняли участие 3 тысячи преподавателей [Электронный ресурс] // Сайт Министерства науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/66405/> (дата обращения: 16.09.2023).

19 «Можно ли научить государственности?» [Электронный ресурс] // Опрос ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 16.09.2023).

20 Образовательная концепция Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4396010.html>.

твенность, созидательный труд, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение.

Обращение к традиционным ценностям представляет собой их фиксацию в сознании населения, которая в России осуществляется путем ежегодного обозначения тематического года, что позволяет населению обратить внимание на ту или иную актуальную сферу, а также способствует повышению духовности граждан России. Помимо этого, особой значимостью обладает культурная, воспитательная и образовательная политика государства.

Распространение традиционных ценностей, скрепляющих общество, позволяет поддерживать стабильность социальной системы. Распространение традиционных ценностей среди населения России позволит отказаться от заимствованных ценностей, будет способствовать противодействию распространению деструктивной идеологии и сохранению и развитию духовного потенциала народа России, что обеспечит национальную безопасность России.

Список источников

1. Акимов А. А., Гаммзаева Г. Ш., Казакбиева О. И. Историческая память как фактор консолидации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2023. №1. С. 13–17.
2. Воденко К. В., Иванченко О. С., Тихоновская М. П., Лабазе О. Е. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №5. С. 6–20.
3. Волков Ю. Г. Социальная справедливость в коллективных представлениях населения регионов Юга России в контексте формирования общероссийской идентичности // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. №3. С. 63–77.
4. Дробижина Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. №1-2(77-78). С. 39–52.
5. Дробижина Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. №8. С. 37–50.
6. Дробижина Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №4(158). С. 480–498.
7. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. №5. С. 161–175.
8. Ратушняк В. Н., Касьянов В. В., Ратушняк О. В. Роль культурного волонтерства в формировании исторической памяти современной российской молодежи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. №4(208). С. 102–106.
9. Рындина А. С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-teorii-tsennostey-v-sotsiologii-i-napravleniya-ee-razvitiya> (дата обращения: 17.09.2023).
10. Самсонова Т. Н., Цыганкова Д. Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества // Теория и практика общественного развития. 2020. №11(153). С. 24–31.
11. Тишков В. А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. №4. С. 408–412.
12. Узунов В. В. Ресурсный потенциал социальной консолидации на юге России: особенности формирования и проблемы реализации // Гуманитарий Юга России. 2021. №4. С. 124–138.
13. Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. №3. С. 74–82.
14. Шевченко О. М., Вагина В. О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №3. С. 300–309.

References

1. Akimova A.A., Gammzaeva G. Sh., Kazakbieva O.I. Istoricheskaja pamjat' kak faktor konsolidacii rossijskogo obshhestva [Historical memory as a factor of consolidation of Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. Serija: Istoricheskie nauki. Kul'turologija. Politicheskie nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical Sciences. Cultural studies. Political sciences]. 2023; (1): 13–17. (In Russ.).
2. Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Tihonovskova M. P., Labadze O. E. Rol' resursa istoricheskoy pamjati v formirovanii grazhdanskoj identichnosti i obespechenii kul'turnoj bezopasnosti molodjozhi Juga Rossii [The role of the resource of historical memory in the formation of civic identity and ensuring the cultural security of the youth of the South of Russia]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2021; 14(5): 6–20. (In Russ.).
3. Volkov Ju. G. Social'naja spravedlivost' v kollektivnyh predstavlenijah naselenija regionov Juga Rossii v kontekste formirovanija obshherossijskoj identichnosti [Social justice in the collective representations of the population of the regions of the South of Russia in the context of the formation of the All-Russian identity]. *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. 2022; 10(3): 63–77. (In Russ.).
4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. Obshherossijskaja identichnost' v sociologičeskom izmerenii [All-Russian identity in the sociological dimension]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian Nation]. 2021; 1-2(77-78): 39–52. (In Russ.).
5. Drobizheva L. M. Rossijskaja identichnost': poiski opredelenija i dinamika rasprostranenija [Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution]. *Sociologičeskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (8): 37–50. (In Russ.).
6. Drobizheva L. M. Smysly obshherossijskoj grazhdanskoj identichnosti v massovom soznanii rossijan [The meanings of the All-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020; 4(158): 480–498. (In Russ.).
7. Latov Ju. V. Institucional'noe doverie kak social'nyj kapital v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam monitoringa) [Institutional trust as social capital in modern Russia (based on monitoring results)]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies]. 2021; (5): 161–175. (In Russ.).
8. Ratushnyak V. N., Kas'janov V. V., Ratushnyak O. V. Rol' kul'turnogo volonterstva v formirovanii istoricheskoy pamjati sovremennoj rossijskoj molodezhi [The role of cultural volunteerism in the formation of the historical memory of modern Russian youth]. *Izvestija vysshih učebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [Izvestiya of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. 2020; 4(208): 102–106. (In Russ.).
9. Ryndina A. S. Istoki teorii cennostej v sociologii i napravlenija ee razvitija [The origins of the theory of values in sociology and the directions of its development] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik RUDN. Serija: Sociologija* [Bulletin of the RUDN. Series: Sociology]. 2021; (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-teorii-tsennostey-v-sotsiologii-i-napravleniya-ee-razvitiya> (data obrashhenija: 17.09.2023). (In Russ.).
10. Samsonova T. N., Cygankova D. N. Osnovnye problemy i napravlenija dostizhenija konsolidacii rossijskogo obshhestva [The main problems and directions of achieving consolidation of Russian society]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2020; 11(153): 24–31. (In Russ.).
11. Tishkov V. A. Rossijskaja identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy [Russian identity: internal and external challenges]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2019; 89(4): 408–412. (In Russ.).
12. Uzunov V. V. Resursnyj potencial social'noj konsolidacii na juge rossii: osobennosti formirovanija i problemy realizacii [Resource potential of social consolidation in the South of Russia: features of formation and prob-

lems of implementation]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2021; (4): 124–138. (In Russ.).

13. Cherkashin M. D. Doverie naselenija k organam vlasti kak faktor social'noj konsolidacii obshhestva [Public confidence in authorities as a factor of social consolidation of society]. *Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Communicology: electronic scientific journal]. 2019; 4(3): 74–82. (In Russ.).

14. Shevchenko O. M., Vagina V. O. Grazhdanskij patriotizm kak ideja konsolidacii molodezhi na Juge Rossii: specifika i trudnosti formirovaniya [Civic patriotism as an idea of consolidation of youth in the South of Russia: specifics and difficulties of formation]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017; 6(3): 300–309. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 18.10.2023; принята к публикации 14.11.2023.

The article was submitted on 28.09.2023; approved after reviewing on 18.10.2023; accepted for publication on 14.11.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

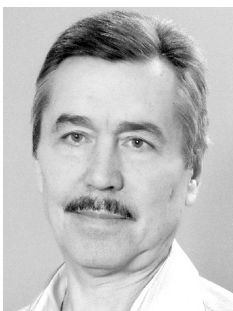

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasiliy S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Маслова Юлия Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Yulia V. Maslova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign languages, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-189-198

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Олег Юрьевич Керимов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
ug-igrushka@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1028596*

Аннотация. *Целью исследования* является анализ теоретико-методологической специфики базовых принципов социального и политического конструктивизма как парадигмы изучения и стратегического планирования модернизационных процессов в социальной и политической сфере.

Методологическую базу исследования составляют положения теории социального и политического конструктивизма, а также методы сравнительного анализа.

Результаты исследования. *В то время как социально-технологическая и социокультурная парадигмы модернизации ориентируют на «естественный», эндогенный, длительный, эволюционный процесс перехода от традиционного типа общества к современному, то социально-политический конструктивизм как подход к преобразованиям предполагает разработку проектов переконструирования социальных и политических институтов на основе конструирования и обновления символических оснований политики. При этом субъектом конструирования выступают правящие политические элиты. Несмотря на то, что в рамках социально-политического конструктивизма возможны вариативные сценарии модернизации незападных обществ — радикальный, либеральный, консервативный, с соответствующей направленностью конструирования смыслов и их объективизации в институциональных структурах, все эти сценарии имеют в своей природе дирижистские представления о политической воле коллективного субъекта преобразований как достаточном основании для инициирования и эффективного осуществления модернизации. Современные социально-политические конструктивистские проекты являются дирижистскими в силу лидирующей роли государства и политических элит как инстанции, осуществляющей выбор и директивную реализацию модернизационного проекта.*

Перспективы исследования определяются тем, что социально-политический конструктивизм является не только теоретической парадигмой, но и концептуальной базой дирижистских стратегий осуществления модернизационных преобразований. Это связано с тем, что в основе конструктивизма лежит базовое представление о неограниченной пластичности общества и его политических институтов.

Ключевые слова: *социально-политический конструктивизм, конструирование, смыслы, рациональность, алгоритмизация, универсализм, модернизация, дирижизм*

Для цитирования: Керимов О.Ю. Социально-политический конструктивизм: методологические особенности исследования процессов модернизации // Вестник

Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №6. С. 189–198. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-189-198>.

Original article

SOCIO-POLITICAL CONSTRUCTIVISM: METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY OF MODERNIZATION PROCESSES

Oleg Yu. Kerimov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ug-igrushka@mail.ru, AuthorID RSCI: 1028596*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the theoretical and methodological specifics of the basic principles of social and political constructivism as a paradigm for the study and strategic planning of modernization processes in the social and political sphere.*

The methodological basis of the study consists of the principles of the theory of social and political constructivism, as well as methods of comparative analysis.

Research results. *While the socio-technological and socio-cultural paradigms of modernization focus on the «natural», endogenous, long-term, evolutionary process of transition from a traditional type of society to a modern one, socio-political constructivism as an approach to transformation involves the development of projects for the redesign of social and political institutions based on constructing and updating the symbolic foundations of politics. In this case, the subject of construction is the ruling political elite. Despite the fact that within the framework of socio-political constructivism, variable scenarios for the modernization of non-Western societies are possible — radical, liberal, conservative, with a corresponding focus on the construction of meanings and their objectification in institutional structures, all these scenarios have in their nature dirigiste ideas about the political will of the collective subject transformations as a sufficient basis for initiating and effectively implementing modernization. Modern socio-political constructivist projects are dirigiste due to the leading role of the state and political elites as the authority that makes the choice and directive implementation of the modernization project.*

The prospects for the study are determined by the fact that socio-political constructivism is not only a theoretical paradigm, but also a conceptual basis for dirigiste strategies for implementing modernization transformations. This is due to the fact that constructivism is based on the basic idea of the unlimited plasticity of society and its political institutions.

Keywords: *socio-political constructivism, design, meanings, rationality, algorithmization, universalism, modernization, dirigisme*

For citation: *Kerimov O. Yu. Socio-political constructivism: methodological features of the study of modernization processes // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 189–198. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-189-198>.*

Введение. Коллективным инициатором российской модернизации всегда выступала политическая элита, ориентированная на ценности развития, тогда как широкие массы больше ценили стабильность и оставались пассивными. Инициированные элитой преобразования имели проектный, политико-конструктивистский характер, осуществлялись на основе мобилизации и конструирования новых институциональных конфигураций посредством привлечения административного ресурса. При этом элита обозначала и границы преобразований, в силу чего модернизация в России приобрела хронически незавершенный, рецидивирующий характер.

Нам представляется актуальным в настоящее время изучение социально-политического конструктивизма как методологической парадигмы, предполагающей широкие возможности осуществления элитами социальных трансформаций в силу закрепившихся представлений о неограниченной пластичности обществ.

Методологическая специфика социально-политического конструктивизма. На концептуальной базе неокантианства и его более современных интеллектуальных дериваций возникли представления о социальном конструировании и такие направления мысли, как социологический и политический конструктивизм. Будучи носителем субъектности, осуществляющий преобразование актор в одно и то же время и овладевает объектом, и познает его, интегрируя в свою собственную рациональность, подчиняя выведенным ею закономерностям. Таким образом, рациональное познание есть овладение и господство над объектом. Овладение объектом открывает возможности его «пересоздания», оценивания, реконструкции и конструирования в рамках рациональности, присущей субъекту.

При этом, как подчеркивают исследователи, «конструктивистский анализ предполагал ошибочность эссенциалистских представлений о природе социально институализированных практик, социальной идентичности и т.д. А это в свою очередь означало, что существующие практики, институты (и многое другое из социальной сферы) вовсе не обязаны быть такими, какими они являются

на данный момент» [8]. Методологически конструктивизм в социологическом и политологическом знании связан с феноменологическим подходом, суть которого и заключается в критике и деконструкции эссенциалистского мышления. Конструктивизм исходит из того, что все социальные и политические институциональные структуры не базируются на неких незыблемых сущностных основаниях, а являются конструкциями, преднамеренно созданными некоторыми социальными группами, и могут быть «переконструированы», трансформированы без всякого ущерба для общества.

Именно на этих концептуальных предпосылках укреплялся и развивался комплекс представлений о возможности и необходимости масштабных социальных и политических преобразований на основе принципов рациональности: понятие «конструирование социальной реальности» в одном значении выступает как характеристика процесса социального проектирования, а в другом — как характеристика преобразования мира [5].

Такое преобразование предполагает наличие разработанных специальных методов его осуществления. Это дает возможность увидеть процессы преобразования общества и общественных отношений как совокупность методологически предопределенных этапов или фаз, обладающих преемственностью в определенной логике трансформации. Как подчеркивают исследователи, преобразование общества на началах рациональности должно осуществляться поэтапно и сам этот процесс должен быть разделен на взаимосвязанные и скоординированные этапы, обладающие логической преемственностью [6]. Таким образом, социальное и политическое конструирование имеет структурированный характер и являет собой четкий алгоритм, задающий единство процесса в его направленности на однозначно понимаемый и прогнозируемый результат.

Парадигма социально-политического конструктивизма в этой связи может быть определена как система представлений, в которой допустимо и необходимо целенаправленное алгоритмизированное воздействие на социальную реальность, задающее ее изменение в желаемую сторону. Представляется очевидным, что формирование этой парадигмы

является продуктом развития общества в индустриальной и постиндустриальной фазах, результатом универсализации промышленно-производственного подхода и распространения его на все сферы общественной жизнедеятельности [6]. В основе этой системы представлений лежит убеждение на сознательном и неосознаваемом уровнях социальной ментальности в том, что целенаправленный упорный труд, правильно организованный в соответствии с верными методологиями и алгоритмами, с необходимостью продуцирует изначально предзаданный результат именно в том виде, в каком он прогнозировался. Вопрос только в том, насколько адекватны предлагаемые алгоритмы, но их можно и нужно корректировать в духе совершенствующихся представлений об обществе.

Кроме того, конструктивистской парадигме и связанной с ней ментальности присущ своеобразный универсализм, проистекающий из общности траекторий промышленно-производственного цикла вне зависимости от своеобразия цивилизаций и культур. Эта общность проецируется на социальную сферу как представление о единстве и универсальности социальной рациональности как таковой, а также о том, что использование универсальной последовательности преобразовательных процедур должно естественным образом и с необходимостью приводить к единообразным позитивным результатам независимо от социокультурного и цивилизационного контекста осуществления преобразований.

Методология социального конструктивизма, генетически связанная с неокантианской линией в европейской философии и ее феноменологическими дериватами, была впервые заявлена в работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [4]. Идущая от Канта и его последователей идея приоритетности субъекта, своей внутренней активностью творящего образ окружающей реальности, преломившись в феноменологии, воплотилась в понимании социальных практик и институтов как продукта конструирования и в отказе от эссенциализма в трактовке социальных явлений и процессов. Концепция социального-политического конструктивизма стала альтернативой эссенциализму в понимании социальных структур и институтов, которые стали

рассматриваться как возникшие и закрепившиеся благодаря интерпретативной и конструктивной деятельности заинтересованных в них социальных групп, и потому могущие быть переконфигурированными.

Характеризуя социально-политический конструктивизм как методологическую парадигму, исследователи отмечают, что с этой позиции «все знания и, следовательно, реальность как таковая зависят от человеческих практик и создаются во взаимодействиях между индивидами и их жизненными мирами, а развиваются и передаются преимущественно в социальном контексте» [12; с. 202]. Конструирование — неотъемлемая часть процесса познания социальной реальности, поскольку, согласно методологии конструктивизма, познавая реальность, субъект наделяет ее смыслами и значениями. Исходя из этих смыслов и значений, субъект конструирует реальность социальных взаимодействий как реальность смысловую, интенциональную, и научается жить и взаимодействовать в ней в соответствии со своими представлениями о ней.

Таким образом, то, что воспринимается человеком как предзаданная ему объективная социальная и политическая реальность: социальные структуры, институты, нормативные каноны и представления, стереотипы восприятия других участников взаимодействий и их поведения — представляет собой совокупность конструкторов, в пространстве которых только и возможна, согласно конструктивизму, жизнь и деятельность человека как социального существа.

В отличие от конструктивистского подхода, структурационный подход к изучению модернизации (методология структуризации очерчена Э. Гидденсом) представляет собой сочетание структуралистского и деятельностного подходов. Подобные теории, к которым относятся также теория самонаправленности А. Этциони, теория социального становления П. Штомпки, теория самопроизводящегося общества А. Турена и др., рассматривают социальные изменения, в том числе модернизацию, как самообусловленные процессы, происходящие в определенных условиях в силу действия внутренних объективных факторов. Так, согласно П. Штомпке [14], общество — реальность, изменяющаяся по своей природе и потому процессуальная, причем источник

изменений является эндогенным, поэтому вне зависимости от воли субъекта преобразований и даже его наличия общество само по себе чревато трансформациями. Деятельность субъектов модернизации лишь воплощает в практике эти эндогенные изменения, при этом социальные структуры и обуславливают изменения, и сами благодаря им трансформируются [11].

В парадигме конструктивизма, в отличие от теорий структуризации, социальное взаимодействие рассматривается как изначальное. Институционализация, т.е. закрепление на формальном уровне тех или иных устойчивых траекторий социального взаимодействия, приводит к объективации лежащих в их основе смыслов и значений в виде институциональных структур определенных конфигураций. Как подчеркивает Н.Н. Равочкин, «возникновение любого политико-правового института можно рассматривать в качестве результата исторического развития общества, поскольку его функционал — это прежде всего регуляция и обеспечение нормализации социальных взаимодействий» [12, с. 204]. При этом структурированные институциональные формы являют собой в представлениях конструктивизма объективированные конфигурации идей, понятий, т.е. знаниевые конструкты. Они формируются в пространстве социума из устойчивых «опривыченных» траекторий социальных взаимодействий, определяемых предпочтениями и социальными ожиданиями акторов.

Конструирование политических смыслов и идей мыслится при этом как процесс оптимизации политических институтов с точки зрения выполнения ими своей важнейшей функции — сохранения устойчивости социального порядка и предотвращения катастрофических, революционных форм его переустройства. Таким образом, в парадигме социального конструктивизма политические институты являются концентрированным выражением определенных коллективно признанных и принятых смыслов, отвечающих представлениям членов общества об их ценностях и интересах в сфере социального и политического порядка.

Социальный конструктивизм генетически восходит к неокантианской социологии (М. Вебер) и феноменологии, наследуя пред-

ставления о смыслотворческой и конструктивной роли знания. В процессе познания коллективным субъектом социальной реальности она и конструируется на основе формирующихся через познание смыслов, которые объективируются как в социальном действии, так и в институциональных структурах.

Рациональное познание реализуется в структуре субъектно-объектного разделения, когда субъекту его познавательная деятельность видится как разновидность овладения объектом и господства над ним. Так, современные философы, социологи, политологи отчетливо сознают и признают власть знания как в первую очередь возможность контролировать реальность, ориентироваться в ней и не находиться под властью ее объективности.

Социально-политический конструктивизм феноменологического толка предполагает для исследователя социальных процессов, институтов и практик позицию «сверху». Так, П. Бурдьё различает позицию исследующего субъекта как носителя профессиональной социологической и политологической рефлексии, на которой основывается социальное знание, и позицию субъекта разнообразных практик, не обладающего способностью социальной рефлексии, но ориентирующегося в мире социально-практических взаимодействий посредством «нерефлексивного когито», неосознаваемого, но закрепленного в структурах габитуса [7]. Таким образом, П. Бурдьё аналогично Э. Гидденсу в его теории структуризации утверждает параллелизм и взаимосвязанность объективированных структур социума и внутрисубъектных неосознаваемых структур, на которых основывается непосредственная логика социальных практик. Однако отделение исследователей как носителей рефлексивного социального знания характерно для феноменологических и конструктивистских подходов в целом, поскольку имеющий дело с рефлексией, анализом и знанием рассматривается как более свободный и осознанный субъект. Таким образом, в целом концепция социально-политического конструктивизма исходит из приписывания носителю научной рефлексии позиции «сверху».

В таком понимании методология социально-политического конструктивизма представляет собой парадигму овладения социаль-

ной реальностью и управления ею не только через рациональное познание и подчинение ее рациональности в собственном понимании, но и через фактически пересоздание ее заново. Тем самым социально-политический конструктивизм как концепция общества, политических институтов и власти неотделим от попыток и усилий по преобразованию социальной реальности как овладения ею. Общество и его институты не просто мыслятся как объективированные идеи, они представляются как обладающие пластичностью вплоть до текучести, «жидкости» («жидкое социальное» З. Баумана), и пафосом социального конструктивизма является не только исследование, но и деконструкция старых, неадекватных смыслов и институциональных форм, и конструирование новых, соответствующих современности, смыслов. На этой концептуально-методологической парадигме основывается политико-конструктивистская модель модернизации.

В философско-политических исследованиях в рамках этой парадигмы речь идет, в частности, о политико-проектном конструировании, которое определяется исследователями как «процесс смыслотворческой и идеологической деятельности государства, органов власти и управления, политических партий, политической и научной элиты, общественных организаций» [13, с. 57–58]. Тем самым целью конструирования в конечном счете выступает «формирование определенной общественно-политической реальности» [13, с. 45]. Целенаправленное конструирование со стороны правящих элит при этом не исключает и спонтанных процессов изменений в области политических идей и общественно-политических отношений: как отмечают исследователи, могут происходить и спонтанные изменения массового сознания под влиянием изменившейся общественно-политической ситуации [1]. Однако наиболее сильное влияние на процессы конструирования общественно-политической реальности оказывает установленная политическая система.

Отсюда следует, что модернизация, понимаемая как системное целенаправленное изменение общества, вписывается в методологию социального и политического конструктивизма как процесс концептуализации преобразований и их осуществления пос-

редством социально-политического проектирования и конструирования. Осуществление модернизационных преобразований мыслится как разработка политическими элитами — коллективным субъектом преобразований — интегрального проекта новой общественно-политической реальности с дальнейшим внедрением этого проекта в экономическую и политическую жизнь.

Как мы уже показали выше, такой проект предполагает алгоритмизацию шагов и наличие определенных методов осуществления. При этом проектирующие и реализующие модернизационный проект субъекты (элиты) занимают, как было описано, позицию «сверху» в отношении общества, его институтов и в целом общественно-политической реальности, планируя и выстраивая фазы преобразований, определяя их направленность.

При этом возможны три сценария осуществления модернизационных преобразований.

Дирижистский сценарий основывается на традиционной для СССР идее активной регулирующей позиции государства и власти в экономике и политике. Для постсоциалистических обществ и в особенности России с ее этатристической цивилизационной спецификой дирижистская модель отношений между государством и экономикой гораздо ближе и естественнее воспринимается населением в практической жизни, чем либеральная и неолиберальная. В отличие от дирижистской модели экономический либерализм и неолиберализм ограничивают участие государства в экономике созданием оптимальной институционально-правовой среды для осуществления свободных рыночных отношений в уверенности, что рыночные механизмы сами спонтанно будут успешно осуществлять регулирование экономических процессов. Таким образом, либерализм и дирижизм образуют два полюса осуществления преобразований, между которыми существуют напряженность и противоречия.

Либеральный сценарий модернизации в России был опробован в первый период преобразований — в 90-е годы XX века и тогда же исчерпал себя в условиях социокультурной среды российского общества с традиционным патернализмом и коллективистской психологией. Позднее стало наблюдаться смещение курса преобразований

в сторону дирижистского сценария. В настоящее время понимание феномена дирижизма в политологии расширилось и распространилось не только на область экономической политики, но и на политическое развитие страны в целом. Как отмечают исследователи, «новые явления в политическом развитии России и ее регионов со всей необходимостью актуализируют вопрос об исследовании проблематики государственного дирижизма, его специфике, области применения, а также получаемого эффекта» [10, с. 104]. Если ранее для общественных и экономических наук было характерно использование понятия дирижизма в применении к способу регулирования экономики, то в последнее время диапазон применения этого понятия стал значительно шире, что свидетельствует о происходящих в социальной и политической жизни изменениях.

Само по себе это говорит о том, что активное участие государства в регулировании экономических и социально-политических процессов существенно расширилось и дирижистский сценарий из альтернативного неолиберальному превратился в главенствующий и ведущий. Государство как макроактор в экономике и центральная структура политики превратилось в доминирующего агента в обществе, безальтернативно определяющего стратегию развития.

Традиционно дирижизм ассоциируется прежде всего с направляющей и определяющей ролью государства в сфере экономических отношений. Согласно Д. Н. Нечаеву, «в основе теории и практики дирижизма лежит убеждение, что все экономические проблемы могут быть преодолимы политической волей» [10, с. 105].

При этом, как показывают некоторые экономические исследования, дирижистская модель экономического развития в ее современном виде имеет существенные дефекты, которые могут приводить к неуспешности развития производства и экономики в целом. Так, согласно Н. А. Алексеевой и В. Г. Корнякову, в российской экономике длительное время наблюдается дисфункциональность системы общественного воспроизводства, неспособность ни к самообновлению производственного аппарата, ни к поддержанию достаточного для устойчивого развития уровня техни-

ко-технологической инновационности даже при наличии инвестиций [2]. Исследователи объясняют это недостаточной мотивированностью работников к инновациям и уровню производительности [3]. Дирижистская модель модернизации, продвигаемая «сверху», не создает мотиваций для креативных инициатив и личной заинтересованности работников в производственных процессах.

С другой стороны, находясь в корреляции с российской культурной традицией, для которой всегда характерно было патерналистское отношение к государству, связанные с ним социальные ожидания заботы и покровительства со стороны государственной власти, дирижистская модель реализации преобразований оказалась более продуктивной ввиду того, что она обеспечивает значительно более высокий уровень государственного и правового контроля. Начало нового витка модернизации в девяностые годы, инициированное либерально мыслящей элитой, хотя и представляло собой попытку реализации дирижистско-конструктивистского либерального проекта новой социально-политической реальности, привело к обрушению механизмов контроля в обществе, не подготовленному к системной трансформации, и исчезновению привычных контролирующих и управляющих инстанций в виде партийных органов. Либеральный проект модернизации объективно оказался одним из факторов масштабного вывоза капитала за пределы страны, массового снижения уровня жизни и потребления населения, сращения бизнеса и криминала и других негативных явлений. В этом смысле российская либеральная модернизация (90-е годы XX века) может считаться дирижистской по методам осуществления, поскольку попытка либеральных преобразований в экономике была инициирована и навязана населению политической элитой — в значительной мере в своих групповых эгоистических интересах.

Модернизация, как и любые направленные системные изменения, конструируется и проектируется не только и не столько в экономическом и политическом поле, где мы можем наблюдать уже ее практическое воплощение, сколько в пространстве символическом, интерпретационном, в котором общество оперирует пониманием

самого себя и происходящих с ним процессов. Овладение этим пространством и возможность контролировать происходящее в нем открывает возможность выстраивать стратегию модернизации на уровне смыслообразования и интерпретации, привлекая и наполняя новыми значениями и смыслами символические структуры, сформировавшиеся на протяжении истории. При этом, согласно О.Ю. Малиновой, ссылающейся на М. Эдельмана, «политику следует изучать как “символическую форму”» [9, с. 11], скорее, как сферу когниции и интерпретации.

Конструктивистско-дирижистская модель политической модернизации, предполагающая не «стихийную руку рынка» в становлении современного типа экономики и политики, а осуществление проекта преобразований под контролем и стратегическим влиянием государства и правящей элиты, включает в себя контроль над модернизационными процессами посредством конструирования смыслов в символическом пространстве, работы с переинтерпретацией событий прошлого и представлений о будущем. Работа с символами дает возможность «мягкого» вторжения в массовое сознание и переформатирование его в направлении, позволяющем сохранить в видоизмененной форме смыслы и ценности, которые были бы деформированы и обесценены вестернизирующей модернизацией. Так, в современной консервативной версии российской модернизации значительную роль играет символическая репрезентация прошлого страны как победоносного, имперского, державного, наполненного масштабными экономическими и политическими успехами.

Дирижистско-конструктивистский проект модернизации в социально-политической сфере находит выражение в целенаправленной деятельности по проектированию и конструированию новых, отвечающих потребностям современности смыслов и воплощению их в соответствующих институциональных структурах.

Выводы. Политико-конструктивистская модель социально-политической модернизации базируется на теоретических представлениях о социальной реальности как отличающейся пластичностью и неопределенностью

собственных характеристик, благодаря чему ее возможно трансформировать и конструировать в рамках тех или иных проектов. Тем самым группы и общности, образующие правящую элиту, полагаются способными к разработке и внедрению в жизнь политических проектов, на основе которых осуществляются достаточно быстрые (в сравнении с эволюционными историческими сроками) и радикальные преобразования институциональной структуры.

Поскольку имеет место неразрывная связь между объективированными политическими и социальными институтами с одной стороны и знаниевыми конструкциями, социальными представлениями и культурным символизмом с другой, то преобразования институтов выступают лишь одним из компонентов трансформации общего ментального контекста, политической культуры и системы символов. Все эти процессы при осуществлении быстрых радикальных преобразований в рамках проектного конструирования политической системы происходят асинхронизированно, в силу чего реализация модернизационных проектов становится малоэффективной.

Список источников

1. Абрамов В.В. Содержание общественного мнения и его структура // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников. Тверь: ТГУ, 2018. С. 10–13.
2. Алексеева Н.А., Корняков В.И. Дирижизм и воспроизводственный поворот // Теоретическая экономика. 2015. №1(25). С. 24–35.
3. Алексеев А., Кузнецова Н. Инновационный потенциал реального сектора: неутраченные иллюзии? // Экономист. 2013. №12. С. 12–26.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Дуреев С.П., Дуреева Н.С. Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник ЧелГУ. 2016. №3(385). С. 21–25.

6. Дятченко Л.Я. Социально-технологическая культура как универсальное основание эффективной общественной практики в XXI столетии // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2007. №1(33). С. 3–9.

7. Иванова Н.А. Пьер Бурдьё о науке как поле символического производства и роли habitus'a в нем // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. №4(20). Вып. 1. С. 206–219.

8. Кабанов А.В. Социальный конструктивизм: сущность, истоки, версии конструктивистского подхода к знанию // *Социум и власть*. 2021. №2(88). С. 7–17.

9. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 420 с.

10. Нечаев Д.Н. К постановке проблемы государственного дирижизма в информационной сфере РФ: региональный уровень // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2014. №1. С. 104–112.

11. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзор* / Под ред. Л.И. Бородинки. Вып. 8. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 146–168.

12. Равочкин Н.Н. Методологическая роль социального конструктивизма для исследований политико-правовых институтов // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2022. №1. С. 201–211.

13. Чекменев Д.С. Конструирование общественно-политического дискурса в современной российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Пятигорск, 2020. 400 с.

14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

References

1. Abramov V.V. Soderzhanie obshhestvennogo mnenija i ego struktura [The content of public opinion and its structure]. *Psihologija, obrazovanie: aktual'nye i prioritetye napravlenija issledovanij: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, magistrrov, aspirantov, molodyh uchenyh i ih nastavnikov* [Psychology, education: current

and priority areas of research: Materials of the International scientific and practical Conference of students, masters, postgraduates, young scientists and their mentors]. Tver': TGU, 2018. Pp. 10–13. (In Russ.).

2. Alekseeva N.A., Kornjakov V.I. Dirizhizm i vosproizvodstvennyj povorot [Dirigisme and the reproductive turn]. *Teoreticheskaja jekonomika* [Theoretical economics]. 2015; 1(25): 24–35. (In Russ.).

3. Alekseev A., Kuznecova N. Innovacionnyj potencial real'nogo sektora: neutrachennye illjuzii? [The innovative potential of the real sector: unrequited illusions?]. *Jekonomist* [Economist]. 2013; (12): 12–26. (In Russ.).

4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).

5. Dureev S.P., Dureeva N.S. Konstruirovanie social'noj real'nosti v kontekste sovremennogo mirovogo razvitiya [Constructing social reality in the context of modern world development]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of ChelSU]. 2016; 3(385): 21–25. (In Russ.).

6. Djatchenko L. Ja. Social'no-tehnologicheskaja kul'tura kak universal'noe osnovanie jeffektivnoj obshhestvennoj praktiki v XXI stolietii [Socio-technological culture as a universal basis for effective social practice in the XXI century]. *NOMOTNETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo* [NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law]. 2007; 1(33): 3–9. (In Russ.).

7. Ivanova N.A. P'er Burd'e o nauke kak pole simvolicheskogo proizvodstva i roli habitus'a v nem [Pierre Bourdieu on science as a field of symbolic production and the role of habitus in it]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2012; 4(20): 206–219. (In Russ.).

8. Kabanov A. V. Social'nyj konstruktivizm: sushhnost', istoki, versii konstruktivistskogo podhoda k znaniyu [Social constructivism: the essence, origins, versions of the constructivist approach to knowledge]. *Socium i vlast'* [Society and power]. 2021; 2(88): 7–17. (In Russ.).

9. Malinova O. Ju. Konstruirovanie smyslov: Issledovanie simvolicheskoi politiki v sovremennoj Rossii [Constructing meanings: A

study of symbolic politics in modern Russia]. Moscow: INION RAN, 2013. 420 p. (In Russ.).

10. Nechaev D.N. K postanovke problemy gosudarstvennogo dirizhizma v informacionnoj sfere RF: regional'nyj uroven' [On the formulation of the problem of state dirigisme in the information sphere of the Russian Federation: the regional level]. *Vestnik RUDN. Serija: Politologija* [Bulletin of the RUDN. Series: Political Science]. 2014; (1): 104–112. (In Russ.).

11. Poberezhnikov I.V. Modernizacija: teor-etiko-metodologicheskie podhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. *Jekonomicheskaja istorija. Obozrenie* [Economic history. Review]. Pod red. L.I. Borodkina [In L.I. Borodkin (eds.)]. Issue 8. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2002. Pp. 146–168. (In Russ.).

12. Ravochkin N.N. Metodologicheskaja rol' social'nogo konstruktivizma dlja issledovanij politiko-pravovyh institutov [The methodological role of social constructivism for research of political and legal institutions]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Armavir State Pedagogical University]. 2022; (1): 201–211. (In Russ.).

13. Chekmenev D.S. Konstruirovanie obshhestvenno-politicheskogo diskursa v sovremennoj rossijskoj publichnoj politike: dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.02 [The construction of socio-political discourse in modern Russian public policy. Dr. Sci. (Political Science) dis.: 23.00.02]. Pjatigorsk, 2020. 400 p. (In Russ.).

14. Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij [Sociology of social change]. Moscow: Aspekt Press, 1996. 416 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 02.11.2023; approved after reviewing on 24.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керимов Олег Юрьевич — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Oleg Yu. Kerimov — an assistant at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 37.025

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-199-210

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ЗДОРОВЬЯ: ПРОБЛЕМА БАЛАНСА КОМПОНЕНТОВ

Василий Сергеевич Любченко¹, Александр Александрович Молоканов²✉

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

²Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

¹v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408

²spartak123.molokanov@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID РИНЦ: 876840

Аннотация. Целью исследования является установление основных существенных характеристик индивидуального здоровья, анализ количественных и качественных индикаторов и способов измерения уровня индивидуального здоровья, выяснение социокультурной природы здоровья как динамического баланса его компонентов.

Методологическую базу исследования представляют альтернативные дисциплинарные и концептуальные подходы к определению понятия «здоровье», среди которых в качестве исходной концептуальной основы используется определение здоровья, данное в «Уставе Всемирной организации здравоохранения». В статье предпринят критический анализ этого определения и попытка уточнить его содержание. Применяется метод структурно-динамического анализа системы индивидуального здоровья.

Результаты исследования. В понятии здоровья выделены три составных элемента: физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье. Рассматривается взаимосвязь между ними, уточняются критерии составных элементов индивидуального здоровья. Подчеркивается, что индивидуальное здоровье является комплексным, социокультурным феноменом, определяемым социокультурными условиями жизнедеятельности личности. При анализе индикаторов индивидуального здоровья доказана ограниченность субъективных самооценок и самооценок индивидом состояния своего здоровья. Дана сравнительная характеристика индикаторов физического, психического и социального здоровья и методик их измерения. Установлено, что в структуре индивидуального здоровья его элементы: физическое, психическое и социальное здоровье — образуют динамический баланс при определяющей роли социального здоровья, обуславливающего либо разрушающего предпосылки для формирования полноценного триединого индивидуального здоровья.

Перспективы исследования заключаются в анализе взаимосвязи между индивидуальным и общественным здоровьем, поскольку индивидуальное здоровье личности существует не само по себе, а лишь в структуре общественного здоровья, которое образует отдельную систему, не сводящуюся к механической сумме индивидуального здоровья всех членов определенной социальной общности.

Ключевые слова: здоровье, индивидуальное здоровье, индикаторы здоровья, физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье, личность, здоровый образ жизни

Для цитирования: Любченко В. С., Молоканов А. А. Социокультурная природа здоровья: проблема баланса компонентов // Вестник Южно-Российского государственного

технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6.
С. 199–210. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-199-210>.

Original article

SOCIOCULTURAL NATURE OF HEALTH: THE PROBLEM OF BALANCE OF COMPONENTS

Vasiliy S. Lyubchenko¹, Aleksandr A. Molokanov²✉

¹Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

²Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia

¹v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408

²spartak123.molokanov@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID RSCI: 876840

Abstract. *The purpose of the study is to establish the main essential characteristics of individual health, analyze quantitative and qualitative indicators and methods for measuring the level of individual health, and clarify the sociocultural nature of health as a dynamic balance of its components.*

The methodological basis of the study is represented by alternative disciplinary and conceptual approaches to the definition of the concept of «health», among which the definition of health given in the «Charter of the World Health Organization» is used as the initial conceptual basis. The article undertakes a critical analysis of this definition and an attempt to clarify its content. The method of structural-dynamic analysis of the individual health system is used.

Research results. *The concept of health has three components: physical health, mental health, social health. The relationship between them is examined, and the criteria for the constituent elements of individual health are clarified. It is emphasized that individual health is a complex, sociocultural phenomenon determined by the sociocultural conditions of an individual's life. When analyzing indicators of individual health, the limitations of subjective self-assessments and self-perceptions of an individual's state of health have been proven. A comparative description of indicators of physical, mental and social health and methods for measuring them is given. It has been established that in the structure of individual health, its elements: physical, mental and social health form a dynamic balance with the determining role of social health, which determines or destroys the prerequisites for the formation of a full-fledged triune individual health.*

The prospects of the study *lie in the analysis of the relationship between individual and public health, since individual health does not exist on its own, but only in the structure of public health, which forms a separate system that is not reduced to the mechanical sum of the individual health of all members of a particular social community.*

Keywords: *health, individual health, health indicators, physical health, mental health, social health, personality, healthy lifestyle*

For citation: *Lyubchenko V.S., Molokanov A.A. Sociocultural nature of health: the problem of balance of components // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 199–210. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-199-210>.*

Введение. Здоровье является главным ресурсом индивидуальной и социальной жизни, но в то же время оно является и одним из самых уязвимых и хрупких ресурсов, поскольку внешняя социальная и природная среда постоянно создают множество угроз нашему здоровью. При всей важности этой категории само это понятие является дискуссионным. «В настоящее время насчитывается от 80 до 300 определений термина “здоровье”, отражающих как эволюцию представлений о нем во времени, так и его качественные признаки с точки зрения той или иной науки» [9, с. 51]. В то же время точное определение понятия «здоровье» играет большую роль не только для теории, но и для практики организации общественного здравоохранения, а также для практики сохранения личностью индивидуального здоровья.

Проблема определения здоровья связана с тем, что это явление многофакторное и характеризуется комплексом параметров. Гипотетически возможно выбирать из этого комплекса любые параметры, но тогда мы придем лишь к частичным определениям. Более продуктивной будет попытка суммировать различные параметры, как, например, это сделал П.И. Калью, который выделил шесть признаков здоровья: «1 — нормальная функция организма на всех уровнях его организации, нормальное течение физических и биохимических процессов, способствующих индивидуальному выживанию и воспроизводству; 2 — динамическое равновесие организма и его функций и факторов окружающей среды; 3 — способность к полноценному выполнению основных функций, участие в социальной деятельности и общественно-полезном труде; 4 — способность организма приспособляться к постоянно меняющимся условиям существования в окружающей среде, поддерживать постоянство внутренней среды организма, обеспечивая нормальную и разностороннюю жизнедеятельность; 5 — отсутствие болезни, болезненных состояний либо болезненных изменений; 6 — полное физическое и духовное, умственное и социальное благополучие, гармоническое развитие физических и духовных сил организма, принцип его единства, саморегуляции и гармонического взаимодействия всех органов»

[2, с. 33–35]. В данном собирательном определении доминируют физические параметры индивидуального здоровья, но слабо выражены его социокультурные параметры. Кроме того, простое эклектическое соединение разных определений не позволяет выявить сущность физического здоровья. Эта сущность размывается в бесформенном разнообразии определений.

Нередко попытки определить эту сущность сводятся к негативному или отрицательному определению здоровья как отсутствию болезни. В итоге здоровье определяется как состояние организма, противоположное болезни, обозначающее полноту жизненных проявлений человека. С одной стороны, эти попытки отражают реальную сопряженность двух антиномичных понятий «здоровье — болезнь», но отрицательное определение, хоть здоровья через отсутствие болезни, хоть болезни через отсутствие здоровья, не раскрывает нам сущность ни здоровья, ни болезни. Кроме того, возникают дополнительные проблемы с определением понятия «болезнь», которые усугубляются многообразием видов болезни, ведь здоровье как позитивная ценность является единичным понятием, а болезнь как негативное качество является многообразным. Другими словами, здоровье всегда одно, а болезней существует множество, подобно тому, как истина всегда одна, а ложь существует во множестве проявлений. Так, например, Ю.П. Лисицын дает следующую классификацию определений болезни: «1. Биологизаторские дефиниции, 2. Кибернизаторские дефиниции, 3. Энергизаторские дефиниции, 4. Социологизаторские и психологизаторские дефиниции» [6, с. 27].

Любая попытка выделения каких-либо существенных признаков физического здоровья путем отрицательного определения привела бы нас к неразрешимым затруднениям, обусловленным многоликостью и разнообразием болезней.

Методика. В нашей работе на основе метода критического анализа наиболее распространенных подходов к определению индивидуального предпринимается попытка установить их существенные критерии и элементы индивидуального здоровья, также ана-

лизируются качественные и количественные индикаторы индивидуального здоровья.

Многочисленные проблемы и неудачи с выделением главных существенных признаков здоровья, казалось бы, удачно решены в определении, данном в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»¹.

В этом определении, во-первых, выделены три составных элемента здоровья: 1) физическое благополучие, 2) душевное (психическое) благополучие и 3) социальное благополучие. Структурная целостность здоровья, отраженная в определении ВОЗ, безусловно, является его большим плюсом. Во-вторых, установлен социокультурный статус здоровья как одного из основных прав человека и основного фактора мира и безопасности народов. И это чрезвычайно ценное дополнение, которое придает здоровью статус социальной ценности. В-третьих, это определение является положительным, а не отрицательным и специально подчеркивает, что здоровье не сводится к простому отсутствию болезней. И этот момент определения ВОЗ также абсолютно уместен.

Неслучайно данное довольно удачное определение стало наиболее распространенным в научном дискурсе. Кроме того, оно легло в основу многих государственных рамочных законодательных актов, посвященных медицине и здравоохранению, в том числе и российских. Однако, нетрудно заметить некоторые принципиальные недостатки этого определения.

Первый недостаток состоит в том, что в этом определении не раскрывается ключевой термин — родовой признак «благополучие». Что такое «благополучие»? В чем выражается физическое, психическое и социальное благополучие индивида? Это также не раскрывается в данном слишком общем определении.

Таким образом, в определении здоровья, данном ВОЗ, «дьявол скрывается в деталях», точнее, в отсутствии достаточно четких и ясных деталей. Оно, безусловно, нуждается

в конкретизации и уточнении терминов: «физическое благополучие», «психическое благополучие» и «социальное благополучие» — и в раскрытии взаимосвязей между этими тремя компонентами здоровья.

Вторым недостатком определения здоровья ВОЗ является то, что оно представляет собой попытку дать понятие только индивидуального здоровья отдельного человека, но ведь давно уже установлено, что наряду с индивидуальным здоровьем существует и социальное или общественное здоровье. Другими словами, эти категории, хотя и тесно связаны и взаимно опосредуют друг друга, тем не менее не тождественны. Ввиду взаимосвязи индивидуального и общественного здоровья раскрывать их сущность невозможно вне этой взаимосвязи.

Тем не менее, определение здоровья ВОЗ может быть принято как исходный пункт для дальнейшего концептуального постижения сущности здоровья, идущем в направлении преодоления данных недостатков. Собственно, этим и занимаются многочисленные специалисты и исследователи. Часть из них стремится уточнить состав элементов физического, психического и социального благополучия личности, зафиксировать качественные и количественные параметры этого благополучия, проанализировать взаимодействие трех компонентов индивидуального здоровья и, наконец, разработать эффективные способы и методики измерения и диагностики индивидуального здоровья. Другие специалисты заняты разработкой категории «общественное здоровье», анализируя его критерии и соответствующие этим критериям измерительные и оценочные градации и процедуры. Наконец, существует также в современном дискурсе направление, стремящееся проанализировать взаимную связь и детерминацию индивидуального и общественного здоровья.

В целом все эти многочисленные и разнообразные направления развития концепта «здоровье» в конечном счете направлены на создание развернутой научной концепции здоровья и на уточнение базового определения этого понятия. Опираясь на все эти направления, постараемся конкретизировать и уточнить понятие и виды «здоровья», его струк-

1 Устав ВОЗ // ВОЗ. Основные документы. 48-е изд.-е. Женева: ВОЗ, 2014. 274 с.

туру и основные факторы, его определяющие в контексте нашего исследования. Следует, однако, помнить, что формальное установление структуры индивидуального здоровья не раскрывает целиком его социокультурной природы. Важно не просто рассмотреть его компоненты, но и проанализировать характер их взаимодействия друг с другом, а также выяснить приоритетный, или определяющий, компонент в этой структуре. Является ли физическое здоровье как биологическая основа приоритетным элементом здоровья личности в целом или, напротив, определяющую роль играет его социокультурный компонент?

Результаты. Индивидуальное здоровье характеризует состояние отдельного человека, определяющее эффективное функционирование его в определенной социокультурной и природной среде. Если следовать определению ВОЗ, включает в себя три компонента: 1) физическое или телесное здоровье, 2) психическое или душевное здоровье и 3) социальное здоровье. Таким образом, индивидуальное здоровье — это не чисто физическое биологическое качество, но социально-биологическое качество индивидуального человеческого организма, поэтому в развернутом определении индивидуального здоровья должна быть отражена реальная связь его физической, психической и социальной составляющих. «На уровне человека социальное опосредует биологическое, преобразует его, следовательно, все состояния человека, в том числе состояние здоровья и болезни, нельзя понять, оценить лишь на основе биологических (естественно-научных) знаний, без учета его социальных свойств и качеств» [6, с. 25].

Рассмотрим вначале отдельные компоненты индивидуального здоровья. Чем измеряется «физическое благополучие» организма? Каковы его основные критерии? Довольно удачным является определение, данное Р.А. Юсуповым и В.Г. Двоеносовым: «Под физическим здоровьем понимается способность человека использовать свое физическое тело, его органы и системы для самосохранения» [10, с. 259]. Конечно, здесь перечислены не все возможные критерии физического здоровья, но самое важное при определении физического здоровья состоит не столько в исчерпывающем перечислении его крите-

риев, а в определении его родового признака. В определении ВОЗ этот признак определяется термином «благополучие» как состояние человеческого организма. Но что же такое благополучие? Нам кажется, что смысл физического благополучия организма состоит в его нормальном функционировании, обеспечивающем его гомеостаз. т.е. способность организма как открытой системы, взаимодействующей с внешней средой, сохранять постоянство своего внутреннего состояния, характеристик посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия.

Если говорить о психическом здоровье как «благополучии» индивидуальной психики, то здесь также возможно выделение большего комплекса критериев, характеризующих различные психические процессы и качества личности, включая познавательные, эмоциональные, волевые и поведенческие психические процессы и комплекс личностных качеств. При этом мы столкнемся с задачей различения нормы, патологии и идеала в формулировке качественных градаций и степени развития всех элементов, составляющих структуру индивидуальной психики. Чтобы избежать многочисленных затруднений, возникающих в результате попытки дать полное, целостное описание психического здоровья через гипотетический портрет «нормальной», «развитой» индивидуальной психики, при определении психического здоровья целесообразно также попытаться выделить некий интегральный критерий психической нормы. Р.А. Юсупов и В.Г. Двоеносов в качестве такого критерия предлагают способность индивида к самоконтролю своего поведения и в целом своих психических процессов: «Психическое здоровье определяет способность человека использовать отображение внешнего мира, контролировать свои эмоции и поведение, справляться со стрессами и использовать их для повышения здоровья» [10, с. 260]. Однако, сведение психического здоровья лишь к способности самоконтроля психики или, шире, к развитому самосознанию личности вряд ли является эффективным решением проблемы его определения.

ВОЗ дано следующее определение психического здоровья: «Психическое здоровье — это состояние психического благопо-

лучия, которое позволяет людям справляться со стрессовыми ситуациями в жизни, реализовывать свой потенциал, успешно учиться и работать, а также вносить вклад в жизнь общества»². Данное определение также не может считаться полным. В нем вообще не раскрыто содержательно ключевое понятие «психического благополучия», а лишь указывается на функции, которые обеспечивает психическое здоровье.

В качестве альтернативы этим и другим подобным определениям можно предложить развитый комплекс личностных качеств, обеспечивающих эффективную адаптацию индивида к социокультурной среде. Развитые социально-позитивные личностные качества представляют собой устойчивые формы организации и функционирования всех психических процессов индивида (познавательных, эмоциональных, волевых и поведенческих) и поэтому являются более надежным и адекватным интегральным критерием психического здоровья, чем степень развитости и нормальное функционирование отдельных психических процессов индивида. Данный критерий более точно отражает динамическую, социальную природу психического здоровья, поскольку оно не дано каждому человеку от природы, в отличие от физического, а является результатом эффективной или успешной социализации и инкультурации личности в конкретной социокультурной среде. Таким образом, если физическое здоровье может быть определено как качество индивида как отдельного биологического организма, то психическое здоровье является уже формируемым в благоприятной социокультурной среде в процессе социализации и инкультурации качеством личности как единства биологической и социальной индивидуальности человека.

Социальное здоровье личности может быть определено на стыке ее психического здоровья с одной стороны и социальных условий ее жизнедеятельности с другой. В значительной, если не в решающей степени, социальное здоровье личности зависит не от личности, а от общества, создающего для нее

более или менее благоприятные условия для формирования и сохранения психического и физического здоровья, а также для относительно свободной и эффективной жизнедеятельности. Социальное здоровье личности основано с одной стороны на взаимодействии социокультурной пластичности человеческой психики, а с другой — на исторической динамичности и пластичности социокультурных систем, в которых только и возможно формирование и существование личности. Именно поэтому критерии социального здоровья являются исторически и культурно относительными. Другими словами, в разные эпохи в разных цивилизациях и в разных социальных группах его конкретные параметры существенно варьируются: то, что, например, было нормой социального здоровья в Античной цивилизации, является аномалией в современной Западной цивилизации.

Однако, не стоит абсолютизировать момент относительности критериев социального здоровья. Человеческая природа не только пластична, но и универсальна, и поэтому оправданным является стремление сформулировать некоторые универсальные критерии социального здоровья. Уместно сделать это в виде градации между минимальной и максимальной планками. Минимальная планка социального здоровья определяется эффективной социальной адаптацией личности и способностью к эффективной ролевой коммуникации и деятельности в конкретной социокультурной среде.

Максимальная планка социального здоровья может быть определена через универсальные гуманистические критерии: 1) эффективное удовлетворение нормальных социальных и биологических потребностей личности (важен также правильный баланс, состоящий в приоритете социальных и высших творческих потребностей над биологическими); 2) эффективная реализация личностью потенциала своих задатков и способностей; 3) просоциальная, гуманистическая направленность жизнедеятельности личности.

Перейдем теперь к анализу баланса компонентов индивидуального здоровья. Этот

2 Психическое здоровье [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Официальный сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 17.10.2022).

баланс, на наш взгляд, носит динамический характер в двух смыслах: во-первых, в контексте индивидуального развития личности в процессе ее жизни, во-вторых, в контексте исторического развития общества как социокультурной среды, в которой формируется и развивается личность. Этот баланс нельзя рассматривать как внеисторическую или статическую систему. Если рассматривать динамическую природу здоровья в историческом контексте, то здесь в центре внимания окажется категория общественного здоровья. Это является предметом отдельной работы, в данной статье мы ограничимся анализом баланса компонентов здоровья в контексте индивидуального развития личности в процессе ее жизни.

Логика развития индивидуального здоровья в онтогенезе личности, очевидно, состоит в том, что в период первоначальных стадий социализации и инкультурации личности (младенчество, детство) приоритетную роль играет физическое здоровье, выступая функционально-биологическим базисом для формирования психического здоровья. В более позднем периоде первичной социализации (подростковый период, ранняя юность) на первый план выходит психическое здоровье. Социальное здоровье личности формируется в завершающей стадии первичной социализации и лежит в основе успешной вторичной социализации личности. Будучи завершающим компонентом индивидуального здоровья, оно придает ему завершенную, целостную природу и является диалектическим снятием и в то же время развитием физического и психического здоровья личности.

Дефекты физического здоровья на ранних стадиях социализации личности ведут к дефектам в психическом здоровье, а дефекты психического здоровья деформируют социальное здоровье личности. Все это ведет в конечном счете к более или менее значительным затруднениям в формировании полноценной, адаптированной к конкретной социальной среде личности. Для коррекции дефектов в физическом здоровье и формировании психического здоровья необходимо использовать потенциал социокультурных институтов общества (педагогических и медицинских), которые способны, при условии их эффективно-го функционирования обеспечить существенную компенсацию этих дефектов.

Обсуждение. Разобрав по отдельности составные элементы индивидуального здоровья, необходимо рассмотреть их взаимосвязь. Вначале попытаемся выделить в них некий общий интегральный элемент, обуславливающий их единство. Такой элемент раскрывает термин «гомеостаз». Гомеостаз выступает в физическом здоровье как эффективное приспособление физического организма к физической среде. В психическом здоровье гомеостаз выступает как эффективное приспособление личности к социокультурной среде. В социальном здоровье гомеостаз выступает как эффективное функционирование личности в социальной среде. Другими словами, физический гомеостаз — это естественное состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей физической средой. Психологический гомеостаз — это развитость всех психических процессов и качеств личности, обеспечивающая уравновешенный обмен психологическими коммуникациями личности с другими людьми. Социальный гомеостаз — это состояние оптимальной социальной жизнедеятельности субъекта, уравновешенный обмен взаимодействиями между личностью и социальной системой.

Дискурс индивидуального здоровья не был бы полным, если бы в нем не была затронута проблема измерения индивидуального здоровья. Говоря о проблеме измерения индивидуального здоровья, следует различать количественные и качественные параметры, а также субъективные и объективные способы измерения. Субъективно «индивидуальное здоровье мы оцениваем по персональному самочувствию, наличию заболеваний, физическому состоянию, трудоспособности, личным ощущениям бытия, радости жизни и др.» [6, с. 30]. Полагаться только на субъективные оценки при определении состояния здоровья было бы вряд ли оправдано, но и полностью игнорировать субъективные самооценки и самоощущения индивидом состояния своего здоровья было бы неверным. Дело в том, что субъективное ощущение своего состояния здоровья может быть как верным, так и ошибочным, как в положительную, так и в отрицательную сторону, причем как субъективная переоценка своего состояния здоровья, так и недо-

оценка могут в различных ситуациях и в зависимости от типа личности оценивающего играть положительную или отрицательную роль в саморегулировании индивидом своего реального состояния здоровья. Роль самооценки своего состояния здоровья меняется в зависимости от его компонента. Если при определении физического здоровья самооценка, точнее, самоощущение, играет вторичную роль по отношению к объективным оценкам, то при оценке психического и социального здоровья роль самооценки существенно возрастает, поскольку объективные измерения здесь становятся менее надежными и более затруднительными. Кроме того, в данном случае они носят не количественный, а качественный характер.

Рассмотрим теперь, возможны ли какие-то объективные процедуры измерения индивидуального здоровья и каковы их оценочные критерии и параметры. Здесь нужно дифференцированно подойти к проблеме. Начнем с измерения физического здоровья тела.

Проблема объективного измерения может быть решена достаточно эффективно, поскольку практическая медицина давно имеет проверенные методики и процедуры измерения основных клинических показателей физического здоровья, причем физические нормы здоровья на основе многолетней практики дифференцированы по полу и возрасту человека. К основным показателям физического здоровья относятся в минимальном наборе количественные параметры нормы: пульс, давление, состав крови и мочи и т.п. В расширенном наборе комплекс показателей физического здоровья включает в себя соответствующие нормы деятельности других систем и органов человеческого организма [4].

Количественное измерение психического здоровья, в отличие от физического, не только крайне затруднительно, но и вряд ли целесообразно, поэтому относительно объективные оценки индивидуального психического здоровья могут быть только качественными. Кроме того, поскольку при оценке психического здоровья с одной стороны возрастает роль самооценки, а с другой возрастает и опасность неадекватности этой самооценки, постольку такая оценка может быть дана только внешними наблюдателями, причем квалифицированными специалистами (психологами, психиат-

рами, психотерапевтами, психопатологами), и желательно, чтобы это был не один специалист, а консилиум специалистов.

В целом в медицинской практике соответствующие методики оценки и диагностики психического здоровья давно отработаны, успешно применяются и совершенствуются. Вообще в научном дискурсе существует множество версий наборов критериев или признаков психического здоровья, используемых для диагностики пациентов.

По мнению С.Ю. Головина, необходимо установить четыре критерия:

- 1) объективность познавательных образов и адекватность поведенческих реакций;
- 2) способность адаптации к микросоциальной среде;
- 3) зрелость эмоционально-волевой сферы личности;
- 4) рациональное планирование жизнедеятельности [10].

Список, который предлагают Н.Д. Лакосина и Г.К. Ушаков, гораздо подробнее:

- 1) причинная обусловленность психических явлений, их необходимость, упорядоченность;
- 2) соответствующая возрасту человека зрелость чувств;
- 3) постоянство места проживания;
- 4) максимальное приближение субъективных образов к отражаемым объектам действительности;
- 5) гармония между отражением обстоятельств действительности и отношением человека к ней;
- 6) соответствие реакций (как физических, так и психических) силе и частоте внешних раздражителей;
- 7) критический подход к обстоятельствам жизни;
- 8) способность к самоуправлению поведением в соответствии с нормами, установившимися в различных коллективах;
- 9) адекватность реакций на общественные обстоятельства (социальную среду);
- 10) чувство ответственности за потомство и близких членов семьи;
- 11) чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных обстоятельствах;
- 12) способность изменять поведение в зависимости от смены жизненных ситуаций;
- 13) самоутверждение в коллективе (обществе) без ущерба для остальных его членов;

14) способность планировать и осуществлять свой жизненный путь [5].

ВОЗ предлагает семь критериев психического здоровья:

1) идентичность. Осознание своего физического и психического «Я», ощущение его постоянства и непрерывности;

2) постоянство переживаний. Идентичность внутренних ощущений в однотипных или похожих жизненных ситуациях;

3) самооценка. Критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и её результатам;

4) адекватность. соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;

5) социальная адаптация. Способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами;

6) реализованность. Способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы;

7) гибкость. Способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств³.

Все эти списки, более или менее развернутые, по сути, достаточно произвольны, но тем не менее они достаточны для адекватной диагностики состояния психического здоровья конкретного человека. В то же время, поскольку оценку психического здоровья личности проводят другие личности, пусть и специалисты, полностью исключить элементы сознательного или бессознательного произвола или медицинских ошибок невозможно. Кроме того, с учетом регулярно переживаемых всеми людьми психологических стрессов и колебаний психологического состояния, а также многочисленных прошлых и текущих психологических травм трудно найти абсолютно психически здоровых людей, поэтому при попытках внешнего измерения психического здоровья можно говорить лишь об относительных, обобщенных, статистически усредненных качественных параметрах, доступных внешнему наблюдению.

С объективным измерением социального здоровья личности дело обстоит, с одной стороны, сложнее, поскольку здесь наиболее велика роль самооценки. Принято здесь использовать процедуры внешнего качественного измерения самооценки методами эмпирических социологических опросов. При этом, несмотря на множество технических и теоретических проблем и трудностей проведения таких опросов, а также несмотря на принципиальную ограниченность эмпирической базы таких опросов, их результаты в целом дают вполне определенное представление о самооценке опрошенными своего социального самочувствия как показателя социального здоровья [3].

С другой стороны, сделать такую оценку легче, поскольку можно установить вполне определенные количественные параметры социальных условий жизнедеятельности личности, прежде всего в части удовлетворения базовых физиологических и нормальных социальных потребностей личности [7].

Поскольку в нашем анализе баланса компонентов индивидуального здоровья была установлена приоритетность социального здоровья, как вершины его развития и как элемента, обеспечивающего интеграцию всех компонентов здоровья в целостную структуру, постольку следует признать определяющее значение для формирования полноценного индивидуального здоровья благоприятной социокультурной среды, такой среды, в которой существуют необходимые для свободного и всестороннего развития каждой личности экономические, социальные, культурные, духовные условия. Ключевую роль в системе этих условий играют эффективные гуманистически ориентированные общественные педагогические системы и институты, а также система общественного здравоохранения. Напротив, при неблагоприятной социокультурной среде формирование полноценного индивидуального здоровья крайне затруднено. Даже исходный базис физического здоровья деформируется в неблагоприятной социокультурной среде, не говоря уже о деформациях психического и социального здоровья.

3 Психическое здоровье и психосоциальное развитие детей: доклад Комитета экспертов ВОЗ (на совещании, состоявшемся в Женеве с 9 по 15 ноября 1976) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. Официальный сайт. URL: <https://iris.who.int/handle/10665/91771> (дата обращения: 17.10.2022).

Заключение. Индивидуальное здоровье включает в себя три элемента: физическое здоровье, психическое здоровье и социальное здоровье. Сущностью индивидуального здоровья во всех трех его составляющих компонентах (физическом, психическом и социальном здоровье) является эффективный гомеостаз с окружающей природной, физической и социокультурной средой.

Индивидуальное здоровье — это не чисто физическое биологическое качество, но социально-биологическое качество индивидуального человеческого организма [1, с. 7], поэтому в развернутом определении индивидуального здоровья должна быть отражена реальная связь его физической, психической и социальной составляющих.

При измерении уровня физического здоровья определяющее значение играют количественные индикаторы, дифференцированные по полу и возрасту. При измерении уровня психического здоровья доминируют качественные индикаторы, характеризующие степень развития личностных качеств, дифференцированные по полу и возрасту. При измерении уровня социального здоровья необходимо сочетание объективных количественных социальных индикаторов и качественных индикаторов самооценки личности. Эффективные комплексные индикаторы уровня индивидуального здоровья могут быть основой эффективной политики государства в области здравоохранения.

Поскольку в основе индивидуального здоровья лежит динамический баланс физического, психического и социального здоровья, формирующийся только в благоприятных социокультурных условиях, постольку можно говорить о социокультурной природе этого здоровья.

Список источников

1. Аксенова Е.И., Гречушкина Н.А., Каменева Т.Н., Камынина Н.Н. Общественное здоровье: эволюция понятия в стратегических документах охраны здоровья и развития здравоохранения в странах мира. М.: ГБУ НИИОЗММ ДЗМ, 2021. 42 с.

2. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М.: ВНИИМИ, 1988. 220 с.

3. Кляритская И.Л. Теоретические основы статистического исследования состояния здоровья населения Российской Федерации / И.Л. Кляритская, В.И. Колесник // Крымский терапевтический журнал. 2020. №2. С. 44–49.

4. Короленко А.В. Физическое здоровье и его поведенческие факторы в оценках населения страны и региона: опыт сравнительного анализа // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. №1(17). С. 3–45.

5. Лакосина Н.Д., Ушаков Г.К. Медицинская психология. М.: Медицина, 1984. 272 с.

6. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 512 с.

7. Мстиславский П.С. Вопросы теории и методологии анализа качества жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2002. №2. С. 5–17.

8. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах. М.: Аргус, 1995. 360 с.

9. Шатилина А.С. Конституционно-правовое измерение репродуктивного здоровья: terra incognita? // Конституционное и муниципальное право. 2021. №3. С. 51–57.

10. Юсупов Р.А., Двоеносов В.Г. Современные тенденции в развитии физической культуры, повышении уровня здоровья и качества жизни населения // Вестник Казанского технологического университета. 2006. №1. С. 258–263.

References

1. Aksenova E.I., Grechushkina N.A., Kamenewa T.N., Kamynina N.N. Obshhestvennoe zdorov'e: jevoljucija ponjatija v strategicheskikh dokumentah ohrany zdorov'ja i razvitija zdavoohranenija v stranah mira [Public health: the evolution of the concept in strategic documents of health protection and health development in the countries of the world]. Moscow: GBU NIIOZMM DZM, 2021. 42 p. (In Russ.).

2. Kal'ju P.I. Sushhnostnaja harakteristika ponjatija «zdorov'e» i nekotorye voprosy perestrojki zdavoohranenija: obzornaja informacija [The essential characteristic of the concept of «health» and some issues of health restructuring].

ing: overview information]. Moscow: VNIIMI, 1988. 220 p. (In Russ.).

3. Kljaritskaja I. L. Teoreticheskie osnovy statisticheskogo issledovaniya sostojaniya zdorov'ja naselenija Rossijskoj Federacii [Theoretical foundations of statistical research of the health status of the population of the Russian Federation]. I. L. Kljaritskaja, V. I. Kolesnik. *Krymskij terapevticheskij zhurnal* [Crimean therapeutic journal]. 2020; (2): 44–49. (In Russ.).

4. Korolenko A. V. Fizicheskoe zdorov'e i ego povedencheskie faktory v ocenkah naselenija strany i regiona: opyt sravnitel'nogo analiza [Physical health and its behavioral factors in the estimates of the population of the country and the region: the experience of comparative analysis]. *Zdorov'e cheloveka, teorija i metodika fizicheskoj kul'tury i sporta* [Human health, theory and methodology of physical culture and sports]. 2020; 1(17): 3–45. (In Russ.).

5. Lakosina N. D., Ushakov G. K. Medicinskaja psihologija [Medical psychology]. Moscow: Medicina, 1984. 272 p. (In Russ.).

6. Lisicyn Ju. P. Obshhestvennoe zdorov'e i zdorvoohranenie: uchebnik [Public health and healthcare: textbook]. Moscow: GJeOTAR-Media, 2010. 512 p. (In Russ.).

7. Mstislavskij P. S. Voprosy teorii i metodologii analiza kachestva zhizni [Questions of theory and methodology of analysis of quality of life]. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii* [Standard of living of the population of the regions of Russia]. 2002; (2): 5–17. (In Russ.).

8. Sokolova E. T., Nikolaeva V. V. Izuchenie lichnostnyh osobennostej i samosoznaniya pri pogranichnyh lichnostnyh rasstrojstvah [The study of personal characteristics and self-awareness in borderline personality disorders]. Moscow: Argus, 1995. 360 p. (In Russ.).

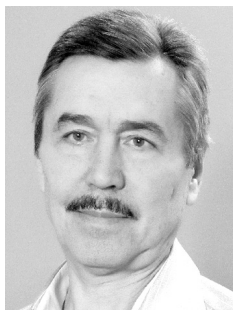
9. Shatilina A. S. Konstitucionno-pravovoe izmerenie reproduktivnogo zdorov'ja: terra incognita? [Constitutional and legal dimension of reproductive health: terra incognita?]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2021; (3): 51–57. (In Russ.).

10. Jusupov R. A., Dvoenosov V. G. Sovremennye tendencii v razvitii fizicheskoj kul'tury, povyshenii urovnja zdorov'ja i kachestva zhizni naselenija [Modern trends in the development of physical culture, improving the level of health and quality of life of the population]. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University]. 2006; (1): 258–263. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasiliy S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Молоканов Александр Александрович — старший преподаватель кафедры «Физвоспитание», Донской государственной аграрный университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Aleksandr A. Molokanov — Senior Lecturer of the Department of Physical Education, Don State Agrarian University.

24 Krivoshlykova str., Persianovsky v., Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 1:316.485.26(47)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-211-222

МЕЖДУ ПАЦИФИЗМОМ И МИЛИТАРИЗМОМ: РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О НРАВСТВЕННОМ ТРАГИЗМЕ ВОЙНЫ

Евгений Олегович Малахаткин

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
malahatkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055**

Аннотация. Цель исследования. В центре внимания — нравственно противоречивый характер войны, который раскрывается совокупным опытом русской философии, начиная от В. С. Соловьева.

Методология исследования базируется на традициях русской философской мысли.

Результаты исследования. Трагизм является наиболее адекватным понятием для выражения этой противоречивости войны, характерной для русской философии, поскольку он позволяет избежать крайностей пацифизма и милитаризма. Уточняются различные смыслы трагического, принятые в русской философии. Трагизм войны свидетельствует о ее неизбежности при неустранимости нравственных мук совести. Показано, что отношение к войне в русской философии определится не политическими, экономическими, а нравственно-онтологическими аргументами. Нравственный трагизм войны обусловлен онтологической ситуацией «болезни бытия», и поэтому трагическая суть войны — это трагическая суть больного бытия. Делается вывод о том, что данное воззрение делает пацифистскую идеологию не только нежелательной, но более того — вредной и опасной, так приводит не к прекращению войны, но к «худшему греху самоубийства».

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении феномена войны в русской философии.

Ключевые слова: война, русская философия, пацифизм, милитаризм, нравственность, трагизм, трагедия совести, греховная необходимость, «болезнь бытия»

Для цитирования: Малахаткин Е. О. Между пацифизмом и милитаризмом: русские философы о нравственном трагизме войны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 211–222. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-211-222>.

Original article

BETWEEN PACIFISM AND MILITARISM: RUSSIAN PHILOSOPHERS ABOUT THE MORAL TRAGEDY OF WAR

Evgeny O. Malakharkin

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
malaharkin.zhenya@yandex.ru, ORCID: 0009-0009-1579-8055*

Abstract. *The purpose of the study.* The focus is on the morally contradictory nature of war, which is revealed by the cumulative experience of Russian philosophy, starting from V. S. Solovyov. *The research methodology* is based on the traditions of Russian philosophical thought.

Research result. Tragicism is the most adequate concept to express this inconsistency of war, characteristic of Russian philosophy, since it allows us to avoid the extremes of pacifism and militarism. The various meanings of the tragic, accepted in Russian philosophy, are clarified. The tragedy of war testifies to its inevitability given the inevitability of moral pangs of conscience. It is shown that the attitude to war in Russian philosophy will be determined not by political, economic, but by moral and ontological arguments. The moral tragedy of war is determined by the ontological situation of the «sickness of existence», and therefore the tragic essence of war is the tragic essence of sick existence. It is concluded that this view makes pacifist ideology not only undesirable, but moreover harmful and dangerous, leading not to the end of the war, but to the «worst sin of suicide».

The prospects for the study lie in further understanding the phenomenon of war in Russian philosophy.

Keywords: war, Russian philosophy, pacifism, militarism, morality, tragedy, tragedy of conscience, sinful necessity, «disease of existence»

For citation: Malakharkin E. O. Between pacifism and militarism: Russian philosophers about the moral tragedy of war // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 211–222. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-211-222>.

Введение. Интерес к осмыслению феномена войны в традициях русской философии неуклонно возрастает. Однако, необходимо отметить, что в общем контексте исследований русской философии ситуация в этой области выглядит неравномерно. После символического возвращения известного «философского парохода» на родину в начале 90-х гг. наследие русской философской мысли предстало в полном объеме и богатстве. Среди приоритетных философских тем выступили философия всеединства, софиология, имяславие, философия хозяйства, философия любви, русский космизм, иными словами, тот пласт русской религиозной мысли, который был практически неизвестен отечественному читателю советского периода.

Конечно, специалисты по русской философии были хорошо знакомы и с воззрениями русских философов на войну, однако в контексте общей либеральной направленности гуманитарных наук этого периода этот пласт практически оставался в тени. Следует назвать исследования А. А. Скворцова, Л. Э. Сулягиной, С. В. Корнилова, В. П. Римского, С. Н. Борисова, И. А. Бобровой, Е. В. Громова, Е. А. Громовой, С. Н. Климова, Е. К. Маминой, В. В. Сидорина, А. В. Соловьева, Н. В. Чекера, А. М. Ипатова и др., посвященные этическим, антропологическим, религиозным, историософским аспектам осмысления войны в русской философии [2; 4; 5; 11; 12; 15; 17; 18; 24]. В центре внимания этих и других исследователей были класси-

ки русской философии Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн, а также отечественные теоретики войны А.А. Керсновский и А.Е. Снесарев.

В связи с резким обострением геополитического противостояния России и Запада в последнее время, особенно с началом СВО, закономерным образом значительно усилился интерес к тому, что русские философы думали о войне, как ее объясняли, какие предлагали меры для умиротворения [3; 8; 13; 19; 29]. Для многих оказалось неожиданным, что русские философы не были пацифистами в том привычном смысле, сформированным западной парадигмой, и что, например, идеи Л.Н. Толстого о ненасилии были в общем-то маргинальными и подверглись серьезной и практически единодушной критике со стороны главных представителей русского религиозно-философского ренессанса. В современных условиях это следует осмыслить заново, поскольку пацифистская аргументация, в том числе и со ссылкой на Л.Н. Толстого, звучит сегодня довольно часто.

Если русские философы не были пацифистами, то они не были и милитаристами тоже в привычном смысле как сторонники и проповедники войны. Е.А. Громова, проанализировав миротворческие идеи в русской философии начала XX века, заключает: «Русская философская мысль дала эвристически ценное толкование многих противоречий в миротворчестве, не переходя из крайности классического непротивленческого пацифизма в крайность воинственного милитаризма» [5, с. 149]. Данная точка зрения представляется нам вполне взвешенной и объективной, раскрывающей реальное отношение русских философов к войне.

К сожалению, сегодня часто можно услышать обвинения в милитаризме, в апологии и оправдании войны в случае, если имеет место философская рефлексия над ней. В этом сложном и довольно болезненном вопросе следует избегать крайностей. Для этого необходима максимально достоверная и объективная реконструкция воззрений русских философов относительно тех или иных аспектов, связанных с осмыслением феномена войны.

Трагизм в русской философии. Программным тезисом русской философии войны можно считать слова Н.А. Бердяева: «Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть лишь антиномическое. Это — изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне не допустимо и безнравственно. Мы войну и принимаем, и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения. Милитаризм и пацифизм — одинаковая ложь. И там, и здесь — внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме» [16, с. 294].

В этом высказывании, проникнутом духом Ф.М. Достоевского, выделяются два ключевых понятия: *трагическое* и *антиномическое*. Вместе они образуют не просто философский контекст осмысления войны, но нравственно-философский, поскольку именно нравственное измерение, сконцентрированное в понятие трагического, представляет собой своеобразие русского отношения к жизни вообще, частным случаем которого является и отношение к войне. Чтобы удержать это противоречие в единстве, не скатившись ни в чистый трагизм, ведущий к уныло-пессимистическому мироотвержению, ни в чистый антиномизм, ведущий к скептицизму и агностицизму (в кантовском смысле), нужна большая нравственная сила мысли. Именно этим русские философы обладали более всего. В целом это соответствует этикоцентричной установке русской философии как ее типологической характеристике.

Н.А. Бердяев был философом, которому с исключительной силой было присуще чувство трагического. Он делает его основой своей философской оптики, сквозь которую смотрит на жизнь и войну. В своем исследовании Л.Э. Сулягина отмечает: «Важный аспект, который затронул Бердяев, — трагедия человеческой жизни в столкновении ценностей разного порядка. Эта трагедия коренится в свободном выборе между Отечеством и любовью к ближнему, человечеству, культуре и просто к самому себе. Для христианина —

это трагедия вдвойне. Бердяев беспристрастно вскрыл трагическую суть войны» [24, с. 162–163].

Здесь необходимо уточнить *понятие трагического* как нравственной, а не только эстетической категории, маркирующей определенные жанры искусства. Для русской философской культуры в целом характерен трагический антиномизм жизни и смерти, восприятие самой жизни в целом как *трагического события*, а не только как различных отдельных трагических событий в жизни, среди которых война — самое ужасное. Именно такая оптика восприятия трагического позволит более адекватно понять и нравственный смысл войны, и ее возможное *нравственное оправдание*, характерное для русской философской традиции. Речь идет именно о нравственном оправдании, поскольку само оправдание чего-то часто считается безнравственным, так как оправдываются вещи недостойные, неблагоприятные, пустые, легкомысленные. Нравственное же оправдание трагично по своей сути, поскольку оно касается предельно тяжелых или, как говорится в русской философской традиции, «проклятых вопросов», к числу которых, несомненно, относится и война.

Восприятие нравственного трагизма жизни можно обнаружить во многих работах русских философов, в том числе в статье С. Л. Франка «Светлая печаль», посвященной А. С. Пушкину. В ней философ говорит, что «отсутствие восприимчивости к трагизму человеческой жизни есть бесспорный признак духовной поверхностности» [28, с. 466]. С этим критерием он анализирует поэзию Пушкина, находя в ней «нечто вроде философии трагизма человеческой жизни» [28, с. 469] и заключая, что «чувство трагизма жизни есть, по меньшей мере, один из главных, доминирующих мотивов его поэзии» [28, с. 467]. Чувство трагизма — это многомерное глубинное мировосприятие; оно вызвано не только острым переживанием смерти, но и чувствами горечи, разочарования, одиночества, пустоты, угрызений совести. И все это обнаруживается в поэзии Пушкина.

Безусловно, трагизм более всего связан со смертью, но смерть не является единственным и высшим трагическим событием. В русской философии разрывается этот су-

ществующий детерминизм причинно-следственной связи смерти и трагизма. Г. Флоровский хорошо это показывает в статье «Воскресение жизни»: «Физическая смерть человека — не отдельное “природное явление”, а, скорее, зловещее клеймо изначальной трагедии» [27, с. 255]. Иначе — трагедия изначальна; это очень важная констатация: смерть ее не создает, но, являясь «клеямом», она свидетельствует о трагедии. Это не умаление трагизма смерти, но восстановление ценностной иерархии бытия.

Другой крупный религиозный философ В. В. Зеньковский утверждает, что «христианство по существу есть восприятие *трагизма в мире*». Он раскрывает смысл трагизма, который оказывается весьма отдаленным от житейского его понимания. «О трагизме можно серьезно говорить, — пишет Зеньковский, — именно при одновременной наличности силы и увядания, красоты и уродливых извращений, взаимопомощи и жестокой борьбы за существование» [6, с. 205]. При этом он делает важное замечание о том, что трагизм не ведет ни к пессимизму, ни к оптимизму, поскольку первый опровергается тем, что мир жив и прекрасен, а второй тем, что в мире есть непреходящие болезни, смерть и страдания.

В духе В. В. Зеньковского говорит и Н. А. Бердяев о том, что «нравственная жизнь — трагична. Ибо само возникновение добра и зла было уже страшной трагедией» [1, с. 236]. Это глубинное понимание этики, в которой добро и зло — не просто моральные категории, а трагический выбор человека. «Жизнь есть трагедия, великая очистительная жертва — это религиозное сознание, которое пытался заглушить и притупить эволюционизм своими надеждами на будущий мир и всеобщее счастье», — утверждает и С. Н. Булгаков, сохраняя общую нравственную тональность русской философии [16, с. 353].

Важным также является тезис из приведенного выше программного высказывания Н. А. Бердяева «принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни». Принято говорить об «ужасе смерти», здесь же речь идет о жизни, и причем не о различных «ужасах», которые сопровождают жизнь, но об ужасе самой жизни как таковой. Ужас также не связан непосредственно со смертью, как

и трагизм, он, скорее, свидетельствует об изначальном состоянии бытия. В определенном смысле аналитика ужаса, предпринятая Бердяевым, предваряет дальнейшую фундаментальную рефлексию над ним в экзистенциальной философии.

Об «ужасах жизни» много и глубоко размышлял Л. Шестов. В книге «Киргегард и экзистенциальная философия» он пишет: «Пред нами, людьми XX столетия, вопрос стоит так же, как он стоял пред древними: откуда грех, откуда связанные с грехом ужасы жизни?» [30, с. 10]. Согласно его логике не смерть есть причина ужаса, но грех, т.е. поврежденность жизни. Есть еще одна причина ужаса — то, что Достоевский называл «всемством»: «от всемства, к которому нас призывает наш разум, пришли на землю все ужасы бытия» [30, с. 21].

В этой логике война есть не первый и не последний ужас жизни, но тот ужас, который создается изначальной поврежденностью бытия. Причина пацифизма в том, что люди не принимают не только войну, они не могут принять ту глубинную причину, которая ее порождает. А поскольку, как говорит Шестов, «люди отворачиваются от ужасов жизни и довольствуются “утешениями”» [30, с. 18], то «отворачивание» от войны носит одну из наиболее сильных форм протеста против войны, то есть пацифизма.

Эти точки зрения русских философов достаточно ярко иллюстрируют мысль о том, что не только смерть создает трагизм жизни, что жизнь трагична и до, и вне смерти, она трагична по существу, поскольку человек — существо не только смертное, но нравственное, вынужденное делать мучительный выбор между добром и злом. Данный критерий представляется крайне важным при восприятии войны как трагического события, поскольку позволит увидеть саму войну как проявление изначального трагизма жизни. Это избавляет от пацифистской абсолютизации зла войны и дает возможность проанализировать это событие в его реальных истоках, сущности и нахождения действенных, а не утопических способов преодоления.

«Болезнь бытия» — исток нравственного трагизма войны. В.С. Соловьев в книге «Оправдание добра» посвящает войне

отдельную главу «Смысл войны», в которой называет международную вражду, выражающуюся в войнах, «хронической болезнью человечества» [22, с. 463]. Это масштабный взгляд на уровне всей истории человечества, от самых ее истоков, он позволяет увидеть, что «нравственное расстройство внутри человечества» делает войну и неизбежной, и необходимой, и даже полезной. Весьма емко и образно философ выражает эту мысль в таких словах: «И пока Каиновы чувства не исчезли в сердцах людей, солдат и городской будут не злом, а благом» [22, с. 482].

В этом смысле, признавая безусловное зло войны, необходимо также видеть и нечто в ней положительное. Данная противоречивость не позволит абсолютизировать только лишь один «темный» аспект войны, который может привести не к ее действительному преодолению, а лишь к отвлеченному отрицанию, не имеющему никакой пользы. Эта противоречивость безусловно трагического характера, поскольку свершается не только на теоретическом уровне, но на нравственном, имеющем практический выход в поступок. В.С. Соловьев следующим образом характеризует эту нравственную противоречивость войны: «Война была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную, или духовную, организацию» [22, с. 74–75].

В «Трех разговорах» эта нравственная противоречивость войны выражена В.С. Соловьевым с наибольшей полнотой: «Да в том, что война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро, или, говоря проще, что возможна и бывает *хорошая война*, возможен и бывает *дурной мир*» [23, с. 651]. Данная позиция выступает против односторонней абсолютизации пацифизма или милитаризма, но позволяет более гибко и тонко отнестись всегда к противоречивой, многомерной реальности.

Родоначалник русской философии всеединства оказал значительное влияние на все дальнейшее развитие религиозно-философ-

кой мысли в России. Это касается и его антонимичного отношения к войне, которое возможно лишь в нравственном контексте. И это особенность русской философии войны — рассматривать ее прежде всего как духовное, нравственное явление, а не геополитическое, геоэкономическое и т.д.

В целом отношение к войне, принятое в русской философии и жизни, нельзя отрывать от ценностного мировосприятия, характерного для фундаментальных духовных первооснов русской культуры. Хорошо их выразил Н. Ф. Федоров в своих детских воспоминаниях: «От детских лет сохранились у меня три воспоминания: видел я черный-пречерный хлеб, которым питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я в детстве объяснение войны, которое привело меня в страшное недоумение: “на войне люди стреляют друг в друга!” Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, чужие, а о том, что сами родные — не родные, а чужие» [25, с. 161].

В этих словах глубоко выражено русское мировоззрение, которое воспринимает бытие как трудное, трудовое бытие, поскольку в нем всегда стоит важнейший и актуальный вопрос о хлебе насущном, вопрос о человеческой розни, вражде, небратстве. То, что поразило Федорова в детстве, обусловлено не только именно его личными тяжелыми условиями существования, это вообще исконная суть русской жизни, более того, не только русской, а вообще так таковой, и русские мыслители реагируют на это теми проектами, которые могут каким-то образом преодолеть эти изначальные «онтологические дефекты» существования, или в терминологии русских философов «болезнь бытия». Собственно «философия общего дела» Федорова и «философия всеединства» и были теми проектами русской философии, которые произошли из глубин самой жизни, ее первоочередных духовных запросов, а не были рождены лишь в тиши кабинетной-теоретической философии.

Именно здесь и формируется отношение к войне в русской философии, которое также исходит не из политических, а нравственно-онтологических аргументов. Нравственный трагизм войны обусловлен нравственным трагизмом «болезни бытия». Трагическая суть войны — это трагическая суть больно-

го бытия. Понимание этого положения вещей делает пацифистскую идеологию не только нежелательной, но более того вредной и опасной, о чем, например, пишет Н. О. Лосский: «Война есть великое зло. Но проповедь безоглядного пацифизма, призывающего к отказу от воинской повинности, могла бы в случае успеха ее в какой-либо стране привести к разрушению государства и хаотической анархии, которая страшнее всякой войны. Таким образом, отвлеченный пацифизм, не считающийся с конкретными условиями сложной исторической обстановки, есть зло еще большее, чем война» [14, с. 368].

Здесь очень важно словоупотребление «отвлеченный пацифизм», который, по сути, есть разновидность «отвлеченных начал», фундаментальную критику которых осуществил В. С. Соловьев. «Под отвлеченными началами, — пишет он, — я разумею те частные идеи (особые стороны и элементы всеединой идеи), которые, будучи отвлекаемы от целого и утверждаемы в своей исключительности, теряют свой истинный характер и, вступая в противоречие и борьбу друг с другом, подвергают мир человеческий в то состояние умственного разлада, в котором он доселе находится» [1, с. 586]. Именно этим принципом пользуется Н. О. Лосский, когда говорит о «частичном добре», нарушающем гармоническое соотношение с другими видами добра и поэтому преувеличенным, ведущим не к торжеству добра в конечном счете, а к еще большим бедствиям. Таков именно отвлеченный пацифизм. Но возникает вопрос: может ли пацифизм в принципе быть другим?

Как глубоко парадоксальное и противоречивое в нравственном отношении явление воспринимает войну Л. П. Карсавин, называя ее «греховой необходимостью» или «злой необходимостью грешного бытия». Он задается вопросом: неизбежны ли в государстве насилие, кары, войны, и отвечает на него положительно. Но это не оправдывает войну нравственно и религиозно, и убийство человека все равно остается грехом, будь это смертная казнь или поле боя. В то же время если государство отказывается от военных действий в случае их необходимости, если бездействует, то впадает в «худший грех самоубийства».

Более того, нравственно положительное значение войны, согласно Карсавину, заключается в том, что, «В войне... совершается и такое великое добро, как жертва своею жизнью за других. Поэтому, если государство отказывается от войны во имя правды так, что оно отказывается от защиты и осуществления своей правды, оно лжет и отказывается во имя бездействия, т.е. совершает грех не меньший, чем война» [9, с. 427]. Жертва как «великое добро» есть нравственное оправдание войны, но не в плане ее фактического бытия как такового, предполагающим греховное деяние убийства другого, но в плане совершаемого высшего нравственного поступка, созданного условиями войны.

Как мощный факт духовного возрождения России воспринимает войну еще один крупный русский философ С.Н. Булгаков. Он пишет: «Совершился великий и в своем значении потрясающий факт: *мы опять поверили в Россию!* И этому духовному возрождению обязаны мы священной войне и смиренной жертвенности великого русского воинства. Мы снова осязательно увидели духовную красоту русской души; на фоне цивилизованного варварства, доселе гипнотизировавшего нас, мы познали ее высшую духовную культурность» [16, с. 324–325]. Парадоксальным образом «духовная красота русской души» раскрывается через ужасы войны. Саму войну Булгаков воспринимает как великий этап в истории русского самосознания, который приводит к освобождению русского духа от западнического идолопоклонства. В этом безусловно положительный смысл войны, которая, неся бремя трагизма, выполняет то, что не может выполнить мирное время.

С особым тщанием и глубиной раскрывает С.Н. Булгаков духовное оскудение мещанского образа жизни, которое принесла с собой европеизация. Прежде всего это связано с тем, что забыли о смерти, попытались вычеркнуть ее из горизонта повседневного существования. Философ, раскрывая современное ему отношение к смерти как к «неприятному биологическому эпизоду», пишет как будто про наше время: «Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. Мещанство не любит картины похорон, и покойников из первоклассных отелей на разных курор-

тах обыкновенно уносят ночью и незаметно. У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услышать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами. <...> было стремление духовно отгородиться от смерти, по крайней мере, возможным устранением ее мистики и самой мысли о ней» [16, с. 351–352].

Булгаков одним из первых всерьез заговорил о табуировании смерти в обществе, намного опередив свое время. Именно в этом контексте философ и рассматривает войну, которая вопреки бездуховным устремлениям гедонистически настроенных людей приблизила смерть, сделав ее реально ощутимой. «А это означает не что иное, — говорит Булгаков, — как то, что мирочувствие эволюционно-мещанское должно уступить место религиозно-трагическому» [16, с. 351–352]. Нехватка трагического мирочувствия является признаком духовного ослабления и понижения жизни. Именно в этом трагический парадокс войны, которая самым фактом своего бытия возвращает это утраченное, трагическое измерение жизни.

Особого трагического реализма в вопросах войны достигает мысль видного русского философа И.А. Ильина. Он прямо ставит вопрос об убийстве по совести другого человека. Это развитие вопроса Достоевского о том, разрешена ли кровь по совести, который промышляется в совершенно других условиях, в условиях войны. И если в случае Раскольникова дается однозначно-отрицательный ответ: нет никакого морального оправдания тому, чтобы во имя каких-то «благих» целей было возможно убить человека, даже самого «ненужного» в глазах «благотетеля», то в ситуации войны картина выглядит по-другому. Само убийство, не переставая быть изначально греховным деянием в христианском смысле, меняет свой аксиологический знак.

Вся работа И.А. Ильина «Основное нравственное противоречие войны» посвящена разрешению этого тягостно-мучительного вопроса, который философ называет *нравственной трагедией*. Он пишет: «Участие в войне заставляет душу принять и пережить высшую нравственную *трагедию: осуществить свой, может быть, единственный и лучший, духовный взлет*

в форме участия в организованном убийстве людей» [7, с. 29]. Ильин называет осознанное учение в войне очень глубоким понятием «виновный подвиг», мужественное принятие которого и составляет истинную суть воина. В духе Л.П. Карсавина, утверждавшего, что необходимость участия в войне не снимает грех убийства, И.А. Ильин говорит, что вина не исчезает из-за необходимости воевать. Но принятие на себя последствий этого виновного деяния он оценивает как истинный героизм. И, наоборот, уклонение от этого, попытка найти «нравственно-безукоризненный исход», когда нависла угроза духовным основам существования его народа, есть «картина величайшего лицемерия». Он непосредственно в этом тексте не употребляет понятие пацифизм, но очевидно, что речь идет именно о нем.

В духе трагического антиномизма, присущего русской философии, рассуждают и русские теоретики войны А.А. Керсновский и А.Е. Снесарев. В следующих положениях выражено в концентрированном виде понимание войны А.А. Керновским: «И решаться на это зло — на эту болезнь — следует лишь в положениях безвыходных — когда “клин клином” остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это — правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны» [10, с. 39]; «Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло — как на моральную болезнь человечества — моральное наследие греха прародителей, подобно тому как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы зла предотвратить не можем. Пергамент Парижского договора 1928 г. — «пакт Бриана-Келлога» не избавил человечество от войны, как намалеванный на дверях дракон не избавил китайца от чумы» [10, с. 136].

В одной тональности с В.С. Соловьевым говорит А.А. Керсновский о войне как о «моральной болезни всего человечества», очень хорошо понимая бесплодность отвлеченных, т.е. паллиативных, пацифистских

мер. И действительно, человечество от войны не избавили ни «пакт Бриана-Келлога», ни моральные увещания не начинать или прекратить войну. Значимость размышлений русских мыслителей о войне в том, что они раскрывают ее фундаментальный духовный характер, не сводимый ни к геополитическим, ни к геоэкономическим факторам, как сегодня склонны часто трактовать природу войны.

В подобном русле размышляет о нравственной противоречивости войны и другой крупный военный теоретик А.Е. Снесарев. Ссылаясь на В.С. Соловьева в своем труде «Философия войны», он пишет: «Война, врываясь всеми корнями в нашу грешную планету как ее естественное ответвление, много содеяв в прошлом и доброго, и злого, нависая над человечеством, как тяжкая неизбежная ноша, она — это широкое и сложное явление — и нравственную свою характеристику расширяет и углубляет далеко за пределы огульного риторического осуждения» [20, с. 182].

Снова мы встречаем критику легковесной и отвлеченной пацифистской риторики, исходящей из неких «благих» побуждений, абсолютизирующих лишь одну мрачную сторону войны и игнорирующих реальное положение дел. Отмечая все темные стороны войны, ее преступный характер, Снесарев раскрывает иную ее сторону. «Самое худшее, злое и жестокое, — пишет он, — становится чем-то обычным, само собою понятным. Но ведь, с другой стороны, нигде, как на войне, мы не встретим таких картин самопожертвования, благородного дерзновения, вдохновенной находчивости для исполнения долга и бесконечного претерпевания до конца» [20, с. 191].

И это, разумеется, не романтизация войны, не ее оправдание, но раскрытие глубоко противоречивой сущности, без которой суждения будут одномерны и попросту ошибочны.

Заключение. Подводя итог, хотелось бы привести слова известного специалиста по философии войне в русской мысли А.А. Скворцова: «Для русской философии война — это не часть науки о политике, как для немецкой философии, не экзистенциальное приключение, как для французов, не защита своих интересов, как для англичан и американцев. Это именно трагедия совести, когда мы понимаем, что и воевать по совести

нельзя, и не воевать нельзя. Для нас война — это защита и себя, и тех, кто нуждается в этой защите» [19, с. 143–144].

«Трагедия совести» раскрывает истинный смысл нравственного трагизма войны, который находится весьма отдаленно как от пацифизма, так и от милитаризма. Ни тот, ни другой не знают подлинного нравственного трагизма войны. Пацифизм редуцирует его до страха, возмущения, негодования, протеста, «миролюбивой» риторики; милитаризм редуцирует до неоправданной жестокости и кровожадности, преследования своих эгоистических интересов. Обе эти идеологии проходят мимо того, что раскрывается в русской философии как «болезнь бытия» — фундаментальной онтологической категории, объясняющей проявления различных форм зла не внешними социально-политическими условиями, а глубинной поврежденностью сущего как такового. Такое видение специфично для отечественной духовной культуры.

Русская философия, далекая от декларативности и риторики, направляет человека к ответственному поступку, к его личностному участию и вовлеченности в том или ином событии, к такому участию, которое предполагает нравственное переживание. Событие войны, пережитое нравственно, не может не открыться как нравственная трагедия бытия, требующая неизбежных страданий совести, что ведет к нравственному очищению и просветлению. Таков нравственный урок русской философии войны.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 701 с.
2. Боброва И. А. Война как социальный феномен в русской религиозной философии начала XX века: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 24 с.
3. Гефнер О. В. Война как социальный феномен: взгляд русского философа С. Н. Булгакова [Электронный ресурс] // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2022. №2(29) апрель-июнь. URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/2/01006> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Громов Е. В. Осмысление войны в православном религиозном сознании на материале русской религиозной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №6(68): в 2-х ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2016. С. 68–70.
5. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2013. №2(20). С. 143–150.
6. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон, 1997. 560 с.
7. Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1999. С. 5–31.
8. Ипатов А. М. События второй мировой войны в публицистике И. А. Ильина 1939–1945 гг. // Культурный код. 2022. №2. С. 97–110.
9. Карсавин Л. П. Церковь, личность, государство // Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.
10. Керсновский А. А. Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 208 с.
11. Климов С. Н. Вопросы философии войны в творчестве русских философов // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2015. №2. С. 171–178.
12. Корнилов С. В. Обоснование патриотизма в русской философии: уроки Первой мировой войны и эмиграции [Электронный ресурс] // Альманах «Пространство и Время». Электронное научное издание. 2016. Т. 12. Вып. 2. URL: 2227-9490e-aprov-east12-2.2016.61 (дата обращения: 15.11.2023).
13. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М.: Русская философия, 2022. 250 с.
14. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
15. Мамина Е. К. Проблема смысла войны в философии Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева: дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 150 с.
16. Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.
17. Сидорин В. В. Русские философы о смысле войны: PERSONA IN BELLO // Со-

ловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 114–122.

18. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. №2. С. 216–230.

19. Скворцов А.А. Война как обыденность и выход из небытия // Великое русское исправление имен: сборник / Под ред. А.Ю. Коробова-Латынцева, Н.В. Арутюнова. СПб.: Солнце Севера, 2023. С. 134–151.

20. Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Ломоносовъ, 2013. 288 с.

21. Соловьев А.В. А.Е. Снесарев — представитель русской философии войны // Философия и общество. 2018. №3. С. 100–115.

22. Соловьев В.С. Оправдание добра // Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–581.

23. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–763.

24. Сутягина Л.Э. Антропология войны и мира по взглядам русских религиозных философов рубежа XIX и XX столетий. СПб.: МАЭ, 2013. 188 с.

25. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений в 4-х т. Т. IV. М.: Прогресс, 2004. 687 с.

26. Философия войны и мира, насилия и ненасилия: коллективная монография / Под ред. В.П. Римского. М.: Академический проект, 2019. 462 с.

27. Флоровский Г.В. Догмат и история. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. 488 с.

28. Франк С.Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. М.: Книга. 1990. С. 465–482.

29. Чекер Н.В. И.А. Ильин: смысл войны // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 105–114.

30. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 304 с.

References

1. Berdjaev N.A. Opyt paradoksal'noj jetiki [The experience of paradoxical ethics]. Moscow: AST; Har'kov: Folio, 2003. 701 p. (In Russ.).

2. Bobrova I.A. Vojna kak social'nyj fenomen v russkoj religioznoj filosofii nachala XX veka: avtoref. diss. ... kand. filos. Nauk [War as a social phenomenon in Russian religious philosophy at the beginning of the XX century. Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Chita, 2007. 24 p. (In Russ.).

3. Gefner O.V. Vojna kak social'nyj fenomen: vzgljad russkogo filosofa S.N. Bulgakova [War as a social phenomenon: the view of the Russian philosopher S.N. Bulgakov] [Elektronnyj resurs]. *Jelektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU* [Electronic scientific and methodological journal of Omsk State University]. 2022; 2(29) aprel'-ijun'. URL <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2022/2/01006> (data obrashhenija: 10.11.2023). (In Russ.).

4. Gromov E.V. Osmyslenie vojny v pravoslavnom religioznom soznanii na materiale russkoj religioznoj filosofii [Understanding the war in the Orthodox religious consciousness based on the material of Russian religious philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. №6(68): v 2-h ch. Part 1. Tambov: Gramota, 2016. Pp. 68–70. (In Russ.).

5. Gromova E.A. Mirotvorcheskij diskurs v otechestvennoj social'no-filosofskoj mysli nachala XX veka [Peacemaking discourse in Russian socio-philosophical thought of the beginning of the XX century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 7: Filosofija* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy]. 2013; 2(20): 143–150. (In Russ.).

6. Zen'kovskij V.V. Osnovy hristianskoj filosofii [Fundamentals of Christian philosophy]. Moscow: Kanon, 1997. 560 p. (In Russ.).

7. Il'in I.A. Osnovnoe npravstvennoe protivorechie vojny [The main moral contradiction of war]. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Vol. 5. Moscow: Russkaja kniga, 1999. Pp. 5–31. (In Russ.).

8. Ipatov A.M. Sobytiya vtoroj mirovoj vojny v publicistike I.A. Il'ina 1939–1945 gg. [Events of the Second World War in the journalism of I.A. Ilyin 1939–1945]. *Kul'turnyj kod* [Cultural code]. 2022; (2): 97–110. (In Russ.).

9. Karsavin L.P. *Cerkov', lichnost', gosudarstvo* [Church, personality, state]. *Malye sochinenija* [Small works]. Saint Peresburg: Aleteĭja, 1994. Pp. 414–446. (In Russ.).
10. Kersnovskij A.A. *Filosofija vojny* [Philosophy of war]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii, 2010. 208 p. (In Russ.).
11. Klimov S.N. *Voprosy filosofii vojny v tvorchestve russkih filosofov* [Questions of philosophy of war in the works of Russian philosophers]. *Vestnik TvGU. Serija: Filosofija* [Bulletin of TvSU. Series: Philosophy]. 2015; (2): 171–178. (In Russ.).
12. Kornilov S.V. *Obosnovanie patriotizma v russkoj filosofii: uroki Pervoj mirovoj vojny i jemigracii* [The justification of patriotism in Russian philosophy: lessons of the First World War and emigration] [Elektronnyj resurs]. *Al'manah «Prostranstvo i Vremja». Jelektronnoe nauchnoe izdanie* [Almanac «Space and Time». Electronic scientific publication]. 2016; 12(2). URL: 2227-9490e-aprov_r_e-ast12-2.2016.61 (data obrashhenija: 15.11.2023). (In Russ.).
13. Korobov-Latyncev A. Ju. *Filosof i vojna. O russkoj voennoj filosofii* [The Philosopher and the war. Russian Russian military philosophy]. Moscow: Russkaja filosofija, 2022. 250 p. (In Russ.).
14. Losskij N.O. *Uslovija absoljutnogo dobra* [Conditions of absolute goodness]. Moscow: Politizdat, 1991. 368 p. (In Russ.).
15. Mamina E.K. *Problema smysla vojny v filosofii F.M. Dostoevskogo i V.S. Solov'eva: dis. ... kand. filos. Nauk* [The problem of the meaning of war in the philosophy of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov. Ph. D. (philosophy) diss.]. Moscow, 2006. 150 p. (In Russ.).
16. *Russkie filosofy o vojne: F.M. Dostoevskij, Vl. Solov'ev, N.A. Berdjaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeckoj, S.L. Frank, V.F. Jern* [Russian philosophers about the war: F.M. Dostoevsky, V. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern]. Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2005. 496 p. (In Russ.).
17. Sidorin V.V. *Russkie filosofy o smysle vojny: PERSONA IN BELLO* [Russian philosophers on the meaning of war: PERSONA IN BELLO]. *Solov'evskie issledovanija* [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 114–122. (In Russ.).
18. Skvorcov A.A. *Jeticheskie problemy vojny v russkoj religioznoj filosofii XX v.* [Ethical problems of war in Russian religious philosophy of the twentieth century]. *Jeticheskaja mysl'* [Ethical thought]. 2001; (2): 216–230. (In Russ.).
19. Skvorcov A.A. *Vojna kak obydennost' i vyhod iz nebytija* [War as a routine and a way out of oblivion]. *Velikoe russkoe ispravlenie imen: sbornik* [The Great Russian correction of names: a collection]. Pod red. A. Ju. Korobova-Latynceva, N.V. Arutjunova [In A. Y. Korobov-Latyntsev, N.V. Arutyunova (eds.)]. Saint Peresburg: Solnce Severa, 2023. Pp. 134–151. (In Russ.).
20. Snesev A. E. *Filosofija vojny* [Philosophy of war]. Moscow: Lomonosov, 2013. 288 p. (In Russ.).
21. Solov'ev A. V. A. E. Snesev — predstavitel' russkoj filosofii vojny [A. E. Snesev — representative of the Russian philosophy of war]. *Filosofija i obshhestvo* [Philosophy and Society]. 2018; (3): 100–115. (In Russ.).
22. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of good]. *Sochinenija v 2-h t.* [Essays in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1988. Pp. 47–581. (In Russ.).
23. Solov'ev V.S. *Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii* [Three conversations about war, progress and the end of world history]. *Sochinenija v 2-h t.* [Essays in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1988. Pp. 635–763. (In Russ.).
24. Sutjagina L. Je. *Antropologija vojny i mira po vzgljadam russkih religioznyh filosofov rubezha XIX i XX stoletij* [Anthropology of war and peace according to the views of Russian religious philosophers of the turn of the XIX and XX centuries]. Saint Peresburg: MAJe, 2013. 188 p. (In Russ.).
25. Fedorov N.F. *Sobranie sochinenij v 4-h t.* [Collected works in 4 vols.]. Vol. IV. Moscow: Progress, 2004. 687 p. (In Russ.).
26. *Filosofija vojny i mira, nasilija i nenasilija: kollektivnaja monografija* [Philosophy of war and peace, violence and nonviolence: a collective monograph]. Pod red. V.P. Rimskogo [In V.P. Rimsky (eds.)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2019. 462 p. (In Russ.).
27. Florovskij G.V. *Dogmat i istorija* [Dogma and history]. Moscow: Izd-vo Svjato-Vladimirskogo Bratstva, 1998. 488 p. (In Russ.).
28. Frank S.L. *Svetlaja pechal'* [Bright sadness]. *Pushkin v russkoj filosofskoj kri-*

tike: Konec XIX — prvaja polovina XX v. [Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the XIX — the first half of the XX century]. Moscow: Kniga. 1990. Pp. 465–482. (In Russ.).

29. Cheker N.V. I.A. Il'in: smysl vojny [I. A. Ilyin: the meaning of war]. *Solov'evskie issle-*

dovaniya [Solovyov studies]. 2016; 1(49): 105–114. (In Russ.).

30. Shestov L. Kirkegard i jekzistencial'naja filosofija (Glas vopijushhego v pustyne) [Kierkegaard and existential philosophy (The Voice of the Crying in the desert)]. Moscow: Progress-Gnozis, 1992. 304 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 03.11.2023; approved after reviewing on 25.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малахаткин Евгений Олегович — соискатель, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeny O. Malakharkin — applicant, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.733

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-223-230

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ УСПЕХА

Ирина Анатольевна Петрулевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

iapetrulevich@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-8314-8857

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трансформации понятия успеха в современных условиях развития России.

Цель статьи — показать стремительную смену идеологических и ценностно-смысловых доминант российского общества, детерминированную внутри- и внешнеполитическими, а также экономическими факторами.

Методологией исследования является множественность интерпретаций понятия успеха, среди которых магистральными можно считать две: трактовку успеха с позиций западноевропейской культуры как материальное благополучие и профессиональные компетенции, интерпретацию успеха в координатах русского культурного кода как соответствие содержательному наполнению категории соборности и общественному благу.

Результатами работы стало выявление основополагающих стратегий понимания успеха и успешности в современном российском обществе, которые часто вступают в конфликт, прежде всего под влиянием внешне- и внутривнутриполитических факторов, а в ряде случаев первая вовсе вытесняется второй: успех социокультурной общности (государство, регион, город или сельское поселение) квалифицируется в личном и коллективном восприятии как индивидуальное достижение.

Перспективой исследования является то, что понятие успеха и категория успешности приобретают новые значения.

Ключевые слова: социокультурное пространство, ценностные ориентации, ценностная картина мира, успех, успешность

Для цитирования: Петрулевич И. А. Динамика ценностных смыслов в социокультурном пространстве современной России: трансформация понятия успеха // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 223–230. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-223-230>.

Original article

DYNAMICS OF VALUE MEANINGS IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF MODERN RUSSIA: TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF SUCCESS

Irina A. Petrulevich

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
iapetrulevich@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-8314-8857*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the transformation of the concept of success in modern conditions of Russian development.*

The purpose of the article *is to show the rapid change of ideological and value semantic dominants of Russian society, determined by domestic and foreign policy, as well as economic factors.*

The methodology of the research *is a multiplicity of interpretations of the concept of success, among which two can be considered the main ones: the interpretation of success from the standpoint of Western European culture as material well-being and professional competencies, the interpretation of success in the coordinates of the Russian cultural code as corresponding to the meaningful content of the category of conciliarity and the public good.*

The results of the work *were the identification of fundamental strategies for understanding success and success in modern Russian society, which often come into conflict, primarily under the influence of external and internal political factors, and in some cases the first is completely replaced by the second: the success of a sociocultural community (state, region, city or rural settlement) qualifies in personal and collective perception as an individual achievement.*

The perspective of the study *is that the concept of success and the category of success acquire new meanings.*

Keywords: *sociocultural space, value orientations, value picture of the world, success, success*

For citation: *Petrulevich I. A. Dynamics of value meanings in the socio-cultural space of modern Russia: transformation of the concept of success // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 223–230. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-223-230>.*

Введение. Социокультурное пространство может быть структурировано как единое для нации или социальной группы прежде всего на основе близости ценностных ориентаций и/или целей, свойственных данному сообществу. По мнению Л. Когана, координатами социокультурного пространства должны быть признаны смыслы жизни и деятельности человека [6]. Субъекты социокультурного пространства представлены в широком диапазоне — от отдельной личности до этноса, цивилизации, и, соответственно, ценностные ориентации и целеполагание таких субъектов правомерно изучаются в их сов-

ременном состоянии и историческом развитии. Важным направлением изучения социокультурного пространства предстает также выявление совпадения или несовпадения координат социокультурного и физического (локусы различного масштаба — от города и региона до государства и части континента) пространств. При этом очевидно, что эта проблематика может быть адекватно описана в рамках установления самих способов достижения целей, а также формирования и функционирования ценностной картины мира разных субъектов социокультурного пространства.

Кардинальные трансформации российского общества, которыми характеризуются последние десятилетия, закономерно оказывают влияние на ценностную картину мира нации и отдельного человека. Экономика, политика, культура претерпевают динамичные изменения, которые детерминируют и формирование совершенно новых или обновленных культурно значимых смыслов. Очевидно, что стремление к социальной идентичности, к обретению самостоятельного цивилизационного пути развития определяет пути преодоления трудностей в этой сфере, поэтому исследования, способные актуализировать прогнозы в отношении различных компонентов ценностной картины мира и ее трансформации, помогают также и выяснению тех ценностно-смысловых доминант, которые определяют социокультурное пространство современного общества.

Методика. В исследовании применяются дедуктивно-индуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, элементы философского, социологического и культурологического анализа.

Основная часть. Изучение проблематики ценностно-смысловых ориентиров личности и общества характеризуется определенными сложностями: социально-экономические факторы, определяющие развитие современной России, меняются стремительно, они закономерно обнаруживают корреляции с внутренней и внешней политикой государства, что в свою очередь требует адаптации социальных групп и их членов к новым требованиям и вызовам, формулируемым властью и российскими элитами. Безусловно, проблематика ценностной картины мира, ценностно-смысловых доминант и ориентаций — это также и значимая часть рефлексии отдельной личности, поскольку каждый человек так или иначе оказывается вовлеченным в разнонаправленные процессы, происходящие в настоящее время.

Ценность как одна из важнейших категорий культуры обладает экзистенциальным статусом: человек формирует системы собственных ценностных координат в диалоге с другими людьми, ориентируясь в целом на нормативность конкретной ценности в со-

циокультурном пространстве [11]. Ценности условно дифференцируются на смысло-жизненные ценности (представления о добре и зле, счастье, цели и смысле жизни), универсальные ценности (витальные, ценности общественного признания, межличностного общения, демократические) и партикулярные ценности (привязанность к малой родине, семье) [7]. Также при изучении ценностной картины мира аксиоматичен постулат об обусловленности формирования и функционирования духовных и материальных ценностей самим процессом и результатами интеллектуального и эмоционально-образного отражения действительности [1].

На фоне усовершенствования функционирования всех ветвей власти, происходящих в настоящее время в России, складывается поливариативность позиций в политической, экономической религиозной сферах, и это закономерно: Российская Федерация — многонациональное и поликультурное государство, поэтому очевидно, что в таких условиях должна происходить постепенная адаптация разных, уже сложившихся, систем, в том числе и личностных, к инновациям современности. Однако ядром системы ценностей в рамках конкретной культуры следует признать стремление личности к самосовершенствованию и самопознанию при оценивании самой себя в координатах добра и красоты.

Личность испытывает потребность в социокультурной адаптации в периоды кардинальной смены своей деятельности либо в случае трансформации личностной идентичности в отношении к конкретной социальной группе, при этом социокультурная адаптация сопровождается изменениями ценностной картины мира или ее отдельных компонентов. Другим комплексом факторов, способных вызвать необходимость адаптации, являются глобальные мировоззренческие сдвиги как результат внутригосударственных и внешнеполитических событий или военного противостояния.

Современное общественное развитие характеризуется сменой социокультурных стереотипов, культом личностной свободы и акцентированием внимания на понятии успеха. Успешность как необходимое условие развития личностного потенциала постепенно становится компонентом ценностной кар-

тины мира россиян. Важно отметить в этой связи, что сам по себе успех как порой единственная жизненная цель — это ценностная ориентация, имеющая истоки в западноевропейской и американской культуре. Экспансия этого ценностного комплекса вполне закономерна, т.к. утрата значимости прежних ценностей закономерно обуславливает образование «лакун» в ценностной картине мира, при этом очевидно, что такие «лакуны» не могут сохраняться длительное время, и на их место приходят новые целеполагания, идеи и принципы иного мировоззренческого порядка.

Россия постепенно выходит из кризисного состояния общественного сознания, и не в последнюю очередь этот теперь вполне поступательный процесс обусловлен событиями последних полутора-двух лет: с одной стороны, это проведение Специальной военной операции (СВО), потребовавшее усиления контроля государственной власти над различными сферами общества и, как следствие, эффективного формирования государственной идеологии, с другой — экономические и политические санкции, вводимые коллективным Западом еще с 2014 года против Российской Федерации в целом, отдельных ее общественных институтов и организаций, политических деятелей, видных предпринимателей, что многократно увеличило потребность в инициативности российского бизнеса и государственного сектора экономики. Эти две группы факторов способствовали не только динамике понимания отдельных ценностей в российском обществе, но и осмыслению этих ценностей в новых ракурсах. При том, что успех как одно из важных понятий в ценностной картине мира российского общества продолжает трактоваться в координатах западноевропейского осмысления успешности с явным акцентом на профессиональные компетенции и на финансовые блага как взаимно обуславливающие компоненты понятия успеха, российское общественное сознание демонстрирует и поворот к исконным русским ценностям общественного блага и коллективной пользы, сформированным в пространстве русского культурного кода и его основополагающей категории соборности.

Структурная неопределенность, которой характеризуется социокультурная адаптация к новым явлениям в состоянии общества,

порождает и проблемные ситуации, которые свойственны процессам становления новых ценностей и возрождения традиционных комплексов ценностей, при этом в современной России такие проявления обнаруживают тенденцию к усилению [2]. Смысловое и ценностно-мотивационное ядро личности в процессе социокультурной адаптации к новым вызовам современности демонстрирует устойчивость и лабильность одновременно: индивид пытается согласовать свои способности и возможности с требованиями социокультурного окружения, однако адаптация не есть простое приспособление, т.к. в ее ходе личность трансформирует или вырабатывает новые ценностные доминанты.

Успех и успешность, понимаемые как основная жизненная траектория личности, диктуют особое отношение к самым разным сторонам жизни. Хотя философия «американской мечты» подвергается жесткой критике гуманитариев, что в настоящее время еще и усилено все более открытым противостоянием на международной арене России и ее союзников с одной стороны и стран Запада с другой, многие граждане РФ считают ее «руководством к действию», стремясь наполнить понятие успеха инокультурными смыслами: «Философия успеха и феномен богатства как главные составляющие американской мечты становятся в настоящее время едва ли не главным содержанием человеческого бытия и одним из наиболее привычных ответов на вопрос о смысле человеческого существования» [3, с. 6]. Движение к успеху — это движение, прежде всего, в социокультурном пространстве, которое предполагает, конечно, и определенные действия в физическом пространстве. Целеполагание жизненного успеха, осознанность, степень контролируемости и устойчивости движения к успеху — все эти актуальные вопросы могут быть изучены в их динамической репрезентации в современном обществе при учете масштаба социально-активных агентов от индивида до цивилизации.

Фокусируясь на коллективных модификациях социокультурного пространства, возможно параметризовать специфику понимания успеха в координатах его опредмеченных репрезентаций (компания, регион, государство и пр.). Индивид, действующий в личнос-

тном пространстве в стремлении к успеху, сталкивается с необходимостью иметь индивидуально-психологические (задатки, талант, способности, одаренность, мотивационно-ценностная система личности) и социокультурные (социальный статус, уровень образования, профессиональные характеристики, уровень материального благосостояния, демографические показатели и т.п.) ресурсы для его достижения. Уровень ресурсов прямо пропорционален вероятности достижения успеха и, как следствие, возможности оказаться в самых высоких слоях социальной стратификации. Стоит здесь подчеркнуть, что это пусть и необходимый, но лишь минимальный базис для достижения успеха, который в определенной степени мотивирует личность к достижению успеха или избеганию неудачи. Личностное пространство дает возможность индивиду корректировать систему оценок уровня достижительности, сам ход процесса социокультурной адаптации субъекта к социальной структуре, что позволяет скорректировать взаимодействие личностного и внешнего, социокультурного пространства. Для достижения успеха одной из центральных характеристик является адекватность личностной самооценки, которая, разумеется, не может эффективно функционировать вне коммуникативной деятельности субъекта.

Успех — это один из ведущих феноменов современного мира, он вписан в качестве неотъемлемого компонента в социокультурное пространство. А. Согомонов правомерно указывает, что «сегодняшние тенденции в пространстве биографических проектов свидетельствуют о том, что будущее — за индивидуальными формами организации социальной жизни, во главе угла которых расположен <...> принцип индивидуального планирования собственной жизни человеком. <...> Социальное неравенство тоже индивидуализируется, а систематические проблемы <...> общества все меньше выступают проблемами политическими и все больше становятся проблемами личных Успехов-и-неудач» [10, с. 369].

Важной характеристикой успеха выступают его масштаб, а также степень и характер рефлексии успеха, актуальные форма и глубина его переживания личностью. За-

кономерно рассматривать образ успешной личности в соответствии с внешним критерием — как общественно принятый образец, а также с внутренним критерием — как субъективный компонент Я-концепции, причем успешная личность — это динамический феномен, т.к. представления об успехе развиваются в течение жизни и обуславливаются конкретными ситуациями, в которых проявляет себя индивид.

Понятие успеха подвержено трансформациям, как и в целом ценностная картина мира. Категориальные изменения самого человека детерминируют и трансформации ценностной шкалы, следствием чего становится появление новых идеалов и норм. В этой связи стоит подчеркнуть, что понимание добра и зла как основополагающих этических и ценностных категорий в современной России ввиду ее социокультурных особенностей напрямую оказываются связанными с оцениванием успешности/неуспешности личности. В новых внешнеполитических условиях изменяется практическое массовое поведение людей, складываются новые отношения, что фиксируется общественным сознанием в виде новых норм [4]. Отметим в этой связи, что в настоящий момент можно совершенно отчетливо квалифицировать диаметрально противоположное отношение к современному состоянию России тех граждан РФ, которые не мыслят своей жизни и судьбы вне родины (вне зависимости от своего материального и общественного статуса), и тех, кто вовсе лишен патриотических чувств. Кроме того, наблюдается различное отношение к событиям СВО в субъектах Российской Федерации, находящихся в непосредственной близости к новым регионам, недавно вошедшим в состав России, и «столичной» или «центральной» России, где рядовой житель мало задумывается о том, что происходит в приграничных и прифронтовых районах, наивно полагая, что эти события его никак не касаются. Ясно, что каждый гражданин РФ, включенный в общественно-экономические отношения, подвергается влиянию условий, в которые Россия поставлена с начала СВО. В этой связи представления об успехе той части общества, которая настроена патриотически, обладает развитым общественным сознанием и активной жизненной пози-

цией, радикально отличаются от понимания успеха и успешности тех членов российского общества, для которых события СВО — это либо еще одна возможность улучшить свое материальное положение, либо помеха в достижении индивидуальных целей. В любом случае в значение понятия успеха и категории успешности вносятся радикальные изменения: общество и официальная государственная идеология оттесняет на второй план понимание успеха с позиций западной культуры, в то время как в ценностной картине мира россиян постепенно усиливает свои позиции трактовка успеха с позиций идеалов коллективизма и соборности, когда гражданин рассматривает самого себя и своих близких, свою семью в неразрывной связи с судьбой своей родины. И поэтому то, что успешно в масштабах целого государства, региона, города, начинает расцениваться не только как перспектива личностного успеха, но и как уже достигнутый успех.

Безусловно, ценностная трансформация российского общества влечет за собой и классовое расслоение [8]: понятно, что такое расслоение как необходимое условие становления рыночных отношений приводит не только к резкому контрасту богатства и бедности, но и к количественным диспропорциям в российском обществе. На этом фоне и отношение к понятию успеха деформируется, у беднеющих слоев населения появляется стремление исключительно к финансовым благам, причем зачастую в сознании таких социальных групп материальное благополучие никак не связано с пониманием затрачиваемого на это труда, т.к. и богатство, и бедность, к сожалению, приобретают наследственный характер. «Старт» успешности у разных социальных групп различен, и поэтому оказывается различным и результат устремлений индивида в зависимости от того, к какому социальному слою изначально он принадлежит. Восстановление нравственных ориентиров в ценностной картине мира при сохранении положительного эффекта от воспринятых от западноевропейской культуры нормативных трактовок понятия успеха и категории успешности возможно на основании общечеловеческих социальных норм: «Потребности, мотивируемые как материальными, так и духовными факторами позволяют

людям (индивидам, личностям, персонам) и социальным группам вступать во взаимовыгодные взаимодействия» [9, с. 359].

Также важным аспектом понятия успеха следует признать различное его понимание в координатах национальных культур этносов, населяющих Россию. В состав РФ входит множество народов и народностей, которые обладают собственными представлениями о месте своего этно- и лингвокультурного коллектива в жизни полиэтнического и поликультурного государства, своими традициями и обычаями [5]. Усиление патриотических настроений, понимание особенностей внешней и внутренней политики государства на современном этапе создают устойчивый фундамент для эффективного развития каждого этноса в отдельности и в составе Российской Федерации. Важнейшим условием успешности личности и этнокультурного коллектива становится формирование развитого национального самосознания, обновление духовности на основе укорененности в традиции и восприятия позитивных инноваций, свойственных мировой культуре, возрождение всех компонентов ценностной картины мира нации. В этой связи общая история в единстве с национальными традициями способны создать новый вектор понимания успеха и успешности в современном российском обществе.

Заключение. Происходящие в России социокультурные трансформации обуславливают и новые модификации проявления социокультурной солидарности, которые так или иначе оказывают влияние на трактовку понятия успеха и, как следствие, успешности в различных социальных группах. В последние полтора-два года наблюдается процесс консолидации разных слоев российского общества на основании возрождения национальных ценностей, среди которых патриотизм занимает ведущее положение. Вместе с тем сохраняется и тенденция к разрушению общественных связей между разными социальными группами. И если ранее ценностные картины мира внутри одного этно- и лингвокультурного коллектива могли практически полностью противоречить друг другу в соответствии с критерием материального достатка (а его достижение считалось бесспорным

признаком успеха), то теперь успех и успешность вне зависимости от того, к какой социальной группе принадлежит индивид, рассматриваются в координатах пользы, приносимой своему государству, в рамках патриотизма и верности своей родине. Меняется социальная политика государства, направленная на усиление сплоченности российского общества, в котором гарантировано удовлетворение основных потребностей и нужд человека. Такой вектор развития создает возможность успешного развития экономики, науки и культуры, что в свою очередь позволяет говорить и о личностном успехе.

Выводы. Новые компоненты, появляющиеся в ценностной картине мира, являются результатом трансформации социокультурного пространства современной России. Стремительная смена социально-экономических условий, определяющих развитие Российской Федерации, а также их разноуровневые связи с внутренней и внешней политикой определяют адаптацию социальных групп и их представителей к новым требованиям времени. Динамика ценностных смыслов, выявление ценностно-смысловых доминант и ориентаций — сложная в своем научном описании сфера, которая затрагивает как коллективные, так и индивидуальные представления в каждый конкретный промежуток времени.

Успех, представляя собой одно из важных понятий картины мира современного российского общества, трактуется как с позиций западноевропейской традиции осмысления успешности при явном акцентировании внимания на профессиональных компетенциях и финансовом благополучии, так и в рамках исконных русских ценностей общественного блага и коллективной пользы, которые сформированы в пространстве русского культурного кода и его основополагающей категории соборности. Понятие успеха и категория успешности приобретают иные оттенки значения: под влиянием внешне- и внутрисполитических факторов понимание успеха как материального благополучия, как совокупности конкретных вещей, являющихся результатом профессионализма или наследуемых от предыдущих поколений как привилегия, вступает в конфликт или в ряде

случаев вовсе вытесняется трактовкой успеха с позиций идеалов коллективизма и соборности, когда успех государства, региона, города или сельского поселения расценивается в личном и коллективном восприятии как индивидуальная успешность.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино. 2001. 275 с.
2. Гришина Н.В. Кризисы и конфликты в жизни человека // Психология / Под ред. А.А. Крылова. М.: Проспект, 2000. С. 356–365.
3. Емельянов С.А. Феноменология русской идеи и американской мечты: Россия между Дао и Логосом / С.А. Емельянов, С.Н. Бородулин. СПб.: Астерион, 2009. 112 с.
4. Ерасов Б.С. Социальная культурология: пособие для студентов и высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1994. 458 с.
5. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 333 с.
6. Коган Л.Н. Теория культуры: учебное пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1993. 160 с.
7. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.
8. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 297–347.
9. Петров В.П. Философия: курс лекций. Изд. 4-е, перераб. и расш. Нижний Новгород: Вектор ТиС, 2010. 255 с.
10. Согомонов А.Ю. Генеалогия Успеха и Неудач. М.: Солтэкс: Нев. простор, 2005. 384 с.
11. Соколов К.Б. Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения художественных ценностей. М.: Наука, 1990. 224 с.

References

1. Bodrijjar Zh. Sistema veshhej [The system of things]. Moscow: Rudomino. 2001. 275 p. (In Russ.).
2. Grishina N. V. Krizisy i konflikty v zhizni cheloveka [Crises and conflicts in human life]. Psihologija [Psychology]. Pod red. A. A. Krylova [In A. A. Krylov (eds.)]. Moscow: Prospekt, 2000. Pp. 356–365. (In Russ.).

3. Emel'janov S.A. Fenomenologija russkoj idei i amerikanskoj mechty: Rossiya mezhdue Dao i Logosom [Phenomenology of the Russian idea and the American dream: Russia between Tao and Logos]. S.A. Emel'janov, S.N. Borodulin. Saint Petersburg: Asterion, 2009. 112 p. (In Russ.).

4. Erasov B.S. Social'naja kul'turologija: posobie dlja studentov i vysshih uchebnyh zavedenij [Social cultural studies: a handbook for students and higher educational institutions]. Moscow: Aspekt Press, 1994. 458 p. (In Russ.).

5. Zhuravleva N.A. Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v rossijskom obshhestve [Dynamics of personality value orientations in Russian society]. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2006. 333 p. (In Russ.).

6. Kogan L.N. Teorija kul'tury: uchebnoe posobie [Theory of culture: a textbook]. Ekaterinburg: UrGU, 1993. 160 p. (In Russ.).

7. Kul'turologija. XX vek. Jenciklopedija [Cultural studies. XX century. Encyclopedia].

Vol. 2. Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, 1998. 447 p. (In Russ.).

8. Mol' A. Sociodinamika kul'tury [Sociodynamics of culture]. Moscow: Progress, 1973. Pp. 297–347. (In Russ.).

9. Petrov V.P. Filosofija: kurs lekcij [Philosophy: a course of lectures]. Izd. 4-e, pererab. i rassh. Nizhnij Novgorod: Vektor TiS, 2010. 255 p. (In Russ.).

10. Sogomonov A. Ju. Genealogija Uspeha i Neudach [Genealogy of Success and Failures]. Moscow: Soltjeks: Nev. prostor, 2005. 384 p. (In Russ.).

11. Sokolov K.B. Social'naja jeffektivnost' hudozhestvennoj kul'tury: Processy rasprostraneniya i osvoeniya hudozhestvennyh cennostej [The social effectiveness of artistic culture: The processes of dissemination and development of artistic values]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 04.11.2023; approved after reviewing on 30.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрулевич Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Исторические дисциплины и документоведение», Южный федеральный университет. Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Irina A. Petrulevich — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department special historical disciplines and records management, Southern Federal University. 105/42 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 172.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-231-238

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ИНСТИТУТА ВЛАСТИ: ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД

Наталья Сергеевна Пичко^{1✉}, Евгения Михайловна Лясковская²

¹*Филиал Ухтинского государственного технического университета в г. Усинске,
Усинск, Россия*

²*ООО «Лукойл-Коми», Усинск, Россия*

¹*natpichko@yandex.ru✉, ORCID: 0009-0009-0673-0972, AuthorID РИНЦ: 582130*

²*nikita.lyaskovskiy@lukoil.com, ORCID: 0009-0001-9124-3264*

Аннотация. Цель исследования. Авторы работы в рамках статьи ставят цель — провести анализ изменений института власти с точки зрения социально-философского анализа.

Методологический конструкт. В работе социально-философская рефлексия института власти выстраивается на основе традиционного и синергетического подходов к властным отношениям.

Результаты исследования. Современное общество переживает в последние годы трансформационные этапы, что не может не отражаться на институте власти, на уровне его стабильности. Традиционными подходами к социально-философскому анализу нестабильности института власти и властных изменений являются формационный, цивилизационный, революционный, реформационный и трансформационный подходы. Авторы работы отмечают, что функционирование института власти — это синтез традиционного и инновационного.

Перспективой исследования является социально-философское осмысление трансформационных процессов института власти в пространстве полицентричного мира.

Ключевые слова: государство, власть, российское общество, трансформация, институт власти, новации, традиции

Для цитирования: Пичко Н. С., Лясковская Е. М. Социально-философский анализ изменений института власти: традиционный подход // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 231–238. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-231-238>.

Original article

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CHANGES IN THE INSTITUTION OF POWER: THE TRADITIONAL APPROACH

Natalia S. Pichko^{1✉}, Evgeniya M. Lyaskovskaya²

¹Branch of Ukhta State Technical University in Usinsk, Usinsk, Russia

²Lukoil-Komi LLC, Usinsk, Russia

¹natpichko@yandex.ru✉, ORCID: 0009-0009-0673-0972, AuthorID RSCI: 582130

²nikita.lyaskovskiy@lucoil.com, ORCID: 0009-0001-9124-3264

Abstract. *The purpose of the study.* The authors of the work in the framework of the article aim to analyze the changes in the institution of power from the point of view of socio-philosophical analysis.

Methodological construct. *In the work, the socio-philosophical reflection of the institution of power is built on the basis of traditional and synergistic approaches to power relations.*

The results of the study. *Modern society has been going through transformational stages in recent years, then this cannot but affect the institution of power, at the level of its stability. Traditional approaches to the socio-philosophical analysis of the instability of the institution of power and power changes are: formational, civilizational, revolutionary, reformational and transformational approaches. The authors of the work note that the functioning of the institution of power is a synthesis of traditional and innovative.*

The perspective of the study *It is a socio-philosophical reflection of the transformation processes of the institution of power in the space of a polycentric world.*

Keywords: *state, power, Russian society, transformation, institution of power, innovations, traditions*

For citation: *Pichko N. S., Lyaskovskaya E. M. Socio-philosophical analysis of changes in the institution of power: the traditional approach // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 231–238. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-231-238>.*

Введение. Российское общество находится в состоянии активных трансформаций, которые начались в конце прошлого столетия и продолжают по сегодняшний день. Трансформационные процессы происходят в рамках различных социальных институтов, и институт власти не является исключением. Между российским социумом и государственными структурами складываются особые взаимоотношения, которые вызывают интерес как со стороны населения России, так и со стороны современных исследователей. Интерес к властным структурам обусловлен тем, что властные отношения выступают в качестве важного регулятора социальной жизни и указывают на прогресс или деградацию социальных общностей.

Изменения наблюдаются не только в самом институте власти, власть вызывает у людей стремление стать частью этого института, что в свою очередь становится одной из причин различных социальных трансформаций в истории человечества: смена политической системы, изменения, затрагивающие уровень правосознания населения, трансформационные преобразования в социальной структуре общества.

Обращаясь к рассмотрению власти, нельзя не упомянуть о том, что природа власти таит в себе конфликтогенную составляющую [6], которую необходимо умело регулировать со стороны акторов института власти. Только при таком обоснованном, разумном регули-

ровании выделенной составляющей институт власти будет выполнять присущую ему стабилизирующую и организующую функцию, что позволит достичь баланса в рамках самого института власти и повлиять на успешное развитие общества.

Для того чтобы понять, как функционирует сегодняшний институт власти, какие изменения в нем наблюдаются и почему они могли возникнуть, на наш взгляд, важно прибегнуть к социально-философской рефлексии изменений института власти, которая позволит осмыслить результат трансформаций с точки зрения традиции.

Анализ степени исследования проблемы и методологические аспекты изучения. Внимание современных российских исследователей в последние годы активно приковано к анализу повседневности населения страны, куда входит и такой вопрос, как трансформация властных отношений.

Касаясь вопроса рассмотрения власти, нельзя не обратиться к работам, которые посвящены концептуальному осмыслению термина. Концепции власти приводятся в трудах В.Г. Ледеяева [10; 11]. В идеях В.Г. Ледеяева указывается, что в рамках выделенных концепций авторы конструкторов власти выделяют наиболее важные для них аспекты социальной реальности, что и влияет на определение термина «власть» [10].

Властные отношения существенным образом влияют на структуру современного российского общества, очерчивая взаимосвязи государства и общества, определяя в массовом сознании населения образ государства, власти и будущего России [15; 2]. По мнению исследователей из Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, образ будущего страны в сознании россиян выстраивается на основе проводимой органами власти политики [9].

Анализ изменений института власти наталкивает нас на установление понятия «нестабильность». Применяя синергетический подход к интерпретации закономерностей сложных нелинейных динамических систем, станем понимать нестабильность как такое состояние институтов политической власти, которое изменяет динамику их функционирования.

Одним из индикаторов, который определяет устойчивость социально-политического развития страны, является доверие граждан к власти [8]. Данный индикатор позволяет измерить социокультурный капитал общества [17]. В настоящее время уровень актуального доверия — это консолидационный механизм, который оказывает влияние на социальную политику государства [7]. В настоящее время зафиксировано снижение уровня социального доверия граждан к власти [7]. В связи с этим, конечно же, мы наблюдаем определенный парадокс, связанный с падением уровня доверия и довольно высоким уровнем устойчивости политического режима. Как показывает в своей работе Д.Д. Ковалевская, на устойчивость политического режима в РФ влияют такие факторы, как уровень протестного потенциала, который является низким, а также довольно высокий уровень доверия со стороны граждан Президенту в соотношении с доверием к остальным институтам государства [8].

Обращаясь к специфике функционирования современной власти и ее характеристикам, стоит прибегнуть к концепции политического восприятия. Данная концепция позволяет оценить имеющийся образ власти в массовом сознании населения, что в свою очередь дает возможность следить за содержанием власти [16].

Для решения научно-исследовательских задач, поставленных в рамках данной статьи, необходимо также прибегнуть к теории модернизации традиционности (А.Б. Гофман) [3]. Данная методология поможет в дальнейшем социально-философском анализе проблематики не только традиций, но и инноваций в сфере властных отношений.

Власть и властные отношения в контексте существующих традиционных подходов. Традиционализация предполагает становление, формирование и дальнейшую институционализацию традиций в структуре власти, которые обеспечивают приоритет предписанных властных норм и правил поведения во властных отношениях (традиционных действий власти) по сравнению с возможностями инновационных действий.

Обращаясь к определению феномена власти, мы можем отметить, что существует довольно большой спектр определений.

Чаще всего власть изучается с точки зрения силовых отношений, где акцентируется внимание на таких понятиях, как доминирование, захват, подчинение. Например, у Т. Гоббса власть определяется через дихотомию «власть — подчинение», Н. Макиавелли также стоял у истоков того, что власть считывалась как захват и подчинение.

При изучении феномена власти социально-философский анализ применяет, как правило, два принципиально значимых подхода: субстанциональный (атрибутивный) и реляционистский (социологический).

Сторонники субстанционального подхода полагали, что интенция к обладанию властью является основой жизнедеятельности (Ф. Ницше), связанной с ощущением безопасности (Э. Фромм).

В настоящее время, как отмечает М.И. Жестков, существуют два направления исследовательского интереса к власти: изучение власти с точки зрения атрибута ее субъекта или же рассмотрение власти в качестве свойства политической системы [5].

Применительно к феномену власти в России следует обратить внимание на предложенный отечественными авторами концепт «русской власти», который связан с культурными особенностями страны [12]. Как отмечает А.В. Лубский, данный концепт позволяет понять специфику государственной власти и оценить особенности российских реформ [12]. Рассмотрение концепта «русская власть» укладывается в традиционный для отечественных исследователей подходов — социокультурный. Данный подход основан на выявлении культурного контекста и направлен на анализ культурных программ поведения населения.

Немаловажный вклад в разработку традиционного подхода к социально-философскому анализу изменений института власти внес М.И. Байтин. М.И. Байтин указывает на то, что власть — это средство функционирования социальной общности, которое зависит от характера и уровня развития общества и заключается в подчинении воли отдельных лиц и их объединений, составляющих руководящие органы [1].

Кроме того, в рамках традиционного подхода к институту власти нельзя не сказать и о трех ветвях (формах) власти, вписываю-

щихся в принцип целостного и согласованного единства [14]:

— государственной власти (предусматривающей наличие определенного территориального полотна с его суверенитетом и аппаратом управления с монопольным правом издавать законы);

— законодательной (связанной с функциями разработки и принятия законов, но при этом базирующейся на принципе разделения властей);

— исполнительной (реализующей функции распоряжения и управления, организующей внутреннюю и внешнюю государственную деятельность посредством осуществления принятых законодательной властью законов, но при этом также основанной на принципе разделения властей).

При этом на данном этапе развития функционирование института власти реализуется на базе принципов суверенности и легитимности.

Поскольку власть не характеризуется в большей степени как способность действовать одному, а является результатом взаимодействия с другими, то нам стоит обратить внимание на дефиницию «властные отношения». В рамках коммуникативной модели властных отношений (Г. Гадамер, М. Маклюэн) главным источником власти выступают общие нормы и убеждения, которые разделяются самими членами общества.

Отметим, что существующая в стране культура — это особая ценность, которая выступает в качестве основы общественной системы. Но мы уже упоминали о том, что система может изменяться, значит, появляются новации (в том числе и в рамках властных отношений государства и общества), которые не должны разрушать имеющиеся ценности. Значит, между инновациями и традициями должен быть синтез.

Социально-философский анализ нестабильности института власти. Постичь социально-политическую деятельность института власти — это означает понять единство мышления, коммуникации и действия, скрепленного рефлексивными и понимающими отношениями и связями [4].

Модель развития власти основывается на идеях синергетики в категориях упоря-

доченности-неупорядоченности института власти. Трансформация института власти — это смена упорядоченных и одновременно неупорядоченных состояний. В связи с этим довольно важную роль в изменении института власти играют идеи неопределенности и необратимости, которые имеются в синергетике.

Синергетика, на наш взгляд, претендует сегодня на роль социально-философского толкования изменений института власти, поэтому мы рассматриваем возможность применения синергетической парадигмы к социально-философскому анализу власти, процессов, происходящих в институте власти в качестве инструмента для изучения неустойчивых ситуаций, переходных процессов и альтернативных вариантов развития.

Мы полагаем, что согласно синергетической парадигме эволюция института власти характеризуется переходами от одной традиции в действиях властных структур к другой, от одного относительно устойчивого состояния — к другому, но при этом на новом уровне организации.

Как показывает анализ научной литературы, традиционными подходами к социально-философскому анализу нестабильности института власти и властных изменений являются, прежде всего [4; 13]:

— формационный подход, исходящий из признания общих, универсальных закономерностей развития, выделяющий единые основания функционирования института власти;

— цивилизационный подход, базирующийся на анализе частных политических, властных действий, связей и властных отношений в противовес закономерностям универсального характера;

— революционный подход, отмечающий демаркационную линию между уходящей эпохой и приходящей ей на смену новой эпохи, в рамках которой формируется новый субъект властных отношений, происходит молниеносное изменение института власти с необходимостью исчерпать старый субъект властных отношений;

— реформационный подход, состоящий из представлений и установок субъекта реформаторской деятельности [4];

— трансформационный — подход, основанный на социально-философском ос-

мыслении трансформационных процессов, изменении содержательного наполнения института власти при сохранении его прежней сущности.

Поскольку современное общество переживает в последние годы трансформационные этапы, то это не может не отражаться на институте власти, на уровне его стабильности, поэтому внимание исследователей и научных коллективов приковано к изучению изменений института власти. Например, А.Б. Ромашкина указывает на то, что «возложение на власть своего рода воспитательных функций увеличивает дистанцию между властью и обществом» [16, с. 72]. Сокращение этой дистанции зависит от выстраивания дискурса-диалога между властью и обществом. Для того чтобы найти точки соприкосновения и выстроить диалог с обществом, властным структурам необходимо пересматривать программы и реформироваться, что позволит считывать существующие в обществе настроения и подстраивать имеющиеся механизмы под существующую реальность.

Заключение. В настоящее время мы наблюдаем легализацию тех социально-политических отношений, предпосылки которых возникли в течение уже длительного периода времени. В связи с активизацией выстраивания таких отношений актуальным становится исследование теории власти, в том числе и специалистами социальной философии.

Изменения института власти касаются того, что в настоящее время в сравнении с советским прошлым в этом институте наблюдаются кардинальные перестройки, которые порой ведут к нестабильности, но при этом они не исключают существующих ранее традиций, а лишь их дополняют.

На наш взгляд, чтобы институт власти активно функционировал, должно быть соотношение традиции и инновации, которые определяются в рамках каждого исторического действия, перелома, трансформации, революции.

Список источников

1. Байтин М.И. Государство и политическая власть. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1993. 239 с.

2. Великая Н.М., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А. Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. №1(24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-budushchego-v-massovom-soznanii-grazhdan-kak-faktor-ustoychivogo-sotsialno-politicheskogo-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 08.06.2023).

3. Гофман А.Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ динамики и взаимодействия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 543 с.

4. Грицкевич Т.И. Реформационный процесс: понятие и структура // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2019. Т. 7. Вып. 3. С. 65–70.

5. Жестков М.И. Политико-психологический анализ власти в современном политическом процессе Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. 2011. №7. С. 188–203.

6. Жигаева К.Р. Властные отношения и их роль в формировании социальной структуры современного российского общества: автореф. ... дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.

7. Ильичева М.В., Иванов А.В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №1. С. 129–140.

8. Ковалевская Д.Д. Уровень доверия граждан к институтам государственной власти как фактор устойчивости политического режима в России // Бизнес. Общество. Власть. 2021. №4(42). С. 7–24.

9. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация [Электронный ресурс] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др.; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf>.

10. Ледяев В.Г. Современные концепции власти: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. №3–4. С. 109–126.

11. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Концептуальный анализ власти и «Лингвистические аргументы» // PolitBook. 2016. №2. С. 26–39.

12. Лубский А.В. Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2010. №2. С. 116–129.

13. Мохов В.П. Трансформация власти в России: инновация и традиция // Политическая наука. 2002. №4. С. 6–22.

14. Новейший политический словарь / Авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко. Ростов н/Д: Феникс, 2020. 318 с.

15. Романович Н.А. Образ власти в России и его базовые характеристики [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2019. №444. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vlasti-v-rossii-i-ego-bazovye-harakteristiki> (дата обращения: 07.06.2023).

16. Ромашкина А.Б. Феномен власти в условиях информационного общества // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. №75. С. 194–208.

17. Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012. 445 с.

References

1. Bajtin M.I. Gosudarstvo i politicheskaja vlast' [The state and political power]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. 1993. 239 p. (In Russ.).

2. Velikaja N.M., Shushpanova I.S., Afanas'ev V.A. Obraz budushchego v massovom soznanii grazhdan kak faktor ustoychivogo social'no-politicheskogo razvitiya obshchestva [The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society] [Elektronnyj resurs]. Vestnik RGGU. Seriya: Filosofija. Sociologija. Iskuststvovedenie [Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art history]. 2021; 1(24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-budushchego-v-massovom-soznanii-grazhdan-kak-faktor-ustoychivogo-sotsialno-politicheskogo-razvitiya-obschestva> (data obrashhenija: 08.06.2023). (In Russ.).

3. Gofman A.B. Tradicii i innovacii v sovremennoj Rossii. Sociologicheskij analiz dinamiki i vzaimodejstvija [Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of dynamics and interaction]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2008. 543 p. (In Russ.).

4. Grickevich T.I. Reformacionnyj process: ponjatie i struktura [Reformation process: concept and structure]. *Vestnik NGU. Serija: Filosofija* [Bulletin of NSU. Series: Philosophy]. 2019; 7(3): 65–70. (In Russ.).
5. Zhestkov M.I. Politiko-psihologicheskij analiz vlasti v sovremennom politicheskom processe Rossijskoj Federacii [Political and psychological analysis of power in the modern political process of the Russian Federation]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power]. 2011; (7): 188–203. (In Russ.).
6. Zhigaeva K.R. Vlastnye otnoshenija i ih rol' v formirovanii social'noj struktury sovremennogo rossijskogo obshchestva: avtoref. ... dis. ... kand. sociol. nauk [Power relations and their role in the formation of the social structure of modern Russian society. Ph. D. (Sociology) Thesis]. Rostov-on-Don, 2009. 26 p. (In Russ.).
7. Il'icheva M. V., Ivanov A.V. Social'noe doverie i process konsolidacii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks]. *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki* [News of TulSU. Humanities]. 2022; (1): 129–140. (In Russ.).
8. Kovalevskaja D.D. Uroven' doverija grazhdan k institutam gosudarstvennoj vlasti kak faktor ustojchivosti politicheskogo rezhima v Rossii [The level of trust of citizens in the institutions of state power as a factor of stability of the political regime in Russia]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Power]. 2021; 4(42): 7–24. (In Russ.).
9. Kuda idesh', Rossija? Jekspress-informacija [Where are you going, Russia? Express information] [Elektronnyj resurs]. V.K. Levashov, N.M. Velikaja, I.S. Shushpanova et al.; otv. red. V.K. Levashov [In V.K. Levashov (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 47 p. URL: <http://ispi.rf/wp-content/uploads/2021/02/kuda-idesh'-rossija-jekspress.pdf>. (In Russ.).
10. Ledjaev V.G. Sovremennye koncepcii vlasti: analiticheskij obzor [Modern concepts of power: an analytical review]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 1996; (3–4): 109–126. (In Russ.).
11. Ledjaev V.G., Ledjaeva O.M. Konceptual'nyj analiz vlasti i «Lingvisticheskie argumenty» [Conceptual analysis of power and «Linguistic arguments»]. *PolitBook*. 2016; (2): 26–39. (In Russ.).
12. Lubskij A. V. Koncept «russkaja vlast'»: metaforicheskie vozmozhnosti intellektual'nogo diskursa [The concept of «Russian power»: metaphorical possibilities of intellectual discourse]. *Politicheskaja konceptologija: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij* [Political conceptology: Journal of Meta-disciplinary research]. 2010; (2): 116–129. (In Russ.).
13. Mohov V.P. Transformacija vlasti v Rossii: innovacija i tradicija [Transformation of power in Russia: innovation and tradition]. *Politicheskaja nauka* [Political Science]. 2002; (4): 6–22. (In Russ.).
14. Novejsnij politicheskij slovar' [The newest political dictionary]. Avt.-sost. D.E. Pogorelyj, V. Ju. Fesenko. Rostov-on-Don: Feniks, 2020. 318 p. (In Russ.).
15. Romanovich N.A. Obraz vlasti v Rossii i ego bazovye harakteristiki [The image of power in Russia and its basic characteristics] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2019; (444). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vlasti-v-rossii-i-ego-bazovye-harakteristiki> (data obrashhenija: 07.06.2023). (In Russ.).
16. Romashkina A.B. Fenomen vlasti v uslovijah informacionnogo obshchestva [The phenomenon of power in the information society]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [State Administration. Electronic bulletin]. 2019; (75): 194–208. (In Russ.).
17. Shtompka P. Doverie — osnova obshchestva [Trust is the basis of society]. Moscow: Logos, 2012. 445 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 26.10.2023; approved after reviewing on 20.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пичко Наталья Сергеевна — кандидат культурологии, И. о. директора филиала, заместитель директора по учебной работе, филиал Ухтинского государственного технического университета в г. Усинске.

Россия, г. Усинск, ул. Нефтяников, 33

Natalia S. Pichko — Candidate of Cultural Studies, Acting Director of the branch, Deputy Director for Academic Affairs, branch of Ukhta State Technical University in Usinsk.

33 Neftyanikov str., Usinsk, Russia

Лясковская Евгения Михайловна — депутат Государственного Совета Республики Коми VII созыва, ООО «Лукойл-Коми».

Россия, г. Усинск, ул. Нефтяников, 31

Evgeniya M. Lyaskovskaya — Deputy of the State Council of the Komi Republic of the VII convocation, Lukoil-Komi LLC.

31 Neftyanikov str., Usinsk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 314.6

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-239-245

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА КАК БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА

Людмила Анатольевна Рыковскова

Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия
ludmilarykovskova@gmail.com, ORCID: 0009-0000-0723-2355, AuthorID РИНЦ: 629425

Аннотация. *Целью исследования* является исследование структуры гендерной культуры общества в контексте современных трансформаций традиционных гендерных модусов маскулинности и феминности.

Методологическую базу исследования представляют современные концепции гендера и гендерной культуры общества и личности. Используются методы культурологического и социально-философского структурного анализа.

Результаты исследования. Установлено, что гендерная культура как система общественной организации гендерных отношений, формирующихся на базе физиологических половых различий, является биполярной структурой, единством и взаимодействием двух полярных гендерных модусов: маскулинности и феминности. Маскулинность и феминность рассматриваются как специфические социокультурные гендерные модусы, характеризующие социокультурные функции мужского и женского полов и их место в системе межгендерных отношений в определенной социокультурной системе. Обосновано, что полярные гендерные модусы не только исторически обусловлены, но и исторически пластичны, отражая специфику и динамику конкретной социокультурной системы, в которой они формируются. Современные «новационные» гендерные модусы: андрогинность и трансвестизм — рассматриваются как деструктивные искажения традиционных модусов, разрушительные для гендерной культуры как биполярной системы.

Перспективы исследования заключаются в более детальной теоретической реконструкции характеристик основных современных гендерных модусов в контексте трансформации структуры гендерной культуры современного общества.

Ключевые слова: гендер, гендерная культура, маскулинность, феминность, андрогинность, трансвестизм, общество

Для цитирования: Рыковскова Л. А. Гендерная культура как биполярная система // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 239–245. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-239-245>.

Original article

GENDER CULTURE AS A BIPOLAR SYSTEM

Lyudmila A. Rykovskova

Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia

ludmilyarykovskova@gmail.com, ORCID: 0009-0000-0723-2355, AuthorID RSCI: 629425

Abstract. *The purpose of the study is to study the structure of gender culture of society in the context of modern transformations of traditional gender modes of masculinity and femininity.*

The methodological basis of the study is represented by modern concepts of gender and gender culture of society and the individual. Methods of cultural and socio-philosophical structural analysis are used.

Research results. *It has been established that gender culture as a system of social organization of gender relations formed on the basis of physiological sexual differences is a bipolar structure, the unity and interaction of two polar gender modes: masculinity and femininity. Masculinity and femininity are considered as specific sociocultural gender modes that characterize the sociocultural functions of the male and female sexes and their place in the system of intergender relations in a certain sociocultural system. It is substantiated that polar gender modes are not only historically conditioned, but also historically plastic, reflecting the specifics and dynamics of the specific sociocultural system in which they are formed. Modern «innovative» gender modes: androgyny and transvestism are considered as destructive distortions of traditional modes, destructive for gender culture as a bipolar system.*

The prospects for the research *lie in a more detailed theoretical reconstruction of the characteristics of the main modern gender modes in the context of the transformation of the structure of gender culture in modern society.*

Keywords: *gender, gender culture, masculinity, femininity, androgyny, transvestism, society*

For citation: *Rykovskova L. A. Gender culture as a bipolar system // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 239–245. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-239-245>.*

Введение. Хотя феномен половых биологических различий в природе человека существует столько же, сколько существует сам человек и дан нам от природы, вокруг отношений между мужчинами и женщинами и в социальной практике, и в социальном познании идет вечная полемика и борьба, происходит напряженный поиск наиболее оптимальных форм межполовых отношений. Особенно обостряется эта полемика и борьба в периоды радикальных социокультурных трансформаций общества. Современный глобальный переход человечества к постиндустриальному миру, происходящий в условиях трансформации не только внутренних основ социальной организации современного общества, но и тек-

тонических преобразований современного мирового порядка, не мог не привести к серьезным модификациям в сфере семейно-брачных отношений, в вечном единстве и вечной борьбе мужчин и женщин.

Методика. В современном научном дискурсе пока не сформировалось единое, общепринятое понимание основных концептов, служащих методическим средством теоретического анализа современных бурных процессов, происходящих в сфере семейно-брачных, межполовых отношений. Речь идет о понятиях «гендер» и «гендерная культура». В такой ситуации возникает необходимость уточнения содержания этих понятий.

Рассмотрим вначале наиболее распространенные трактовки понятия «гендер». О. А. Яворская рассматривает гендер как совокупность социальных и культурных норм, регулирующих межполовые отношения: «Гендер означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [12, с. 62]. Л. С. Полякова определяет гендер как систему социобиологических отношений и процессов, связанных со стратификацией общества по признаку пола. Она выделяет в этих отношениях социальный и психологический аспекты: «В конечном счете гендер как переплетение отношений и процессов может быть и социальным, и психологическим конструктом» [7, с. 47]. Близка к этому подходу также трактовка гендера А. М. Кузнецовым и М. В. Ласковой, которые определяют гендер как систему межличностного взаимодействия между полами, основанную на социокультурных представлениях о маскулинности и фемининности. Эти авторы рассматривают гендер как понятие, определяющее «социально-культурные функции пола и позволяющее отличать эти функции от функций биологических (равно как от биологического пола — sex)» [5, с. 180]. В. А. Луков считает, что «гендер — это социальный конструкт, реально (а не только мыслительно) существующая система межличностного взаимодействия» [6, с. 180].

Обобщив представленные здесь трактовки понятия «гендер», можно констатировать, что это понятие включает в себя образы, фиксирующие физиологические социальные различия полов, совокупность социальных и культурных норм, предписывающих нормы и образцы поведения различным полам, и, наконец, систему межполовых социальных взаимодействий, опосредованных нормами и образами отношений между полами. Таким образом, гендер — это понятие, характеризующее социокультурные функции полов и формирующее систему межгендерных отношений.

Данное понятие гендера позволяет перейти к анализу гендерной культуры, складывающейся на его основе в определенной социокультурной системе. На наш взгляд, гендерную культуру общества можно определить как сложившуюся в социальной

структуре общества систему общественной организации гендерных отношений, включающую в себя баланс гендерных отношений, гендерные стандарты (образцы) мужественности и женственности, гендерные нормы в сфере межгендерного общения (юридические, нравственные, религиозные и др.) и гендерные стереотипы поведения.

При анализе гендерной культуры необходимо проводить различие между гендерной культурой общества и гендерной культурой личности. Гендерная культура общества — это сложившаяся в обществе система общественной организации гендерных отношений, формирующихся на базе физиологических половых различий. Таким образом, гендерная культура включает в себя два основных биологических модуса: мужской и женский пол. После преломления через социокультурную среду биологические половые различия превращаются в социокультурные различия гендеров. Гендерная культура личности — это ее гендерное сознание и самосознание. Гендерное сознание личности — это представление личности о гендере, о гендерных отношениях. Гендерное самосознание личности — это ее гендерная самоидентичность, то есть то, кем себя представляет индивид и на основе чего формируется гендерное поведение личности. Естественно, что гендерная культура общества является доминирующим, первичным элементом, определяющим гендерную культуру личности, которая формируется в процессе ее социализации и инкультурации в конкретную социокультурную систему. В то же время гендерная культура личности является способом существования гендерной культуры общества и той областью, в которой происходит ее трансформация или развитие. Во всяком случае гендерная культура общества и гендерная культура личности образуют единую систему.

Результаты. Поскольку гендерная культура носит биполярный характер, постольку такие ее элементы, как гендерное сознание и гендерное поведение, приобретают форму полярных гендерных модусов: маскулинности и феминности, а гендерные отношения в рамках гендерной культуры выступают опосредующим звеном между полярными модусами. В трактовке содержания сущнос-

ти и содержания основных гендерных модусов — маскулинности и феминности — как и в трактовке гендера и гендерной культуры, мы можем наблюдать плюрализм подходов.

Вначале мы рассмотрим содержание каждого из этих модусов в отдельности. Одна группа подходов к маскулинности акцентирует внимание системе объективно присущих мужчинам психических качеств мужского пола и системе специфических представлений о нормах поведения мужчин. Например, Е. А. Потехина рассматривает маскулинность как «...совокупность поведенческих и психических свойств, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин; с другой — социальные представления, установки и верования о том, как должен вести себя мужчина; систему предписаний, имеющих ввиду идеального, “настоящего” мужчину, нормативный эталон “мужчинности”» [9, с. 77]. Она считает, что маскулинность является гендерным модусом, полностью противоположным феминности в рамках бинарной гендерной оппозиции [9]. Развивая данное направление трактовки маскулинности, Н. П. Фетискин отмечает такую особенность маскулинности, как доминирование рационального начала, логоцентризм [11].

Другая группа подходов сводит маскулинность к содержанию специфической социокультурной роли — гендерной мужской роли. Г. А. Пушкарь представляет маскулинность (мужественности) как комплекс психологических характеристик, определяющих мужскую гендерную роль [10]. Она добавляет в свою концепцию маскулинности перечень жизненных ценностей, традиционно связанных с мужской гендерной ролью: «настойчивость, твердость, стремление к победе, приемлемость риска, стремление к большим заработкам, мужественность, восхищение достижениями успешных, отсутствие заботы о других или качестве их жизни» [10, с. 71–72].

Маскулинность, по нашему мнению, является специфическим мужским социокультурным гендерным модусом, формирующимся на базе биологического пола, характеризующим социокультурные функции мужского пола и его место в системе межгендерных отношений в определенной социокультурной системе. Маскулинность как социокультур-

ный феномен является исторически обусловленным и исторически динамичным явлением. К тому же как элемент биполярной системы гендерной культуры общества модус маскулинности обусловлен взаимодействием его с противоположным модусом в рамках единой гендерной культуры.

Теперь рассмотрим сущность гендерного модуса феминности. С. А. Ильиных определяет феминность как хабитус традиционного женского поведения, связанный с определенными «женскими» ценностями, качествами характера и моделями поведения [4]. Е. В. Поскониная рассматривает феминность так же, как и маскулинность, как «...генетически заданные свойства психики, формирующиеся под влиянием социальных факторов, то есть в процессе социализации» [8, с. 390]. По мнению Е. В. Поскониной, маскулинность проявляется в форме женской гендерной роли [8]. В данном случае исследователь необоснованно пытается механически совместить две альтернативные трактовки гендерных модусов: 1) как генетически врожденных качеств психики и 2) как социокультурных гендерных ролей.

«Золотую середину» между социокультурной и генетической природой феминности пытается найти Г. А. Пушкарь. Она акцентирует внимание на такой стороне феминности, как «...характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» [10, с. 71–72]. Н. А. Грошовкина в этом контексте интерпретирует феминность как этическую категорию, «...которая означает совокупность качеств, ожидаемых от женщины, таких как эмоциональность, нежность, хрупкость, искренность, верность, что вызывает в мужчине желание оберегать и защищать женщину (квинтэссенция феминного гендерного стереотипа)» [3, с. 124–125]. С другой стороны, Н. А. Грошовкина подчеркивает, что гендерный модус феминности «...включает в себя как чисто биологические, так и социокультурные аспекты и не связан напрямую с женским биологическим полом» [3, с. 125].

Очевидно, что в понимании природы феминности ключевую роль играет проблема соотношения биологических половых различий и социокультурных различий гендеров. С точки зрения концепции гендерной культуры как биполярной системы, феминность

является специфическим женским социокультурным гендерным модусом, формирующимся на базе биологического пола, характеризующим социокультурные функции женского пола и его место в системе межгендерных отношений в определенной социокультурной системе. Феминность, подобно маскулинности, также является исторически обусловленным и исторически динамичным явлением. Естественно, что она как полюс биполярной структуры также обусловлена взаимодействием с противоположным модусом маскулинности в рамках единой гендерной культуры.

Обсуждение. Рассмотренные нами модусы гендерной культуры: маскулинность и феминность — характерны для гендерных культур традиционного общества, хотя их конкретные исторические формы разнообразны и пластичны.

В современном постиндустриальном информационном обществе в контексте культуры постмодерна в «развитых» западных странах активно формируется и развивается нетрадиционная гендерная культура. Для этой гендерной культуры характерны радикальные трансформации самих гендерных модусов, а также состава и баланса этих модусов. К современным нетрадиционным модусам относится андрогинность и трансвестизм. Понятие андрогинности как специфического гендерного модуса впервые появилось в работе «феминистки» Сандры Бем в работе ««Линзы гендера» в 1974 году. Она описывала андрогинность как смешанную маскулинно-феминную форму гендера, для которой характерно соединение особенностей противоположных гендерных полюсов в одном лице [2]. С. Бем рассматривала андрогинность как современную форму преодоления жесткой полярности феминности и маскулинности, как решение проблемы традиционно жесткой гендерной дихотомии [2]. Согласно Н. А. Балезиной, опирающейся на этимологию термина «андрогинный» (двуполый), андрогинность — это гендерный модус, обладающий амбивалентностью и характеризующий пограничное состояние в дихотомии маскулинности и феминности. Н. А. Балезина считает, что «...человек, находящийся с социально-психологической точки зрения в подобном

пограничном состоянии самовосприятия, будет ... проявлять в различных аспектах социального и индивидуального поведения как мужские, так и женские признаки» [1, с. 8]. Другой формой отклонения от традиционных гендерных модусов является набирающее популярность на Западе движение гендерного трансвестизма, «...при котором мужчина и женщина меняются качествами, лежащими в основании разделения на мужской и женский типы поведения» [10, с. 71–72].

Общая характеристика аномальности андрогинности и гендерного трансвестизма состоит в том, что они являются разными формами искажения традиционных, основанных на естественных биологических различиях полов гендеров маскулинности и феминности. Возникает вопрос: насколько эффективны эти нетрадиционные модусы, если оценить их с точки зрения демографического воспроизводства населения и с точки зрения формирования сбалансированной эффективной гендерной культуры (особенно гендерного баланса)? Мы оцениваем андрогинность и гендерный трансвестизм как такие формы гендерных модусов, которые не оставляют возможности для демографического роста населения. Если андрогинность еще допускает возможность естественного воспроизводства населения, то трансвестизм вообще ведет к отрицанию демографии как таковой. Андрогинность ведет к практическому стиранию полярности гендерных модусов. В результате исчезает сущность гендерной культуры как биполярной структуры. А трансвестизм «выворачивает» гендерную культуру наизнанку или «ставит ее с ног на голову», что является еще более деструктивным процессом.

Заключение. Традиционная биполярная гендерная культура, основанная на единстве и борьбе противоположностей двух основных гендерных модусов: маскулинности и феминности — прошла тысячелетнюю апробацию в истории человечества, продемонстрировала свою пластичность и адаптационный потенциал по отношению к трансформациям общества. Она соответствует ценностям гуманизма и естественному биологическому делению полов, обеспечивает эффективное демографическое производство, демонстрирует эффективный баланс двух гендерных модусов.

Формирующаяся в «развитых» западных странах и транслируемая на весь остальной мир нетрадиционная гендерная культура, основанная на деструктивных «новационных» гендерных модусах «андрогинности» и «трасвестизма», во-первых, противоречит сущностной природе человека и высшим гуманистическим ценностям, а во-вторых, деформирует и дестабилизирует межгендерные отношения и самое главное — несет угрозу депопуляции населения Земли.

Список источников

1. Балежина Н.А. Социально-философский анализ феномена андрогинности в современной культуре / Н.А. Балежина, Р.А. Шакир // Наука и секулярность: миф и реальность: Материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, приуроченной к Всемирному дню философии (Красноярск, 17 ноября 2022 года). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 7–10.

2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.

3. Грошовкина Н.А. Гендерный потенциал андрогинности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. №4(18). С. 123–129.

4. Ильиных С.А. Типология феминности с позиции гендерной социологии: аспекты власти и потребления // Вестник НГУ-ЭУ. 2013. №2. С. 45–57.

5. Кузнецов А.М., Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет, 2001. 192 с.

6. Луков В.А. Трансгуманизм. Знание. Понимание. Умение // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017. №1. С. 245–252.

7. Полякова Л.С. Понятие «Гендер» в лингвистическом описании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. №11. С. 44–50.

8. Посконина Е.В. Полоролевая идентификация: к вопросу о соотношении маскулинности, феминности и андрогинности в современном обществе // Научные исследования и разработки: новое и актуальное: Ма-

териалы X Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 26 мая 2021 г.). Ростов н/Д: ВВМ, 2021. С. 389–394.

9. Потехина Е.А. Модель «Мужчина нового типа — метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №4. С. 77–85.

10. Пушкарь Г.А. Современная российская семья: гендерная антиномия маскулинности и феминности // Грани познания. 2010. №2(7). С. 71–72.

11. Фетискин Н.П. Типологии мужской маскулинности в историко-ментальном контексте // Психологические основы гендерных исследований. Кострома: КГУ, 2017. С. 127–150.

12. Яворская О.А. К вопросу о сущности понятия «Гендер» // ОНВ. 2005. №4(33). С. 62–64.

References

1. Balezina N.A. Social'no-filosofskij analiz fenomena androginnosti v sovremennoj kul'ture [Socio-philosophical analysis of the phenomenon of androgyny in modern culture]. N.A. Balezina, R.A. Shakir. Nauka i sekuljarnost': mif i real'nost': Materialy Nacional'noj (Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoj konferencii, priurochennoj k Vsemirnomu dnu filosofii (Krasnojarsk, 17 nojabrja 2022 goda) [Science and secularity: myth and reality: Materials of the National (All-Russian) scientific and practical conference dedicated to the World Philosophy Day (Krasnojarsk, November 17, 2022)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. Pp. 7–10. (In Russ.).

2. Bem S. Linzy genera: Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov [Gender lenses: Transformation of views on the problem of gender inequality]. Per. s angl. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 336 p. (In Russ.).

3. Groshovkina N.A. Gendernyj potencial androginnosti [The gender potential of androgyny]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy]. 2015; 4(18): 123–129. (In Russ.).

4. Il'inyh S.A. Tipologija femininnosti s pozicii gendernoj sociologii: aspekty vlasti i potreblenija [Typology of femininity from the perspective of gender sociology: aspects of power

and consumption]. *Vestnik NGUJeU [Bulletin of the NGUEU]*. 2013; (2): 45–57. (In Russ.).

5. Kuznecov A. M., Laskova M. V. Grammaticheskaja kategorija roda v aspekte gendernoj lingvistiki [Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics]. Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet, 2001. 192 p. (In Russ.).

6. Lukov V. A. Transgumanizm. Znanie. Ponimanie. Umenie [Transhumanism. Knowledge. Understanding. Skill]. *Jenciklopedija gumanitarnyh nauk [Encyclopedia of the Humanities]*. 2017; (1): 245–252. (In Russ.).

7. Poljakova L. S. Ponjatie «Gender» v lingvisticheskom opisanii [The concept of «Gender» in linguistic description]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]*. 2009; (11): 44–50. (In Russ.).

8. Poskonina E. V. Polorolevaja identifikacija: k voprosu o sootnoshenii maskulinnosti, feminnosti i androginnosti v sovremenom obshhestve [Gender role identification: on the question of the relationship of masculinity, femininity and androgyny in modern society]. *Nauchnye issledovanija i razrabotki: novoe i aktual'noe: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Rostov-na-Donu, 26 maja 2021 g.) [Scientific research and*

development: new and relevant: Materials of the X International Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, May 26, 2021)]. Rostov-on-Don: VVM, 2021. Pp. 389–394. (In Russ.).

9. Potehina E. A. Model' «Muzhchina novogo tipa — metroseksual» kak al'ternativa gegemonnoj maskulinnosti [The «New type of man — metrosexual» model as an alternative to hegemonic masculinity]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina [Bulletin of the LSU named after A. S. Pushkin]*. 2015; (4): 77–85. (In Russ.).

10. Pushkar' G. A. Sovremennaja rossijskaja sem'ja: gendernaja antinomija maskulinnosti i feminnosti [Modern Russian family: gender antinomy of masculinity and femininity]. *Grani poznaniya [Facets of cognition]*. 2010; 2(7): 71–72. (In Russ.).

11. Fetiskin N. P. Tipologii muzhskoj maskulinnosti v istoriko-mental'nom kontekste [Typologies of male masculinity in a historical and mental context]. *Psihologicheskie osnovy gendernyh issledovanij [Psychological foundations of gender studies]*. Kostroma: KGU, 2017. Pp. 127–150. (In Russ.).

12. Javorskaja O. A. K voprosu o sushhnosti ponjatija «Gender» [On the question of the essence of the concept of «Gender»]. *ONV*. 2005; 4(33): 62–64. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 22.10.2023; approved after reviewing on 20.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыковская Людмила Анатольевна — преподаватель, Донской государственный аграрный университет. Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Lyudmila A. Rykovskova — Lecturer, Don State Agrarian University. 24 Krivoslykova str., Persianovsky v., Russia

Научная статья

УДК 316:115

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-246-254

МНОВОВАРИАНТНОСТЬ МОДУСОВ ВРЕМЕНИ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ЛИЧНОСТИ

Галина Евгеньевна Снежко

*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия
nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,
AuthorID РИНЦ: 1025756, SPIN-код: 6247-6890*

Аннотация. На основе рассмотрения взаимодействия объективного социального и субъективного психологического времени в статье уточняется структура трёх модусов: прошлого, настоящего и будущего.

Цель статьи — проанализировать нелинейность социального времени и его принудительный характер по отношению ко времени личности.

Методологией исследования является темпоральная стратегия личности, выстраиваемая различным образом в зависимости от смыслов, придаваемых модусам времени, интерпретации их сложносоставности, а также их мыслимой глубины, плотности, связности и скорости движения относительно друг друга.

Результатами работы стало подтверждение того, что образы прошлого, настоящего и будущего, существующие в человеческом сознании, имеют слоистую, многоуровневую структуру.

Перспективой исследования является представление времени в роли медиатора, что позволяет человеку выстраивать наиболее оптимальным образом свою темпоральную стратегию.

Ключевые слова: время, темпоральные стратегии личности, прошлое, настоящее, будущее

Для цитирования: Снежко Г.Е. Многовариантность модусов времени в процессах формирования темпоральных стратегий личности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 246–254. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-246-254>.

Original article

THE MULTIVARIANCE OF TIME MODES IN THE PROCESSES OF FORMATION OF TEMPORAL STRATEGIES OF PERSONALITY

Galina E. Snezhko

*Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
nova@161.ru, ORCID: 0000-0002-1908-0691,
AuthorID RSCI: 1025756, SPIN-code: 6247-6890*

Abstract. Based on the consideration of the interaction of objective social and subjective psychological time, the article clarifies the structure of three modes: past, present and future.

The purpose of the article is to analyze the nonlinearity of social time and its coercive nature in relation to the time of the individual.

The methodology of the research is the temporal strategy of the personality, built up in various ways depending on the meanings attached to the modes of time, the interpretation of their complexity, as well as their conceivable depth, density, connectivity and speed of movement relative to each other.

The results of the work proved that the images of the past, present and future that exist in human consciousness have a layered, multilevel structure.

The perspective of the study is the representation of time as a mediator, which allows a person to build his temporal strategy in the most optimal way.

Keywords: time, temporal strategies of personality, past, present, future

For citation: Snezhko G. E. The multivariance of time modes in the processes of formation of temporal strategies of personality // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 246–254. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-246-254>.

Введение. Усложнение структуры и умножение типов социального времени в современном обществе, связанное с возрастающей автономией индивидов от традиционных типов социальных общностей, привели к высокой степени свободы в распоряжении отдельным человеком собственным временем. Одним из элементов структуры социального времени выступают ориентации в модусах времени, поэтому целью данной статьи является уточнение содержания образов прошлого, настоящего и будущего как элементов темпоральных стратегий личности.

Конституирование времени как категории, с помощью которой обрисовывается человеческое бытие, началось в поле философских рассуждений об изменчивости не только объективного мира, но и мира человека — изменчивости, мерой и формой которой выступает

время. Достаточно обратиться к тексту «Исповеди» Аврелия Августина, в которой он, обращаясь к Богу, пишет об объективности и содержательности времени («...Ты создал меня во времени»), вопрошает о разных возрастах своих, утверждает способность времени воздействовать на человека («Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно творит в душе удивительные дела. Дни приходили и уходили один за другим; приходя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний...»), рассуждает о вечности как антиподе времени, поскольку вечность пребывает, а время проходит, как приходят и уходят годы («...если бы время пребывало, оно не было бы временем», «...если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени;

если бы ничего не было, не было и настоящего времени. ... настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое» [1, с. 10, 11, 46, 167].

Обсуждение. Отказывая в существовании будущему и прошедшему времени («ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трёх времен, прошедшего, настоящего и будущего» [1, с. 170], Августин настойчиво ищет место, где находится будущее и прошедшее, и находит его в душе: «...настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего ... существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [1, с. 170]. В отличие от Августина, в современном социогуманитарном знании признаётся существование как объективного социального времени, так и времени психологического (субъективного), а сложность взаимоотношений между ними продолжает уточняться.

Осознание переплетения хода человеческой жизни, разворачивающегося в объективном времени, и субъективного времени (восприятия, переживания, планирования, воспоминания различных конфигураций изменения) превращает проблему времени в одну из центральных всего социогуманитарного знания. При этом концептуализация собственно социального времени произошла довольно поздно: в работе Р. Мертон и П. Сорокина [18], анализ которой уже неоднократно осуществлялся в работах отечественных темпоралистов, историков и социологов [8]. Несмотря на это, до сих пор часто происходит микширование социального и психологического времён. В нашей работе под социальным временем мы понимаем форму, выражающую порядок, объективные отношения между длительностями всех социальных процессов. Эти отношения не линейны: их можно представить как ветвящееся дерево, траектории веток которого непредсказуемы. Это социальное время оказывает на индивидов принудительное воздействие через расписание социальных институтов и организаций (начиная от монастырей и школ до расписания работы магазинов и кафе), установления норм

для выполнения различных видов деятельности, но главное — оно сообщает (передаёт) человеческим действиям смыслы культуры посредством установленных календарных систем, череды праздников и памятных дат, программных документов и художественных образов времени. Будучи объективным относительно каждого отдельного индивида, социальное время включает в себя огромный пласт идеальных образований, то есть представлений о времени, закодированных в системах фиксации времени. Каждый отдельный человек воспринимает как объективно заданные ритмы общества, так и «предлагаемые» ему со стороны общества представления о времени, а выстраивая темпо-ритм собственной жизни, он формирует сложную, слоистую структуру субъективного времени.

Возрастание роли времени в индустриальном обществе стимулировало разнообразные исследования времени представителями самых разных наук — от истории до психологии и культурной антропологии. Социология занимает в этом ряду центральное место прежде всего благодаря многоуровневости своих подходов: от макро- до микроанализа общества и от понимания своих задач как исследования «социальных фактов» (Э. Дюркгейм) до понимающей социологии (М. Вебер). Можно сказать, что социология выполняет в исследованиях времени интегрирующую функцию всего социогуманитарного знания, актуализируя и объединяя разнообразные ракурсы исследования общества и человека. Некоторые направления теоретического и эмпирического исследования времени даже пересекаются у социологов и психологов: это касается, в частности, анализа проблемы временной перспективы и ориентаций во времени.

К наиболее ценным результатам исследования социального времени мы относим понимание того, что время личности выстраивается во взаимодействии со временем общества [9], что объективные повторяющиеся последовательности в поведении людей определяют их субъективное восприятие и переживание времени [15], что время личности и социальное время не являются линейными образованиями, а, напротив, протекают непредсказуемо, их траектории выстраиваются под влиянием многих сил, хотя как на личностном, так

и на групповом уровнях постоянно осуществляется как обращённое в будущее планирование, так и ретроспективные ориентации, измеряющие текущий момент с прошедшим временем. В обоих случаях возникает проблема временной перспективы и темпоральных стратегий. Под темпоральной стратегией мы будем понимать выстраивание личностью своей жизнедеятельности в соответствии с избранной временной перспективой.

Значимое исследование темпоральных стратегий в социологическом ключе было осуществлено П. А. Амбаровым. Исследуя временное измерение жизненной стратегии, П. А. Амбарова включает в него «представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем» [3, с. 47].

Достаточно давно обратились к проблеме ориентаций во времени, в частности к исследованию временных перспектив психологи. Исследование временной перспективы личности началось с работы Л. К. Фрэнка [13], который рассматривал её как способ расположения личностью своего Я внутри субъективного времени. С 1939 года по настоящее время понимание временной перспективы углубляется: это не только ориентации личности во временном континууме, представления о будущем и прошлом из точки настоящего, но наполнение всех моментов прошлого и будущего такими содержательными (и эмоционально переживаемыми) характеристиками, как страхи, надежды, ожидания, которые могут в свою очередь расширять и сворачивать временной горизонт. Положительная или отрицательная модальности образов времени также влияют на протяжённость временной перспективы вглубь прошлого или будущего. Важно отметить, что каждый модус объективного социального времени наполняется определённым смысложизненным содержанием, которое может меняться.

Целерациональная активность личности связана с расширением временной перспективы в направлении будущего. Изучение поведения человека в аспекте ориентации на цель позволило специалистам по социальной и личностной психологии зафиксиро-

вать, что в основе персональной активности могут лежать сходные психологические образования, описываемые разными авторами в разных терминах: персональные стремления [11], персональные проекты [14], жизненные задачи [10], возможные self [12]. Но как бы они ни назывались, в реализуемых действиях, начиная с рутинных повседневных дел и заканчивая принципиальными жизненными решениями и обязательствами, выстраивающимися сообразно принятым целям, человек проявляет и утверждает своё Я. Но не только ориентация на модус ближайшего или отдалённого будущего учитывается в целерациональной активности, а также её соотнесённость с определённым возрастом человека или этапами его социального развития. В этом смысле нормативность многих жизненных задач как бы «протаскивает» личность сквозь строй возрастных периодов, заставляя выстраивать определённую иерархию целей, привязанных к определённому времени, при этом сама иерархия целей изменчива как на общественном, так и на личностном уровне. Так, увеличение возраста вступления в первый брак в современном обществе детерминировано необходимостью получения хорошего образования и получения достойной работы для женщин, однако оно же заставляет девушек студенческого возраста отодвигать цель счастливого замужества на более отдалённую временную перспективу. В отдельных случаях от этой цели даже отказываются. Во всех этих случаях иерархия целей, выстраиваемая относительно ближайшего или, напротив, отдалённого будущего, будущего зависимого и относительного или, наоборот, независимого от других обстоятельств и намерений, становится предметом социального конструирования. А само выстраивание целей и реализация действий в соответствии с ними формируют темпоральную стратегию личности.

Недавние исследования временной перспективы фокусируются на кросс-культурных различиях между представителями разных культур [19], на роли ориентации на будущее в развитии социальной компетентности молодежи [20] и разворачивание творческого потенциала в долгосрочной перспективе [16]. Большой интерес представляют результаты эмпирического исследования временной

перспективы сотрудников организаций, проведённое Т.А. Нестиком. Выделив четыре компонента отношения ко времени (ценностно-мотивационный, когнитивный, аффективно-оценочный и конативный), он представил показатели временной перспективы на уровне организации [6]. Однако в большинстве исследований упор делается на целостность и однородность образов прошлого, настоящего и будущего, тогда как они являются достаточно сложными образованиями.

Стилевое разнообразие современной культуры детерминировано различными ценностными ориентациями, в том числе различными ориентациями на модусы времени (в самой широкой степени обобщения именуемые настоящим, прошлым, будущим). Придание различных значений этим модусам превращает их в смысловые модусы времени, структура которых весьма сложна. Эта сложность обусловлена несколькими обстоятельствами: неоднородностью социального времени в каждый момент его реального осуществления, а также в процессе переживания настоящего момента, предвосхищения будущего и воспоминания прошлого; совмещение трёх образов времени при попытках их описания самим человеком (образ в себе, образ для себя и образ для других); совмещение нормативно заданного и личностно выстраиваемого (на основе возможности выбора) темпа-ритма и направленности изменений собственной жизни.

Сложносоставность модусов времени подтверждается и грамматическим строем языка. Так, в древнерусском языке временная система включала в себя настоящее время, четыре формы прошедшего времени и три формы будущего времени. Четыре формы прошедшего времени отличались друг от друга как по форме, так и по значению. Выделим различие значений: аорист обозначал единичное действие, полностью обращенное в прошлое; имперфект обозначал длительное, многократное действие, также полностью обращенное в прошлое; перфект обозначал действие, совершенное в прошлом, результаты которого налично в настоящем (аналогом чему в английском языке в данном случае может быть Present Perfect Tense); плюсквамперфект (давно прошедшее время) обозначал действие в прошлом, которое предшество-

вало другому действию в прошлом (в английском языке ему соответствует, например, Past Perfect Tense). В древнерусском языке так же, как и в старославянском языке, было три формы для обозначения действия в будущем. Будущее время в древнерусском языке тоже было сложносоставным, оно имело три формы: простое будущее время, I будущее сложное время и II будущее сложное время (относительное будущее время), которое обозначало то действие в будущем, которое произойдет раньше другого будущего действия. Из этих трёх форм сохранились в современном русском языке только две [7]. Аналогичную работу можно было бы провести и на материале многих других языков, в том числе современного русского языка.

Этот краткий экскурс в историю древнерусского языка, связанного с выражением времени, во-первых, лишний раз подтверждает эвристичность лингвистического поворота не только для философии, но и для социологии. Суть лингвистического поворота Р. Рорти определял следующим образом: «Философские проблемы — это проблемы, которые могут быть разрешены либо через реформирование языка, либо через большее понимание используемого нами языка» [17, р. 3]. А во-вторых, это иллюстрация возможностей языка для выражения сложного устройства разных модусов времени и шире — выражения опыта его носителей, того опыта, в котором в давно прошедшем времени существовали разные возможности, осуществлялись разные виды активности, для которых одни действия выступали как причины последующих следствий, осуществлялся выбор, реализовывались разные возможные состояния.

Сложность модусов времени (особенно будущего) фактически учитывается в конкретных исследованиях. Так, анализируя жизненные стратегии, К.А. Абульханова-Славская выделяет долгосрочные цели [2], Ю.А. Зубок и В.И. Чупров пишут о долгосрочных и краткосрочных целях молодёжи [5], а социальные психологи в ходе анализа восприятия настоящего, прошлого и будущего предлагают испытуемым оценить их по нескольким критериям (определяя аффективную оценку, ценность для индивида, степень вовлечённости в персональную жизнь,

структурированность и связность) [6]. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе основана на выделении нескольких измерений: величины мысленной протяженности в будущее; длины отрезка времени, на которое человек мысленно переносится в прошлое; плотности, то есть количества событий в прошлом или будущем, о которых человек думает; связности между образами прошлого, настоящего и будущего; ощущения воспринимаемого темпа продвижения в направлении будущего [4]. Методика Ф. Зимбардо позволяет зафиксировать разное отношение и направленность к модусам времени в разные возрастные периоды жизни человека, скорости передвижения между модусами и т.д. Благодаря методике Ф. Зимбардо был, в частности, опровергнут стереотип о том, что пожилые люди «живут в прошлом», а также подтверждена их стойкость перед лицом экономических проблем.

Таким образом, образы модусов времени оцениваются исследователями как образования неоднородные, изменчивые и в содержательном, и в процессуальном аспектах, поэтому мы предлагаем выделить в объективном социальном времени и в личных конструктах времени несколько видов или уровней. Образ прошедшего времени разделяется на три вида в соответствии с действительными социальными процессами:

— то, что осталось далеко позади, разрыв с ним давно осуществлён, но его следы запечатлены в содержании настоящей ситуации;

— прошлое, которое «живёт» и в настоящий момент, оно продолжается, поскольку не изжито то содержание жизни, которое было заложено в нём, оно продолжает осуществляться;

— прошлое, которое давно осуществилось, но следов которого в настоящем найти уже нельзя: оно растворилось в других качествах.

Аналогичные процессы происходят и в настоящем времени, в котором сосуществуют заложенные в прошлом, но до конца там не осуществлённые действия, и действия, начало которым закладывается «здесь и сейчас». Переживание этого сложного строения настоящего и воспоминания о прошедшем отличаются от их реального осуществления, но в свою очередь вплетаются в это осуществ-

ление, превращая линейную причинно-следственную последовательность в сложное переплетение разных видов времён.

Будущее также можно подразделить на несколько видов, хотя все они пребывают только в человеческом сознании в виде образов предвосхищения:

— образ далёкого, лучезарного, вдохновляющего (или, напротив, устрашающего) будущего времени, располагающегося за горизонтом видимости, при этом степень его утопичности не важна; этот образ конкретизируется в долгосрочной цели;

— образ относительно близкого, конкретного будущего, наступление которого требует конкретных усилий здесь и сейчас, этот образ конкретизируется в краткосрочной цели, в ближайшей перспективе.

Можно зафиксировать, что настоящее время является самым сложным, поскольку оно постоянно ускользает: то, что есть, перетекает в прошлое (но мы можем не знать, какой вид оно там примет), а «близкое» будущее «соскальзывает» в наше настоящее, каждое состояние которого не обязательно приближает лучезарность (или устрашающую мрачность) будущего «далёкого».

Заключение. Таким образом, не только объективно данные последовательности, длительности и темпо-ритмы социальной действительности, представленной через набор событий прошлого, настоящего и будущего, но и образы прошлого, настоящего и будущего, существующие в человеческом сознании, имеют слоистую, многоуровневую структуру. Время при этом выполняет роль медиатора, поскольку позволяет человеку соотносить свои индивидуальные временные перспективы с темпоральными особенностями общества, в котором он живёт, выстраивая наиболее оптимальным образом свою темпоральную стратегию.

Список источников

1. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. Исповедь; Абельяр П. История моих бедствий / Пер. с лат. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

3. Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей в условиях перехода к нелинейному социальному времени: управленческий подход: дис. ... д-ра социол. наук. Нижний Новгород, 2017. 395 с.

4. Зимбардо Ф. Методика: Опросник временной перспективы [Электронный ресурс] // Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI. URL: <https://cpd-program.ru/methods/ztpi.htm#:~:text=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB,.%D0%A4,.%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%22>.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3. С. 13–41. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

6. Нестик Т. А. Социальная психология времени. М.: Институт психологии РАН, 2014. 496 с.

7. Низаметдинова Н. Н. Историческая грамматика русского языка: учебное пособие. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Изд-во МГОУ, 2014. 162 с.

8. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.

9. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980. 160 с.

10. Cantor N., Norem J. K., Niedenthal P. M., Langston C. A., Brower A. M. Life tasks, self-concept ideas, and cognitive strategies in a life transition // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. №53. Pp. 1178–1191.

11. Emmons R. Abstract versus concrete goals: Personal goals and subjective well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. №62. Pp. 292–300.

12. Fryberg S., Markus H. On Being American Indian: Current and Possible Selves // Self and Identity. 2003. №2. Pp. 325–344.

13. Frank L. K. Time perspectives // Journal of Social Philosophy. 1939. №4. Pp. 293–312.

14. Little B. R., Lessi L., Watkinson B. Personality and personal projects: Linking Big Five and PAC units of analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. №60. Pp. 501–525.

15. McGrath J. E. Time, interaction, and performance (TIP): A theory of groups // Small Group Research. 1991. №2. Pp. 147–174.

16. Miron-Spektor Ella, Vashdi Dana R., Gopher Hadas. Bright sparks and enquiring minds: Differential effects of goal orientation on the creativity trajectory // Journal of Applied Psychology. 2022. №107(2). Pp. 310–318. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000888>.

17. Rorty R. M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / Ed. Richard Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.

18. Sorokin P., Merton K. Social Time: A Metodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V. 42. №5. Pp. 615–629.

19. Worrell F. C., Mello Z. R., Laghi F. Time Perspective Constructs in Albanian and Italian Adolescents: Exploratory Analyses // Psychological Reports. 2020. №124(2). Pp. 693–719. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120913493>.

20. Zehua Cui, Assaf Oshri, Sihong Liu. Child Maltreatment and Resilience: The Promotive and Protective Role of Future Orientation // Journal of Youth and Adolescence. 2020. №49(10). Pp. 2075–2089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01227-9>.

References

1. Avgustin Avrelij. Ispoved' [Confession]. / Avgustin Avrelij. Ispoved'; Abeljar P. Istorija moih bedstvij [Augustine Aurelius. Confession; Abelard P. The history of my disasters]. Per. s lat. Moscow: Respublika, 1992. 335 p. (In Russ.).

2. Abul'hanova-Slavskaja K. A. Strategija zhizni [Strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p. (In Russ.).

3. Ambarova P. A. Temporal'nye strategii povedenija social'nyh obshhnostej v uslovijah perehoda k nelinejnomu social'nomu vremeni: upravlencheskij podhod: dis. ... d-ra sociol. nauk [Temporal strategies of behavior of social communities in the conditions of transition to

nonlinear social time: managerial approach. Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Nizhnij Novgorod, 2017. 395 p. (In Russ.).

4. Zimbardo F. Metodika: Oprosnik vremennoj perspektivy [Methodology: Time Perspective Questionnaire] [Elektronnyj resurs]. Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI. URL: https://cpd-program.ru/methods/ztpi.htm#:~:text=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C%20%D0%B5%D0%B9%20%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB,_%D0%A4.-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%88%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B8%20%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B3%D0%BE%22. (In Russ.).

5. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznennye strategii molodezhi: realizacija ozhidaniy i social'nye nastroyeniya [Life strategies of youth: realization of expectations and social moods]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020; (3): 13–41. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.).

6. Nestik T.A. Social'naja psihologija vremeni [Social psychology of time]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2014. 496 p. (In Russ.).

7. Nizametdinova N.N. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: uchebnoe posobie [Historical grammar of the Russian language: a textbook]. Izd-e 4-e, ispr. i dop. Moscow: Izd-vo MGOU, 2014. 162 p. (In Russ.).

8. Savel'eva I. M., Poletaev A.V. Istorija i vremja. V poiskah utrachennogo [History and time. In search of the lost]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 p. (In Russ.).

9. Jakovlev V.P. Social'noe vremja [Social time]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1980. 160 p. (In Russ.).

10. Cantor N., Norem J.K., Niedenthal P.M., Langston C.A., Brower A.M. Life tasks, self-

concept ideas, and cognitive strategies in a life transition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987; (53): 1178–1191.

11. Emmons R. Abstract versus concrete goals: Personal goals and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992; (62): 292–300.

12. Fryberg S., Markus H. On Being American Indian: Current and Possible Selves. *Self and Identity*. 2003; (2): 325–344.

13. Frank L.K. Time perspectives. *Journal of Social Philosophy*. 1939; (4): 293–312.

14. Little B.R., Lessi L., Watkinson B. Personality and personal projects: Linking Big Five and PAC units of analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992; (60): 501–525.

15. McGrath J.E. Time, interaction, and performance (TIP): A theory of groups. *Small Group Research*. 1991; (2): 147–174.

16. Miron-Spektor Ella, Vashdi Dana R., Gopher Hadas. Bright sparks and enquiring minds: Differential effects of goal orientation on the creativity trajectory. *Journal of Applied Psychology*. 2022; 107(2): 310–318. DOI: <https://doi.org/10.1037/apl0000888>.

17. Rorty R.M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy. The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Ed. Richard Rorty. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.

18. Sorokin P., Merton K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis. *American Journal of Sociology*. 1937; 42(5): 615–629.

19. Worrell F.C., Mello Z.R., Laghi F. Time Perspective Constructs in Albanian and Italian Adolescents: Exploratory Analyses. *Psychological Reports*. 2020; 124(2): 693–719. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294120913493>.

20. Zehua Cui, Assaf Oshri, Sihong Liu. Child Maltreatment and Resilience: The Promotive and Protective Role of Future Orientation. *Journal of Youth and Adolescence*. 2020; 49(10): 2075–2089. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01227-9>.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 01.11.2023; approved after reviewing on 21.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Снежко Галина Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Общая и клиническая психология», Ростовский государственный медицинский университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 119

Galina E. Snezhko — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Rostov State Medical University.

119 Suvorova str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.75

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-255-265

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ИДЕОЛОГИИ

Анатолий Анатольевич Трунов¹✉, Рашид Рамазанович Дагаев²

¹*Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия*

²*Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия*

¹*trunovv2013@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-5669-8514, AuthorID РИНЦ: 454628*

²*rash-chelsea@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2838-1759, AuthorID РИНЦ: 106414*

Аннотация. Цель исследования заключается в том, чтобы осуществить сравнительный анализ основных парадигм философского исследования идеологии в обществах современного и постмодерного типов.

Методологическую базу исследования представляют принципы системности и историзма, ведущие философские подходы к осмыслению идеологии в их классических, неклассических и постклассических интерпретациях, морфологический анализ, структурный психоанализ, постструктурализм, герменевтика, культурологический и философско-антропологический подходы.

Результаты исследований. В статье реконструированы классические, неклассические и постнеклассические подходы к изучению идеологии в обществах современного и постмодерного типов. Особое внимание уделено характеристике морфологического анализа идеологий, а также выявлению специфики функционирования диффузной идеологии в условиях цифровизации, виртуализации и сетевизации общества.

Перспективы исследования обусловлены необходимостью глубокого и всестороннего изучения влияния диффузной идеологии на сознание, эмоции и поведение своих реципиентов в условиях цифровизации, виртуализации и сетевизации современного общества.

Ключевые слова: идеология, парадигмы, концепты, анализ, философия, общество, культура, процессы, дискурс, модерн, постмодерн

Для цитирования: Трунов А.А., Дагаев Р.Р. Традиции и новации в философском осмыслении идеологии // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 255–265. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-255-265>.

Original article

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF IDEOLOGY

Anatoly A. Trunov^{1✉}, Rashid R. Dagaev²

¹Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

²Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

¹trunovv2013@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0001-5669-8514, AuthorID RSCI: 454628

²rash-chelsea@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2838-1759, AuthorID RSCI: 106414

Abstract. *The purpose of the study is to carry out a comparative analysis of the main paradigms of philosophical research of ideology in modern and postmodern societies.*

The methodological basis of the research is represented by the principles of systematicity and historicism, existing philosophical approaches to the comprehension of ideology in their classical, non-classical and post-classical interpretations, morphological analysis, structural psychoanalysis, poststructuralism, hermeneutics, cultural and philosophical-anthropological approaches.

Research results. *The article reconstructs classical, non-classical and postnon-classical approaches to the study of ideology in modern and postmodern societies. Special attention is paid to the characteristic of morphological analysis of ideologies, as well as to the identification of the specifics of the functioning of diffuse ideology in the conditions of digitalization, virtualization and networkization of society.*

Research prospects *are conditioned by the processes of spontaneous re-ideologization and the need for a deep and comprehensive study of the influence of diffuse ideology on the consciousness, emotions and behavior of its recipients in the conditions of digitalization, virtualization and networkization of modern society.*

Keywords: *ideology, paradigms, concepts, analysis, philosophy, society, culture, processes, discourse, modern, postmodern*

For citation: Trunov A. A., Dagaev R. R. Traditions and innovations in the philosophical understanding of ideology // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 255–265. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-255-265>.

Введение. В феврале 2022 г. мир вступил в новую историческую эпоху. Специальная военная операция инициировала не только процессы глобальной турбулентности, но и способствовала оформлению нового геополитического противостояния, в основу которого положена идеологическая (ценностно-смысловая) консолидация конфликтующих сторон. Эту ситуацию не только актуализировала знаменитую шмиттовскую коду о необходимости различения друга и врага, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть [23], но и резко ускорила дремавшие идеологичес-

кие процессы. Во многих регионах России наблюдаются стихийное возвращение советской и досоветской символики, реанимация ритуалов и дискурсивных практик ушедших эпох, связанных с резким повышением роли героического начала в личной и общественной жизни. Значимой составляющей специальной военной операции является борьба за умы, беспрецедентное по своему накалу противостояние в когнитивной и психоэмоциональной сферах.

Мы живём в цифровую эпоху, когда практически каждое происходящее событие

может получить медийное сопровождение. Эффективную информационную политику в условиях специальной военной операции трудно вести, игнорируя идеологию или заменяя ее типичным для мирного времени прагматизмом, ситуационным реагированием, ориентируясь на разовые PR-акции или используя одних и тех же лидеров мнений. Всё это требует адекватного идеологического сопровождения. Однако государственная идеология в России всё ещё официально запрещена. Патриотизм, который зачастую рассматривается как некая полноценная замена официальной государственной идеологии, также может быть разным.

В этой связи закономерно возникают вопросы, связанные с адекватностью существующих представлений о природе идеологии. Насколько они соответствуют духу времени? В каких направлениях продвинулось философское осмысление идеологии? Какие представления об идеологии стали достоянием прошлого, а какие соответствуют вызовам цифровой эпохи? Что из этого можно использовать на практике? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к характеристике существующих подходов к идеологии. Именно в этом и заключается основной замысел данной статьи.

Материалы и методы. В своем анализе мы опираемся на исследовательскую оптику, разработанную Ф. Бэконом, А.-Л.-К. Дестютом де Траси, К. Марксом, М. Вебером, К. Манхеймом и К. Гирцем в её классических, неклассических и постклассических интерпретациях, а также на морфологический анализ, предложенный британским аналитиком идеологии М. Фриденом, структурный психоанализ, постструктурализм, герменевтику, культурологический и философско-антропологический подходы. Идеологические процессы рассматриваются нами с позиций системности и историзма в контексте эволюции смысловых и символических оснований динамично развивающихся обществ современного и постмодерного типов.

Результаты. Феномен идеологии возник задолго до того, как появились адекватные научные понятия, позволяющие его изучать с философских позиций. Без производства

и распространения самых разнообразных идей совершенно невозможно представить и адекватно описать становление человека как вида *Homo sapiens*. При этом мы исходим из того, что вовсе не политика, а именно культура как система, порождающая разнообразные (в том числе идеологические) смыслы, должна находиться в центре эпистемологической рефлексии. Поверхностный уровень политики не должен заслонять от нас глубинные процессы, которые происходят на уровне духовного производства.

Чтобы разобраться в смысловом разнообразии существующих подходов и точек зрения, необходимо подробнее остановиться на характеристике наиболее влиятельных подходов к философскому осмыслению идеологии, осуществив их сравнительный анализ. Для этого мы попытаемся реконструировать как преднаучные, так и научные подходы, показав их сходство и различия, проанализировав основные парадигмы исследования идеологических процессов.

В качестве одного из первых исследователей идеологии можно назвать Ф. Бэкона, который ещё в начале XVII в. разработал своеобразную «идолологию» (или классификацию «идолов безумия»), которую можно рассматривать как первую философскую концепцию идеологии [3].

Современники Бэкона, равно как и мыслители следующих поколений, развивая его исследовательский проект и используя разработанную им методологию, осуществили деконструкцию многих идейных и символических конструкций Старого порядка, обосновали принципы рационального общественного устройства, наметили смысловые контуры великих идеологий модерна. Существенным элементом их философских концепций была критика широко распространённых мифов и господствующей религии. При этом многие из критиков исходили из того, что именно идеи правят миром и этот мир можно преобразовать в желаемом направлении, если руководствоваться не чувствами, а разумом. Позднее оказалось, что проблема гораздо сложнее, однако философская критика человеческих заблуждений оказала огромное влияние на развитие науки раннего Нового времени.

Само же слово «идеология» появилось в конце XVIII в. Его автором был А.-Л.-К. Де-

стю де Траси, разработавший эпистемологический проект, в основу которого был положен тезис об идеологии как науке о закономерностях человеческого мышления [8]. Впрочем, предложенная им характеристика идеологии как универсальной науки об идеях в философии так и не прижилась. Это произошло не только по причине спекулятивного переноса зоологических метафор на мыслительно-объективные процессы, когда мозг человека невольно отождествлялся с его же желудком, но и из-за полного непонимания Дестютом де Траси и его сторонниками природы идеального. Стремясь избавиться от метафизики и ограничиться рамками естественно-научного дискурса, Дестют де Траси создал весьма вульгарную концепцию сенсуалистской теории познания. Сама же критика всевозможных предрассудков, заблуждений, ошибочных теорий в эту историческую эпоху достигла своего апогея.

До К. Маркса и Ф. Энгельса философское осмысление идеологических феноменов в основном сводилось к разоблачению и просветительской критике существующих разновидностей ложного сознания. Считалось, что по мере развития науки все они станут наследием прошлого. К. Маркс и Ф. Энгельс предложили принципиально иной подход [16]. Избавление от идеологии возможно лишь при условии исчезновения тех обстоятельств, которые её порождают. Если мы хотим отказаться от иллюзорного (ложного) восприятия человека, общества или природы, то должны понять, что в обществах классового типа именно оно является важнейшим механизмом воспроизводства социального господства. Система заблуждений и иллюзий (господствующие мысли господствующего класса [16]) есть квинтэссенция идеологии, и от нее, как показывает опыт, невозможно избавиться философской или научной критикой просветительского толка. Заметим, что отношение К. Маркса к любым формам идеологии было негативным. При этом К. Маркс обоснованно полагал, что даже наиболее ««туманные образования в мозгу людей»» [16, с. 25] выполняют важную функцию, примиряя индивидов и социальные группы с абсурдной действительностью. В целом же общественное бытие конструирует адекватные его природе формы общественного сознания,

хотя отношения между ними могут быть достаточно гибкими.

В русле большинства концепций марксизма идеологию также принято рассматривать как разновидность ложного сознания. Идеологии во всех случаях в марксизме и его поздних разновидностях противопоставляется наука, на основе которой осуществляется развёрнутая критика надстроечных явлений в обществах современного и постмодерного типов. Особое место в изучении идеологии занимает концепция И. Валлерстайна [4], дополненная идеями А.И. Фурсова [21]. Она позволяет рассматривать генезис и эволюцию тримодальной идеологии (консерватизма, либерализма и марксизма) в контексте анализа дискурсивных практик модерна.

В коллективном труде, посвящённом развитию европейской политической мысли XIX в., изданном под научной редакцией И.К. Пантина и И.И. Мюрберг, содержится обобщение ценного эмпирического материала, позволяющего осмыслить логику возникновения базовых идеологий модерна (консерватизма, либерализма и марксизма) [10]. Особого внимания заслуживает работа А.В. Шубина [24]. Большое внимание в ней уделяется характеристике не только марксистской, но и немарксистских версий социализма, в основу которых положены идеи самоорганизации свободных сообществ свободных людей. Системная критика идеологий модерна и постмодерна с постмарксистских позиций содержится в монографии Д. Шварцмантеля [29].

В целом же диалектический метод и исследовательская оптика Маркса продолжают успешно развиваться [19]. При этом наряду с рассмотренными нами интерпретациями идеологии сквозь призму марксизма существуют и другие, не менее авторитетные парадигмы научного познания. Некоторые из них сформировались через явное или неявное противопоставление марксизму.

В этой связи обозначим подход М. Вебера, который позволяет рассматривать идеальные типы идеологий в процессах модернизации традиционных обществ и институционализации сферы публичной политики. Собственно, М. Вебер фокусирует свои исследования на необходимости изучения тех сторон жизнедеятельности буржуазного общества,

которые у самого К. Маркса по целому ряду причин не получили значительного развития. Отсюда — огромный интерес М. Вебера не только к научному обоснованию рационального устройства общества на основе проектирования его оптимального институционального дизайна, но и к сравнительному изучению различных типов политики, систем социального господства и подчинения [5; 6].

Не менее важной представляется инициированная М. Вебером научная дискуссия о сущности политического, заочными участниками которой стали К. Шмитт, Х. Арендт и Э. Фёгелин [23; 1; 22]. Неовеберовский подход был детально разработан М. Манном, который предложил рассматривать идеологию как один из важнейших источников социальной власти во всех существующих типах обществ, начиная с цивилизаций Древнего мира и заканчивая процессами глобализации. В своей многотомной монографии М. Манн выделяет имманентные и трансцендентные идеологии, которые можно охарактеризовать как разновидности гражданских и политических религий [11–14]. Их изучением весьма успешно занимается Э. Джентиле [9]. Среди других представителей неовеберовского подхода отметим Я. — В. Мюллера и Н. Урбинати [17; 20]. В центре их внимания — изучение проблем демократии сквозь призму философских и идеологических дискуссий XX — начала XXI вв.

Среди классических мы также выделяем подход К. Манхейма, который рассматривал идеологию и утопию как конкурирующие стратегии господствующих и депривированных социальных групп, которые ведут борьбу за присвоение ресурсов в обществах предмодерного и модерного типов [15]. В контексте предпринятого им анализа К. Манхейм настаивал на необходимости разработки полноценной социологии знания, очищенной от присутствия каких-либо элементов идеологии или утопии. Безусловно, в целом ряде аспектов концепция К. Манхейма устарела. Однако именно её можно рассматривать как базовую платформу для появления перспективной парадигмы конструктивизма.

Особое место здесь также занимает эссе знаменитого антрополога К. Гирца, который предложил рассматривать идеологию как культурную систему [7]. Согласно аргумен-

тации К. Гирца, идеологии возникают в ситуации смыслового вакуума, когда одна система интерпретации реальности уже рухнула, а другая ещё не сформировалась. Объективная потребность индивидов и социальных групп в осмыслении стремительно меняющейся реальности вызывает необходимость идеологии как культурной системы, поэтому любая идеология исторична и интегрирована в систему производства, распространения и потребления культурных смыслов.

Обсуждение. Как видим, философская классика отнюдь не утратила своего эвристического потенциала. Она довольно хорошо объясняет функционирование идеологии в обществах современного типа. Проблема заключается в том, что в тех обществах, которые оказались в состоянии постмодерна, классические идеологии превратились в симулякры. Они утратили свою привлекательность и мобилизационный потенциал, перестали давать адекватные ответы на актуальные вопросы социальной и политической жизни, растворились в практиках потребления. При этом идеологическое никуда не исчезло. Оно обрело новые формы и свойства диффузности. В этой связи имеет смысл обратиться к неклассическим подходам изучения идеологии. Особое место среди них занимает морфологический анализ М. Фридена.

Четверть века М. Фриден возглавлял наиболее авторитетный научный журнал, посвященный изучению политических идеологий («The Journal of Political Ideologies»). Помимо этого, он опубликовал серию монографий, которые позволили существенно продвинуться в области адекватного понимания идеологических процессов [25–28]. Индивидам свойственно декодировать идеологические послания, выделять главное и второстепенное, полезное и вредное, приемлемое и неприемлемое, поэтому существует огромная разница между идеологией как теоретической системой и особенностями её преломления в сознании конкретных индивидов. Какие-то идеи искажаются, какие-то упрощаются, какие-то исчезают из зоны внимания индивидов. Зафиксировав этот очевидный факт, М. Фриден разрабатывает концептуальный (или морфологический) метод анализа идеологий. Согласно М. Фридену, идео-

логии можно рассматривать как сложные смысловые системы, ядром которых являются базовые концепты, способные порождать идеологические дискурсы и нарративы. Эти концепты разрабатываются теоретиками, которые занимаются философским и научным осмыслением социальных процессов.

Концепты действительно можно рассматривать как своеобразные «тела» идеологий, то есть универсальные мыслительно-объективные формы, которые позволяют различать консерватизм и либерализм, либерализм и марксизм, умеренных и радикалов, националистов и нацистов. Набор таких концептов сравнительно невелик. Так, в основу консерватизма положены концепты традиции и порядка. Ядром либерализма выступают концепты свободы и прогресса. Идеологии социалистического и коммунистического типа апеллируют к концепту социальной справедливости и перспективам полноценной реализации родовой сущности человека. Базовые концепты классических идеологий определяют стратегию и тактику конкретных акторов политического процесса. М. Фриден также выделяет периферийные и смежные концепты, которые выступают связующими звеньями между конкурирующими идеологиями и позволяют вести политическую дискуссию о наилучшем варианте общественного устройства. М. Фриден исходит из того, что носителями идеологий как целостных смысловых систем является образованное меньшинство, в то время как массовое сознание заполнено лишь фрагментами идеологий.

В одной из своих новейших работ М. Фриден обращает внимание на пренебрежительное отношение к любым формам идеологии со стороны статусных представителей академического дискурса. В их среде принято третировать идеологию как разновидность ложного сознания, наследие тоталитарных или авторитарных режимов. «Идеология слишком часто является чужеродным имплантом», — отмечает М. Фриден [28, с. 11], критикуя оторвавшихся от реальности теоретиков. Когда массы представляли собой инертное молчаливое большинство, такое отношение к идеологии было оправданным. Однако благодаря цифровизации и развитию социальных медиа массы получили колоссальные возможности выразить свои эмоции

и мысли, оспаривать принимаемые решения, поддерживать или ниспровергать лидеров мнений, участвовать в политическом процессе. Интеллектуалы, которые не смогли понять новые возможности масс, утратили свое былое влияние и превратились в маргиналов цифровой эпохи.

При этом М. Фриден отмечает, что огромную роль в распространении идеологий играют эмоции [28]. По большому счету, рациональное содержание идеологий воспринимает образованное и политически продвинутое меньшинство, в то время как менее образованное большинство гораздо более восприимчиво к демагогии и другим разновидностям манипулятивной риторики.

Массы обрели возможность публично выражать свои чувства и высказываться практически по любому поводу. Однако они так и не обрели разум, способный формулировать мысли, выходящие за рамки господствующей в обществе идеологии, которая действует по принципу проникающей радиации, то есть деструктивно и незаметно. Классическая концепция публичности как пространства локализации рационального дискурса в цифровую эпоху сменилась глобальной машинерией фейков. Мы живём в эпоху постправды, когда основной целью производства и трансляции массовой информации является не убеждение, основанное на доказательствах, а воздействие на эмоции, включая коллективное бессознательное. Слова, произнесенные публично, уже практически ничего не значат. Что касается идеологий, то они превращаются в «идеолоиды» — виртуальные эклектичные фантомы, сконструированные циничными политтехнологами, исходя из пожеланий своих заказчиков. «Этот феномен превосходит обычную гиперболизацию или лживость», — поясняет М. Фриден, раскрывая сущность сконструированного им неологизма [28, с. 181].

Массовый потребитель новостей не способен отличить правду от лжи, досужий вымысел от фактов, прогноз от самосбывающегося пророчества, поэтому дискуссии, которые ведутся в публичной сфере, чаще всего бессмысленны и бесплодны. По существу, мы наблюдаем возвращение все тех же «идолов безумия», о которых на заре Нового времени писал Ф. Бэкон. Возможным выходом

дом из сложившейся ситуации мог бы стать знаменитый принцип парресии, то есть экзистенциальной ответственности публично заявляющих за свои слова, однако в ситуации постправды в симулякр превращается даже парресия.

Эти идеи хорошо дополняются структурным психоанализом, который применяется А.В. Рубцовым при изучении диффузной идеологии и получил в начале XXI в. заметное распространение феномена политического нарциссизма [18]. Согласно А.В. Рубцову, политический нарциссизм специфическим образом отражается в зеркале диффузных идеологий, формируя грандиозный медийный образ господствующей власти и компенсируя массам ощущение собственной ничтожности за счёт создания шизофренической картины мира. Психопатология заключается в том, что воображаемое и символическое здесь полностью отрываются от реального, начиная жить по законам бесконечного медийного спектакля или виртуального карнавала. Образ грандиозности и всемогущества персонифицированных носителей власти, который создаётся машинерией пропаганды, оплаченными троллями и ботами в сетях публичности, возвращает общество в то ментальное состояние, которое предшествовало модерну. Сам же нарциссизм в политике, как об этом пишет А.В. Рубцов, оборачивается бессознательным влечением к смерти, что наглядно демонстрирует деконструированный им миф о Нарциссе.

К теме идеологии очень близко примыкают исследования в области символической политики, которые были успешно начаты М. Эдельманом [25]. С этих позиций могут быть рассмотрены проблемы идеологического конструирования прошлого и настоящего, проектирования желаемого будущего, политика памяти, политические мифы.

Перспективным направлением изучения идеологий в эпоху цифровизации и массовой доступности социальных медиа является изучение эхо-камер и пузырей фильтров, создающих весьма специфические представления о реальности [2]. Эхо-камеры формируются на основе закрытых сообществ, которые стремятся оградить себя от неприемлемой или деструктивной в их понимании информации, разрушающей привычную картину мира.

Опасность пузырей фильтров заключается в том, что в закрытом сообществе циркулирует преимущественно однотипная информация и отсутствуют альтернативные точки зрения, которые приводят к формированию столь же однотипных идеологических представлений. В условиях информационного общества это обеспечивается спецификой работы алгоритмов поисковой выдачи в сетях публичности. Новостная лента подстраивается именно к тому контенту, который вызвал у пользователя наибольший интерес. Эхо-камеры и пузыри фильтров существенно затрудняют возможности информационного обмена, но весьма способствуют эффективной идеологической обработке реципиентов. Ставя лайки, оставляя комментарии или пересылая друг другу популярные мемы, они вольно или невольно становятся основными потребителями и трансляторами диффузной идеологии.

Заключение. Подводя общий итог, сформируем основные выводы данной статьи.

1. Философское осмысление идеологии опирается на несколько солидных научных традиций, восходящих к Ф. Бэкону, А.-Л.-К. Дестюту де Траси, К. Марксу, М. Веберу, К. Манхейму и К. Гирцу. Эти традиции развивались не изолированно, а в тесном контакте друг с другом. Их представители руководствовались различными соображениями, но при этом стремились к выработке полноценного научного знания, избавленного от присутствия идеологии. Получалось далеко не всегда. И это обусловлено тем, что учёные, которые занимались и продолжают заниматься идеологической проблематикой, не существуют вне того социального и культурного контекста, который порождает идеологические процессы («парадокс К. Манхейма»).

2. Философское осмысление идеологии прошло сложный путь: от критики «идолов безумия» (Ф. Бэкон) к попытке формирования особой науки об идеях (А.-Л.-К. Дестют де Траси). Основные подходы к изучению идеологии связаны с разработками К. Маркса, М. Вебера, К. Манхейма и К. Гирца. Эти мыслители заложили теоретические и методологические основы той учреждающей дискурсивности, которая позволяет изучать идеологические процессы в обществах современного и постмодерного типов с позиций

классической, неклассической и постклассической рациональности.

3. В эпоху модерна идеологическое было тесно связано с политическим и проявляло себя как борьба за образы желаемого общества в публичном пространстве. Этот процесс наблюдается и в наши дни, когда симулякры идеологий превращаются в симулякры политических религий, а сами идеологии представляют собой причудливую смесь веры и знания. Основными коллективными субъектами, которые занимались производством, трансляцией и потреблением идеологий в обществах современного типа, являлись интеллигенция и интеллектуалы. Сегодня пустующее место интеллигенции и интеллектуалов заняли блогеры, лидеры общественного мнения и сетевые тролли, создающие специфический медийный контент, в котором истина перемешана с вымыслом, а фейк зачастую не отличим от факта. Их основное отличие от интеллигентов и интеллектуалов эпохи модерна заключается в том, что они стараются любыми путями удержать и капитализировать внимание аудитории. На смену рациональной аргументации пришли манипулятивные риторические стратегии. Идеологические симулякры также выступают маркерами идентификационного поведения тех индивидов (блогеров, «инфлюенсеров», лидеров общественного мнения, сетевых троллей) и референтных групп, которые занимаются производством, трансляцией или потреблением диффузной идеологии в обществах постмодерного типа.

Список источников

1. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
2. Брунс А. Реальна ли стена фильтров? / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 120 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 2 / Пер. с англ. М.: Мысль, 1972. 582 с.
4. Валлерстайн И. Мир-система Модерн. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1798–1914 / Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
5. Вебер М. Власть и политика / Пер. с нем. М.: РИПОЛ классик, 2017. 432 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. Т. IV. Господство / Пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.
7. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
8. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2013. 334 с.
9. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с итал. СПб.: Владимир Даль, 2021. 400 с.
10. Европейская политическая мысль XIX в. / Отв. ред. И.К. Пантин, И.И. Мюрберг. М.: Наука, 2008. 486 с.
11. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 1: История власти от истоков до 1760 г.н.э. / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 760 с.
12. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга первая) / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 512 с.
13. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга вторая) / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 520 с.
14. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 696 с.
15. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. XIV / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 616 с.
17. Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века / Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 400 с.
18. Рубцов А.В. Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. М.: Прогресс-Традиция, 2020. 816 с.
19. Тернборн, Й. От марксизма к постмарксизму / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 259 с.
20. Урбинати Н. Искажённая демократия: Мнение, истина и народ / Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 448 с.
21. Фурсов А.И. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерение. М.: Книжный мир, 2017. 768 с.

22. Фёгелин Э. Новая наука политики. Введение / Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2021. 372 с.
23. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
24. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
25. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.
26. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 603 p.
27. Freedman M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Clarendon Press, 2003. 160 p.
28. Freedman M. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. New York; London: Routledge, 2021. 218 p.
29. Schwarzmantel J.J. The age of ideology: political ideologies from the American Revolution to postmodern times. New York: New York University Press, 1998. XII. 210 p.
7. Girc K. Interpretacija kul'tur [Interpretation of cultures]. Per. s angl. Moscow: ROSSP-JeN, 2004. 560 p. (In Russ.).
8. Destjot de Trasi A.-L.-K. Osnovy ideologii. Ideologija v sobstvennom smysle slova [The basics of ideology. Ideology in the proper sense of the word]. Per. s franc. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2013. 334 p. (In Russ.).
9. Dzhentile Je. Politicheskie religii. Mezhdumokratiej i totalitarizmom [Political religions. Between democracy and totalitarianism]. Per. s ital. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 400 p. (In Russ.).
10. Evropejskaja politicheskaja mysl' XIX v. [European political thought of the XIX century]. Otv. red. I. K. Pantin, I. I. Mjurberg [In I. K. Pantin, I. I. Murberg (eds.)]. Moscow: Nauka, 2008. 486 p. (In Russ.).
11. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 1: Istorija vlasti ot istokov do 1760 g.n.e. [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 1: The history of power from the origins to 1760 A.D.]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 760 p. (In Russ.).

References

1. Arendt H. Vita Activa, ili O dejatel'noj zhizni [Vita Activa, or About active life]. Per. s nem. i angl. 2-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Ad Marginem Press, 2017. 416 p. (In Russ.).
2. Bruns A. Real'na li stena fil'trov? [Is the filter wall real?]. Per. s angl. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2023. 120 p. (In Russ.).
3. Bjekon F. Sochinenija: V 2-h t. [Works: In 2 vols.] Vol. 2. Per. s angl. Moscow: Mysl', 1972. 582 p. (In Russ.).
4. Vallerstajn I. Mir-sistema Modern [The World-the Modern system]. Vol. IV. Triumf centristskogo liberalizma, 1798–1914 [The Triumph of centrist liberalism, 1798–1914]. Per. s angl. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 2016. 496 p. (In Russ.).
5. Veber M. Vlast' i politika [Power and politics]. Per. s nem. Moscow: RIPOL klassik, 2017. 432 p. (In Russ.).
6. Veber M. Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii: V 4-h t. [Economy and society: essays on understanding sociology: In 4 vols.] Vol. IV. Gospodstvo [Domination]. Per. s nem. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. 542 p. (In Russ.).
12. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody (kniga pervaja) [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2: The formation of classes and nation-states, 1760–1914 (book one)]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 512 p. (In Russ.).
13. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 2: Stanovlenie klassov i nacij-gosudarstv, 1760–1914 gody (kniga vtoraja) [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 2: The formation of classes and nation-states, 1760–1914 (book two)]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 520 p. (In Russ.).
14. Mann M. Istochniki social'noj vlasti: v 4-h t. Vol. 3: Global'nye imperii i revoljucija, 1890–1945 gody [Sources of social power: in 4 vols. Vol. 3: Global empires and Revolution, 1890–1945]. Per. s angl. Moscow: Delo, 2018. 696 p. (In Russ.).
15. Manhejm K. Diagnostika nashego vremeni [Diagnosis of our time]. Per. s nem. i angl. Moscow: Jurist, 1994. 700 p. (In Russ.).
16. Marks K., Jengel's F. Sochinenija [Works]. Vol. 3. XIV. Per. s nem. 2-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 616 p. (In Russ.).
17. Mjuller Ja.-V. Spory o demokratii. Politicheskie idei v Evrope XX veka [Disputes

about democracy. Political ideas in Europe of the XX century]. Per. s angl. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017. 400 p. (In Russ.).

18. Rubcov A. V. Narciss v brone. Psihoideologija «grandioznogo Ja» v politike i vlasti [Narcissus in armor. The psychoideology of the «grandiose Self» in politics and power]. Moscow: Progress-Tradicija, 2020. 816 p. (In Russ.).

19. Ternborn, J. Ot marksizma k postmarksizmu [From Marxism to post-Marxism]. Per. s angl. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jeconomiki, 2021. 259 p. (In Russ.).

20. Urbinati N. Iskazhjonnaja demokratija: Mnenie, istina i narod [Distorted democracy: Opinion, truth and the people]. Per. s angl. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016. 448 p. (In Russ.).

21. Fursov A. I. Bor'ba voprosov. Ideologija i psihoistorija: russkoe i mirovoe izmerenie [The struggle of questions. Ideology and psychohistory: Russian and world dimension]. Moscow: Knizhnyj mir, 2017. 768 p. (In Russ.).

22. Fjogelin Je. Novaja nauka politiki. Vvedenie [The new science of politics. Intro-

duction]. Per. s angl. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 372 p. (In Russ.).

23. Shmitt K. Ponjatie politicheskogo [The concept of the political]. Per. s nem. Saint Petersburg: Nauka, 2016. 568 p. (In Russ.).

24. Shubin A. V. Socializm. «Zolotoj vek» teorii [Socialism. The «Golden Age» of theory]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 744 p. (In Russ.).

25. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 201 p.

26. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 1996. 603 p.

27. Freedon M. Ideology: A Very Short Introduction. Oxford: Clarendon Press, 2003. 160 p.

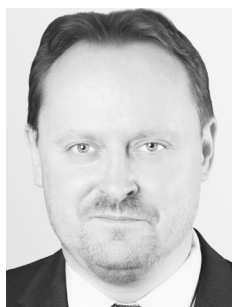
28. Freedon M. Ideology Studies: New Advances and Interpretations. New York; London: Routledge, 2021. 218 p.

29. Schwarzmantel J. J. The age of ideology: political ideologies from the American Revolution to postmodern times. New York: New York University Press, 1998. XII. 210 p.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 18.10.2023; approved after reviewing on 12.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трунов Анатолий Анатольевич — кандидат философских наук, доцент, кафедра «Гуманитарные и социальные дисциплины», Белгородский университет кооперации, экономики и права.

Россия, г. Белгород, ул. Садовая, 116а, каб. 213

Anatoly A. Trunov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

116a Sadovaya str., of. 213, Belgorod, Russia

Дагаев Рашид Рамазанович — кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра «Теория и технология социальной работы», Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова.

Россия, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33

Rashid R. Dagaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and Technology of Social Work, Kadyrov Chechen State University.

33, Subry Kishievoy str., Grozny, Russia

Вклад авторов:

Трунов А. А. — научное руководство; написание основного текста, итоговые выводы.

Дагаев Р. Р. — доработка основного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Trunov A. A. — scientific supervision; development of research methodology; writing of the main text; final conclusions.

Dagaev R. R. — finalisation of the main text; final conclusions.

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-266-274

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Кристина Артемовна Шаровара

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777*

Аннотация. Цель исследования. В представленной статье рассматривается цивилизационный подход как методологическая парадигма социально-философского исследования, альтернативная универсалистским подходам, в частности формационному. Автор видит преимущество цивилизационного подхода в том, что он дает возможность исследовать различные социумы в их культурно-исторической специфичности, с их собственными траекториями социально-исторического развития, в том числе и оценивать перспективы осуществления для них социальной модернизации.

Методология исследования представляется в рамках анализа цивилизационного подхода в современном социально-философском и социогуманитарном знании, рассматривается концепция множественного модерна Ш. Эйзенштадта как учитывающая цивилизационные факторы и предусматривающая возможность специфических траекторий модернизационных процессов в различных цивилизационных контекстах.

Результаты исследования. Автор исследования в контексте анализа поставленной цели отмечает значимость проблематики цивилизационной идентичности и цивилизационных нарративов, изучение которой приобретает всё большую актуальность и требует применения цивилизационного подхода.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим осмыслением цивилизационного подхода, анализом значимости проблематики цивилизационной идентичности и цивилизационных нарративов.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, универсализм, цивилизационная идентичность, цивилизационные нарративы, теория множественного модерна, культурные коды, смысложизненные ценности

Для цитирования: Шаровара К. А. Методология цивилизационного анализа в социально-философском исследовании // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 266–274. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-266-274>.

Original article

METHODOLOGY OF CIVILIZATIONAL ANALYSIS IN SOCIO-PHILOSOPHICAL RESEARCH

Kristina A. Sharovara

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777*

Abstract. *The purpose of the study.* The article considers the civilizational approach as a methodological paradigm of socio-philosophical research, an alternative to universalist approaches, in particular, the formational one. The author sees the advantage of the civilizational approach in that it makes it possible to explore various societies in their cultural and historical specificity, with their own trajectories of socio-historical development, including assessing the prospects for their social modernization.

The methodology of the research is presented within the framework of the analysis of the civilizational approach in modern socio-philosophical and socio-humanitarian knowledge, the concept of multiple modernism is considered. Eisenstadt as taking into account civilizational factors and providing for the possibility of specific trajectories of modernization processes in various civilizational contexts.

The results of the study. The author of the study, in the context of the analysis of the goal, notes the importance of the problems of civilizational identity and civilizational narratives, the study of which is becoming increasingly relevant and requires the use of a civilizational approach.

The prospects of the research are connected with further comprehension of the civilizational approach, analysis of the significance of the problems of civilizational identity and civilizational narratives.

Keywords: *civilization, civilizational approach, universalism, civilizational identity, civilizational narratives, theory of multiple modernity, cultural codes, life values*

For citation: Sharovara K.A. Methodology of civilizational analysis in socio-philosophical research // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 266–274. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-266-274>.

Введение. Последнее десятилетие ознаменовалось ростом интереса со стороны социально-гуманитарных и философских наук к цивилизационной проблематике, что, несомненно, связано с текущими геополитическими процессами, формированием многополярного мира, требующим углубленной научно-философской рефлексии над взаимоотношением цивилизаций, осмысления на новом уровне реального соотношения принципов универсализма и цивилизационного своеобразия в ходе решения задач модернизации незападных обществ, в частности российского.

Это привело к актуализации цивилизационного подхода в социально-философских

исследованиях. Несмотря на то, что цивилизационный подход сложился в социально-философском дискурсе достаточно давно и уже долгое время представляет собой теоретико-методологическую альтернативу социальному универсализму, эпоха модерна в целом была отмечена триумфом универсализма в разнообразных его проявлениях, от просвещенческо-кантианского и гегельянского до марксистского формационного подхода и западнцентричного универсализма теорий модернизации первого поколения.

Методологические характеристики цивилизационного подхода. Противостоя-

ние универсалистского и цивилизационного подходов определялось и определяется в настоящее время разницей в понимании соотношения общего и особенного, единства и различий в историческом процессе, в первую очередь в процессе социальной модернизации. Если социально-философский универсализм утверждает принципиальную общность этапов социального развития различных обществ, а также неизбежность последовательного прохождения ими этих этапов (стадий развития Духа по Г. Гегелю, социально-экономических формаций по К. Марксу и т.д.), тем самым конструируя линейное прогрессистское представление об историческом процессе как однонаправленном и восходящем в своей траектории, то для цивилизационного подхода такого единства не существует. Не существует для него и модели неограниченного исторического прогресса. Классические варианты цивилизационного подхода основываются на аналогии между конкретным обществом (культурой) и живым организмом, последовательно переживающим фазы роста, развития, расцвета, деградации и гибели. Будучи замкнутым целым, цивилизации осуществляют прохождение через эти стадии независимо от своего окружения, проявляя свою культурную и институциональную особенность и самобытность. Как отмечают исследователи, характеризуя одну из наиболее известных социально-философских концепций в рамках цивилизационного подхода — концепцию О. Шпенглера, «воспринимая единство истории только лишь как поток жизни, космическое становление, то есть, объясняя историю из надисторического природно-биологического измерения “жизнь”, О. Шпенглер фактически отказывается от идеи единства истории человечества» [7, с. 71–76.]. Концепция О. Шпенглера сформировалась на методологической основе философии жизни с присущим ей иррационализмом и витализмом, чем и определяется специфика его понимания исторического процесса [14].

Другой известный классик цивилизационного подхода, А. Тойнби [9], представил такую его модификацию, в рамках которой не упоминалось о неизбежном упадке и гибели цивилизационных образований. По мнению А. Тойнби, мыслявшего вне ра-

мок философии жизни, цивилизации имеют неограниченный потенциал исторического развития, но обладают существенными культурными отличиями друг от друга, культурно-исторической целостностью и внутренним потенциалом, критерием которого Тойнби считал способность отвечать на вызовы эпохи и формировать собственные вызовы для других цивилизаций.

Таким образом, классические модификации цивилизационного подхода объединены идеей противостояния доминирующему универсализму, но различаются существенными чертами, обусловленными разницей контекстов. Для XX века универсализм выступал наиболее значимой парадигмой социально-философского знания — благодаря ошутимому акценту на поиск единых, основанных на причинно-следственных связях закономерностей социального развития. Это было связано также с отчасти неосознанным действовавшим по умолчанию евроцентризмом и западоцентризмом доминирующего социально-философского нарратива, разворачивавшегося в культурно-цивилизационных рамках западного мира.

Эта тенденция, сформировавшаяся в эпоху Просвещения, основывалась на идее приоритетности рациональности и рационализма в социальной философии как универсального способа познания общества. Рационалистический нарратив позиционировал европейское общество как опережающее в развитии все другие и универсализировал происходящие в нем социальные трансформации как единственно отвечающие критериям универсальной социальной рациональности. Именно в противостоянии требований универсальной рациональности и традиционного социума формировались ранние теории модернизации, общей сутью которых была идея превосходства рационально переобустроенного общества над тем, в котором господствует не критический разум, а инерция традиции.

В контексте критико-рационалистического универсализма все основания социума должны были подвергнуться пересмотру с точки зрения общечеловеческих критериев просвещенного разума. Для этого были необходимы и разрабатывались универсалистские социально-философские теории, пост-

роенные на базе поиска единых каузальных схем и закономерностей исторического развития всех без исключения обществ. Итогом стало доминирование различных видов социально-культурного универсализма, среди которых видное место занимали марксистский формационный подход, классические теории модернизации, теории постиндустриального общества.

Пафос и смысл цивилизационных концепций совершенно обратный: он заключался в попытке выявить значимость различий, а не только сходств культурных миров, обосновать необходимость учитывать их нередуцируемую к универсальному схематизму специфику. И если теоретические концепции, базирующиеся на принципах исторического универсализма, как правило, акцентировали научный характер собственных идей, апеллируя к всеобщим закономерностям и причинно-следственным связям, то цивилизационный подход в его ранних проявлениях опирался, скорее, на спекулятивно-философские основания. Как отмечает О.Н. Стойко, «исследование социальных феноменов, институтов и процессов сквозь призму цивилизационного подхода традиционно принадлежит к предметной области социальной философии, а именно — философии истории. Классическая парадигма цивилизационного подхода определяется базовой идеей о том, что в социальном бытии существуют изолированные друг от друга в своем развитии культурные образования, обладающие принципиально специфическими характеристиками социальной статики и динамики» [8, с. 23]. Восприятием цивилизационного подхода как, скорее, спекулятивно-философского, возможно, была обусловлена его определенная непопулярность в профессиональных исследовательских кругах XX века ввиду предполагаемого дефицита «научности», а среди советских обществоведов — и по причине жесткого идеологического доминирования марксистского формационного подхода.

Однако после отхода от марксистского моноидеологизма в 90-е годы XX века интерес к цивилизационному подходу отечественных исследователей резко возрос. Этому способствовало не только устранение идеологического прессинга, но и возросшая потребность осмысления из возникшей точки

бифуркации возможных путей дальнейшего исторического развития России: «В российском социальном знании после освобождения от универсалистской парадигмы марксизма возникло направление, стремящееся к альтернативному видению отечественной истории как последовательности циклически сменяющих друг друга фаз в рамках собственных именно российской цивилизации закономерностей» [8, с. 27]. Рост интереса к цивилизационному подходу констатирует и отечественный социолог М.В. Масловский: «Цивилизационный подход получил широкое распространение в отечественной литературе в 1990-е гг. В этот период значительное внимание уделялось идеям А. Тойнби, П.А. Сорокина, представителей евразийства, а затем вырос интерес к концепции столкновения цивилизаций американского политолога С. Хантингтона» [5, с. 169–186].

В понимании Хантингтона цивилизации представляют собой образования, характеризующиеся как объективными, так и субъективными чертами. К первым относятся язык, традиции, институциональные структуры, ко вторым — цивилизационные идентичности. Высказанная Хантингтоном идея об определяющей роли цивилизационных предпосылок в формировании будущих международных конфликтов, изначально сформулированная в рамках политологической повестки, по сути, выходит за пределы политологии, поскольку акцентирует особую значимость цивилизационно-культурных факторов в жизни современных обществ [13]. И если еще недавно цивилизационный фактор рассматривался исследователями как менее приоритетный в сравнении с экономическими и институциональными, то в настоящее время его значимость в международных отношениях и внутренней жизни обществ становится всё очевиднее. Это говорит о необходимости обращения к цивилизационному подходу в поисках понимания логики развития глобальных процессов.

Согласно А.В. Горюнову, в настоящее время имеются два принципиально значимых для анализа динамики современных обществ подходы: мир-системный (Валлерстайн) и локально-цивилизационный [1]. Если мир-системный подход ставит в центр рассмотрения экономические отношения и свя-

зи, объединяющие историческую систему, то для локально-цивилизационного подхода наиболее существенное место в исследовании занимают культурные (ментальные, религиозно-конфессиональные, ценностные, культурно-традиционные) особенности локальных цивилизаций, рассматриваемые как ключевые факторы влияния на ход и характер общественного развития. По определению Д. А. Жуковского, «цивилизация прежде всего характеризует каждое общество с позиций его глубинной социокультурной сущности, ментальных оснований, мировоззренческих установок, принципиально отличающих представителей одной цивилизации от другой» [2, с. 2–3].

Таким образом, исходя из приведенных выше исследовательских позиций, современный цивилизационный подход не только решает задачи рассмотрения обществ в их глубинных нередуцируемых различиях, сохраняющихся вне зависимости от роста экономических взаимосвязей и даже кросс-культурных взаимодействий, но и дает возможность направить усилия научного сообщества на анализ глубинных факторов, определяющих траектории исторической динамики. В качестве таких глубинных факторов позиционируются не экономические или институциональные закономерности и структурные связи, которые способны с достаточной быстротой трансформироваться и видоизменяться в зависимости от политических ориентаций и теоретических концепций правящих элит, но долговременные, инертные, исторически и культурно обусловленные паттерны отношения к миру, социуму, экзистенциальным основаниям человеческого бытия. Подобные паттерны и составляют, согласно локально-цивилизационному подходу, источник цивилизационного своеобразия.

В этом заключается, на наш взгляд, одно из эвристических и методологических преимуществ цивилизационного подхода. Благодаря своим базовым установкам он позволяет выяснить, какие ментально-культурные блоки способны препятствовать социально-модернизационным процессам.

Вопрос об объективных ограничителях и специфических траекториях социальной модернизации является одним из центральных в рамках цивилизационной проблемати-

ки. Именно в этом поле развернулась основная дискуссия между цивилизационным подходом и универсалистскими концепциями социального развития. В этом смысле само понятие «цивилизация» имеет методологическое значение и потенциал, и прав, на наш взгляд, В. Келле [4], утверждающий приоритетность понимания этого термина именно в методологическом ключе, а главным из цивилизационных механизмов социальной интеграции считающий культуру.

Методологическое значение цивилизационного подхода. Методологическое значение понятия «цивилизация» и цивилизационного подхода в современном социально-философском знании связано с происходящей существенной переоценкой факторов, влияющих на эффективность модернизации и успешность социального развития. Универсалистские подходы, делающие акцент на закономерности институциональных трансформаций, к которым они, как правило, сводят модернизационный процесс, имеют тенденцию рассматривать культурные отличия как малозначимые. Отсюда следует определенная абсолютизация экономических и институционально-политических факторов, которые рассматриваются как достаточные для инициирования и успешной реализации модернизационных преобразований.

Необходимо остановиться на альтернативной интерпретации модерна и модернизационных процессов, которую в рамках цивилизационного подхода предлагает Ш. Эйзенштадт [15]. Особенностью его позиции является постулирование глубинной связи между культурными и институциональными компонентами исторической динамики обществ. При этом, как подчеркивает В. Г. Федотова, «понимание модернизации и модернити (современности) Эйзенштадтом, содержащие принципиально новое — цивилизационное видение, составляет существенно значимый компонент модернизационной теории» [10, с. 32]. Для Эйзенштадта культурный фактор, а именно специфика культурного символизма, заложенная в основание традиционных локальных культур и главным образом определяющая межцивилизационные различия, является доминирующим в формировании и развитии социальных институтов, конфигу-

рации которых создают специфику социального порядка. Этим определяется многообразие форм, которые может принимать модерное общество в различных цивилизационных контекстах, несмотря на то, что сам по себе переход к модерну является, согласно Эйзенштадту, глобальным процессом, а во многом и благодаря вхождению в эпоху глобализации: «Согласно Ш. Эйзенштадту, переход к современности, обществу и обществам модерна не является завершающим актом, входящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (modernity) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития» [11, с. 224]. Отсюда вытекает, что процесс модернизации состоит в конструировании и реконструировании множества культурных программ [11], чем и определяется его множественный характер. Тем самым использование цивилизационного подхода в современных исследованиях перспектив модернизирующего развития различных обществ дает возможность избежать линейной универсализации представлений о цели и формах этого процесса, видеть и понимать его изначальную, предзаданную многообразием исходных традиционных культур, поливариантность.

Это говорит в пользу широкого применения цивилизационной парадигмы в исследованиях самого широкого круга проблем, связанных с модернизационным развитием незападных обществ, в частности России. И в этом смысле теория множественного модерна вполне согласуется с концепциями отечественных исследователей, разработанных в рамках цивилизационного подхода в поисках дальнейшего пути развития российского общества в современных условиях.

Прежде всего, цивилизационный подход ценен тем, что открывает новые возможности и измерения исследования культурно-цивилизационной идентичности. Он высвечивает цивилизационный срез идентичности, позволяет увидеть глубинную связь современного, достаточно уже универсализированного социума с сакральными паттернами и ценностями, характеризующими цивилизацию. Значение таких сакральных ценностей и паттернов, хотя они и могут оставаться на неосознаваемом уровне, велико, поскольку они

неизбежно находят выражение в поведении людей и формировании идентичности. Исследователи подчеркивают с необходимостью имеющую место связь цивилизационной идентичности и сакральных ценностей и смыслов. Так, согласно Н.Н. Федотовой, идентичность всегда укоренена в сфере сакрального, так как для ее становления необходимо осознанное соотнесение своей связи с базовыми смысло-жизненными ценностями, которые прорастают в повседневность, придавая ей значимость и осмысленность [10]. Иными словами, цивилизационная идентичность дает индивиду ощущение и сознание принадлежности к чему-то более значительному, чувство общности, основанное на сходной интерпретации ключевых проблем человеческого бытия. По мнению Е.П. Каргаполова, «цивилизационная идентичность — это процесс осознания человеком своей принадлежности к культуре на ее высшем (цивилизационном) уровне развития в рамках выполняемых им ролей и определенных социально-психологических состояний... В рамках исполнения этих ролей человек чувствует себя комфортно, уверенно ощущает свою сопричастность к общему делу в освоении и следовании традиционным базовым ценностям данной цивилизации» [3, с. 61–69]. Влияние цивилизационной идентичности сказывается на всех уровнях социального функционирования, участвуя в формировании осознанных мотиваций к деятельности, определяя в конечном счете принятие или отвержение в повседневных практиках тех или иных социальных инноваций.

Характеризуя внутреннюю структуру цивилизационной идентичности, исследователи отмечают, что ее образует взаимосвязь таких элементов, как «система социокультурных кодов цивилизации (символов, ценностей, идейных установок), ... культурно-историческая память как характеристика генезиса цивилизационной идентичности; сакральность (абсолютность) и подлинность культурных смыслов цивилизации, их особое единство как комплекса уникальных и универсальных символов; рефлексивная установка на принятие цивилизационных смыслов как личностных, их самооценка; поведенческая стратегия действий и система ритуалов, обеспечивающих реализацию цивилизационной идентичности»

[6, с. 244–250]. Таким образом, цивилизационный подход можно, как нам представляется, определить как методологию социально-философского исследования, ориентирующую не только на изучение культурно-исторической специфики и глубинных различий конкретных цивилизаций, но прежде всего на изучение процессов становления и специфики цивилизационных идентичностей, их статики и динамики в процессах исторического развития обществ, формирования и функционирования цивилизационных нарративов как развернутых форм трансляции культурных кодов и смыслов. Являясь по своей сути абсолютной альтернативой теоретических подходов универсалистского типа, поскольку ориентирует на глубокое проникновение в специфические культурно-ментальные и духовные компоненты социума, цивилизационный подход не отрицает поиска всеобщих структур и характеристик, однако противостоит их абсолютизации и вытекающим из нее тенденциям некритического заимствования готовых инокультурных форм и траекторий развития, трудно совместимых с символическими кодами и смысловыми ценностями установками локальных культур.

Выводы. Таким образом, в настоящее время в силу множества социально-политических и научно-теоретических факторов происходит актуализация и развитие цивилизационного подхода, который перестал занимать периферийное положение в методологическом арсенале социально-философского знания и приобретает приоритетные позиции. Цивилизационный подход представляет собой методологическую парадигму социальной философии, ориентирующую на изучение влияния долговременных культурных характеристик общества и специфики цивилизационных идентичностей на формирование траекторий социально-исторического развития.

Выступая концептуальной альтернативой универсалистских подходов, цивилизационный подход в его современном варианте не отрицает тем не менее действия всеобщих закономерностей развития, но предполагает усиленное внимание к локальным культурно-историческим, языковым, духовно-ментальным особенностям как имеющим определя-

ющее значение в процессе перехода незападных обществ в состояние модерна.

Цивилизационный подход дает возможность исследовательской дескрипции цивилизационных идентичностей в их соотношении с гражданскими, национальными, этнокультурными, конфессиональными идентичностями, а также формирующимися глобальными компонентами идентичности.

Ввиду роста значимости цивилизационных различий и межкультурных отношений в современном мире цивилизационный подход в настоящее время становится всё более актуальным в теоретико-методологическом плане и всё более перспективным с точки зрения углубления научных представлений об истории и современности, эффективности социально-философских исследований, связанных с тематикой глобального социального развития.

Список источников

1. Горюнов А.В. Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // Социологические исследования. 2011. №2. С. 3–12.
2. Жуковский Д.А. Цивилизационный подход в политологии: особенности становления в условиях новой социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2015. №20. С. 2–3.
3. Каргаполов Е.П. Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №1. С. 61–69.
4. Келле В. О методологических аспектах цивилизационного подхода // Альманах «Форум — 2009». М.: ИНИОН РАН, 2009. 137 с.
5. Масловский М.В. Реляционная версия современного цивилизационного анализа и ее рецепция российскими социологами // Петербургская социология сегодня. 2018. №9. С. 169–186.
6. Мишучков А.А. Цивилизационная идентичность в системе общенациональной безопасности России // Вестник ОГУ. 2014. №11(172). С. 244–250.
7. Рыбина М.В. Цивилизационный подход: возможности и перспективы // Известия МГТУ. 2013. Т. 6. №1(15). С. 71–76.

8. Стойко О. А. Эвристический потенциал цивилизационной методологии в социологическом исследовании правовой культуры россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №4(84). С. 23–28.

9. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Наука, 2002. 730 с.

10. Федотова В. Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 334 с.

11. Федотова В. Г. Роль модернизации в цивилизационном проекте для России // Вопросы социальной теории. 2020. Т. XII. С. 222–236.

12. Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. №6. С. 50–58.

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 660 с.

14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 640 с.

15. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129(1). Pp. 1–29.

References

1. Gorjunov A. V. Sovremennaja model' social'nyh izmenenij. Opyt jeksplikacii [The modern model of social change. Explication experience]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2011; (2): 3–12. (In Russ.).

2. Zhukovskij D. A. Civilizacionnyj podhod v politologii: osobennosti stanovlenija v usloviyah novoj social'noj real'nosti [Civilizational approach in political science: features of formation in the conditions of a new social reality]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2015; (20): 2–3. (In Russ.).

3. Kargapolov E. P. Civilizacionnaja identichnost' Rossii: problemy i reshenija [The civilizational identity of Russia: problems and solutions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2020; (1): 61–69. (In Russ.).

4. Kelle V. O metodologicheskikh aspektah civilizacionnogo podhoda [On methodological aspects of the civilizational approach]. Al'manah «Forum — 2009». Moscow: INIION RAN, 2009. 137 p. (In Russ.).

5. Maslovskij M. V. Reljacionnaja versija sovremennogo civilizacionnogo analiza i ee recepcija rossijskimi sociologami [Relational version of modern civilizational analysis and its reception by Russian sociologists]. *Peterburgskaja sociologija segodnja* [St. Petersburg sociology today]. 2018; (9): 169–186. (In Russ.).

6. Mishuchkov A. A. Civilizacionnaja identichnost' v sisteme obshhenacional'noj bezopasnosti Rossii [Civilizational identity in the system of national security of Russia]. *Vestnik OGU* [Bulletin of OSU]. 2014; 11(172): 244–250. (In Russ.).

7. Rybina M. V. Civilizacionnyj podhod: vozmozhnosti i perspektivy [Civilizational approach: opportunities and prospects]. *Izvestija MGTU* [News of MSTU]. 2013; 1(15): 71–76. (In Russ.).

8. Stojko O. A. Jevristicheskiy potencial civilizacionnoj metodologii v sociologicheskom issledovanii pravovoj kul'tury rossijan [Heuristic potential of civilizational methodology in the sociological study of the legal culture of Russians]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2021; 4(84): 23–28. (In Russ.).

9. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. Moscow: Nauka, 2002. 730 p. (In Russ.).

10. Fedotova V. G. Modernizacija i kul'tura [Modernization and culture]. Moscow: Progress-Tradicija, 2016. 334 p. (In Russ.).

11. Fedotova V. G. Rol' modernizacii v civilizacionnom proekte dlja Rossii [The role of modernization in the civilizational project for Russia]. *Voprosy social'noj teorii* [Questions of social theory]. 2020; XII: 222–236. (In Russ.).

12. Fedotova N. N. Krizis identichnosti v usloviyah globalizacii [Identity crisis in the context of globalization]. *Chelovek* [Man]. 2003; (6): 50–58. (In Russ.).

13. Hantington S. Stolknoenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2006. 660 p. (In Russ.).

14. Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Rostov-on-Don: Feniks, 1998. 640 p. (In Russ.).

15. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000; 129 (1): 1–29.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 10.11.2023; approved after reviewing on 28.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаровара Кристина Артемовна — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Kristina A. Sharovara — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ACTUAL PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION

Научная статья

УДК 378: 339.137.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-275-292

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТОВ И ПРЕСТИЖНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Татьяна Алексеевна Бельчик^{1✉}, Елена Геннадьевна Попкова²

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

²Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹t.a.belchik@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5729-8475

²210471@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2136-2767

Аннотация. Целью данного исследования является изучение ценностной ориентации молодежи, обучающейся в вузах РФ, и ее представлений об эффективности подготовки специалистов. В ходе проведения исследования дано обоснование получения высшего образования с позиции теории потребительского поведения, проведен пилотажный анкетный опрос обучающихся в университетах РФ с целью выяснения факторов, влияющих на эффективность процесса и результата подготовки специалиста, а также дана характеристика обучающихся в университетах с точки зрения их ценностей и установок.

Методология. Статья представляет собой кейс-стади современной России на основе альтернативных данных: материалов анкетного опроса студентов высших учебных заведений Российской Федерации посредством сети Интернет через адресную рассылку на электронные адреса студенческих групп, анализа статистических данных. В исследовании приняли участие 27 вузов. Исследование вполне может рассматриваться как пилотажное, так как в структуре выборки присутствуют все федеральные округа, студенты разных направлений и разных уровней, однако говорить о полной репрезентативности (по курсам, специальностям и направлениям) нельзя. Всего в опросе приняли участие 1500 человек.

Результаты исследования. Исследование показало, что у студентов в университетах высокий спрос на приобретение навыков, которые востребованы на рынке труда. Это обусловлено тем, что многие специалисты с высшим образованием, во-первых, не могут трудоустроиться по полученной специальности, а во-вторых, заработная плата у людей без опыта работы и практических навыков довольно низкая. Высшее образование РФ, пройдя трудный путь реформ, должно сосредоточиться на повышении качества образования. Также исследование выявило проблему отсутствия глубоких исследований рынка труда и его будущего.

Перспективы исследования. Исследование рассматривает развитие университетов с позиции теории потребительского поведения. Авторы коснулись глубинных причин снижения престижности высшего образования. Статья может быть интересна как менеджменту вузов, так и преподавателям.

Ключевые слова: высшее образование, университеты, ценностные ориентации студентов, рынок труда, мотивы, качество образования

Для цитирования: Бельчик Т. А., Попкова Е. Г. Конкурентоспособность университетов и престижность высшего образования с позиций теории потребительского поведения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №6. С. 275–292. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-275-292>.

Благодарности: научно-исследовательская работа была проведена в Кемеровском государственном университете при поддержке Института научных коммуникаций и вузов, входящих в Консорциум устойчивого развития и технологического лидерства. Авторы статьи благодарны рецензентам за вдумчивое и глубокое прочтение работы и ее оценку.

Original article

COMPETITIVENESS OF UNIVERSITIES AND THE PRESTIGE OF HIGHER EDUCATION FROM THE POINT OF THE THEORY OF CONSUMER BEHAVIOR

Tatyana A. Belchik¹✉, Elena G. Popkova²

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

¹t.a.belchik@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5729-8475

²210471@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2136-2767

Abstract. *The purpose of this study is to study the value orientation of young people studying at universities in the Russian Federation and their ideas about the effectiveness of specialist training. In the course of the research, a justification for obtaining higher education was given from the perspective of the theory of consumer behavior, a pilot questionnaire survey of students at universities in the Russian Federation was conducted in order to determine the factors influencing the efficiency of the process and the result of specialist training, as well as the characteristics of teachers at universities in terms of their cost and installation.*

The methodological basis. *The article is a case study of modern Russia based on alternative data: materials from a questionnaire survey of students of higher educational institutions of the Russian Federation via the Internet, through direct mailing to the email addresses of student groups, analysis of statistical data. 27 universities took part in the reception. The study can well be considered as a pilot study, since during the election campaigns all federal districts, students of different levels and different levels are being conducted. However, it is impossible to talk about complete representativeness (by courses, specialties and areas). A total of 1,500 people took part in the survey.*

Research result. *The study showed that university students require the acquisition of skills that are in demand in the labor market. This is due to the fact that many specialists with higher education, firstly, cannot find employment in their specialty, and secondly, the salary plan for people without work experience and practical skills is sufficiently secure. Higher education in the Russian Federation, following the difficult path of reform, should focus on improving the quality*

of education. The study also revealed the problem of the results of research on the labor market and its future.

The prospect of the study. The study examines the development of universities from the perspective of the theory of consumer behavior. The authors touched upon the deep reasons for the decline in the prestige of higher education. The article may be of interest to both university management and teachers.

Keywords: higher education, universities, value orientations of students, labor market, motives, quality of education

For citation: Belchik T. A., Popkova E. G. Competitiveness of universities and the prestige of higher education from the point of the theory of consumer behavior // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 275–292. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-275-292>.

Acknowledgments: the research work was carried out at Kemerovo State University with the support of the Institute of Scientific Communications and Universities, part of the Consortium for Community Development and Technology Leadership. The authors of the articles are grateful to the reviewers for their thoughtful and careful reading of the work and its evaluation.

Введение. Система высшего образования за последнее десятилетие претерпела существенные количественные и качественные изменения, которые не только повлияли на конкурентоспособность многих университетов, но и поставили под сомнение престижность высшего образования. С 2005 по 2022 годы численность государственных образовательных организаций высшего образования снизилась с 1068 в 2005 году до 722 в 2022/2023 учебном году, численность студентов снизилась за этот период с 7 млн человек до 4 млн, из них 62% учатся очно. Объем платных услуг вырос в 5,7 раз. В потребительских расходах домашних хозяйств расходы на 1 члена домохозяйства на оплату услуг образования выросли и составили 1,5% [10]. Численность профессорско-преподавательского состава только за период с 2017 по 2022 годы сократилась на 13%. Образовательные организации высшего образования «сжимаются», как пружина: меньше преподавателей, больше учебная нагрузка, каждый читает не одну-две дисциплины, а намного больше, оптимизируются и занимаемые площади, что вполне закономерно при сокращающемся контингенте (в 2022 году намечился небольшой рост).

С тех пор как в нормативных документах об образовании появился термин «образовательная услуга» (которую можно купить), деятельность многих университетов стала

все больше напоминать работу учреждения, которое занимается производством и реализацией этих самых услуг. Это стало означать, что университет, оказавший большее количество услуг, попадал в число привлекательных для потребителя. С введением ЕГЭ региональным вузам стало крайне трудно конкурировать с Федеральными университетами, с вузами Москвы и Санкт-Петербурга и масштабы их деятельности стали стремительно сокращаться. Высшая школа экономики, изучая мотивы поступления абитуриентов на определенные образовательные программы, опубликовала выводы, из которых следует, что 40% абитуриентов выбирали вуз и программу, которая соответствует его способностям. Также 40% абитуриентов сказали, что выбирали ту специальность, которая позволит получить интересную и разнообразную работу. Те, кто выбрал медицинское направление, указали еще вариант, что эта профессия уважаемая [16]. По данным ВШЭ, растет и мобильность студентов. Больше 60% поступают только по результатам ЕГЭ, поэтому неизученной областью остаются истинные мотивы выбора абитуриентом направления обучения и вуза. В 2022 году 39% выпускников получили дипломы о высшем образовании по группе направлений «науки об обществе». В момент выбора большинство не думает о том, насколько востребовано

данное направление на рынке труда в настоящее время, тем более через 4–6 лет. Изучение мотивов получения высшего образования, представлений потенциальных потребителей о качестве получаемого образования, об их целевых установках является очень актуальной задачей и для ученых, и для практиков (особенно в системе управления). Необходимо понять и постараться услышать молодое поколение россиян, вступающих во взрослую жизнь. По нашему мнению, региональные университеты могут и должны стать основой развития территорий и муниципалитетов. Целью данного исследования является изучение ценностной ориентации молодежи, обучающейся в вузах РФ, и ее представлений об эффективности подготовки специалистов. Для достижения поставленной цели сформулированы и решены следующие задачи:

1) дать обоснование получения высшего образования с позиции теории потребительского поведения;

2) провести пилотажный анкетный опрос обучающихся в университетах РФ с целью выяснения факторов, влияющих на эффективность процесса и результата подготовки специалиста;

3) дать характеристику обучающихся в университетах с точки зрения их ценностей и установок.

В ходе проведения исследования были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы: а) получение высшего образования не является главным индикатором достижения успеха молодежи; б) наиболее востребованными в процессе обучения в университетах являются практические навыки, которые можно продать на рынке труда.

Обзор литературы. С распространением рыночных отношений на сферу образования потребитель, то есть абитуриент, стал главным действующим лицом, который предъявляет спрос на образовательную услугу, которую оказывает система высшего образования. Часто определяющую роль в выборе непосредственного потребителя образовательной услуги играют родители. Исследования социологов показывают, что существует разрыв между представлениями о качестве подготовки в вузах абитуриентов и работодателей, то есть представления потребителей

о конкурентоспособности того или иного вуза далеко не всегда совпадают [2]. Установить взаимовыгодные отношения с работодателями как потребителями выпускников университетов большинству вузов пока не удастся.

Под термином «потребитель» понимается хозяйствующий субъект, который принимает обособленные решения, касающиеся структуры и объема потребляемых им благ в рамках располагаемого бюджета [5]. Решения он принимает, исходя из своих потребностей, которые удовлетворяются посредством потребления необходимых благ. И от того, каковы эти потребности зависит и спрос. В этом и есть содержание теории потребительского поведения [19]. Учеными выделяются два основных подхода к принятию решений потребителем: с точки зрения теории предельной полезности и с точки зрения кривых безразличия. Предельная полезность, рассматриваемая как добавочная к общей полезности, при потреблении каждой последующей единицы блага может снижаться, в то время как общая полезность по мере роста потребления какого-либо блага увеличивается [9], поэтому получение первого высшего образования как раз и рассматривается потребителями как услуга, имеющая достаточно высокую полезность. При этом уже уровень магистерской подготовки значительно менее востребован. Если мы говорим об образовании как общественной потребности, то тенденция ее нарастания не имеет предела. Но тогда возникает противоречие, обусловленное тем, что производство и потребление связано с объемом привлекаемых ресурсов, а они, как правило, имеют тенденцию к снижению.

Требуется осмысления вопрос о ценности высшего образования, которая отражается в мотивах его получения. Тенденцией последних лет стало возрастающее противоречие между престижностью высшего образования и возможностями российского рынка труда обеспечить квалифицированной работой всех, кто его получил. Коммерциализация образования, массовое распространение онлайн-курсов, по мнению социологов, оказывают разрушающее действие на университеты [24].

Если рассматривать показатель престижности высшего образования среди молодежи, то Россия по коэффициенту валового охвата высшим образованием, рассчитываемым как

процент обучающихся в вузах от общей численности населения пятилетней возрастной группы после окончания школы, находится почти наравне с США (81,8 и 84,03 соответственно)¹.

Выбирая вуз, потребитель ориентируется на показатели конкурентоспособности вуза. Перечень показателей может меняться с течением времени, да и само понятие «конкурентоспособность вуза» определяют по-разному. В основном этот термин рассматривается как интегральный показатель, который можно измерить за определенный промежуток времени для конкретного рынка труда и который отражает, насколько один вуз превосходит другой по качеству услуг и способности успешно реализовывать наиболее востребованные образовательные услуги. А.Е. Винник определяет факторы, которые влияют на конкурентоспособность вузов: высокие государственные расходы на систему высшего образования, разносторонние меры повышения доступности высшего образования, ориентация на экспорт образования, привлечение частных инвесторов, в том числе для проведения научных исследований [4]. Л.А. Корчагова определяет его как «комплекс управленческих и маркетинговых действий, используемых для эффективного достижения целей и задач предприятия, позволяющих ему занять прочные позиции в борьбе с конкурентами» [8, с. 48]. Конкурентоспособность университетов определяется в настоящее время национальными и международными рейтингами, в которых в свою очередь тоже доминирует рыночный дискурс [18]. Такой подход ориентирует вузы на достижение индивидуальных показателей, удовлетворение запросов потребителей, а не на эффективность всей национальной системы подготовки кадров. Вместо сотрудничества ради развития между университетами возникает конкуренция, разобщенность, что не способствует ни развитию самих университетов, ни развитию территорий, где они расположены. Более того, как отмечает Скотт, даже говорить о государственной системе образования уже не совсем корректно, так как если государственность предполагает государственное финансирование, а у нас значительное число

студентов учиться с полным или частичным возмещением затрат, да и системность ставится под сомнение ввиду существенного влияния рыночных механизмов. Конкурентоспособность вуза по Р.А. Фатхутдинову — «это его способность: готовить специалистов, выдерживающих конкурентную борьбу на конкретном внешнем и внутреннем рынке труда; разрабатывать конкурентоспособные новшества в своей области; вести эффективную воспроизводственную политику во всех сферах своей деятельности» [20, с. 37]. Г.И. Евлампиева обосновывает влияние на конкурентоспособность вуза сетевого взаимодействия, указывая на преимущества, которые оно дает в части обеспечения академической репутации, развития международной деятельности, цитируемости и т.д. [6]. По мнению Е.Н. Захаровой [7], полезность товара, то есть его способность удовлетворять потребности основных потребителей, и есть фактор конкурентоспособности вуза. Довольно полно потребители образовательных услуг вуза с позиции управления конкурентоспособностью вуза описала Е.В. Пирогова, выделив следующие группы потребителей: государство, общество, обучающиеся, персонал, партнеры, бизнес [11].

Одной из попыток консолидировать усилия науки, бизнеса и образования стали научно-образовательные центры. Разработанные Министерством науки и высшего образования критерии отбора программ деятельности научно-образовательных центров, на наш взгляд, имеют слабую корреляцию с развитием самого региона.

Материалы и методы. Статья представляет собой кейс-стади современной России на основе альтернативных данных: материалов социологического исследования, проведенного исследовательской группой КемГУ и Института научных коммуникаций (ИНК) в ноябре-декабре 2020 года методом анкетного опроса студентов высших учебных заведений Российской Федерации. Исследование проведено посредством сети Интернет через адресную рассылку на электронные адреса студенческих групп. В исследовании приняли участие 27 вузов. Исследование вполне

¹ The World Bank [Electronic resources] // Data Bank. URL: https://databank.worldbank.org/indicator/SE.TER.ENRR?id=c755d342&report_name=EdStats_Indicators_Report&populartype=series (date accessed: 02.08.2019).

может рассматриваться как пилотажное, так как в структуре выборки присутствуют все федеральные округа, студенты разных направлений и разных уровней, однако говорить о репрезентативности (по курсам, специальностям и направлениям) нельзя. Всего в опросе приняли участие 1500 человек, из них 42% — это обучающиеся, имеющие общее среднее образование, то есть обучающиеся, поступившие в вуз сразу после школы. 8% опрошенных имеют среднее профессиональное образование. Еще 45% уже имеют образование бакалавриат или специалитет и обучаются в магистратуре, аспирантуре или получают второе высшее образование в бакалавриате. Остальные уже имеют образование магистерского уровня (ординатуры) и получают дополнительное образование или второе высшее образование. Средний возраст опрошенных — 20 лет. 47% опрошенных имеют опыт практической работы. 91% опрошенных — обучающиеся очной формы. 36% опрошенных обучаются за счет средств бюджета, остальные — за счет собственных средств или средств предприятия, но таких совсем немного.

В данной статье для сравнения динамики ценностных ориентаций использованы данные социологического опроса, проведенного

авторами в 2006 году среди молодежи Кемеровской области. Данный опрос проводился методом анкетного опроса по месту работы и учебы. В исследовании приняли участие около 2000 человек до 30 лет.

Результаты и обсуждение

Характеристика потребителей услуг высшего образования в России и их потребностей (мотивация к получению высшего образования в привязке к рынку труда)

Ежегодно больше одного миллиона человек [10] становятся студентами вузов. Каждому из них приходилось делать выбор, какую специальность выбрать, в каком направлении развиваться.

В данном исследовании были изучены мотивы молодежи, обучающейся в вузах. Выбирая вуз, потенциальный потребитель образовательных услуг формирует свои представления (предпочтения), для чего ему нужна эта услуга. Ниже в таблице 1 представлены ответы респондентов на вопрос: «Что бы Вы лично хотели получить от процесса обучения?».

Полученные результаты показали, что подавляющее большинство обучающихся желает приобрести такие навыки, которые будут востребованы на рынке труда, то есть, выбирая профиль обучения, потребитель

Таблица 1

Table 1

Распределение ответов на вопрос: «Что бы Вы лично хотели получить от процесса обучения?» (можно выбрать не более трех ответов)²
Distribution of answers to the question: «What would you personally like to get from the learning process?» (you can choose no more than three answers)

Вариант ответа	% ответивших
Овладеть навыками, которые наиболее остро востребованы на рынке труда	75,1
Научиться решать сложные профессиональные задачи	44,7
Научиться работать с информацией с использованием современных технологий и программного обеспечения	40,1
Интересное общение	35,8
Научиться преодолевать возникающие сложности в обучении	32,2
Пройти стажировку на предприятии	27,5
Освоить новый иностранный язык	17,3
Научиться работать на современном оборудовании	14,5

2 Источник: составлено авторами.

фактически удовлетворяет не свои настоящие потребности, а те, которые у него возникнут через время. Таким образом, потребитель вынужден прогнозировать, какие изменения произойдут на рынке труда, когда он сможет там предложить свою рабочую силу. В настоящее время регулярно публикуются рейтинги востребованных профессий, но большинство из них опирается на мнение самих обучающихся или же вообще публикуется маркетологами в период приемной кампании. В 2020 году Приказом Минтруда России³ был опубликован список наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования. Подобного списка для высшего образования Минтруд не выпускал. Минэкономразвития также регулярно выдает списки востребованных профессии⁴. Специалисты высшей школы экономики считают, что они готовят студентов по профессиям будущего⁵. Однако, ни один из них не может

быть признан результатом полного и глубокого анализа рынка труда. Для того чтобы прогнозировать спрос на рынке труда, необходимо иметь запрос от работодателей, но они не в состоянии в настоящее время ни технически, ни интеллектуально такой прогноз сделать.

Ориентируясь на выбор будущей профессии, молодой человек уже имеет какое-то представление о том, как живут люди, как работают, как зарабатывают, насколько удовлетворены работой и т.д., поэтому одной из исследовательских гипотез было предположение о том, что представления об успешной жизни также влияют на мотивацию молодежи в выборе программы обучения. В таблице 2 можно увидеть, как распределились мнения студентов вузов о том, что нужно, чтобы сделать свою жизнь успешной.

Сопоставляя данные, полученные авторами 15 лет назад на молодежном массиве данных в Кемеровской области, можно заме-

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос:
«Что, на Ваш взгляд, необходимо, чтобы сделать успешной свою жизнь?»⁶
Distribution of answers to the question:
«What do you think is necessary to make your life successful?»

Вариант ответа	% ответивших (студенты университетов РФ), 2020 год	% ответивших (молодежь Кемеровской об- ласти), 2005 год
Высокая работоспособность, упорство	29,20	21,7
Сильная воля, пробивной характер	29	23,9
Хорошее образование, навыки работы	17,80	18,8
Деньги	12,10	17,4
Удачное стечение обстоятельств, везение	4,50	8,4
Хорошие родственники, необходимые знакомства	3,70	7,1
Личная порядочность и честность	3,60	2,7

³ Официальный сайт Министерства труда РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/436> (дата обращения: 14.03.2021).

⁴ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_opredelilo_50_samyh_vostrebovannyh_professiy.html (дата обращения: 14.03.2021).

⁵ 25 профессий будущего, к которым готовит НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/25professions/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁶ Источник: составлено авторами.

тить, что за этот период представления молодежи о факторах успешной жизни практически не изменились. Из таблицы видно, что на первое место респонденты ставят личные качества. Они могут быть как у образованного человека, так и у человека малообразованного. Это качества, которые можно приобрести в ходе социализации, они едва ли могут быть врожденными. Образование и профессиональные навыки также вошли в тройку важных факторов успешности в жизни, поэтому крайне важно сохранить эту ценность и сделать образование качественным. Будущее университетов должно ориентировано на будущее трудовой сферы с развитыми новейшими технологиями, развитие искусственного интеллекта, автоматизация, технологии 5G должны быть разумно использованы в персонализации высшего образования высокого качества [22]. Как известно, в образовательном процессе две стороны: обучающий и преподаватель, и от того, какое место в системе ценностей обучающихся играет образование, и зависит его активность в усвоении знаний, приобретении опыта и т.д. Исследование показало, что лишь 40% опрошенных студентов профессиональную самореализацию считают для себя важной, еще меньше опрошенных назвали среди важных жизнен-

ных ценностей хорошую престижную работу (см. таблицу 3).

Таким образом, делая выбор в пользу получения высшего образования, российский студент прежде всего думает о социальном благополучии (семья, достаток, здоровье), однако для этого современному человеку требуются волевые усилия (упорство, усердие, высокая работоспособность). По нашему мнению, это хорошее сочетание, особенно, когда у современного студента есть ощущение (или понимание), что он нужен обществу, государству и его профессиональный багаж востребован на рынке труда, поэтому так важно обеспечить молодому человеку это ощущение нужности и востребованности, оправдать его доверие государству, обеспечив высокий уровень качества образования.

Потребительские предпочтения на рынке услуг высшего образования России

Говоря о роли высшего образования для потребителя, следует понимать роль высшего образования вообще в жизни общества. По нашему мнению, университеты формируют фактически социальную, экономическую и технологическую основу любого государства. Однако многие вузы сегодня нечетко сформулировали свои стратегические ориентиры или не сформулировали их вообще. По-

Таблица 3
 Table 3

Распределение ответов на вопрос:
«Что из перечисленного Вы считаете для себя наиболее важным?»⁷
Distribution of answers to the question:
«Which of the above do you consider the most important for yourself?»

Вариант ответа	% ответивших
Семейное благополучие	69,30
Отсутствие нужды, материальный достаток	61,40
Сохранение сил и здоровья	51,00
Возможность интеллектуальной и профессиональной самореализации	39,00
Хорошая, престижная работа	32,90
Уважение окружающих, общественное признание	16,00
Сохранение порядка и стабильности в обществе	10,20
Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	10,00
Строительство более гуманного и терпимого общества	9,00

⁷ Источник: составлено авторами.

теряя бюджетные места, большинство из них переориентировались на подготовку на платной основе. Как известно, мотивация к учебе у платных студентов не только не выше (как про логику должно быть), а даже ниже. И это касается не только отношения к учебе, но и базовых (первоначальных, входных) знаний. Поступившие на обучение студенты, не всегда имея ясные мотивы своего поступления на данную специальность, направление, тем не менее формируют так называемый запрос системе высшего образования, то есть базовые требования к своей подготовке. Для удовлетворения запросов потребителей вузу

необходимо знать их требования. Однако, как было сказано выше, вуз не всегда формирует свою стратегию и тактику, исходя из запросов потребителя. Так, по нашим данным, наиболее значимой характеристикой, влияющей на эффективность подготовки, по мнению опрошенных, является профессиональный уровень преподавателей (рис. 1). Однако в вузах о профессионализме сегодня говорят немного: количество ППС сокращается, средний возраст работающих ППС остается довольно высоким, диссертационные советы во многих региональных вузах закрыты, аудиторная нагрузка на оставшихся преподавателей рас-

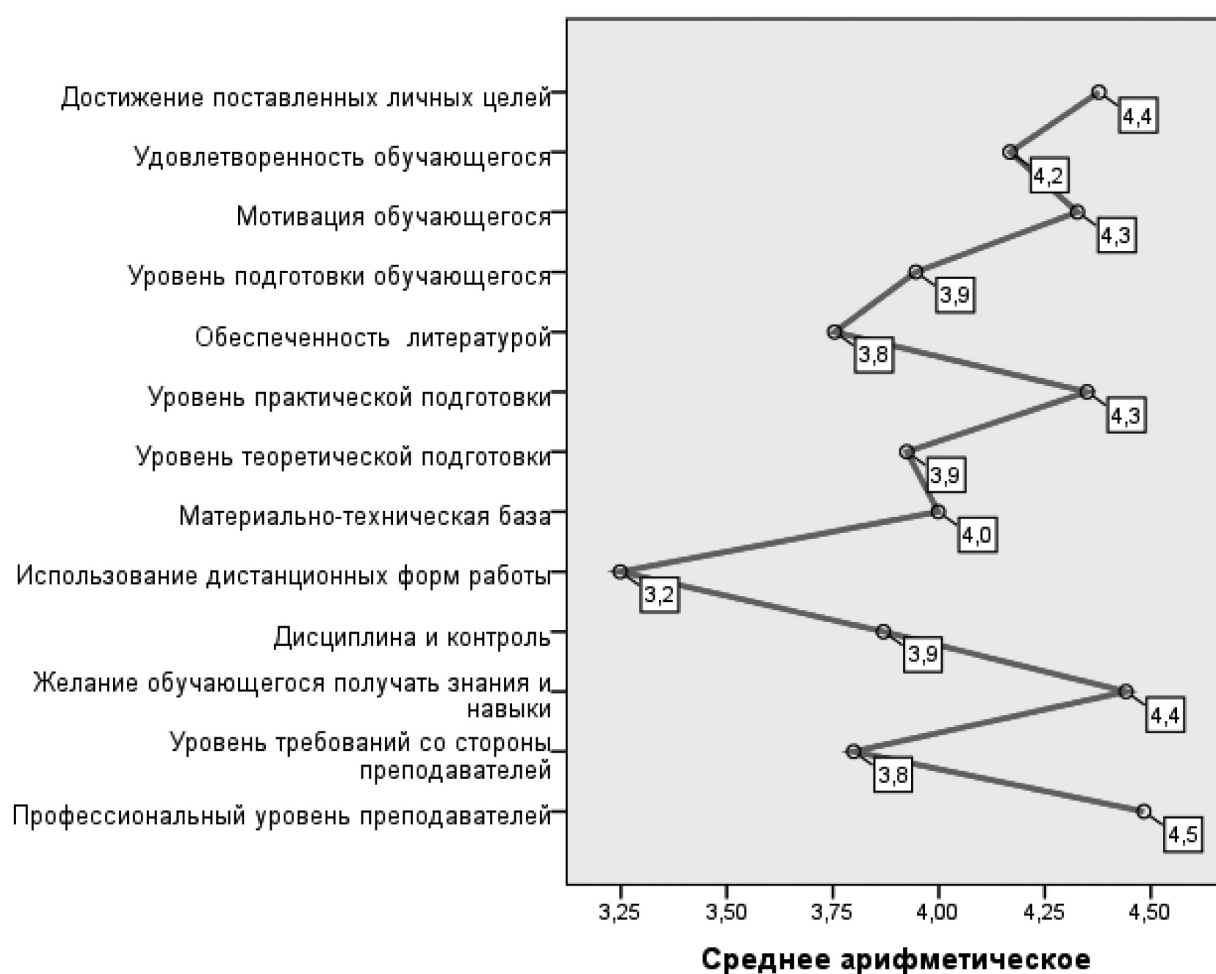

Рис. 1. Средние оценки значимости (по пятибалльной шкале, где 1 — наименее значима, 5 — наиболее значима) некоторых характеристик для эффективности подготовки специалиста (мнение обучающихся)⁸

Fig. 1. Average ratings of significance (on a five-point scale, where 1 is the least significant, 5 is the most significant) of some characteristics for the effectiveness of specialist training (opinion of students)

⁸ Источник: составлено авторами.

тет год от года. Л. В. Боровая в своем исследовании приходит к выводу, что в высшей школе требуется принятие незамедлительных мер по организации регулярного повышения квалификации профессорско-преподавательского состава при содействии предприятий-партнеров. Также, по мнению Л. В. Боровой, необходимо максимальное привлечение ППС к проектам, предполагающим сотрудничество с реальным сектором экономики [3]. На втором по значимости для эффективности подготовки является желание обучающихся получать знания и навыки, мотивация обучающегося, уровень практической подготовки и достижение поставленных личных целей, что возможно также при высокой мотивированности к обучению. По нашему мнению, для повышения эффективности подготовки специалистов в университетах в первую очередь необходимо изучить систему мотивов потребителей образовательных услуг, что-

бы в дальнейшем можно было бы направить на них управленческое воздействие. Анализ показал, что такая работа в большинстве университетов не проводится, а если проводится, то в рамках отдельных инициативных научных тем, результаты не используются в управлении подготовкой специалистов.

Современные студенты ждут от обучения прежде всего профессиональные навыки, востребованные на рынке труда. Их ожидания связаны с высоким уровнем доходов после получения той или иной специальности. К сожалению, на рынке труда выпускники вузов сталкиваются с реалиями, к которым в университете их не готовят: значительная часть молодежи осознает, что для успешного трудоустройства не хватает опыта, профессиональных знаний, уровень заработной платы таков, что не позволяет начать самостоятельную жизнь и не соответствует ожиданиям, значительная часть молодежи вынуждена

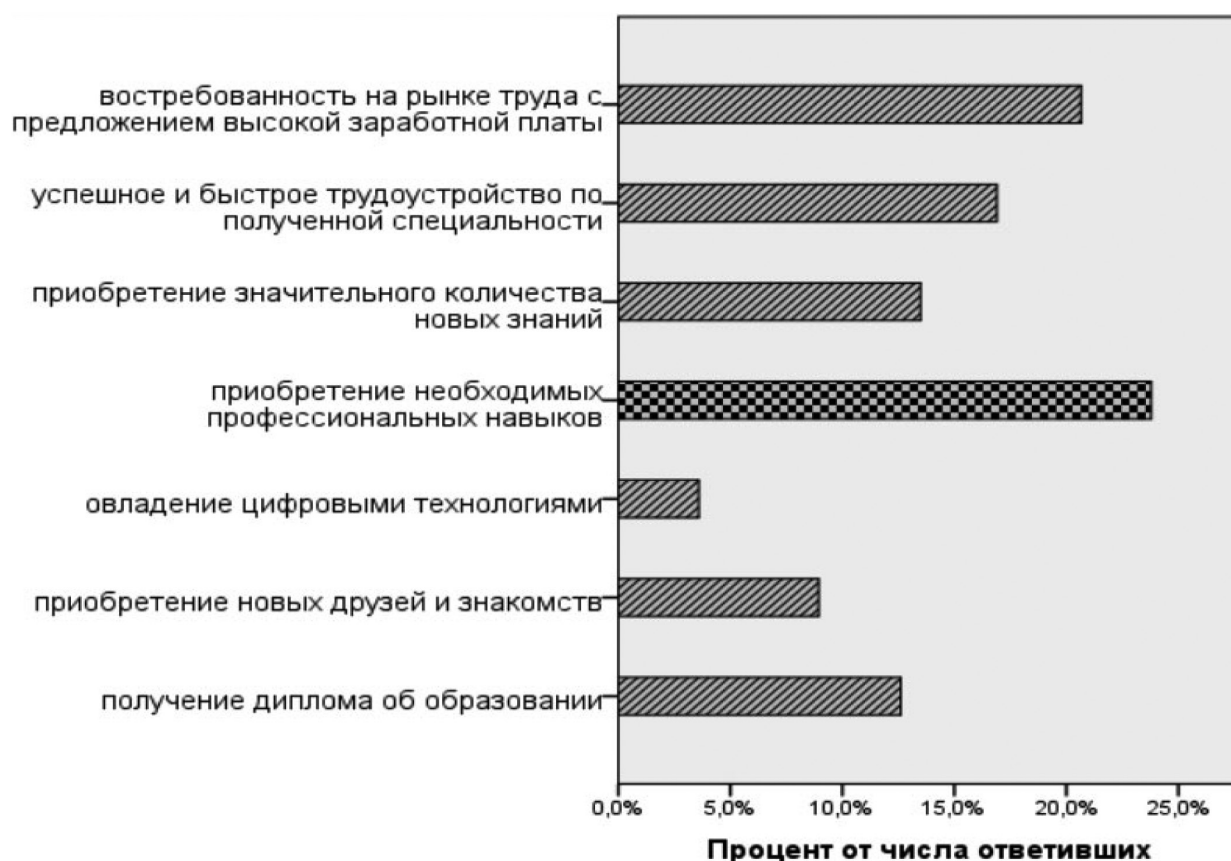

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Какой результат обучения Вы будете считать успешным?»⁹
Fig. 2. Answers to the question: «What learning outcome will you consider successful?»

⁹ Источник: составлено авторами.

осваивать новые направления и профессии [13]. Такие проблемы свойственны не только отечественному молодежному рынку труда, но и европейскому [15]. Несоответствие запросов рынка труда существующему уровню развития системы образования подтверждает актуальность данного исследования.

Вопросы гармонизации рынка труда и рынка образовательных услуг рассматриваются и экономистами, и социологами, и управленцами. Но какие бы изменения ни происходили внутри системы образования, результат можно оценить часто по востребованности его выпускников. В данном исследовании респонденты еще раз показали, что главным результатом их обучения они считают приобретение необходимых профессиональных знаний и востребованность на рынке труда с предложением высокой заработной платы. Вопреки существующей логике овладение цифровыми технологиями не рассматривается как результат эффективной подготовки.

Системное видение конкурентоспособности университетов и престижности высшего образования с позиций Теории потребительского поведения

Конкурентные отношения между университетами, сформировавшиеся на рынке услуг высшего образования, обладают целым рядом особенностей. Во-первых, это равная доступность к необходимым ресурсам. Во-вторых, асимметричность информации. Это проявляется в том, что преподаватели как представители вуза знают намного больше об услугах, которые они предоставляют, чем потребители [1]. В-третьих, при приеме абитуриента в вуз никто не знает о его предпочтениях, его установках, мотивах, которые им движут при осуществлении своего выбора. Далеко не всегда этот выбор осознанный. А.А. Прохорова [14] связывает проблемы потребительского выбора с формированием многообразного понимания жизненных траекторий и сформированности мотивов. Абитуриент сам выбирает университет, который будет оказывать ему образовательную услугу (нерегулируемый спрос), часто при выборе вуза определяющим является мнение родителей [12]. При этом вуз совершенно самостоятелен в выборе направлений подготовки и специальностей (нерегулиру-

емое предложение), нередко это делается из конъюнктурных соображений. Большинство вузов при формировании конкурентных преимуществ делает акцент на качество образования, то есть качество предоставляемых образовательных услуг, старается ориентироваться на потребности рынка труда. И, наконец, нерегулируемой является и цена на образовательные услуги в высшем образовании. И хотя есть рекомендуемая стоимость, которую диктует Министерство образования и науки, тем не менее администрация вуза устанавливает окончательную цену [21], пытаясь конкурировать и по ценам, и по качеству.

Конкурентоспособность вуза определяется как внутренними, так и внешними факторами. Как важнейшая характеристика вуза она должна рассматриваться с системных позиций [17]. Сам вуз является сложной социально-экономической системой, состоящей из взаимосвязанных элементов. Набор признаков, характеризующих элементы данной системы, и формирует конкурентоспособность вуза. Например, уровень конкурентоспособности университета в значительной степени зависит от уровня профессионализма преподавателей, в нем работающих. Вместе с тем преподаватели как элемент данной системы также оказывают непосредственное и значительное влияние на студентов, на формирование их активной жизненной позиции и воспитание профессионалов, востребованных рынком и т.д. Как элемент систем более высокого порядка конкурентоспособность университета является воплощением их стратегических ориентиров. Конкурентные преимущества вуза формируются под влиянием глобальных трендов при финансировании государства и частного сектора, который представлен в том числе и производственным сектором, и т.д. Таким образом, в исследовании показан системный характер такой экономической категории, как конкурентоспособность университета. Важно учитывать это обстоятельство при разработке стратегии развития университетов. Необходимо сохранить свои особенности, традиции, отличающие его от других университетов. Одной из важных проблем последних десятилетий стали шаблонные решения во всех вузах страны: от формы до содержания. Вместе с тем университеты в регионах должны остаться центрами притяжения

именно местной элиты, которая верит в них, может доверить им своих детей и сама может всегда рассчитывать на получение востребованной образовательной услуги. На рисунке 3 представлено системное видение понятия «конкурентоспособность».

Прикладные рекомендации по повышению конкурентоспособности университетов и престижности высшего образования в России

Обеспечение престижа высшего образования — это не только проблема университетов. Высшее образование в России и многих других странах, по сути, стало массовым [23]. При этом диплом о высшем образовании не гарантирует выпускнику ни трудоустройство, ни карьеру, ни материальное благополучие. Задача следующего этапа развития университетов — сосредоточиться на качестве образования, на поиске своей уникальности для каждой территории, для каждого субъекта РФ. Декларируемая (и мало обеспечиваемая) связь с практикой — это и есть развитие университетов с учетом истории, особенностей, традиций, окружения каждой территории. При таком подходе и установить связь

с предприятиями, находящимися на территории, не составит труда. Исследование показало, что обучающиеся ждут от обучения более высокого уровня практической подготовки. Практика как вид учебной деятельности должна вернуться в реальные сектора экономики: менеджеры — на предприятия, социологи — в организации разных сфер, инженеры — в цеха и строительные площадки. Производственные практики не должны проводиться в университетах. Для этого важно объединить усилия университетов и реального сектора.

Необходимо поднять планку требований для обучающихся. Высшее образование не должно быть легким и веселым, состоящих их игр и симуляторов. Престижность высшего образования — это статусность преподавателей именно данного вуза, а не приглашенных. Также опасно разрушение взаимосвязи между преподавателем и обучающимся. Исследователи всего мира ищут варианты сохранения взаимодействия преподавателя и обучающегося даже при дистанционном обучении [25]. В данном исследовании «использование дистанционных форм работы»

Рис. 3. Конкурентоспособность вуза как системный объект¹⁰
 Fig. 3. Competitiveness of the university as a system object

¹⁰ Источник: составлено авторами.

имеет самую низкую значимость, по мнению обучающихся, для эффективности подготовки специалиста. Полный переход на дистанционное образование неприемлем для России и не приведет к желаемым результатам. Необходимо стимулировать инновационную активность обучающихся, воспитывать интерес и любовь к аналитической и исследовательской деятельности. Это возможно только при участии двух сторон: обучающегося и преподавателя, ученого. Информационные технологии не могут полностью заменить живой контакт. Эффективные межличностные коммуникации положительно влияют на результативность обучения, формирование мягких навыков при дистанционном формате проблематично [26]. Вопросы качества подготовки в ближайшей перспективе должны стать главным стратегическим ориентиром для университетов.

Особенно важно повышение конкурентоспособности вузов для региональных экономик. Однако на практике часто связь вуза, особенно федерального подчинения, с местным бизнесом, научными организациями носит формальный характер. Они фактически не вовлечены в развитие региона и не востребованы у организаций реального сектора. Важным положительным решением для регионов имеет увеличение бюджетных мест, однако на конкурентоспособность выпускника такое решение никак не влияет. Вузы регионов имеют неразвитую исследовательскую инфраструктуру, нет комфортной среды для проживания и обучения, занятий спортом и творчеством. Для того чтобы регионы могли формировать запрос на бюджетные места с учетом потребностей региональных экономик, необходимы качественные и количественные исследования рынка труда, потребностей предприятий и отраслей. Запрос должен формироваться на десятилетия вперед, а значит, должен тесно коррелировать со стратегическими ориентирами развития регионов. Стратегированием такой важной сферы, как высшее образование, необходимо заниматься с большой ответственностью. Стратегии развития университетов должны тесно коррелировать со стратегией развития регионов. По нашему мнению, в настоящее время университеты и регионы развиваются обособленно.

Конкурентоспособность российских университетов может обеспечить развитая система дополнительного образования. Такие программы востребованы как раз населением того региона, где и расположен вуз, при этом сам вуз вполне может учесть в таких программах местную специфику. Однако в сфере дополнительного образования требуются другие преподавательские компетенции и навыки. Развитие системы дополнительного образования должно происходить на основе глубоких исследований рынка труда и рынка образовательных услуг. Заказчиком таких исследований должны стать региональные органы исполнительной власти, несущие ответственность за социально-экономическое развитие территорий, а исполнителем — именно региональные университеты. Только такая поддержка поможет повысить и конкурентоспособность университетов, и престижность высшего образования в регионах РФ.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволили проанализировать потребительские предпочтения обучающихся вузов Российской Федерации и определить основные мотивы получения высшего образования. Результаты показали, что молодежь желает получить в вузе качественные знания и навыки, которые будут востребованы на рынке труда. При этом только 17% обучающихся ответили, что для того, чтобы сделать свою жизнь успешной, требуется хорошее образование и навыки работы.

Корреляционный анализ показал тесную положительную связь (коэффициент Гамма больше 0,8) значимости мотивации обучающегося для эффективности подготовки и следующих характеристик процесса обучения: удовлетворенность обучающегося, профессиональный уровень преподавателей, уровень практической подготовки. Видно, что для достижения университетами высокого уровня эффективности подготовки необходимо работать над формированием системы мотивов к обучению, концентрировать в университетах кадры с высоким уровнем квалификации и дополнять процесс обучения интенсивной практической подготовкой. Это и будет способствовать росту удовлетворенности обучающихся предоставляемыми услугами,

В стратегической перспективе, на наш взгляд, университетам предстоит работа над повышением качества оказываемых услуг, как по основной деятельности, так и по дополнительным. В ближайшей перспективе предстоит возродить престиж высшего образования (не востребованность, а престиж) и обеспечить конкурентоспособность региональных университетов внутри страны и за ее пределами.

Выдвинутые исследовательские гипотезы нашли свое подтверждение в ходе анализа собранных данных. Для того чтобы сделать свою жизнь успешной, требуются, по мнению обучающейся молодежи, прежде всего, сильная воля и характер. А среди наиболее важных составляющих жизненной траектории обучающиеся назвали отсутствие нужды (отметили 61 % ответивших) и семейное благополучие (выбрали 69 % обучающихся). Также подтвердилось утверждение, что наиболее востребованными в процессе обучения в университетах являются практические навыки, которые можно продать на рынке труда. 75 % опрошенных назвали в качестве результата процесса обучения овладение навыками, которые наиболее остро востребованы на рынке труда. Также анализ показал, что получение диплома считают результатом процесса обучения только 36 % студентов. Подавляющее большинство (69 %) результатом обучения назвали приобретение необходимых профессиональных навыков.

Список источников

1. Авдеева И. А. Конкурентные отношения в социальной сфере // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2018. №16. С. 5–8.
2. Анисимова И. А. Поведение потребителей на рынке образовательных услуг (на материале нижегородских вузов): автореф. ... дис. канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2009. 28 с.
3. Боровая Л. В. Воспроизводство научных кадров в эпоху трансформации: роль высшей школы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №3. С. 125–135. DOI:10.17213/2075-2067-2022-3-125-135.
4. Винник А. Е. Оценка эффективности управления системой высшего образования // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2020. №1. С. 101–107. DOI: 10.24143/2073-5537-2020-1-101-107.
5. Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению потребительского поведения // Проблемы развития территории. 2018. №1(93). С. 122–132.
6. Евлампиева Г. И. Влияние сетевого взаимодействия на показатели конкурентоспособности вузов // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. №3. С. 1131–1144. DOI: 10.18334/err.12.3.114320.
7. Захарова Е. Н. Особенности формирования конкурентоспособности вуза как субъекта рынка образовательных услуг / Е. Н. Захарова, О. Г. Гисина // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. №2. С. 185–188.
8. Корчагова Л. А. Оценка конкурентоспособности вуза // Маркетинг в России и за рубежом. 2007. №5. С. 48–54.
9. Лузгина Ю. В. Теория потребительского выбора и её применение // Современные проблемы права, экономики и управления. 2019. №1(8). С. 202–206.
10. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. 132 с.
11. Пирогова Е. В. О концепции управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения // Вестник университета. 2023. №1. С. 48–55.
12. Попова Л. А., Фадеева И. М., Юрлова Е. М. Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками // Огарёв-Online. 2017. №5(94). С. 10.
13. Попова Е. С. Молодежь на рынке труда: смена профессии как адаптация к новой экономике // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / Под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 233–238.
14. Прохорова А. А., Телегина Ю. С., Балова С. Л. Продвижение образовательных услуг

в России на современном этапе // Colloquium-journal. 2019. №13-10(37). С. 250–255.

15. Пухова А. Г., Беляева Т. К., Толкунова С. Г., Курбатова А. С. Современный молодежный рынок труда: проблемы и пути их решения // Economic consultant. 2018. №2(22). С. 3–9.

16. Рудаков В. Н., Рощина Я. М., Битокова Л. А. Изменения стратегий, мотиваций и экономического поведения студентов и преподавателей российских вузов // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. 2019. №1(133). 84 с.

17. Савенкова Ю. С., Советкина А. А. Управление конкурентоспособностью вуза в современных социально-экономических условиях [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konkurentosposobnostyu-vuza-v-sovremennyh-sotsialno-ekonomicheskikh-usloviyakh> (дата обращения: 20.09.2023).

18. Скотт П. Международное высшее образование и «неолиберальный разворот» [Электронный ресурс] // Международное высшее образование. 2017. №84. 36 с. URL: https://www.hse.ru/data/2016/03/01/1125131356/WHE_11_view.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

19. Тумашев А. Р., Котенкова С. Н., Тумашева М. В. Экономическая теория в двух частях. Часть I. Введение в экономическую науку // Микроэкономика: Учебное пособие для студентов неэкономических специальностей. Казань: Казанский университет, 2011. 204 с.

20. Фатхутдинов Р. А. Управление конкурентоспособностью вуза // Высшее образование в России. 2006. №9. С. 37–38.

21. Хлабыстова Н. В. Рынок образовательных услуг: привлечение абитуриентов как потребителей образовательных услуг // Научный вестник Южного института менеджмента. 2020. №1. С. 76–78. DOI:10.31775/2305-3100-2020-1-76-78.

22. Ahmad T. Scenario based approach to re-imagining future of higher education which prepares students for the future of work // Higher Education. Skills and Work-Based Learning. 2020. Vol. 10. №1. Pp. 217–238. DOI:10.1108/HESWBL-12-2018-0136.

23. Noui R. Higher education between massification and quality // Higher Education Evaluation and Development. 2020. Vol. 14. №2. Pp. 93–103. DOI: 10.1108/HEED-04-2020-0008.

24. Pizarro Milian R., Davies S. Forecasting the impacts of the «future of work» on universities: a sociological perspective // On the Horizon. 2020. Vol. 28. №1. Pp. 63–71. DOI: 10.1108/OTH-11-2019-0080.

25. Starr-Glass D. Encouraging engagement: video-conference augmentation of online distance learning environments // On the Horizon. 2020. Vol. 28. №3. Pp. 125–132. DOI:10.1108/OTH-06-2020-0020.

26. Wang Q., Liu J. Teaching for the future: a transnational university practice // On the Horizon. 2020. Vol. 28. №2. Pp. 85–92. DOI:10.1108/OTH-11-2019-0078.

References

1. Avdeeva I. A. Konkurentnye otnosheniya v social'noj sfere [Competitive relations in the social sphere]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija jekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience]. 2018; (16): 5–8. (In Russ.).

2. Anisimova I. A. Povedenie potrebitel'noj na rynke obrazovatel'nyh uslug (na materiale nizhegorodskih vuzov): avtoref. ... dis. kand. sociol. nauk [Consumer behavior in the educational services market (based on the material of Nizhny Novgorod universities). Ph. D. (Sociology) Thesis]. Nizhnij Novgorod, 2009. 28 p. (In Russ.).

3. Borovaja L. V. Vosproizvodstvo nauchnyh kadrov v jepohu transformacii: rol' vysshej shkoly [Reproduction of scientific personnel in the era of transformation: the role of higher education]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(3): 125–135. DOI:10.17213/2075-2067-2022-3-125-135. (In Russ.).

4. Vinnik A. E. Ocenka jeffektivnosti upravlenija sistemoj vysshego obrazovanija [Evaluation of the effectiveness of higher education system management]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Jekonomika* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics]. 2020; (1): 101–107. DOI: 10.24143/2073-5537-2020-1-101-107. (In Russ.).

5. Dement'eva I.N. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju potrebitel'skogo povedeniya [Theoretical and methodological approaches to the study of consumer behavior]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of territory development]*. 2018; 1(93): 122–132. (In Russ.).
6. Evlampieva G.I. Vliyanie setevogo vzaimodeystviya na pokazateli konkurentosposobnosti vuzov [The impact of network interaction on the competitiveness of universities]. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, entrepreneurship and law]*. 2022; 12(3): 1131–1144. DOI: 10.18334/epp.12.3.114320. (In Russ.).
7. Zaharova E.N. Osobennosti formirovaniya konkurentosposobnosti vuza kak sub'ekta rynka obrazovatel'nykh uslug [Features of the formation of competitiveness of the university as a subject of the market of educational services]. E.N. Zaharova, O.G. Gisina. *Biznes v zakone. Jekonomiko-juridicheskij zhurnal [Business in law. Economic and Legal Journal]*. 2013; (2): 185–188. (In Russ.).
8. Korchagova L.A. Ocenka konkurentosposobnosti vuza [Evaluation of the competitiveness of the university]. *Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and abroad]*. 2007; (5): 48–54. (In Russ.).
9. Luzgina Ju. V. Teoriya potrebitel'skogo vybora i ejo primenenie [Theory of consumer choice and its application]. *Sovremennye problemy prava, jekonomiki i upravleniya [Modern problems of law, economics and management]*. 2019; 1(8): 202–206. (In Russ.).
10. Obrazovanie v cifrah: 2023: kratkij statisticheskij sbornik [Education in numbers: 2023: a brief statistical collection]. T.A. Varlamova, L.M. Gohberg, O.K. Ozerova et al.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moscow: NIU VShJe, 2023. 132 p. (In Russ.).
11. Pirogova E.V. O koncepcii upravleniya konkurentosposobnost'ju vysshego uchebnogo zavedeniya [On the concept of managing the competitiveness of a higher educational institution]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*. 2023; (1): 48–55. (In Russ.).
12. Popova L.A., Fadeeva I.M., Jurlova E.M. Professional'nye i social'nye faktory, opredelivshie vybor vuza pervokursnikami [Professional and social factors that determined the choice of a university by first-year students]. *Ogarjov-Online [Ogarev-Online]*. 2017; 5(94): 10. (In Russ.).
13. Popova E.S. Molodezh' na rynke truda: smena professii kak adaptacija k novoj jekonomike [Youth in the labor market: profession change as adaptation to the new economy]. *Budushhee sfery truda: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: sbornik statej Mezhdunarodnogo foruma «Budushhee sfery truda: dostojnyj trud dlja vsekh» (g. Ufa, 4–5 fevralja 2019 g.) [The future of the labor sphere: global challenges and regional development: collection of articles of the International Forum «The Future of the labor sphere: decent work for all» (Ufa, February 4–5 2019)]*. Pod red. G.R. Bajmurzinov, R.M. Valiahmetova [In G.R. Baymurzina, R.M. Valiakhmetov (eds.)]. Ufa: Mir Pechati, 2019. Pp. 233–238. (In Russ.).
14. Prohorova A.A., Telegina Ju. S., Balova S.L. Prodvizhenie obrazovatel'nykh uslug v Rossii na sovremennom jetape [Promotion of educational services in Russia at the present stage]. *Colloquium-journal*. 2019; 13-10(37): 250–255. (In Russ.).
15. Puhova A.G., Beljaeva T.K., Tolkunova S.G., Kurbatova A.S. Sovremennyy moloдеzhnyj rynek truda: problemy i puti ih resheniya [Modern youth labor market: problems and ways to solve them]. *Economic consultant*. 2018; 2(22): 3–9. (In Russ.).
16. Rudakov V.N., Roshhina Ja. M., Bitkova L.A. Izmeneniya strategij, motivacij i jekonomicheskogo povedeniya studentov i prepodavatelej rossijskikh vuzov [Changes in strategies, motivations and economic behavior of students and teachers of Russian universities]. *Monitoring jekonomiki obrazovaniya. Informacionnyj bjulleten' [Monitoring the economics of education. Newsletter]*. 2019; 1(133): 84. (In Russ.).
17. Savenkova Ju. S., Sovetkina A.A. Upravlenie konkurentosposobnost'ju vuza v sovremennykh social'no-jekonomicheskikh uslovijah [University competitiveness management in modern socio-economic conditions] [Elektronnyj resurs]. *Voprosy obrazovaniya [Education issues]*. 2009; (4). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konkurentosposobnostyuvuza-v-sovremennykh-sotsialno-\(data-obrashheniya: 20.09.2023\)](https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konkurentosposobnostyuvuza-v-sovremennykh-sotsialno-(data-obrashheniya: 20.09.2023).). (In Russ.).
18. Skott P. Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie i «neoliberal'nyj razvorot» [International Higher education and the «neoliberal turn»]

- [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie* [International higher education]. 2017; (84): 36. URL: https://www.hse.ru/data/2016/03/01/1125131356/WHE_11_view.pdf (data obrashhenija: 15.03.2021). (In Russ.).
19. Tumashev A. R., Kotenkova S. N., Tumasheva M. V. *Jekonomicheskaja teorija v dvuh chastjah. Chast' I. Vvedenie v jekonomicheskiju nauku* [Economic theory in two parts. Part I. Introduction to Economics]. *Mikrojekonomika: Uchebnoe posobie dlja studentov nejekonomicheskikh special'nostej* [Microeconomics: A textbook for students of non-economic specialties]. Kazan': Kazanskij universitet, 2011. 204 p. (In Russ.).
20. Fathutdinov R. A. *Upravlenie konkurentosposobnost'ju vuza* [University competitiveness management]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2006; (9): 37–38. (In Russ.).
21. Hlabystova N. V. *Rynok obrazovatel'nyh uslug: privlechenie abiturientov kak potrebitel'j obrazovatel'nyh uslug* [Educational services market: attracting applicants as consumers of educational services]. *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management]. 2020; (1): 76–78. DOI:10.31775/2305-3100-2020-1-76-78. (In Russ.).
22. Ahmad T. Scenario based approach to re-imagining future of higher education which prepares students for the future of work. *Higher Education. Skills and Work-Based Learning*. 2020; 10(1): 217–238. DOI:10.1108/HESWBL-12-2018-0136.
23. Noui R. Higher education between massification and quality. *Higher Education Evaluation and Development*. 2020; 14(2): 93–103. DOI: 10.1108/HEED-04-2020-0008.
24. Pizarro Milian R., Davies S. Forecasting the impacts of the «future of work» on universities: a sociological perspective. *On the Horizon*. 2020; 28(1): 63–71. DOI: 10.1108/OTH-11-2019-0080.
25. Starr-Glass D. Encouraging engagement: video-conference augmentation of online distance learning environments. *On the Horizon*. 2020; 28(3): 125–132. DOI:10.1108/OTH-06-2020-0020.
26. Wang Q., Liu J. Teaching for the future: a transnational university practice. *On the Horizon*. 2020; 28(2): 85–92. DOI:10.1108/OTH-11-2019-0078.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted on 24.10.2023; approved after reviewing on 16.11.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бельчик Татьяна Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента имени И. П. Поварича, Кемеровский государственный университет.
Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Tatyana A. Belchik — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management named after I. P. Povarich, Kemerovo State University.
6 Krasnaya str., Kemerovo, Russia

Попкова Елена Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Международные экономические отношения», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Председатель Консорциума устойчивого развития и технологического лидерства ИНК.

Россия, г. Волгоград, ул. Грушевская, 8, оф. 1022

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Elena G. Popkova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Chairman of the Consortium for Sustainable Development and Technological Leadership INK.

8 Grushevskaya str., office 1022, Volgograd, Russia

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Бельчик Т. П. — написание исходного текста; обработка и анализ исходных данных; итоговые выводы.

Попкова Е. Г. — научное руководство; концепция исследования; организация сбора информации; корректировка; доработка текста.

Contribution of the authors:

Belkchik T. A. — writing the source text; processing and analysis of initial data; final conclusions.

Popkova E. G. — scientific leadership; research concept; organization of information collection; correction; finalization of the text.

Научная статья
УДК 330.101.22
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-293-301

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕНЕДЖЕРИСТСКИХ ПРАКТИК
В ФОРМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ**

Оксана Владимировна Богданова

*Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социально-экономического развития»,
Ростов-на-Дону, Россия
oksanavelo9@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5540-4008*

Аннотация. Целью исследования является выявление противоречивости при нарастании темпов внедрения и применения в сфере высшего образования программ дополнительного профессионального образования.

Методологической базой исследования является формирующаяся в отечественной социологии методология критического анализа государственного менеджеризма, изложенная в работах А. В. Дятлова, В. В. Ковалева, а также выработанные аналитические инструменты в зарубежной традиции социальных исследований, обобщенные в монографии Т. Кликауера. Основным эмпирическим методом стало изучение аналитической литературы по заявленному предмету.

Результаты исследования. Выявлено три основных тенденции развития дополнительного профессионального образования в российских вузах: во-первых, общественный запрос на подобный образовательный продукт; во-вторых, участие в цифровизации, ставшей одной из основных внутриполитических стратегий Российской Федерации; и, в-третьих, расширение финансирования за счет рассматриваемых образовательных услуг приносит многим университетам существенную долю в доходной части бюджета. Но интенсификация такой отрасли деятельности приводит к расщеплению получаемых знаний и навыков в вузах на ряд компетенций, что снижает качество образования и приводит к институциональным ловушкам, несоответствию цели и средств в социальном институте высшего образования. Найденную социальную проблему предлагается решить при помощи изменения роли университетов на рынке дополнительных образовательных услуг.

Перспективы исследования связаны с продвижением менеджеристской методологической матрицы в новые области общественного сектора, позволяя выявить новые социальные проблемы или решить старые, иначе концептуализируя эмпирическое поле и устоявшиеся способы рассмотрения положения дел в социальных институтах, связанных с производством и распределением общественного блага.

Ключевые слова: дополнительное образование, дополнительное профессиональное образование, высшее образование, менеджеризм, имитационные практики, качество образования, компетенции

Для цитирования: Богданова О. В. Институциональные ограничения интенсификации распространения менеджеристских практик в форме дополнительного образования в

российских университетах // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 293–301. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-293-301>.

Original article

INSTITUTIONAL LIMITATIONS OF THE INTENSIFICATION OF THE DISSEMINATION OF MANAGERIAL PRACTICES IN THE FORM OF ADDITIONAL EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Oksana V. Bogdanova

*Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education
«First Consulting the Institute of Socio-Economic», Rostov-on-Don, Russia
oksanelo9@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5540-4008*

Abstract. *The purpose of the study is to identify inconsistencies with the increasing pace of implementation and application of additional professional education programs in the field of higher education.*

The methodological basis of the research is the methodology of critical analysis of state managerism, which is being formed in Russian sociology, set out in the works of A. V. Dyatlov, V. V. Kovalev, as well as the developed analytical tools in the foreign tradition of social research, summarized in T. Klikauer's monograph. The main empirical method was the study of analytical literature on the claimed subject.

The results of the study. Three main trends in the development of additional professional education in Russian universities have been identified: firstly, public demand for such an educational product; secondly, participation in digitalization, which has become one of the main domestic political strategies of the Russian Federation; and, thirdly, the expansion of funding through the educational services in question brings many universities a significant share in the revenue parts of the budget. But the intensification of such a branch of activity leads to the splitting of acquired knowledge and skills in universities into a number of competencies, which reduces the quality of education and leads to institutional traps, a mismatch of goals and means in a social institution of higher education. It is proposed to solve the found social problem by changing the role of universities in the market of additional educational services.

The prospects of the research are related to the promotion of the managerial methodological matrix in new areas of the public sector, allowing to identify new social problems or solve old ones, otherwise conceptualizing the empirical field and established ways of considering the state of affairs in social institutions related to the production and distribution of public goods.

Keywords: additional education, additional professional education, higher education, managerism, imitation practices, quality of education, competencies

For citation: Bogdanova O. V. Institutional limitations of the intensification of the dissemination of managerial practices in the form of additional education in Russian universities // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 293–301. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-293-301>.

Введение. Сложно отрицать серьезные изменения и преобразовательные процессы в современном мире, далеко не всегда связанные с целенаправленной политикой тех или иных государств или различных организаций. Большие трансформации, происходящие в экономике, общественном секторе и культуре, имеют вполне объективные причины, если мы вообще придерживаемся дихотомии «субъективное — объективное» в том или ином значении. И один из основных двигателей нарастания изменчивости в социальных институтах и практиках, конечно, представлен в форме технологических изменений. Компьютерная и последующие, уже состоявшиеся и прошедшие или только предстоящие и закладываемые, технические революции сильно изменили или скоро изменят традиционные установки в обществе¹, сформированные еще на индустриальном этапе развития в прошлом и позапрошлом веках.

Следовательно, сводить неолиберальные реформы, начавшиеся с Великобритании в конце 1970-х гг. и раскинувшиеся на значительную часть мира, только к субъективным политическим действиям и индивидуальному, даже групповому и коллективному волюнтаризму нельзя. Это будет лишь часть ответа с половинчатой картиной происходящего. Экономические и технологические процессы сформировали особые вызовы перед государством в лице его правовой, управленческой и финансовой практики. Ускорение в устаревании знаний и профессиональных навыков, усложнение рынка труда и углубление производственных, логистических и потребительских нужд во многом предопределили обратную реакцию государственной власти, и охарактеризовать ее возможно при помощи понятия государственного менеджеризма [5]. Именно менеджеристские практики и общий тренд менеджеризации на разных уровнях образования — школьном, среднепрофессиональном и высшем — обусловили рост многочисленных программ дополнительного образования.

Более подробно о характере этого процесса, а также его последствиях для тех институциональных систем, в которых он происходит, включая возможные управленческие решения для исправления формирующейся социальной проблемы, мы рассмотрим далее.

Методика. Для исследований управленческих стратегий в системах общественного сектора после так называемых неолиберальных реформ мы остановимся, как и в прошлый раз, на методологии менеджизма [6]. Наш выбор объясняется, во-первых, успешным применением подобного концептуального аппарата для других сфер производства и распространения общественного блага (например, для муниципального и государственного управления [8]), а, во-вторых, происхождением самого подхода.

Необходимо отметить, что менеджизм как методология включает в себя концептуальный каркас той же природы, который использовался и до сих пор применяется для теоретического обоснования проводимых реформ и перестроек внутри общественного сектора. Особенно примечателен в таком случае пример исследований В.В. Вольчика и его собственных методологических предпосылок. Так, применяя инструментарий нарративной экономики, интеллектуальные истоки неолиберальных реформ и так называемой «антибюрократической революции» (т.е. менеджеристского поворота) обнаруживаются у представителей австрийской экономической школы, таких как М. Фридман (например, квазирынки²) и Ф. Хайек (например, рынок как информационная система³). Но идеи этих же экономистов и социальных мыслителей могут быть использованы не только с целью концептуального обоснования правомерности и эффективности реформ в духе менеджизма в образовании, но и для выявления критичных брешей и несоответствия используемых реформистами средств для рассматриваемых социальных институтов

1 Комиссаров А. Четвертая промышленная революция [Электронный ресурс] // Ведомости. 13.10.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revolyuutsiya> (дата обращения: 10.11.2023).

2 Степанищев С. Образование как отрасль производства. Взгляд из Стэнфорда [Электронный ресурс] // Новости науки в НИУ ВШЭ. 15.09.2009. URL: <https://www.hse.ru/news/science/10359188.html> (Дата обращения: 10.11.2023).

3 Перевалов В. Конституция свободы и оптимизма [Электронный ресурс] // Smart Power Journal. 17.09.2018. URL: <https://smartpowerjournal.ru/hayek/> (Дата обращения: 10.11.2023).

(например, неявное знание) [3]. Таким образом, формируемая отечественными авторами методологическая программа для изучения менеджеристской управленческой идеологии включает в себя теоретический каркас самого изучаемого менеджери́зма.

Помимо использования некоторых концепций авторов из традиции австрийской экономической школы менеджеристские исследования включают в себя неоинституциональную теорию и теорию общественного выбора, которые также имплицитно содержатся в менеджери́зме как управленческой идеологии [7], а также непосредственных основателей теоретического каркаса рассматриваемых управленческих реформ [15]. В наиболее общем виде основы для операционализации исследования менеджери́зма в той или иной сфере общественного сектора сформированы в работе «Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления». Среди таковых, как мы успели указать в другом месте, выявлены основные признаки менеджери́зации социального института в общественном секторе (в случае работы А. В. Дятлова, В. В. Ковалева и т. д. на примере муниципального управления): децентрализация управления, широкое использование рыночных начал в управленческой деятельности, применение количественных показателей как индикаторов оценки эффективности управления [5]. Также нельзя не упомянуть список менеджеристских инструментов, обычно применяемых для воплощения этих признаков как принципов на практике: зависимость государственного финансирования от роста показателей социально-экономического развития муниципального образования, стимулирование предпринимательской активности в муниципальном управлении, замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами [5].

Серьезные методологические обобщения по описанию выявления и работы с этим содержатся в монографии австралийского исследователя Т. Кликауэра «The Language of Managerialism. Organizational Communication or an Ideological Tool?», обозначая менеджери́зм как такую управленческую идеологию, при которой в организациях, ранее для этого не предназначенных и не приспособленных для подобной деятельности, основными до-

минирующими практиками становятся фрагментация функционала одного сотрудника и/или всего коллектива для установления большего контроля через количественные метрики измерения эффективности над ним, а также подспудно вносятся многочисленные формы и способы для коммерциализации ранее некоммерческих предлагаемых этой организацией услуг (например, в общественном секторе — в здравоохранении и высшем образовании) [4].

Таким образом, методологические основания нашего исследования содержат концептуальные, специально для этого разработанные инструменты для выявления и изучения менеджери́зма в тех или иных сферах общественного сектора, содержащиеся в отечественной и зарубежной социологической традиции. Помимо этого, мы дополним, что анализ менеджери́зации образовательных институтов — прежде всего высшего образования — уже достаточно широко представлен в российской академии, но подробнее о результатах таких научных работ применительно к нашему теоретическому изысканию мы расскажем ниже. Так или иначе исследование направлено на комплексное обобщение данных, полученных авторами в области изучения как тенденций менеджери́зации в вузах, включая тренд на умножение программ дополнительного образования, так и отдельно этих самых программ вне менеджеристской методологии.

Обсуждение. Ранее мы уже указали на совокупность объективных тенденций, которые привели к менеджеристским преобразованиям со стороны государства своих собственных управленческих инструментов и практик производства и распространения общественного блага, частью и частным примером которых как раз и представляются расширение применения программ дополнительного образования в высшей школе. Рассмотрим внимательнее другие обоснования, которые приводятся исследователями, не всегда придерживающимися методологической программы поиска и критического изучения менеджери́зма, но также заинтересованных в объяснении подобной трансформации высшего образования в сторону большей сегментации получаемых студентами

знаний и навыков на отдельные компетенции с привлечением коммерциализации для освоения этих компетенций.

И в этом поиске целью обозначим нахождение исследовательских проектов и статей, в которых не подчеркиваются негативные стороны менеджизма в университетах, но проводится поиск обоснований и аргументаций «за» часть подобных практик, включенных в менеджизацию. Это позволит в заключении попробовать найти решение того, каким образом сократить менеджеристские тенденции в вузах, при этом сохранив признающиеся экспертами и исследователями необходимыми ряд элементов из государственного менеджизма в образовании.

Одно из основных обоснований введения программ дополнительного образования и дополнительного профессионального образования на коммерческой и не только основе — скорость общественных изменений, включая изменения на рынке труда в виде необходимых бизнесу и государству компетенций потенциальных сотрудников. Обеспечивать их только путем единоразового освоения базовой специальности в программах бакалавриата, магистратуры или специалитета в интенсифицированных и перманентных формах изменчивой экономики, науки и потребительских ожиданий становится практически невозможно. А вот идея непрерывного образования с регулярным пополнением, корректированием и полной или частичной заменой своих профессиональных навыков представляется подходящим решением как рынку с фирмами-заказчиками, так и государству с вузами-поставщиками соответствующих образовательных услуг: «В современной экономике быстрое устаревание существующих компетенций работников диктует необходимость создания системы непрерывного профессионального образования. Обучение специалистов и руководителей по ДПП представляет собой адаптивный организационный механизм быстрого реагирования на социально-экономические новации» [10, с. 136].

С.В. Нотова и И.А. Подосенова подтверждают этот тренд и через описание положения дел на конкретном рынке (фирмы и иные организации в Оренбургской области) и конкретном производителе (ОГУ, Оренбургский государственный универси-

тет) образовательных услуг в виде курсов повышения квалификации и дополнительных профессиональных программ (ДПП): «Динамика количества слушателей ДПП в ОГУ характеризуется постоянным ростом, за исключением 2020 г., на показатели которого оказали существенное влияние ограничения, связанные с распространением коронавирусной инфекции. Большая часть слушателей обучается по программам повышения квалификации объёмом от 16 акад. часов, на них приходится 84% всех обученных. Такие краткосрочные, но более частые программы достаточно эффективны и менее затратны для заказчиков, особенно если это касается внепланового повышения квалификации в случаях изменения законодательства, внедрения новых технологий, реализации нового проекта, выпуска новой продукции или реорганизации производства. Уменьшение объёма программ должно сопровождаться усилением их практической направленности, т.е. они должны разрабатываться под конкретные задачи» [10, с. 138].

Другим дополнительным трендом для участия вузов в разработке и реализации различных форм повышения квалификации и дополнительного образования представляется цифровизация, точнее общий вектор развития страны именно в этом направлении и необходимость участия в нем. И наиболее приемлемым способом соучастия в этой общей внутриэкономической политике страны представляется как раз создание и распространение подобных образовательных услуг в формате онлайн-образования: «Одной из приоритетных задач при трансформации общества в связи с переходом к цифровизации экономики является подготовка трудовых ресурсов, соответствующих веяниям времени. Следует отметить, что государство принимает важные решения для укрепления экономики страны и качественного изменения состава трудовых ресурсов. Так, разработанная программа “Цифровая экономика” включает подпрограмму “Кадры для цифровой экономики”, в которой уделяется внимание вопросам внедрения цифры во все виды деятельности, обеспечив при этом цифровую грамотность населения посредством подготовки и переподготовки кадров через платформу онлайн-образования» [1, с. 60].

В конце концов, возможность участие в рынке услуг дополнительного профессионального образования и переквалификаций позволяет вузам найти столь необходимое финансирование, которое ввиду многих названных выше и неназванных факторов в современном мире и России в частности не может обеспечиваться лишь за счет государственной поддержки. На финансовом аспекте настаивают разные авторы, включая цитированных нами выше С.В. Нотову и И.А. Подосенову [10], Н.В. Андрееву и Е.В. Гавриченко [1], а также работы М.В. Паничкиной, М.А. Масыч и М.Р. Бечвой [11] и В.В. Вольчика, Е.В. Фурсы, И.М. Ширяева, Т.А. Зотовой и В.В. Кот [4]. Приведем подтверждение именно из последней статьи: «Дополнительное профессиональное образование занимает существенную долю в доходах государственных вузов. Как правило, спрос на образовательную услугу формируется главным образом государством согласно стратегии социально-экономического развития и связан с приоритетностью развития той или иной отрасли, а также крупными государственными и промышленными предприятиями, цель которых — повысить компетентность работников в соответствии с уровнем технологического развития. Тем не менее спрос на дополнительное профессиональное образование предъявляют и физические лица... в вузах как бюджетных образовательных учреждениях оказание дополнительных профессиональных образовательных услуг составляет существенную статью в доходах» [4, с. 89].

Итак, подводя предварительный итог нашему обзорному исследованию, можно заметить, что усиливающееся участие вузов в разработке и реализации программ дополнительного образования, дополнительного профессионального образования и различных вариантов переквалификаций и повышения квалификации имеет три основные причины: во-первых, общественный запрос на подобный образовательный продукт, связанный с серьезными изменениями экономики, общества и техники; во-вторых, участие в цифровизации, ставшей одной из основных внутриполитических стратегий Российской Федерации, в которой наиболее органичной ролью вузов как раз становится формат онлайн-образования; и, в-третьих, расширение

финансирования за счет рассматриваемых образовательных услуг уже приносит многим университетам существенную и ощутимую часть бюджета.

Институциональные проблемы начинают проявляться в тот момент, когда мы применяем менеджеристскую методологическую матрицу к существующим управленческим моделям в высшем образовании и к тем институциональным ловушкам, которые выделяют акторы рассматриваемого социального института. Подобный шаг в концептуализации имеющихся эмпирических данных, представленных в приведенных аналитических работах, позволяет заметить проблематичность в ускоренном росте программ дополнительного образования в вузах, а также найти институциональные ограничения такой практике.

Так, необходимо рассмотреть связь между программами дополнительного образования и компетентностным подходом. Сама идея специализированных образовательных услуг для изменчивого рынка труда предполагает разделения как суммы получаемых навыков и знаний как в дополнительном, так и в основном (т.е. высшем) образовании на ряд специфических компетенций. Минимизировать фундаментальные знания и максимизировать знания практико-ориентированные. Но, как показывают разные авторы, даже не придерживающиеся менеджеристской объяснительной модели, подобная тенденция по фрагментации высшей школы и переориентации на передачу специализированных компетенций разрушает сами институциональные основы университета как такового (во всяком случае в его нынешнем виде) [12]. Исследователи менеджериума также согласны, что усиление коммерциализации [13], разрастание деятельности вузов в области дополнительного образования вкупе с общей тенденцией по фрагментации образовательной (трудовой) деятельности [8] и перевод части или даже всех академических часов в онлайн-формат [9] не позволяет исполнить основные цели высшего образования как социального института, обращая его образовательную деятельность в совокупность институциональных ловушек [2].

Возможно ли разрешить такое противоречие между объективными предпосылками,

из-за которых университеты усиленно погружаются в рынок дополнительных образовательных услуг, и не менее объективными, но негативными последствиями подобного процесса для самих вузов? Мы предлагаем компромиссный вариант, который частично уже реализуется на указанном рынке, а именно — существует множество коммерческих организаций, успешно конкурирующих с вузами на этом поприще. Если полностью передать им соответствующий рынок, то университеты смогут освободить себя от интенсификации реализации программ дополнительного образования. Но как же быть с проблемой финансирования и необходимостью участия в цифровизации экономики и общества? Конечно, мы могли бы сказать, что необходимо заменить менеджеристскую модель управления высшим образованием, но понимаем, что подобное в ближайшее время практически невозможно, как и потеря значительной доходной части для бюджета академии, поэтому мы предлагаем изменить особенности присутствия организаций высшего образования на рынке — трансформировать ее из конкурента множества частных агентов в их партнера. Что это означает?

Университеты могут разрабатывать совместно с ними сами программы дополнительного образования, проводить мониторинг рынка и требующихся компетенций в той или иной ситуации, обучать сотрудников фирм по предложению услуг дополнительного образования, возможно, даже частично регулировать сам этот рынок, но при всем этом исключить непосредственную роль вузов как одного из множества агентов в предложении дополнительного образования. Преобразование роли университета со стороны предложения услуг дополнительного образования на двигатель формирования и корректирования этого предложения сможет помочь сохранить ему целостность высшего образования как особого общественного блага, состоящего из фундаментальных знаний и умений, а также сохранить рычаги для необходимых сторонних поступлений в собственный бюджет.

Заключение. Индустрия услуг дополнительного образования не представляет собой пустую коммерческую практику. Она имеет

объективные предпосылки появления, связанные прежде всего со структурными изменениями экономики, общества и технологий. Они действительно оформляют совершенно иную ситуацию на рынке труда — требование непрерывного образования и постоянного обновления профессиональных навыков работников.

Университеты при первом приближении выглядят как подходящие кандидаты на роль социального института, способного удовлетворить подобный спрос, но основная проблема заключается в том, что, попадая в скрепленное управленческой идеологией высшее образование, практика реализации вузами программ дополнительного образования разрушает остальные, фундаментальные и первостепенные, практики этих организаций. Поэтому единственным решением с минимальными издержками для всей государственной системы и рынка по решению возникшей социальной проблемы представляется смещение роли университета с поставщика дополнительных образовательных услуг на того субъекта, который будет формировать само предложение подобного продукта.

Список источников

1. Андреева Н. В., Гавриченко Е. В. Структурные изменения в сфере образовательных учреждений как основа для использования трудовых ресурсов в контексте цифровизации страны // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. №11(121). С. 58–65.
2. Вольчик В. В., Корытцев М. А., Маслокова Е. В. Институты и идеология менеджизма в сфере высшего образования и науки // Управленец. 2019. Т. 10. №6. С. 15–27.
3. Вольчик В. В., Маскаев А. И. Неявное знание, научные исследования и экономическое развитие // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2016. №7(1). С. 6–18.
4. Вольчик В. В., Фурса Е. В., Ширяев И. М., Зотова Т. А., Кот В. В. Институциональная и организационная структуры дополнительного профессионального образования в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. №4. С. 78–91.

5. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Асланов Я.М. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. №4. С. 23–35.

6. Казанцев О.А. Картографирование менеджизма и менеджизация школы: от описания метода к пониманию предмета // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. №4(62). С. 215–230.

7. Капогузов Е.А. Новый государственный менеджмент: теоретическая основа и проблема импорта в России // Национальные приоритеты России. 2012. №2(7). С. 47–53.

8. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. №7. С. 24–32.

9. Ковалев В.В., Лацвеева А.В. Качество высшего образования и необходимость его изменения в условиях онлайн обучения (по оценкам преподавателей и студентов российских вузов) // Caucasian Science Bridge. 2021. №4(4). С. 60–68.

10. Нотова С.В., Подосенова И.А. Система ДПО как основа непрерывного профессионального образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. №8-9. С. 134–143.

11. Паничкина М.В., Масыч М.А., Бечвая М.Р. Экономическое содержание платных образовательных услуг в системе нормативного финансирования вузов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. №1(150). С. 214–220.

12. Струминская Л.М., Богданчикова Е.Н. Компетентностный подход и проблемы его реализации в высшей школе // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. №2. С. 3788–3797.

13. Deem R. «New Managerialism» and higher education: the management of performances and cultures in universities in the United Kingdom // International Studies in Sociology of Education. 1998. Vol. 8. №1. Pp. 47–70.

14. Klikauer T. The Language of Managerialism. Organizational Communication or an Ideological Tool? Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 257 p.

15. Osborne, D., Gaebler, T. Reinventing Government: How the enterpricurial spirit is transforming the public sector. N. Y.: Addison-Wesley, 1992. 420 p.

References

1. Andreeva N. V., Gavrichenko E. V. Strukturnye izmeneniya v sfere obrazovatel'nyh uchrezhdenij kak osnova dlja ispol'zovanija trudovyh resursov v kontekste cifrovizacii strany [Structural changes in the field of educational institutions as a basis for the use of labor resources in the context of digitalization of the country]. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2020; 11(121): 58–65. (In Russ.).

2. Vol'chik V. V., Korytcev M. A., Masljukova E. V. Instituty i ideologija menedzherizma v sfere vysshego obrazovanija i nauki [Institutes and ideology of managerism in the field of higher education and science]. *Upravlenec* [The manager]. 2019; 10(6): 15–27. (In Russ.).

3. Vol'chik V. V., Maskaeve A. I. Nejavnoe znanie, nauchnye issledovanija i jekonomicheskoe razvitie [Implicit knowledge, scientific research and economic development]. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovanija jekonomiki)* [Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation)]. 2016; 7(1): 6–18. (In Russ.).

4. Vol'chik V. V., Fursa E. V., Shirjaev I. M., Zotova T. A., Kot V. V. Institucional'naja i organizacionnaja struktury dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija v Rostovskoj oblasti [Institutional and organizational structures of additional professional education in the Rostov region]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes]. 2016; (4): 78–91. (In Russ.).

5. Djatlov A. V., Kovalev V. V., Aslanov Ja. M. Metodologicheskij konstrukt issledovanija menedzheristskih instrumentov obespechenija jeffektivnosti municipal'nogo upravlenija [Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management]. *Vestnik JuRGTU (NPI)* [Bulletin of the SRSTU (NPI)]. 2021; (4): 23–35. (In Russ.).

6. Kazancev O. A. Kartografirovanie menedzherizma i menedzherizacija shkoly: ot opisanija metoda k ponimaniju predmeta [Mapping of managerism and school managerization: from the description of the method to the understanding of the subject]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2023; 4 (62): 215–230. (In Russ.).

7. Kapoguzov E.A. Novyj gosudarstvennyj menedzhment: teoreticheskaja osnova i problema importa v Rossii [New state management: the theoretical basis and the problem of imports in Russia]. *Nacional'nye priority Rossii* [National priorities of Russia]. 2012; 2(7): 47–53. (In Russ.).

8. Kovalev V.V., Djatlov A.V. Ideologija menedzherizma v rossijskikh social'nykh institutakh: obrazovanie, nauka, zdravooohranenie [Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, healthcare]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2023; (7): 24–32. (In Russ.).

9. Kovalev V.V., Lacveeva A.V. Kachestvo vysshego obrazovaniya i neobходимost' ego izmeneniya v usloviyakh onlajn obucheniya (po ocenkam prepodavatelej i studentov rossijskikh vuzov) [The quality of higher education and the need to change it in online learning (according to the estimates of teachers and students of Russian universities)]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 4(4): 60–68. (In Russ.).

10. Notova S.V., Podosenova I.A. Sistema DPO kak osnova nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [The system of vocational education as the basis of continuing professional education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2021; 30(8-9): 134–143. (In Russ.).

11. Panichkina M.V., Masych M.A., Bechvaja M.R. Jekonomicheskoe sodержanie platnykh obrazovatel'nykh uslug v sisteme normativnogo finansirovaniya vuzov [The economic content of paid educational services in the system of normative financing of universities]. *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki* [News of SFU. Technical sciences]. 2014; 1(150): 214–220. (In Russ.).

12. Struminskaja L.M., Bogdanchikova E.N. Kompetentnostnyj podhod i problemy ego realizacii v vysshej shkole [Competence-based approach and problems of its implementation in higher education]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Vocational education in the modern world]. 2020; 10(2): 3788–3797. (In Russ.).

13. Deem R. «New Managerialism» and higher education: the management of performances and cultures in universities in the United Kingdom. *International Studies in Sociology of Education*. 1998; 8(1): 47–70.

14. Klikauer T. The Language of Managerialism. Organizational Communication or an Ideological Tool? Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 257 p.

15. Osborne, D., Gaebler, T. Reinventing Government: How the enterpricurial spirit is transforming the public sector. N. Y.: Addison-Wesley, 1992. 420 p.

Статья поступила в редакцию 05.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 05.11.2023; approved after reviewing on 24.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданова Оксана Владимировна — кандидат социологических наук, генеральный директор СО АНО «Первый консалтинговый институт социально-экономического развития».

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 87/2

Oksana V. Bogdanova — Candidate of Sociological Sciences, General Director of Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education «First Consulting Institute of Socio-Economic Development».

87/2 Eremenko str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-302-308

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Павел Викторович Павлов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pvravlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID РИНЦ: 402794*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ современных бюрократических практик в контексте развития цифровых технологий. Особое внимание уделяется проблеме цифровых технологий и бюрократии в сфере высшего образования.

Методология исследования. *Статья базируется на теоретико-методологических подходах к исследованию современной бюрократии, цифровых технологий и системы высшего образования. В методологическом плане определяющими выступили идеи Дэвида Гребера о «тотальной бюрократизации» современного общества.*

Результаты исследования. *Специфика современных бюрократических практик и их взаимосвязь с новыми цифровыми технологиями определяются логикой развития капитализма. В статье сделан акцент на изучении особенностей реализации этих практик в современной системе высшего образования.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, бюрократия, современное общество, капитализм, высшее образование, цифровая эпоха*

Для цитирования: *Павлов П. В. Цифровые технологии и бюрократические практики в системе высшего образования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 302–308. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-302-308>.*

Благодарности: *статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».*

Original article

DIGITAL TECHNOLOGIES AND BUREAUCRATIC PRACTICES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Pavel V. Pavlov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID RSCI: 402794*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze modern bureaucratic practices in the context of the development of digital technologies. Special attention is paid to the problem of digital technologies and bureaucracy in higher education.*

Research methodology. *The article is based on theoretical and methodological approaches to the study of modern bureaucracy, digital technologies and the higher education system. Methodologically, David Graeber's ideas about the «total bureaucratization» of modern society were decisive.*

Research results. *The specifics of modern bureaucratic practices and their relationship with new digital technologies are determined by the logic of the development of capitalism. The article focuses on the study of the features of the implementation of these practices in the modern system of higher education.*

Keywords: *digital technologies, bureaucracy, modern society, capitalism, higher education, digital age*

For citation: *Pavlov P. V. Digital technologies and bureaucratic practices in the higher education system // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 302–308. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-302-308>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. Проблема цифровых технологий и современной бюрократии является весьма дискуссионной и порождает ряд взаимосвязанных вопросов. Какую роль играют новые цифровые технологии в реализации бюрократических практик в современном обществе? Или же, напротив, эти технологии способствуют преодолению бюрократии и открывают некое «пространство свободы»? И в чем, собственно, заключается специфика бюрократических практик в «цифровую эпоху»? Для прояснения этих вопросов мы обратимся прежде всего к особенностям становления современных бюрократических практик в контексте логики движения капиталистического общества. При этом особое

внимание мы уделим реализации бюрократических практик и их связи с новыми цифровыми технологиями в современной системе высшего образования.

«Тотальная бюрократизация», цифровые технологии и современный капитализм. Диалектика современности такова, что важнейшей особенностью современных бюрократических практик является их тотальность, охватывающая практически все сферы нашей повседневной жизни. Так, Дэвид Гребер говорит об эпохе «тотальной бюрократизации», в которой практически стираются границы между государственной и частной бюрократией [4]. В современном

мире, согласно Д. Греберу, господствует «бюрократический корпоративный капитализм», особенностью которого является сращивание государственной бюрократии с бюрократией корпораций. При этом истоки современного «бюрократического капитализма» следует усматривать в конце 1970-х годов, которые отмечены неолиберальным поворотом, наиболее отчетливо проявившемся, прежде всего, в политике Р. Рейгана и М. Тэтчер. Эта политика, как известно, нанесла серьезный удар по профсоюзному движению, солидарности рабочего класса и под лозунгами «свободного рынка» и «личной инициативы» была сосредоточена на интенсивном развитии финансового сектора в ущерб традиционному промышленному производству. Капитал активно перемещался в сферу услуг, коммуникации, новые информационные технологии, порождая современную «цифровую эпоху», которая сегодня становится предметом множества исследований [3; 6; 7; 10].

Неолиберальная политика, ориентированная на расширение финансовых структур, способствовала тому, что корпоративная бюрократия и финансовый сектор оказались принципиально взаимосвязанными друг с другом. Новая корпоративная культура, возникшая первоначально в финансовых кругах, постепенно распространялась и на другие сферы, включая институт образования. В свете неолиберального поворота бюрократические практики корпораций становятся практиками нашей повседневной жизни, внедряясь в самые различные сферы современного общества, причем, как подчеркивает Д. Гребер, «это была не просто политическая перестройка, а настоящая культурная трансформация. Так подготовили основу для процесса, посредством которого бюрократические приемы (анализ эффективности, фокус-группы, исследования о распределении времени), разработанные в финансовых и корпоративных кругах, наводнили остальные сферы общества — образование, науку, правительственные институты, — а затем проникли почти во все сферы повседневной жизни» [4, с. 22]. Весьма характерно, что тотальное распространение новой корпоративной культуры привело к повсеместному распространению специфической терминологии. Так, в финансовых кругах «сложи-

лось специфическое наречие, полное ярких и пустых терминов: “видение”, “качество”, “заинтересованное лицо”, “лидерство”, “совершенство”, “инновации”, “стратегические задачи” или “передовой опыт”» [4, с. 22].

Конечно, новые бюрократические практики внедряются всякий раз под благовидным «предлогом создания честных, безличных механизмов в областях, где раньше господствовали закрытые от других знания и социальные связи», и тем не менее их реализация нередко приводит к совершенно обратным результатам [4, с. 25]. Так, приводит пример Д. Гребер, бюрократизация профессиональной подготовки, «корпоративизация» современного образования оказывается направленной прежде всего на извлечение прибыли, поэтому для большинства обучающихся, не имеющих финансовой поддержки, «главным результатом многолетней профессиональной подготовки становится то, что они обременены такими колоссальными долгами за обучение, что значительная доля любого последующего дохода, что они получают от своей профессиональной деятельности, каждый месяц будет выкачиваться финансовым сектором» [4, с. 24]. Корпоративные доходы при современном капитализме во многом «обеспечиваются вовсе не торговлей или промышленностью, а финансами — то есть в итоге долгами других людей» [4, с. 25]. Вполне очевидно, что эти долги появляются вовсе не случайно — они целенаправленно «проектируются» системой современного «бюрократического капитализма».

По сути дела, бюрократические практики в современном капиталистическом обществе нацелены на извлечение прибыли, тотальный надзор и контроль, и этому, конечно, весьма способствуют новые цифровые технологии. Эти технологии, обещая открыть перед нами «пространство свободы», по большому счету, лишь «усилили трудовую дисциплину и контроль над обществом» [4, с. 110]. Помимо прочего, речь идет и о том, что цифровые технологии породили массу новой бюрократии, связанной с необходимостью бесконечного заполнения таких же бесчисленных электронных форм, что понятным образом отнимает значительную часть времени и сил. Цифровые технологии, будучи результатом развития современного капитализма, актив-

но способствуют «тотальной бюрократизации», внедрению бюрократических практик во все сферы современного общества. Как отмечает Д. Гребер, «наш непосредственный опыт повседневной бюрократизации полностью отражается в новых информационных технологиях» [4, с. 34], которые представлены мобильными устройствами, различными цифровыми платформами и социальными сетями, банковскими приложениями в смартфоне и т.д.

Конечно, в этой взаимосвязи бюрократии и цифровых технологий принципиально важен аспект надзора и контроля, который характерен для современного капитализма («надзорного капитализма», по терминологии Ш. Зубофф [7]). Как подчеркивает Д. Гребер, практически «все появившиеся технологии способствовали усилению надзора, трудовой дисциплины и социального контроля. Компьютеры несколько расширили пространство свободы, как нам постоянно напоминают, но вместо того чтобы привести к утопии, в которой нет труда... они были использованы таким образом, что привели к ровно противоположному результату» [4, с. 118]. Каков же этот результат? Он заключается прежде всего в том, что новые цифровые технологии «сделали возможной финансиализацию капитала, которая еще сильнее вогнала рабочих в долги и в то же время позволила работодателям создать новые “гибкие” трудовые режимы, уничтожившие традиционные гарантии занятости и вызвавшие значительное увеличение рабочего дня почти для всех сегментов населения» [4, с. 118–119]. Этот результат выглядит вполне закономерным в рамках логики неолиберального поворота: политика неолиберализма сначала способствовала краху профсоюзного движения и разьединению рабочего класса, а затем обеспечила создание (в том числе при помощи новых информационных технологий) системы негарантированной занятости и тем самым всемерно содействовала формированию прекариата.

Высшее образование: специфика бюрократических практик и цифровые технологии. Особенности современных бюрократических практик, порожденных современным капитализмом, отчетливо проявляются

в сфере высшего образования. Современные университеты превращены в «бюрократические корпорации» [8], в которых постоянно увеличивается численность административного персонала, возвышающегося над «профессорско-преподавательским составом». Конечно, этому феномену «возвышения» бюрократии в академическом мире посвящено множество различных исследований. Так, согласно авторам «Академического манифеста», современный университет «оккупирован» бюрократией, «менеджментом» — профессиональными администраторами, которые, «вооружившись электронными таблицами, показателями и аудиторскими процедурами», а также апеллируя к «эффективности» и «совершенству», стремятся тотально контролировать преподавателей и ученых [9, р. 165–166]. С точки зрения администраторов, преподавателям и ученым «нельзя доверять, и поэтому они должны подвергаться проверке и мониторингу под постоянной угрозой реорганизации, прекращения деятельности и увольнения» [9, р. 166].

Произошло радикальное переворачивание изначально декларируемых целей. «Менеджмент» внедрялся в высшие учебные заведения под благим предлогом «эффективности», обещая в том числе освободить преподавателей и ученых от избыточной административной работы и бумажной волокиты. Однако в итоге «профессорско-преподавательский состав» лишился самоуправления и оказался практически полностью подчинен административному персоналу. В связи с тотальной бюрократизацией в академическом сообществе происходит и радикальная формализация отношений. Вместо отношений, основанных на доверии, возникает «культура недоверия», определяемая формально-бюрократическими процедурами, характерными для логики «менеджериализма». «Доверие между сотрудниками на различных уровнях, — пишет Розмари Дим в своей статье о «новом менеджериализме», — сменилось необходимостью предоставлять четкие данные и документацию, а на смену коллегиальности пришли жесткие требования по заполнению различных форм и бюрократические процедуры. Таким образом, профессиональная независимость и автономия постепенно исчезают» [5, с. 55].

Инструменты, с помощью которых профессиональные университетские администраторы осуществляют строгий надзор и контроль, хорошо известны. Эти инструменты представлены различными формами отчетности, индикаторами «качества» и «эффективности», наукометрическими показателями, а также внедрением «эффективных контрактов» и стимулированием постоянной конкуренции между преподавателями.

Понятно, что в деле реализации этого контроля весьма значимой оказывается роль цифровых технологий: открываются весьма широкие возможности для их применения в целях тотального надзора и контроля за деятельностью «профессорско-преподавательского состава». Тем самым новые технологии способствуют возникновению «паноптикума контроля и подотчетности» [9]. В случае выявления формальных нарушений следуют различного рода санкции: прежде всего, речь идет об угрозах увольнения, сокращения, расформирования и реорганизации. Так в академическом сообществе формируется атмосфера недоверия, жесткой конкуренции и отсутствия солидарности.

Казалось бы, новые цифровые технологии должны способствовать уменьшению бумажной волокиты, снятию излишней «загруженности» преподавателей. Однако сегодня вполне очевидно, что цифровые технологии не только не облегчают труд «профессорско-преподавательского состава», но и предельно усложняют его. Это усложнение проявляется, например, в бесконечном заполнении различных электронных форм, необходимости взаимного дублирования электронных и бумажных документов, в бесчисленном согласовании документации с различными структурами и подразделениями университета и т. д.

Но, пожалуй, важнейшим негативным аспектом цифровых технологий в контексте реализации бюрократических практик является то, что можно назвать разделяющей силой: эта сила способствует атомизации общества и снижению солидарности. Так, разделяющая сила цифровых технологий проявляется непосредственно в процессе обучения. Речь, конечно, идет об онлайн-образовании, которое в последнее время породило столь многочисленные дискуссии. Так, Джорджо Агамбен в своем полемическом эссе [1] гово-

рит о том, что в связи с проведением занятий в режиме онлайн, широким распространением цифровых технологий наступает конец коллективности как формы академической жизни. Традиционно университеты были тем социальным феноменом, в котором формировались студенческие сообщества. Кроме того, реальное присутствие всегда являлось важнейшим элементом во взаимоотношениях между студентами и преподавателями, а дискуссии на семинарских занятиях были наиболее «живой» частью обучения. Сегодня же феномен университетских сообществ исчезает, поскольку онлайн-обучение разъединяет и изолирует [1].

Конечно, существует множество различных исследований о том, как новые информационные технологии открывают широкие возможности для образования, коммуникации, работы и досуга. Так, например, согласно Уильяму Боуэну, «цифровизация» высшего образования является весьма позитивным процессом, поскольку цифровые технологии и онлайн-обучение повышают доступность высшего образования и обеспечивают социальную мобильность [2]. Но диалектика такова, что новые цифровые технологии, которые нередко рассматриваются как способ осуществления равенства и свободы, в современном мире все более способствуют увеличению неравенства, усиливают бюрократический контроль, становясь надежной опорой «надзорного капитализма».

Заключение. «Тотальная бюрократизация» современной жизни определяется логикой развития капиталистического общества. Под влиянием неолиберальной политики формируется современный «бюрократический капитализм», характерной чертой которого становится внедрение практик, сформированных в финансовом секторе и корпорациях, в самые различные сферы общества, включая сферу высшего образования. Бюрократизация всех сфер общества оказывается в конечном счете нацеленной на извлечение прибыли и усиление системы надзора и социального контроля. Этому во многом способствуют новые цифровые технологии, которые порождены современным капитализмом.

Эти особенности современных бюрократических практик и их взаимосвязь с рас-

пространением новых информационных технологий вполне ясно прослеживаются на примере системы высшего образования. Внедрение корпоративных методов управления в академическую жизнь направлено, прежде всего, на формирование режима надзора, контроля и отчетности. При этом существенную роль в формировании этого режима играют цифровые технологии. Кроме того, негативный аспект «цифровизации» образования заключается в том, что онлайн-обучение во многом выступает в качестве разделяющей силы, которая способствует социальной атомизации.

Список источников

1. Агамбен Дж. Реквием по студентам // Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022. С. 71–73.
2. Боуэн У.Г. Высшее образование в цифровую эпоху. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 224 с.
3. Вайсман Д. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2019. 304 с.
4. Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ad Marginem Press, 2016. 224 с.
5. Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. №3. С. 44–56.
6. Дин Дж. Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. №3. С. 152–165.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
8. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
9. Halfman W., Radder H. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University // *Minerva*. 2015. Vol. 53. №2. Pp. 165–187.
10. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 171 p.

References

1. Agamben Dzh. Requiem po studentam [Requiem for the students]. Kuda my prishli? Jependemija kak politika [Where have we come? Epidemic as a policy]. Moscow: Nookratija, 2022. Pp. 71–73. (In Russ.).
2. Boujen U.G. Vysshee obrazovanie v cifrovuju jepohu [Higher education in the digital age]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018. 224 p. (In Russ.).
3. Vajsman D. Vremeni v obrez: uskorenije zhizni pri cifrovom kapitalizme [Time is short: accelerating life under digital capitalism]. Moscow: Delo, 2019. 304 p. (In Russ.).
4. Greber D. Utopija pravil: o tehnologijah, gluposti i tajnom obajanii bjurokratii [Utopia of rules: about technology, stupidity and the secret charm of bureaucracy]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 224 p. (In Russ.).
5. Dim R. «Novyj menedzherializm» i vysshee obrazovanie: upravlenie kachestvom i produktivnost'ju raboty v universitetah Velikobritanii [«New Managerialism» and higher education: Quality and Productivity management at UK Universities]. *Voprosy obrazovanija* [Education issues]. 2004; (3): 44–56. (In Russ.).
6. Din Dzh. Kommunikativnyj kapitalizm: ot nesoglasija k razdeleniju [Communicative capitalism: from Disagreement to separation]. *Kommunikacii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design]. 2017; 2(3): 152–165. (In Russ.).
7. Zuboff Sh. Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyh rubezhah vlasti [The era of supervisory capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2022. 784 p. (In Russ.).
8. Ridings B. Universitet v ruinah [The University in ruins]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly jekonomiki, 2010. 304 p. (In Russ.).
9. Halfman W., Radder H. The Academic Manifesto: From an Occupied to a Public University. *Minerva*. 2015; 53(2): 165–187.
10. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 171 p.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 14.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Павел Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Pavel V. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.354:355
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-309-320

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТАМИ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Инна Сергеевна Ракитина

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
rakitina.inna@list.ru, ORCID: 0009-0009-1340-9597, AuthorID РИНЦ: 1220392*

Аннотация. В статье анализируется сложившийся научный дискурс по изучению практики применения количественных показателей эффективности управления университетами. Актуальность темы исследования предопределяется тем, что научное сообщество обладает экспертными возможностями для установления состоятельности принятой методики управления высшей школой, действующей на основе количественных показателей. С момента принятия их в качестве управленческой модели прошло уже около двадцати лет. К настоящему времени накоплен достаточный эмпирический материал, который осмыслен и проанализирован специалистами. Анализ сложившихся подходов и точек зрения имеет значение для оценки оптимальности выбранной управленческой стратегии.

Цель исследования — осуществить типологию и систематизацию сложившихся в социологии научных подходов по вопросу о применении количественных показателей эффективности к практике работы российских университетов.

Методы исследования. Полученные результаты достигнуты с применением компаративного метода, основанного на типологии данных в зависимости от дифференциации предмета исследования.

Результаты исследования. Все сложившиеся подходы к оценке количественных показателей эффективности управления высшей школой были разделены на четыре группы: как самостоятельный предмет исследования, как составная часть идеологии менеджизма, как содержательная совокупность эффективного контракта и как нормативный индикатор составления университетского рейтинга. Данная дифференциация позволяет нам не только реализовать типологизацию, но и более предметно определить содержательные аспекты управления эффективностью университетов на основе количественных показателей. Независимо от предметной направленности большая часть специалистов, прежде всего в тех работах, где представлены результаты эмпирических исследований, относится критически к практике оценивания эффективности управления вузами на основе количественных показателей.

Перспективы исследования связаны с проведением собственного эмпирического исследования на основе авторских индикаторов измерения эффективности.

Ключевые слова: управление, университет, высшее образование, количественные показатели, эффективность, имитация, типология, рейтинг, эффективный контракт

Для цитирования: Ракитина И.С. Количественные показатели эффективности управления университетами в фокусе социологического дискурса // Вестник Южно-

Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 309–320. [http://dx. doi. org/10. 17213/2075-2067-2023-6-309-320](http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-309-320).

Original article

QUANTITATIVE INDICATORS OF UNIVERSITY MANAGEMENT EFFICIENCY IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Inna S. Rakitina

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
rakitina.inna@list.ru, ORCID: 0009-0009-1340-9597, AuthorID RSCI: 1220392*

Abstract. *The article analyzes the existing scientific discourse on the study of the practice of application of quantitative indicators of university management efficiency. The relevance of the research topic is predetermined by the fact that the scientific community has expert capabilities to establish the validity of the adopted methodology of higher school management, operating on the basis of quantitative indicators. About twenty years have passed since their adoption as a management model. By now, sufficient empirical material has been accumulated, which has been comprehended and analyzed by specialists. The analysis of the established approaches and points of view is important for assessing the optimality of the chosen management strategy.*

The aim of the study *is to carry out a typology and systematization of scientific approaches developed in sociology on the issue of applying quantitative performance indicators to the practice of Russian universities.*

Research results. *All established approaches to the assessment of quantitative indicators of higher school management efficiency were divided into four groups: as an independent subject of research, as an integral part of the ideology of managerialism, as a meaningful set of effective contract and as a normative indicator of university rating compilation. This differentiation allows us not only to realize the typologization, but also to define more substantive aspects of university performance management on the basis of quantitative indicators. Regardless of the subject orientation, the majority of specialists, first of all, in those works where the results of empirical research are presented, are critical of the practice of assessing the effectiveness of university management based on quantitative indicators.*

Prospects of the research *are connected with the realization of own empirical research on the basis of author's indicators of efficiency measurement.*

Keywords: *management, university, higher education, quantitative indicators, efficiency, imitation, typology, rating, effective contract*

For citation: *Rakitina I. S. Quantitative indicators of university management efficiency in the focus of sociological discourse // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 309–320. (In Russ.). [http://dx. doi. org/10. 17213/2075-2067-2023-6-309-320](http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-309-320).*

Введение. Количественные показатели как индикаторы эффективности управления университетами были приняты в рамках общего реформирования высшего образования на основе менеджеристской идеологии. Произошло это на рубеже первого и второго десятилетий нового тысячелетия и практически сразу оказалось оформленным в виде системы нормативно-правовых актов, предписанных администрации вузов для регулирования процесса образования, научного творчества и воспитания студентов. Фактически была выстроена новая институциональная реальность, изменены основные принципы взаимодействия с обучающимися, а также базовые подходы и целевые ориентиры научной работы [16].

Академическое сообщество крайне неоднозначно отнеслось к изменениям критериев оценки его профессиональной деятельности. Практически сразу же после введения количественных показателей стали публиковаться научные труды самого разного жанра, в которых спектр высказанных мнений распределился от абсолютного принятия новой модели к категоричному её отрицанию, причем в последнем случае фактором неприятия выступало осознание последствий разрушительного характера применения количественных показателей [14]. В науке сложилось несколько разных подходов к исследованию количественных показателей как индикаторов эффективности управления университетами. Увидеть внутреннюю логику во всём многообразии написанных работ непросто. Однако мы попытаемся внести в сложившийся дискурс некоторую упорядоченность. С учетом имеющегося диапазона мнений цель представленной статьи можно сформулировать следующим образом: как осуществить типологию и систематизацию сложившихся в социологии научных подходов по вопросу о применении количественных показателей эффективности к практике работы российских университетов.

Результаты исследования. Для удобства восприятия текста весь сложившийся дискурс разделим на четыре позиции, используя в качестве основания для типологии следующие аспекты: 1) количественные показатели как самостоятельный предмет исследования;

2) количественные показатели как составную часть идеологии менеджеризма; 3) количественные показатели в свете теории эффективного контракта; 4) количественные показатели как нормативный индикатор составления университетского рейтинга.

Количественные показатели как самостоятельный предмет исследования. Появление этого направления стало естественным результатом принятия и применения университетами в практике своей деятельности соответствующих нормативно-правовых актов, разработанных как органами государственной власти, так и на локальном уровне самими образовательными организациями.

Безусловное принятие научным сообществом новой модели управления можно зафиксировать лишь в контексте понятия «предпринимательский университет», когда на первый план выходит представление об основной цели университета в разрезе оценки экономической эффективности от вложенных в высшее образование финансовых средств [36]. Показателен в этом плане подход А.Ю. Лосевой, следующим образом определяющей тематическую направленность своего исследования: «эффективность высшего образования была проанализирована с учетом экономической отдачи от высшего образования» [26, с. 113].

Определенный пласт исследований размещается в пространстве выявления тенденций, связанных с применением показателей как индикаторов оценки эффективности. Заметное место в этом предметном поле занимают работы, в которых анализируются результаты мониторинга деятельности вузов в связи с переходом на оценочные методики Министерства образования России (Минобрнауки). Надо заметить, что большинство прогнозов оказались предельно близкими к реальной ситуации. Здесь можно указать на предсказываемый рядом учёных [5] резкий всплеск публикационной активности, активизацию подачи заявок на гранты, развитие международных и российских систем цитирования и т.п.

В дискурсе также широко представлены исследования, цель которых — выявить технологии повышения мотивации ППС к исполнению показателей [2]. Специфику подобного рода работ можно показать на при-

мере коллективного исследования, проведенного А.В. Титовским, Г.Б. Кондраковым и Т.И. Макаренковой [34].

В большей части исследований действующая модель подвергается прямой или опосредованной критике. В дискурсе представлен достаточно широкий диапазон мнений, отражающих те или иные причины принципиального неприятия количественного измерения состоятельности вуза или его отдельных работников.

Многие ученые обращают внимание на снижение когнитивных возможностей обучающихся в новых условиях управления университетами [10; 18; 15]. Эта же идея но в углубленной интерпретации развивается Е.В. Романовым [28]. Социальную проблему, порождаемую действующей методикой измерения эффективности управления вузами, учёный видит в том, что принятая КРІ не содействует (и даже подавляет) развитие навыков производства нового знания у выпускников. Е.В. Романов подчеркивает, что вузы создают общественное благо, и именно это следует учитывать первоначально в измерительных шкалах их эффективности. Отсюда предлагается перенести оценочные акценты с наукометрии [29] и объема заработанных финансов на результаты оценки трудоустройства выпускников, то есть измерять не эффективность самих вузов, а трудовую деятельность бывших студентов с точки зрения её экономической полезности для социума [30]. Чем выше эта полезность, тем больше должно быть финансирование конкретной образовательной организации от государства. При такой методике, как считает Е.В. Романов, вузы перестанут заниматься самооценкой и, по замыслу автора, не смогут манипулировать параметрами эффективности [31].

Интересный аспект в процессе критики концепции наукометрических подходов определяет М.Г. Лазар [25]. Социолог видит проблему в принципиально разных подходах к науке со стороны управленцев и ученых. Первые делают акцент на эффективности, на получении результата от внедрения научных разработок, вторые ориентированы на сам процесс творчества.

Количественные показатели как составная часть идеологии менеджериализма. Критическое отношение к идее измерять эффективность управления университетами

через количественные показатели отчетливо и категорично просматривается в группе учёных, работающих в рамках менеджеристской методологической парадигмы.

Каких-либо существенных различий в интерпретации менеджериализма в управленческих практиках сферы высшего образования не выявлено. Как правило, под ним в большинстве изученных работ понимаются два базовых аспекта: экономический (измерение эффективности через количественные показатели, сокращение бюджетных расходов на образование, стимулирование конкуренции внутри ППС, эффективный контракт, позиционирование образовательного процесса в значении продаваемой потребителям услуги) и административный (жесткая регламентация образовательной деятельности с помощью формальных норм, увеличение количества и качества контрольно-надзорных процедур, приоритет внешних органов контроля над внутренними, перестройка организационной структуры вузов согласно принципам коммерческой корпорации).

Оба представленных аспекта рассматриваются как инструменты повышения эффективности высшего образования. Их реализация в практике управления высшим образованием оценивается с позиции способности обеспечить в рамках менеджеристских ценностей повышение качества образования. Ряд специалистов (М.Н. Кожевникова [17], В.Е. Быданов [7]) исходят из того, что менеджериализм как идеология и управленческая практика сформировался в другой культурной среде и может привести только к отрицательным последствиям. Р.Н. Абрамов в своих исследованиях делает акцент на разрушении академической автономии высшей школы [1]. М.В. Курбатова исходит из того, что конечная цель нового государственного менеджмента — создание квазирыночных учреждений, направленных на производство образовательных услуг [21]. Я.Э. Дадаев отмечает, что система количественных показателей в деформированном виде отражает ориентацию на коммерциализацию высшего образования [12]. В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова, А.А. Жук, Е.В. Фурса указывают, что знание в системе высшего образования не может быть услугой, поскольку существует в форме «неявного знания», а его формализация при-

водит к возникновению институциональных ловушек, существенно ухудшающих качество образования [8; 9].

Менеджеризм не отождествляется исключительно с количественными показателями, но практически любое исследование по данной проблематике не обходится без обращения к работе по показателям. Если оценивать сложившийся комплекс мнений как рефлексию на применение менеджеристских идей в роли инструмента по обеспечению эффективного управления институтом высшего российского образования, то всё дискурсивное пространство сформировано исключительно на отрицательных коннотациях. Это означает, что научное и преподавательское сообщество данную идеологию не приняло и оценивает практику её использования крайне негативно.

Количественные показатели в свете теории эффективного контракта. Проблематика количественных показателей дифференцируется по двум предметным позициям: эффективный контракт и университетский рейтинг. Обе позиции представляют собой квинтэссенцию смыслов работы на показатели, образующие в деятельности социальных акторов символический и экономический капиталы. Первая отражает внутривузовскую конкуренцию, вторая — соперничество между университетами.

Эффективный контракт считается неотъемлемым атрибутом нового государственного управления и уже много лет применяется для регулирования трудовых отношений в западных университетах. В российской высшей школе он массово стал внедряться с 2012 г. [37]. С его помощью пытались решить две задачи: повысить мотивацию к труду и сделать более справедливым распределение оплаты по труду.

О фиктивности и несостоятельности концепции «эффективного контракта» пишет Г.Н. Крайнов. Он обращает внимание на несоответствие реализуемых смыслов с декларативными [19]. Эффективный контракт в теории институционализма рассматривается как способ обеспечить эффективную трудовую деятельность, как стимул к самостоятельной активности в достижении определенных показателей развития. Фактически он отождествляется с понятием

«эффективная заработная плата». Ещё более древний прототип — «сдельная» оплата труда. Однако в практике реформирования российского высшего образования эффективный контракт оказался сопряжен с набором других показателей. Одно из них — сокращение преподавателей, не выполняющих условия по достижению минимальных показателей эффективности. Соответственно, вместо экономико-стимулирующей функции «эффективный контракт» стал играть сугубо административную роль, не оказывая существенного влияния ни на качество работы профессорско-преподавательского состава, ни на возможности реального повышения их заработной платы. Таким образом, исходные декларации вступили в противоречие с полученным результатом [20].

Коллективом авторов из Адыгейского государственного университета также раскрываются содержательные проблемы практики применения «эффективного контракта» в российской высшей школе. В частности отмечается, что этот институт мотивации труда на самом деле стал источником манипуляций с показателями, имитацией деятельности ради исполнения показателей эффективности. В качестве причин называется то, что эффективный контракт выступает инструментом вхождения в мировые рейтинги университетов и средством борьбы за контрольные цифры приема абитуриентов. В таких условиях администрация университетов объективно заинтересована в «игре с цифрами» в обход реального повышения качества научной и образовательной работы [3].

В.Н. Протасов рассматривает «эффективный контракт» как инструмент совершения бюрократической революции в стране. Применение этого института ведет к необоснованному росту учебной и научной нагрузки, её перераспределению на узкий круг сотрудников, что преследует цель «оптимизации» одних кадров и установление полного административного контроля над другими. «“Эффективный контракт” в России — это не способ повысить “управляемость” трудового коллектива, а весьма эффективное средство вызвать у него недобрые чувства, окончательно разрушить психологический контакт между работниками и администрацией» [27, с. 9].

По мнению М. В. Курбатовой и И. В. Доновой, сущность эффективного контракта сводится к тому, что преподаватель благодаря своей исследовательской активности или успехам в сфере подготовки студентов становится архитектором собственных доходов. Его зарплата находится в прямой зависимости от академических достижений. Однако в российской системе высшего образования эффективный контракт превратился в инструмент бюрократического управления вузами. Вместо свободы выбора траекторий и интенсивности научной работы «достижения» стали спускать в виде навязанных сверху планов, которые структурные подразделения добровольно-принудительно обязали исполнять. «Таким образом, практика внедрения “эффективного контракта” оторвалась не только от концептуальных установок либерального институционального проекта, но и от нормативных документов, оформивших этот проект. Она пошла путем мобилизации ресурсов вузов для обеспечения установленных сверху показателей. Результаты оказались отличными от тех, которые ожидались в первоначальном проекте, предложенном экспертами» [22, с. 129]. Следствием данного положения дел стало падение доходов преподавателей, снижение их относительно такого индикатора, как средний показатель ВВП на душу населения. Эффективный контракт оказался фикцией, потому что в подобной системе основные фонды заработной платы оседают в руках, близких и лояльных ректорату, встроенному в административно-бюрократическую систему [23]. «Провалы государства в регулировании российской системы высшего образования обусловлены попытками управлять сложными системами и процессами на основе использования простых инструментов (оплаты, ориентированной на результат, установления понятных и легких для контроля КРП и т.п.). Происходит отказ от решения реальных проблем производства и передачи нового знания и имитация регулирования, заключающаяся в установлении бюрократией понятных для нее и достигаемых при простых бюрократических действиях показателей. Снижая издержки управления и контроля, облегчая соответствующие коммуникации, данный подход оборачивается серьезными потерями общественного благосостояния, обусловлен-

ными торможением процессов производства и передачи нового знания, а также накопления человеческого капитала преподавателей высшей школы» [24, с. 61–62].

Количественные показатели как нормативный индикатор составления университетского рейтинга. Университетский рейтинг, будучи ориентированным на межвузовскую конкуренцию за ресурсы, является оборотной стороной перевода оплаты труда ППС на эффективный контракт, цель которого — стимулировать конкурентную борьбу между сотрудниками внутри организации. Он является органичным и даже необходимым институтом при работе по показателям. В российской системе высшего образования рейтинг выступает инструментом финансирования, а на международном уровне рассматривается как фактор привлечения иностранных студентов. В научном дискурсе наибольшим вниманием пользуется именно второй аспект.

Практически все рассмотренные работы, в которых дается позитивная интерпретация идеи участия в международных университетских рейтингах, основываются на одном универсальном аргументе: повышение рейтингов будет способствовать модернизации российской экономики [4]. Речь, разумеется, идет не о линейной зависимости между рейтингом и модернизацией экономики, а о создании условий для развития высшего образования, которые выведут на новый уровень развития сначала университеты, а затем и экономику. Предположим, что такое возможно лишь в том случае, если рейтинги станут не самоцелью, а лишь индикатором позитивных изменений в высшей школе России. При этом трудно не согласиться с Е. А. Судаковой, что сама система рейтингования может быть однозначно признана уместной лишь в том случае, если институт высшего образования рассматривать как составную часть третичного сектора экономики [33]. Если же высшая школа позиционируется как институт воспроизводства общественного блага, то применения инструмента рейтинга в оценках эффективности противоречат целевой природе высшего образования.

Ряд учёных, не опровергая эту исходную установку, которой руководствуется государство, обращают внимание на то, что в самих рейтинговых показателях уже заложено

внутреннее противоречие, объективно ведущее к деформации положительных функций рейтинга. Я.Н. Гладких и Ю.Н. Гладких [11] в качестве позитивного аспекта «борьбы за рейтинг» обращают внимание на необходимость повышения конкурентоспособности российских университетов, индикатором чего служат именно статусные позиции рейтинга. Однако, проанализировав показатели, которые принимаются за основу его составления по разным моделям, авторы пришли к выводу, что большая часть параметров относится к сфере науки, а не образования. Это неизбежно ведёт к перемещению основных ресурсов университетов с образования на науку, что объективно ухудшает качество образовательного процесса. Таким образом, рейтинг, даже в его международном значении, девальвирует важнейшие функции образовательной организации.

Многие ученые, опираясь на уже имеющиеся эмпирические данные, прямо указывают на неэффективность данного инструмента. Российские власти реализуют разные практики повышения рейтинга российских университетов, одна из них — Программа «5–100», которая сейчас стала объектом интенсивной критики со стороны научной общественности. Причины многочисленны: за недостижение целевых результатов [6], за деформацию научной этики [13], за снижение качества научных исследований [32], за рост коррупционных практик [35] и т.п.

Заключение. Итак, сложившиеся подходы к оценке количественных показателей эффективности управления высшей школой были разделены на четыре группы: как самостоятельный предмет исследования, как составная часть идеологии менеджериализма, как содержательная совокупность эффективного контракта и как нормативный индикатор составления университетского рейтинга.

Первая группа учёных ориентирована на установление ресурсов, с которыми связывался возможный рост эффективности управления университетами при переходе на индикаторы в форме количественных показателей. В большинстве работ ресурсное обеспечение показателей имеет описательную природу и ориентировано на выявление отдельных элементов системы показателей и их характе-

ристику вне связи с категорией эффективности. Повышение управляемости связывается не с самими показателями, а с изменением природы университета, превращения его в предпринимательский университет, оказывающий образовательные услуги и интегрированный в сферу рыночных отношений за счёт коммерциализации своей деятельности. Данная позиция по преимуществу поддерживалась в первый период применения количественных показателей в высшей школе, но в последние годы большинством исследователей отклоняется. Вес набирает критический подход, последователи которого отвергают управленческую значимость количественных показателей из-за того, что они способствуют развитию туннельного, клипового мышления, приводят к снижению творческого потенциала ученых и обучающихся, также указывается и рост имитационных практик, разрушение научной этики.

Вторая группа ученых, развивающих менеджеристский подход, оценивает количественные показатели как индикатор степени коммерциализации университетов, переориентации вузов в пространство рынка, взаимодействия со студентами на основе клиентских отношений, конкурентной борьбе вузов за ресурсы как субъектов предпринимательства. Отрицательные коннотации в рамках данного направления доминируют.

Третья группа ученых, изучающих эффективный контракт, интерпретирует его как инструмент конкурентной борьбы между сотрудниками внутри организации. Отмечается, что цели, которые связывались с введением эффективного контракта, оказались недостижимыми.

Четвертая группа ученых, выбравшая предметом исследования изучение международных рейтингов, указывает на отсутствие у российских университетов достаточного объема ресурсов для конкуренции с ведущими вузами мира. Ресурсный дефицит в условиях необходимости решения поставленных государством задач ведет к имитации выполнения показателей.

Список источников

1. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимо-

действие // Социологические исследования. 2011. №7. С. 37–47.

2. Астратова Г.В., Климук В.В. Исследование эффективности труда профессорско-преподавательского состава университетов // Экономика труда. 2022. Т. 9. №3. С. 655–674.

3. Бахова А.П., Гишева С.Ш., Тлехурай-Берзегова Л. Т., Бюллер Е. А. Эффективный контракт в высших учебных заведениях как показатель качества образования // The scientific heritage. 2020. №52. С. 40–42.

4. Бобиенко О.М. Рейтинг университета как управленческий инструмент // Вестник ТИСБИ. 2021. №2. С. 13–23.

5. Богомолова И.С., Боровская М.А., Задорожная Е.К. Совершенствование финансового обеспечения деятельности вузов // Фундаментальные исследования. 2015. №2-3. С. 538–542.

6. Боёгло В.И. Результаты деятельности федеральных университетов как показатель эффективности государственной политики РФ в области высшего образования // Интеграция наук. 2018. №8. С. 123–126.

7. Быданов В.Е. Организация и управление в современном вузе: актуальные проблемы // Ученые записки международного банковского института. 2012. №4. С. 122–130.

8. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // Terra Economicus. 2019. №17. С. 146–162. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162.

9. Вольчик В.В., Жук А.А., Фурса Е.В. Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки // Журнал институциональных исследований. 2021. Т. 13. №1. С. 135–155. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.135-155.

10. Гешева Е.Г. Проблемы развития образования с точки зрения ценностных приоритетов // Вестник МЭИ. 2017. №3. С. 102–108. DOI: 10.24160/1993–6982–2017–3–102–108.

11. Гладких Я.Н., Гладких Ю.Н. Анализ рейтингов вузов как основа для определения целевых показателей развития инновационной деятельности вуза // Аллея науки. 2018. №10. С. 181–189.

12. Дадаев Я.Э. Возможности и риски коммерциализации высшего образования // Журнал прикладных исследований. 2022. №2-2. С. 135–143. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_2_2_135.

13. Дежина И.Г., Сорокин А.И. Проект 5-100 в восприятии сотрудников университета // Мир России. 2022. Т. 31. №1. С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90.

14. Дятлов А.В., Ковалев В.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджристских инструментов // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. №2. С. 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3.

15. Казанцев О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы // Caucasian Science Bridge. 2023. №1. С. 96–103. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.9.

16. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. №7. С. 24–32. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32.

17. Кожевникова М.Н. «Сопrotивляясь менеджериализму» — управление для творческого автономного рефлексивного учителя // Человек и образование. 2018. №2. С. 195–199.

18. Кокодей Т.А., Михайлов М.А. Реструктуризация стратегии управления исследовательским процессом в российском вузе // Caucasian Science Bridge. 2023. №1. С. 52–60. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.5.

19. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в системе высшего образования? // Высшее образование в России. 2017. №5. С. 52–57.

20. Крайнов Г.Н. К вопросу об экономическом эффекте эффективного контракта в образовании // Фундаментальные исследования. 2017. №5. С. 163–166.

21. Курбатова М.В. Новый государственный менеджмент в российской системе высшего профессионального образования // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2014. №2. С. 36–45.

22. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. №2. С. 129.

23. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт преподавателя вуза как институциональный проект // Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы. СПб.: Леонтьевский центр, 2019. С. 276–293.

24. Курбатова М.В., Донова И.В. Провалы государства в реализации проекта эффективного контракта // *Journal of Institutional Studies*. 2022. Т. 14. №4. С. 56–69. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.056–069.
25. Лазар М.Г. Последствия увлечения количественными показателями результативности в науке и в высшем образовании // *Ученые записки российского государственного метеорологического университета*. 2019. №54. С. 134–144. DOI: 10.33933/2074-2762-2019-54-134-144.
26. Лосева А.Ю. Анализ показателей эффективности высшего образования // *Инновационное развитие российской экономики*. Сб. статей. М.: РЭУ, 2016. С. 113.
27. Протасов В.Н. «Эффективный контракт» и «эффективные менеджеры» как зеркало современной российской бюрократии // *Advances in law studies*. 2019. Т. 7. №3. С. 6–10.
28. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности вузов: противоречия и парадоксы. Ч. I // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. №9. С. 9–48. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48.
29. Романов Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» // *Вопросы экономики*. 2023. №2. С. 100–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115.
30. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности вузов: противоречия и парадоксы. Ч. 2 // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. №10. С. 32–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-32-58.
31. Романов Е.В. Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? // *Образование и наука*. 2021. Т. 23. №6. С. 84–125.
32. Руденко Д.Ю. Проект «5-100»: оценка его воздействия на публикационную активность университета // *Университетское управление: практика и анализ*. 2020. Т. 24. №3. С. 27–45. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.024.
33. Судакова Е.А. Международные рейтинговые системы в высшем образовании // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2020. №50. С. 236–250. DOI: 10.17223/19988648/50/17.
34. Титовский А.В., Кондраков Г.Б., Макаренкова Т.И. Стимулирование трудовой активности профессорско-преподавательского состава // *Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова*. 2016. №4(88). С. 24–31.
35. Трубникова Е.И. Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной коррупции // *Мир России*. 2020. Т. 29. №2. С. 72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91.
36. Хадиуллина Г.Н. Концепция предпринимательского университета: предпосылки возникновения и основные положения // *Горизонты экономики*. 2022. №5. С. 5–10.
37. Эффективный контракт для профессионалов социальной сферы: тренды, потенциал, решения. Экспертный доклад / Отв. ред. Я.И. Кузьминов, С.А. Попова, Л.И. Якобсон. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 141 с.

References

1. Abramov R.N. Menedzherializm i akademicheskaja professija. Konflikt i vzaimodejstvie [Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2011; (7): 37–47. (In Russ.).
2. Astratova G.V., Klimuk V.V. Issledovanie jeffektivnosti truda professorsko-prepodavatel'skogo sostava universitetov [Study of the labor efficiency of university teaching staff]. *Jekonomika truda* [Labor Economics]. 2022; 9(3): 655–674. (In Russ.).
3. Bahova A.P., Gisheva S. Sh., Tlehurst Berzegova L. T., Bjuller E.A. Jeffektivnyj kontrakt v vysshih uchebnyh zavedenijah kak pokazatel' kachestva obrazovanija [Effective contract in higher educational institutions as an indicator of the quality of education]. *The scientific heritage*. 2020; (52): 40–42. (In Russ.).
4. Bobienko O.M. Rejting universiteta kak upravlencheskij instrument [University rating as a management tool]. *Vestnik TISBI* [Bulletin of TISBI]. 2021; (2): 13–23. (In Russ.).
5. Bogomolova I.S., Borovskaja M.A., Zadorozhnaja E.K. Sovershenstvovanie finansovogo obespechenija dejatel'nosti vuzov [Improving financial support for the activities of universities]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research]. 2015; (2-3): 538–542. (In Russ.).
6. Bojoglo V.I. Rezul'taty dejatel'nosti federal'nyh universitetov kak pokazatel' jeffek-

tivnosti gosudarstvennoj politiki RF v oblasti vysshego obrazovaniya [The results of the activities of federal universities as an indicator of the effectiveness of the state policy of the Russian Federation in the field of higher education]. *Integracija nauk* [Integration of sciences]. 2018; (8): 123–126. (In Russ.).

7. Bydanov V.E. Organizacija i upravlenie v sovremennom vuze: aktual'nye problemy [Organization and management in a modern university: actual problems]. *Uchenye zapiski mezhdunarodnogo bankovskogo instituta* [Scientific notes of the International Banking Institute]. 2012; (4): 122–130. (In Russ.).

8. Vol'chik V. V., Masljukova E. V. Reformy, nejavnoe znanie i institucional'nye lovushki v sfere obrazovaniya i nauki [Reforms, implicit knowledge and institutional traps in education and science]. *Terra Economicus*. 2019; (17): 146–162. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162. (In Russ.).

9. Vol'chik V. V., Zhuk A. A., Fursa E. V. Mechanizmy preodoleniya institucional'nyh lovushek v sfere obrazovaniya i nauki [Mechanisms of overcoming institutional traps in education and science]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Research]. 2021; 13(1): 135–155. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.135-155. (In Russ.).

10. Gesheva E. G. Problemy razvitiya obrazovaniya s točki zreniya cennostnyh prioritetov [Problems of education development from the point of view of value priorities]. *Vestnik MJeI* [Bulletin of the MEI]. 2017; (3): 102–108. DOI: 10.24160/1993-6982-2017-3-102-108. (In Russ.).

11. Gladkih Ja. N., Gladkih Ju. N. Analiz rejtingov vuzov kak osnova dlja opredeleniya celevyh pokazatelej razvitiya innovacionnoj dejatel'nosti vuza [Analysis of university ratings as a basis for determining targets for the development of innovative activity of the university]. *Alleja nauki* [Alley of Science]. 2018; (10): 181–189. (In Russ.).

12. Dadaev Ja. Je. Vozmozhnosti i riski komercializacii vysshego obrazovaniya [Opportunities and risks of commercialization of higher education]. *Zhurnal prikladnyh issledovanij* [Journal of Applied Research]. 2022; (2-2): 135–143. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_2_2_135. (In Russ.).

13. Dezhina I. G., Sorokin A. I. Proekt 5–100 v vosprijatii sotrudnikov universiteta [Project 5-100 in the perception of university staff]. *Mir*

Rossii [The world of Russia]. 2022; 31 (1): 74–90. DOI: 10.17323/1811-038H-2022-31-1-74-90. (In Russ.).

14. Djatlov A. V., Kovalev V. V. Jefferktivnost' upravleniya vysshim obrazovaniem Rossii v praktikah primeneniya menedzheristskih instrumentov [Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2023; 14(2): 70–91. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.3. (In Russ.).

15. Kazancev O. A. «Menedzherizacija» obshhego obrazovaniya: k postanovke problemy [«Managerization» of general education: towards the formulation of the problem]. *Caucasian Science Bridge*. 2023; (1): 96–103. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.9. (In Russ.).

16. Kovalev V. V., Djatlov A. V. Ideologija menedzherizma v rossijskikh social'nyh institutah: obrazovanie, nauka, zdavoohranenie [Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, healthcare]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2023; (7): 24–32. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. (In Russ.).

17. Kozhevnikova M. N. «Soprotivljajas' menedzherizmu» — upravlenie dlja tvorcheskogo avtonomnogo refleksivnogo uchitelja [«Resisting managerism» — management for a creative autonomous reflexive teacher]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education]. 2018; (2): 195–199. (In Russ.).

18. Kokodej T. A., Mihajlov M. A. Restrukturizacija strategii upravleniya issledovatel'skim processom v rossijskom vuze [Restructuring of the research process management strategy in the Russian university]. *Caucasian Science Bridge*. 2023; (1): 52–60. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.1.5. (In Russ.).

19. Krajnov G. N. Budet li jeffekt ot jeffektivnogo kontrakta v sisteme vysshego obrazovaniya? [Will there be an effect of an effective contract in the higher education system?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2017; (5): 52–57. (In Russ.).

20. Krajnov G. N. K voprosu ob jekonomicheskom jeffekte jeffektivnogo kontrakta v obrazovanii [On the question of the economic effect of an effective contract in education]. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental Research]. 2017; (5): 163–166. (In Russ.).

21. Kurbatova M. V. Novyj gosudarstvennyj menedzhment v rossijskoj sisteme vysshego

professional'nogo obrazovanija [New state management in the Russian system of higher professional education]. Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tehničeskogo universiteta. Serija: jekonomičeskaja [Scientific works of Donetsk National Technical University. Series: economic]. 2014; (2): 36–45. (In Russ.).

22. Kurbatova M. V., Donova I. V. Jefferktivnyj kontrakt v vysshem obrazovanii: rezul'taty realizacii proekta [Effective contract in higher education: results of project implementation]. *Journal of Institutional Studies*. 2019; 11(2): 129. (In Russ.).

23. Kurbatova M. V., Donova I. V. Jefferktivnyj kontrakt prepodavatelja vuza kak institucional'nyj proekt [Effective contract of a university teacher as an institutional project]. Institucional'naja jekonomičeskaja teorija: istorija, problemy i perspektivy [Institutional economic theory: history, problems and prospects]. Saint Petersburg: Leont'evskij centr, 2019. Pp. 276–293. (In Russ.).

24. Kurbatova M. V., Donova I. V. Provaly gosudarstva v realizacii proekta jefferktivnogo kontrakta [Failures of the state in the implementation of the effective contract project]. *Journal of Institutional Studies*. 2022; 14(4): 56–69. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.4.056-069. (In Russ.).

25. Lazar M. G. Posledstvija uvlečenija kolichestvennymi pokazateljami rezul'tativnosti v nauke i v vysshem obrazovanii [Consequences of fascination with quantitative performance indicators in science and higher education]. *Uchenye zapiski rossijskogo gosudarstvennogo meteorologičeskogo universiteta* [Scientific notes of the Russian State Meteorological University]. 2019; (54): 134–144. DOI: 10.33933/2074-2762-2019-54-134-144. (In Russ.).

26. Loseva A. Ju. Analiz pokazatelej jefferktivnosti vysshego obrazovanija [Analysis of performance indicators of higher education]. Innovacionnoe razvitie rossijskoj jekonomiki. Sb. statej [Innovative development of the Russian economy. Collection of articles]. Moscow: RJeU, 2016. P. 113. (In Russ.).

27. Protasov V. N. «Jefferktivnyj kontrakt» i «jefferktivnye menedzhery» kak zerkalo sovremennoj rossijskoj bjurokratii [«Effective contract» and «effective managers» as a mirror of modern Russian bureaucracy]. *Advances in law studies*. 2019; 7(3): 6–10. (In Russ.).

28. Romanov E. V. Ocenka jefferktivnosti dejatel'nosti vuzov: protivorechija i paradoksy. Ch. I [Evaluation of the effectiveness of universities: contradictions and paradoxes. Part I]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2019; 21(9): 9–48. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48. (In Russ.).

29. Romanov E. V. Publikacionnaja aktivnost' rossijskikh universitetov: ot «akademicheskogo kapitalizma» k «akademicheskomu socializmu» [Publication activity of Russian universities: from «academic capitalism» to «academic socialism»]. *Voprosy jekonomiki* [Questions of Economics]. 2023; (2): 100–115. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115. (In Russ.).

30. Romanov E. V. Ocenka jefferktivnosti dejatel'nosti vuzov: protivorechija i paradoksy. Ch. 2 [Evaluation of the effectiveness of universities: contradictions and paradoxes. Part 2]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2019; 21(10): 32–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-32-58. (In Russ.).

31. Romanov E. V. Ocenka jefferktivnosti dejatel'nosti rossijskikh vuzov: nuzhno li menjat' paradigmaty? [Evaluation of the effectiveness of Russian universities: is it necessary to change the paradigm?]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2021; 23(6): 84–125. (In Russ.).

32. Rudenko D. Ju. Proekt «5-100»: ocenka ego vozdejstvija na publikacionnuju aktivnost' universiteta [Project «5-100»: assessment of its impact on the university's publication activity]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: Practice and analysis]. 2020; 24(3): 27–45. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.024. (In Russ.).

33. Sudakova E. A. Mezhdunarodnye rejtingovyje sistemy v vysshem obrazovanii [International rating systems in higher education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. 2020; (50): 236–250. DOI: 10.17223/19988648/50/17. (In Russ.).

34. Titovskij A. V., Kondrakov G. B., Makarenkova T. I. Stimulirovanie trudovoj aktivnosti professorsko-prepodavatel'skogo sostava [Stimulating the labor activity of the teaching staff]. *Vestnik RJeU im. G. V. Plehanova* [Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics]. 2016; 4(88): 24–31. (In Russ.).

35. Trubnikova E. I. Proekt 5-100: vzgljad cherez prizmu teorii institucional'noj korrupcii

[Project 5-100: a look through the prism of the theory of institutional corruption]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2020; 29(2): 72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91. (In Russ.).

36. Hadiullina G.N. Konceptija predprinimatel'skogo universiteta: predposylki vozniknovenija i osnovnye polozenija [The concept of an entrepreneurial university: prerequisites for the emergence and main provisions]. *Gorizonty*

jekonomiki [Horizons of Economics]. 2022; (5): 5–10. (In Russ.).

37. Jefferektivnyj kontrakt dlja professionalov social'noj sfery: trendy, potencial, reshenija. Jekspertnyj doklad [Effective contract for social professionals: trends, potential, solutions. Expert report]. Otv. red. Ja. I. Kuz'minov, S.A. Popova, L. I. Jakobson [In Ya. I. Kuzminov, S.A. Popova, L. I. Jakobson (eds.)]. Moscow: Izd. dom VShJe, 2017. 141 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 19.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted on 26.10.2023; approved after reviewing on 19.11.2023; accepted for publication on 12.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ракитина Инна Сергеевна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Inna S. Rakitina — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-6-321-329

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Сергей Сергеевич Черных

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s.s.chernykh@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID РИНЦ: 745140,
AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе академического лидерства в качестве важного и дискуссионного концепта высшего образования. Данное понятие рассматривается сквозь призму интеллектуального развития молодежи, социализация которой происходит в условиях экспансии цифровых технологий. Выявлена проблема оценки качества образования в контексте противоречий между преподавательским корпусом и академической бюрократией.

Методология исследования. Статья базируется на современных подходах оценки качества образования, происходящего в условиях цифровизации. В методологическом плане наиболее важными стали проблемы, получившие освещение в творчестве отечественных философов и социологов, таких как Г. С. Батищев, Ф. И. Гиренок, Ю. А. Зубок, Г. Л. Тульчинский, и др. исследователей.

Результаты исследования. В статье показано, что современное образование в значительной степени коммерциализируется, все больше напоминая корпорацию, в которой тон задают не профессора, имеющие реальный опыт преподавания дисциплин, а представители класса академических менеджеров. Оценка качества образования в большей степени ориентируется на количественные показатели, различного рода рейтинги, тогда как в молодежной среде утверждается «клиповое сознание» и вполне определенный тип креативности, не соответствующий классическим стандартам творчества.

Перспективы исследования. Прделанная работа открывает дальнейшие перспективы изучения широкого спектра проблем образования и интеллектуального развития молодежи на основе уже достигнутого опыта обучения и творчества.

Ключевые слова: академическое лидерство, качество образования, российское высшее образование, регионализация образования, креативность личности, интеллектуальное развитие молодежи

Для цитирования: Черных С. С. Академическое лидерство в контексте интеллектуального развития молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 321–329. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-321-329>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве

развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

ACADEMIC LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF YOUTH

Sergey S. Chernykh

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
s.s.chernykh@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID RSCI: 745140,
AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020

Abstract. *The main purpose of the article is to analyze academic leadership as an important and controversial concept in higher education. This concept is viewed through the prism of the intellectual development of young people, whose socialization occurs in the context of the expansion of digital technologies. The problem of assessing the quality of education in the context of contradictions between the teaching corps and the academic bureaucracy has been identified.*

Research methodology. *The article is based on modern approaches to assessing the quality of education occurring in the context of digitalization. In methodological terms, the most important were the problems that were illuminated in the works of domestic philosophers and sociologists, such as G. S. Batishchev, F. I. Girenok, Yu. A. Zubok, G. L. Tulchinskii and other researchers.*

Research results. *The article shows that modern education is being commercialized to a large extent, increasingly resembling a corporation in which the tone is set not by professors with real experience in teaching disciplines, but by representatives of the class of academic managers. Assessment of the quality of education is more focused on quantitative indicators and various kinds of ratings, while among young people a «clip consciousness» and a very specific type of creativity are established that does not correspond to classical standards of creativity.*

Research prospects. *The work done opens up further prospects for studying a wide range of problems in the education and intellectual development of young people based on the already achieved experience in learning and creativity.*

Keywords: *academic leadership, quality of education, Russian higher education, regionalization of education, personal creativity, intellectual development of youth*

For citation: Chernykh S. S. Academic leadership in the context of intellectual development of youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(6): 321–329. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-6-321-329>.

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. В последнее время все большую популярность в контексте дальнейших рассуждений о развитии высшего образования в России набирает феномен так называемого академического лидерства, который во многом рассматривается как совокупность форм адаптации высшей школы к новым вызовам со стороны современного социума. Не последнюю роль в обсуждении необходимости внедрения академического лидерства занимает влияние инновационных технологий на трансформацию образовательной системы в целом, которая, как предполагается, должна стать более «пластичной» к потребностям основных получателей образовательных услуг и соответственно в большей степени конкурентоспособной, что должно обеспечиваться ростом ориентации на практику и перманентным сотрудничеством с бизнес-структурами.

При этом, как отмечают современные исследователи, академическое лидерство может быть достигнуто только при учете постоянного повышения качества самого университетского преподавания [6; 11–13]. Итак, под *академическим лидерством* (англ. «academic leadership») главным образом понимается совокупность ряда качеств, свойств и способностей, позволяющая отдельным университетам играть ведущую роль в процессе дальнейшей модернизации отечественной системы образования, не в последнюю очередь оказывая позитивное влияние на развитие собственного региона [2; 3]. Актуальной политикой государства можно считать инвестиции в региональные вузы, на основе которых формируются научно-технические кластеры развития, во многом препятствующие оттоку представителей творческого труда, наиболее квалифицированных специалистов в сфере науки и образования.

Важной задачей для российских университетов является формирование креативных навыков студенческой молодежи, которая в ближайшем будущем сможет принять активное участие в дальнейшем развитии российского общества. В данной связи академическое лидерство позволяет обеспечить высокий уровень интеллектуального развития молодежи уже на этапе обучения в рамках современной образовательной системы. Важно изучать перспективы внедрения академи-

ческого лидерства во многих регионах страны в контексте необходимости сохранения статуса современной России в качестве передовой страны в области глобальной науки, образования и культуры. Тем не менее стоит принимать в расчет для отечественной науки риски, которые связаны с проблемой «утечки мозгов», то есть оттока за рубеж молодых специалистов.

Академическое лидерство: основные критерии качества образования. В настоящее время академическое лидерство в контексте интеллектуального развития молодежи рассматривается сквозь призму более высоких результатов, реализуемых в процессе обучения на основе имеющихся образовательных программ. Тем не менее сохраняются риски крайне абстрактного подхода к измерению качества образования, когда в большей степени учитываются не реальные результаты и знания студентов, а скорее, формальные показатели. Предполагается, что в рассматриваемой перспективе студенты должны не только приобрести реальную профессию, но и усвоить целый набор наиболее значимых для социума культурных компетенций, интериоризация которых, как правило, происходит в период обучения в университете, поэтому важным итогом всего образовательного процесса является формирование в среде студентов позитивной идентичности, непосредственно связанной с профессиональной ориентацией в рамках собственной профессии.

В контексте инструментализации понятия «академическое лидерство» в первую очередь со стороны самих преподавателей можно все чаще обнаружить умение налаживать отношения с другими людьми и представителями организаций, способность быстро реагировать и решать проблемы, возникающие внезапно в сложных ситуациях, и главное — быть готовым к постоянным изменениям, реформированию самого учебного процесса. Таким образом, достижение академического лидерства предполагает привлечение значительных ресурсов извне университетского пространства, что зачастую вступает в противоречие с установками в отношении образования, характерными для значительной части преподавателей, которые ориенти-

руются на традиционные образцы обучения [7]. В целом инновации в образовании, особенно связанные с внедрением цифровых технологий и электронных способов оценки знаний студентов, достаточно негативно воспринимаются в преподавательской среде. Более того, опасения преподавателей в своей самой радикальной форме можно редуцировать к страху перед тем, что в будущем живые учителя будут заменены искусственным интеллектом.

Основные тенденции, обнаруживаемые в наиболее перспективных образовательных проектах последних лет, направлены на расширение связей выпускников вузов с работодателями, причем на основе выстраивания полноценного сотрудничества уже на стадии обучения в университете. Таким образом, речь в данной связи идет о полноценном проведении студенческих практик, которые не должны носить только лишь формальный характер и фактически могут приобретать статус перманентного процесса, то есть проводиться в период времени, не ограниченный заранее зарезервированными сезонными мероприятиями, (например, несколько недель зимой и примерно столько же летом). При этом необходимо бережно сохранять традиции классического академизма, которые на протяжении многих лет способствовали формированию всесторонне развитой личности на основе фундаментальных знаний.

Немаловажным показателем академического лидерства является формирование в среде студентов позитивной идентичности, связанной с принятием ценностей, соответствующих этосу современной науки. Кроме этого, важно сформировать корпорации выпускников ведущих вузов, которые будут поддерживать друг друга в рамках профессиональной и социальной деятельности. Университеты в свою очередь будут опираться на своих состоявшихся выпускников и после их учебы, формируя вместе с ними неформальные институты. В данной связи можно говорить, что университеты уже в настоящее время принимают активное участие в создании и дальнейшем развитии многоуровневых социальных сетей, поэтому ясно, что установлению прочных связей и человеческих отношений между преподавателями и студентами будут способствовать классические формы проведения

занятий, консультаций и других мероприятий культурного характера.

Модернизация российской системы образования оказывается в сильной зависимости от изменений, происходящих в сфере цифровизации культуры и социума. Ориентация на карьерный рост для молодого специалиста подкрепляется высоким профессионально-квалификационным потенциалом [8]. В сложившихся условиях важно сохранить традиции отечественной высшей школы, одновременно внедряя самые передовые формы обучения и образовательной активности. Несмотря на приобретение специальных знаний и навыков, необходимых для наиболее эффективной деятельности в рамках выбранной профессиональной области, не менее важным остается формирование в среде молодых специалистов достаточно широкого кругозора и наличие компетенций из поля гуманитарных дисциплин.

Качество предоставляемых образовательных услуг находится в сильной зависимости от дистанционных практик обучения и электронной системы непосредственной оценки знаний, что во многом вызывает неприятие со стороны корпуса преподавателей, выступающих за сохранение классических зачетов и экзаменов. Очевидно, что студент должен не только обладать минимальными знаниями, но и уметь изложить последние в доходчивой форме, поэтому тестовые задания полноценному образованию не способствуют, а могут применяться для самоконтроля знаний. На этом фоне зачастую происходит вытеснение самих преподавателей на периферию учебного процесса, а главное — их статус в глазах самих студентов существенно снижается, что также влияет на качество их подготовки к зачетам и экзаменам [9]. Вместе с тем профессорско-преподавательский состав вынужден тратить значительную часть своего времени не на подготовку высококачественных лекций и семинаров, а на составление различного рода формальных отчетов качества занятий, учитывающих директивы, спускаемые университетской бюрократией.

Академическое лидерство: региональные аспекты и перспективы развития. Процесс глобализации образовательного пространства требует создания конкурен-

тоспособных вузов в отдельных регионах, которые будут способны взять на себя функции по гармонизации окружающего социума и выступить в роли драйверов местной экономики. Таким образом, достижение академического лидерства тесно связано с выполнением «третьей миссии» современного университета, которая заключается в том, что вузы формируют различные неформальные институты, паттерны поведения и ценности, выступая своего рода ведущими интеграторами культуры [4]. При этом запрос на высшее образование будет сохраняться в российском обществе, несмотря на массовое распространение информации и доминирование экранной культуры. К тому же в обществе наблюдается запрос на расширение эколого-антропологической и социально-терапевтической составляющей образовательных практик, способствующих в молодежной среде профилактики девиантного поведения.

В данной связи стоит также отметить, что ключевую роль в рамках стратегии академического лидерства на региональном уровне могут сыграть научно-образовательные кластеры, способные аккумулировать значительные человеческие ресурсы [3]. Возникновение подобных кластеров может быть в свою очередь простимулировано ростом в регионах отраслей наукоемкой промышленности. Наличие ведущих университетов существенно повышает привлекательность регионов, как для местных жителей, так и для потенциальных переселенцев. В целом процесс регионализации отечественного образования совпадает с мировыми тенденциями, демонстрирующими, что ведущие университеты могут вполне располагаться на достаточном удалении от крупных промышленных центров, столичных городов и космополитичных мегаполисов. Вместе с тем повсеместное распространение технологий, облегчающих доступ к разнообразной научной информации, открыло для образовательных центров, расположенных в регионах, дополнительные возможности.

Не секрет, что все большее число молодых специалистов стремится перебраться в крупные города страны, где для дальнейшей карьеры обнаруживаются большие перспективы и в целом выше заработная плата, особенно в столице, поэтому очевидно, что сущест-

ствование научно-образовательных кластеров может позитивно влиять на внутреннюю миграцию молодежи, способствуя тому, чтобы в наибольшей степени подающие надежды специалисты оставались строить дальнейшую карьеру в своем собственном регионе. При этом в последние годы был зафиксирован существенный отток молодых специалистов не только из отдельных российских регионов, но и из страны в целом.

Достижение академического лидерства и инновационное развитие сталкивается с нехваткой инвестиций в человеческий капитал, которую вряд ли способны компенсировать частные бизнес-структуры. Тем более, в сложившейся международной ситуации не может даже идти речь об иностранном финансировании каких-либо научных, «гуманитарных» проектов. Однако, по-прежнему достаточно серьезной остается проблема недостаточного бюджетного финансирования преподавателей, работающих в региональных университетах. Вернее даже сказать, что стремление становиться в ряды академических лидеров должно подкрепляться соответствующим стимулированием в плане заработной платы и улучшением условий труда.

Таким образом, основные проекты университетов в рамках реализации программ академического лидерства могут быть направлены на оздоровление местного социума путем развития сетевых структур, при помощи которых молодые люди начнут раскрывать свой социальный и интеллектуальный потенциал, поэтому важным условием достижения академического лидерства станет стремление к решению инновационных задач в сфере развития собственного региона. В данной связи вполне очевидно, что уже сейчас можно обнаружить в отдельных регионах нашей страны вузы, которые не просто являются культурными символами местности, где они расположены, но и фактически берут на себя основные функции по созданию человеческого капитала.

Роль академического лидерства в актуализации инновационного потенциала молодежи. Важным жизненным этапом социализации молодежи является образование в высших учебных заведениях, которое требует от выпускников значительного напря-

жения интеллектуальных сил. Более того, для многих, в особенности не работающих, молодых людей учеба в вузах является экзистенциальной отдушиной и пространством обретения жизненных смыслов.

Стоит отметить, что в условиях становления информационно-цифровой реальности возникает особый тип культуры, кардинально трансформирующий образ жизни представителей нового поколения. В данной связи исследователи процессов социализации молодежи, рассматривающие данную группу в качестве одного из ведущих субъектов инновационного развития, отмечают появление цифрового поколения (англ. «digitalgeneration»), которое возникло как результат изменения самих форм организации повседневности, происходящего на основе слияния реальной и виртуальной среды обитания современного человека [8], поэтому проводникам в жизнь проектов, направленных на достижение академического лидерства, необходимо учитывать культурную ситуацию в среде современной молодежи.

Таким образом, формирование социальной идентичности учащейся молодежи протекает в условиях экспансии экранной культуры, внедрения цифровых технологий и виртуализации социального пространства, что может оказать негативное влияние на личность студента. Так, например, постоянное использование гаджетов не только приводит молодых людей к большей утомляемости, но и оказывает определенное воздействие на творческое воображение, которое в меньшей степени развивается. Постоянное нахождение в сети и развитое чувство обладания подручной информацией приводит к ухудшению памяти, способности заучивать значительные по объему тексты. При этом написание собственноручного конспекта в настоящее время является фактически «элитарной» формой обучения, которая в рамках целого ряда дисциплин и вовсе не требуется, а процесс контроля освоения полученных знаний почти повсеместно заменяется многочисленными тестированиями.

Молодые люди, обитающие в виртуальном пространстве социальных сетей, могут, однако, быть на довольно длительный и необходимый период для развития личности извлечены из него в процесс вузовского об-

разования, которое позволяет на время отделиться от изменчивого потока данных. В данной связи исследователи отмечают, что все чаще эстетические практики отражения реальности утрачивают предметность. «От пользователя (зрителя, слушателя, читателя) требуются, — согласно мнению Г.Л. Тульчинского, — не какие-то рассуждения, аргументация, наррация, оценки, а реакции на ситуацию. При этом эмоциональное отношение, его переживание редуцируется к непосредственной, желательной быстрой (автоматической) реакции. Новая животность как раз и заключается в том, что быстротечная череда таких реакций не оставляет места для памяти — эвфемизма сознания» [10, с. 36–37]. Вместе с тем не утихает полемика вокруг концепта «креативность», который все чаще понимается как способность создавать различного рода нарезки, эклектичные клипы, состоящие из картинок, отсылающих к уже существующим целостным произведениям [5]. В данной связи стоит отметить, что таким образом понятая креативность — это создание вторичных произведений, имитирующих стиль одного или сразу нескольких авторов, или собственно то, что в искусстве определяется как «пастиш» (фр. буквально означает «паштет, смесь»).

Следовательно, описанный выше тип креативности вряд ли может считаться аутентичным творчеством и далеко не в полной мере способствует раскрытию интеллектуального потенциала молодых людей, желающих быть (а не казаться) «творческими» личностями. Тем более, и само слово «инновация» все чаще произносится на официальных мероприятиях и заседаниях (функционеров от образования) как своего рода «мантра», призванная подчеркивать необходимость и важность постоянных нововведений. Напротив, подлинная креативность, как еще отмечал отечественный философ Г.С. Батищев, «мотивирована вовсе не самооригинальностью, не стремлением к новизне ради новизны, а верностью первооригинальности, т.е. историческим и универсальным первоисточкам, а тем самым и тому абсолютному ценностному итоговому смыслу всякого осуществлённого и неосуществлённого сущего. Поэтому всякое бытие таит в себе то, что достойно бережного и благодарного продле-

ния, требующего восстановительных усилий, исправляющих прошлое как искажавшее или обесмысливавшее его, одновременно взывая к нашему стремлению внести в него радикальные нововведения» [1, с. 682–683]. Таким образом, освоение классических образцов культуры требует кропотливого труда по интериоризации содержащихся в них паттернов и смыслов, что может быть в полной мере реализовано на основе традиционных стандартов университетского обучения.

Академическое лидерство не может быть в равной мере достигнуто всеми образовательными институтами, что в свою очередь усиливает конкурентную среду университетов. Актуализация инновационного потенциала молодежи в значительной степени зависит от успешного обучения в высших учебных заведениях страны. Однако, интеллектуальное развитие молодежи, протекающее в университетских рамках, не должно подменяться практиками симуляции реальных результатов образовательной деятельности, которые в условиях цифровизации все больше вытесняются нерелевантными показателями (оценки качества знаний).

Заключение. Таким образом, мы пришли к выводу, что академическое лидерство может быть успешно осуществлено в контексте интеллектуального развития молодежи не в результате внедрения в образовательный процесс цифровых форм оценки качества знаний, но при условии сохранения стандартов получения фундаментальных знаний, которыми должен овладеть выпускник, и наличии высокого статуса преподавателя, характерного для классического университета. Явный перекося в сторону количественных методов оценки качества образования, позволяющий обеспечить необходимые показатели, в первую очередь для административных отчетов, существенно затрудняет оценку реальных знаний студентов, которая может быть проверена при помощи традиционных экзаменов. В статье подчеркивается, что существенный вклад в процесс развития академического лидерства в регионах может внести формирование и поддержка крупных научно-образовательных кластеров. В контексте освоения молодежью социальной реальности все большее значение в их жизни

приобретает экранная (визуальная) культура, которая в свою очередь активно встраивается в образовательные практики посредством их усиливающейся цифровизации. Так, например, объем различного рода визуальных презентаций в сравнении с аудиоцентричными формами освоения материала заметно увеличивается, что таит в себе риски для молодежи в плане избыточного формирования так называемого клипового сознания. Таким образом, в значительной степени происходит стирание границ между классическим творчеством, требующим фундаментальной интериоризации, и проработки самого разного материала и креативности, понимаемой в контексте приобретения навыков по конструированию и склеиванию композиций из различных объектов культуры, подвергающихся фрагментации. Тем не менее цифровизация образовательных практик способствует сглаживанию разрыва между столичными и региональными университетами в плане доступа к самой разнообразной научной информации, контролю знаний и внедрению передовых методик обучения.

Список источников

1. Батищев Г.С. Избранные произведения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 880 с.
2. Воденко К.В. Формирование академического лидерства в контексте трендов развития современного российского высшего образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2022. №9. С. 20–25.
3. Воденко К.В., Черных С.С. Научно-образовательные кластеры в системе инновационного развития региона в условиях индустрии 4.0 // *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 10. №1. С. 30–43.
4. Воденко К.В., Черных С.С., Сусименко Е.В. Миссия университета в условиях поликультурного региона // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2021. №12. С. 7–13.
5. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016. 256 с.
6. Другова Е.А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров: обзор опыта высокорейтинговых университетов на мате-

риале зарубежных публикаций // Вопросы образования. 2019. №4. С. 8–29.

7. Зиневич О.В., Балмасова Т.А. На пути модернизации: миссия университета в региональном развитии // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №3. С. 2000–2010.

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодёжи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // В сборнике: Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. Ред. Т.К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. С. 9–18.

9. Павлов П.В. Академическое лидерство: университет в социально-экономических реалиях современного капитализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. №5. С. 284–290.

10. Тульчинский Г.Л. Эстетика [не] исчезающих переживаний: глубокая семиотика современных экранных аттракционов // Наука телевидения. 2020. Т. 16. №2. С. 23–41.

11. Dinh N.B. K., Caliskan A., Zhu C. Academic leadership: Perceptions of academic leaders and staff in diverse contexts // Educational Management Administration & Leadership. 2021. Vol. 49(6). Pp. 996–1016.

12. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision // Educational management Administration & Leadership. 2017. Vol. 45. №1. Pp. 123–14.

13. Hungund S., Annigeri A.R., Pandey I., Hiremath G. Academic leadership and research performance: a study among engineering academicians in emerging nations // International Journal of Educational Management. 2022. Vol. 36(1). Pp. 81–94.

References

1. Batishhev G.S. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2015. 880 p. (In Russ.).

2. Vodenko K.V. Formirovanie akademicheskogo liderstva v kontekste trendov razvitiya

sovremennogo rossijskogo vysshego obrazovaniya [Formation of academic leadership in the context of trends in the development of modern Russian higher education]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the higher school)]. 2022; (9): 20–25. (In Russ.).

3. Vodenko K.V., Chernyh S.S. Nauchno-obrazovatel'nye klasteri v sisteme innovacionnogo razvitiya regiona v usloviyah industrii 4.0 [Scientific and educational clusters in the system of innovative development of the region in the context of industry 4.0]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2021; 10(1): 30–43. (In Russ.).

4. Vodenko K.V., Chernyh S.S., Susimenko E.V. Missiya universiteta v usloviyah polikul'turnogo regiona [The mission of the University in a multicultural region]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the higher school)]. 2021; (12): 7–13. (In Russ.).

5. Girenok F.I. Klipovoe soznanie [Clip consciousness]. Moscow: Prospekt, 2016. 256 p. (In Russ.).

6. Drugova E.A. Kljuchevyje harakteristiki programm prepodavatel'skogo sovershenstva dlja akademicheskikh liderov: obzor opyta vysokorejtingovykh universitetov na materiale zarubezhnykh publikacij [Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders: an overview of the experience of highly ranked universities based on the material of foreign publications]. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues]. 2019; (4): 8–29. (In Russ.).

7. Zinevich O.V., Balmasova T.A. Na puti modernizacii: missija universiteta v regional'nom razvitii [On the path of modernization: the mission of the university in regional development]. *Professional'noe obrazovanie v sovremenom mire* [Vocational education in the modern world]. 2018; 8(3): 2000–2010. (In Russ.).

8. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznedejatel'nost' molodjozhi v kul'turnom prostranstve izmenjajushhejsja real'nosti: teoreticheskie podhody k issledovaniju [Vital activity of youth in the cultural space of changing reality: theoretical approaches to research]. V sbornike: Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod obshh. Red. T.K. Rostovskoj [In the collection: The cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the All-Russian scientific and practical

conference. In T.K. Rostovskaya (eds.). Moscow: Perspektiva, 2019. Pp. 9–18. (In Russ.).

9. Pavlov P. V. Akademicheskoe liderstvo: universitet v social'no-jekonomicheskikh realijah sovremennogo kapitalizma [Academic leadership: the University in the socio-economic realities of modern capitalism]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences]. 2023; 16(5): 284–290. (In Russ.).

10. Tul'chinskij G. L. Jestetika [ne] ischezajushhih perezhivaniy: glubokaja semiotika sovremennyh jekrannyh attrakcionov [Aesthetics of [non-] disappearing experiences: deep semiotics of modern screen attractions]. *Nauka telediden-*

ija [Science of television]. 2020; 16(2): 23–41. (In Russ.).

11. Dinh N. B. K., Caliskan A., Zhu C. Academic leadership: Perceptions of academic leaders and staff in diverse contexts. *Educational Management Administration & Leadership*. 2021; 49(6): 996–1016.

12. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision. *Educational management Administration & Leadership*. 2017; 45(1): 123–14.

13. Hungund S., Annigeri A. R., Pandey I., Hiremath G. Academic leadership and research performance: a study among engineering academicians in emerging nations. *International Journal of Educational Management*. 2022; 36(1): 81–94.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023; одобрена после рецензирования 18.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted on 28.10.2023; approved after reviewing on 18.11.2023; accepted for publication on 04.12.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черных Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Sergey S. Chernykh — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).
132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

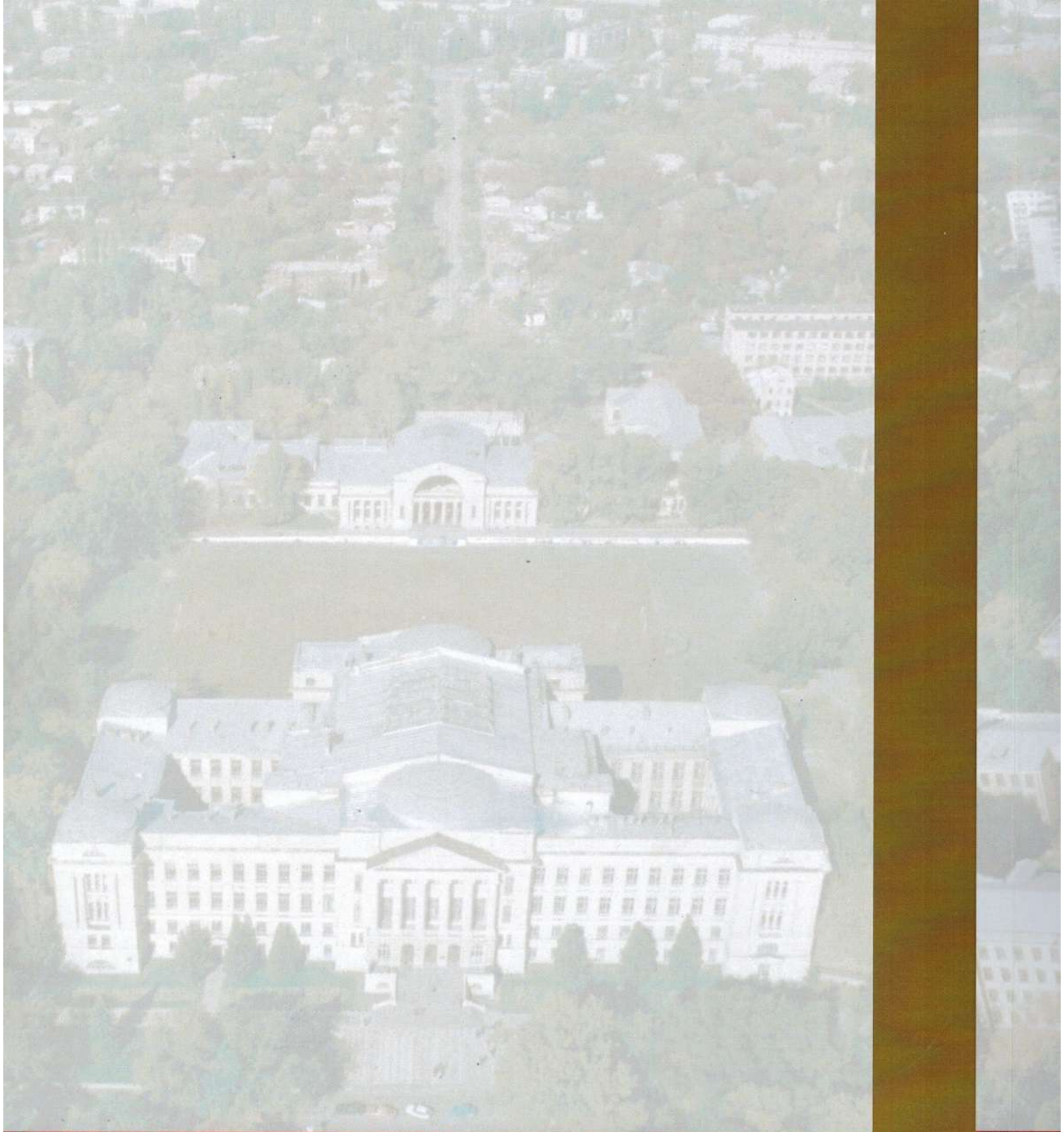
Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 22,2. Уч.-изд. л. 40,0

Тираж 500 экз. Заказ №46-0007

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2023

Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ).
Серия: Социально-экономические науки.
Т. 16. № 6. 2023. 330 с.